

ЛУЧШИЙ

САМЫЙ

ДЕМОН

Катерина Снежинская

Костёр чужих
желаний

Любимый бросил? Сильные женщины всегда одиноки. Сокурсники не приняли? Зато ректором стал твой приятель. Нет в жизни счастья? Так устрой личную жизнь подруги. Только помни, что девичьи посиделки до добра не доводят! Забыла? Тогда сама разбирайся с воительницами, жаждущими завоевать руку прекрасного принца. А, может, в суматохе вспомнишь, что любовь важнее гордыни и сможешь объяснить эту истину Ему. Или это сделает Тьма.

Катерина Снежинская

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕМОН. КОСТЁР ЧУЖИХ ЖЕЛАНИЙ

Дети мои, пламя в сердце вашем — это огонь, обогревающий не едино только душу вашу. Если костёр стремлений горяч и силен, он обогреет возле себя всякого, кто встретится на Пути. И от того станет ещё жарче.

Но опасайтесь жара сего. Ибо он способен породить пламя не только в вас, но и вовне. А в пожаре гибель для всех одина — и для праведника, и для грешника. От всякого лишь пепел да прах, ветром развеянный, будет.

Из проповеди странника Бэхора

Глава первая

Ученье — свет, а не ученье — приятный полумрак.

Из наблюдений студента

Только в последнюю минуту Арха сообразила, что кроме новеньких, ещё тонко пахнущих мокрой бумагой, блокнотов ей просто необходимы отдельные чистые листы. Зачем они могут пригодиться, да ещё и в первый день учёбы, вопрос отдельный. Нужны и все.

Одна беда — папка с листами в сумку, и без того напоминающую пузо перекормленного кота, лезть отказывалась. Но ведунья с упрямством, достойным гораздо более полезного применения, настаивала. Девушка, закусив от усердия губу, поднажала, чувствуя, как вещи поддаются. И так необходимая сейчас щель между анатомическим атласом и теми самыми блокнотами становится шире.

— Ну, давай же! — попыталась убедить папку ведунья, сдув с носа упавшую прядь. — Совсем чуть-чуть...

Действительно, понадобилось немного. Но не для того чтобы запихнуть листы. А для того чтобы в недрах сумки что-то издало негромкий, но крайне неприличный звук. И пальцам Архи вдруг стало мокро.

Девушка медленно, не веря в подлость случившегося, вытянула руку наружу. И горестно вздохнула, рассматривая собственную, перепачканную чернилами, ладонь. Причины для вздохов имелись крайне веские. Руку теперь придётся отмывать. И, конечно, до конца она так и не отмоеется. Чернила были дорогими, из тех, что продают по серебряному полуимпериалу за бутылку. И под ногтями останется чернота, от которой избавиться невозможно. Придётся обстригать ногти до мяса. И подушечки пальцев ещё неделю будут болезненными и чувствительными.

— Арха! Долго тебя ждать? Опоздаем!

— Иду! — проорала ведунья в ответ, сунув ладонь под кран и оттирая кожу жёсткой мочалкой.

Напор воды оказался слишком сильным и, неловко повернувшись, лекарка окатила себе весь подол.

— Тьма! — выругалась она, чувствуя, как слезы горячо и горько давят на глаза изнутри.

— Арха!

— Да иду я!

Девушка оттянула подол в сторону, держа испачканную руку на излёте. Мокрое, расплзающееся как клякса пятно, никуда исчезать не собиралось. А времени на переодевание уже не оставалось совершенно. Но и идти в таком виде было невозможно.

Жизнь кончилась окончательно и бесповоротно.

Поэтому ведунья просто села на бортик ванны, схлюпывая закапавшие частым дождиком слезы. Залитые чернилами, напроць испорченные вещи она доставала по одной, зачем-то пристально рассматривая каждую и только потом швыряя на пол.

Дверь распахнулась наотмашь, как будто её хотели содрать с петель. Появившийся на пороге красавец в чёрной форме личной гвардии Его Императорского Величества,

удручённо покачал головой, рассматривая нечёсанный затылок ведуньи. И нервно поправил собственную белокурую шевелюру, выющуюся картинными локонами.

— Арха! Ты чем тут занимаешься?

— Реву, — честно ответила она и хлюпнула носом особенно жалостливо.

— А на этот раз что стряслось? — Адин присел перед ней на корточки, пытаясь заглянуть снизу вверх в лицо девушке.

Лекарка косо глянула на ивтора и отвернулась. Ну, вот почему одним и глаза, цвета волны, насквозь подсвеченной солнцем, и безупречная кожа, и длиннющие ресницы, а другим чёрная физиономия и уши лопухами?

— Я никуда не пойду, — несколько гундосо из-за забивших нос слез, пробубнила Арха, демонстрируя гвардейцу одновременно мокрый подол и испачканный блокнот.

— Долго вас ждать? Там лошади скоро загорать разлягутся прямо на мостовой! — рывкнули из комнаты раздражённо.

И в дверном проёме нарисовался ещё один красавец в гвардейской форме. Этот тоже был блондином, но на свой манер. Если у Адина кудри отливали снежной белизной, то высокий, собранный на затылке «хвост» ифовега поблёскивал чистым золотом. А вот на лицо его особям женского пола смотреть не рекомендовалось в принципе. Потому что у любой из них, при виде его мальчишеской улыбки под тонкими усиками, появлялось лишь одно желание — бежать за ним с тапочками в зубах на край света.

— У нас нервы и истерика на почве первого дня в университете, — обернувшись через плечо, сообщил ивтор.

— Нет у меня никаких нервов, — снова всхлипнула ведунья, — вообще.

— Это нам известно. У тебя уже полгода никаких нервов нет. Сплошные сопли и слезы, — не стал спорить Шай.

Он перегнулся через Адина, решительно отобрав у Архи и сумку, и блокнот.

— Ад, у вас десять минут. Умыться, одеть, причесать и доставить до крыльца. Вещи я сложу.

— Ты не сумеешь... — протянула ведунья. — У меня-то не получилось.

— Это потому, что ты никогда не собирала солдатскую укладку. Все, без разговоров. Жи-во!

Девушка хотела было возразить, но передумала и только рукой махнула. Спорить с демонами не проще, чем ураган развернуть. Толку никакого, а вот весьма неприятных последствий можно огрести массу.

— Я, между прочим, за эти полгода сдала экстерном два курса и меня зачислили сразу на третий, — жаловалась она Адину, пока тот, добыв в недрах ведовской кухни сморщенный, скончавшийся ввиду преклонных лет, лимон, оттирал с руки лекарки чернила. — С клиникой почти разобралась, приём пациентов наладила. А он говорит: «сопли и слезы»! Разве честно?

— Не честно, — согласился синеглазик, — Шай вообще гад последний. Не знала, разве?

— Зна-ала, — слезопровод неожиданно принялся перекачивать влагу с удвоенным рвением. — Все демоны гады.

Ивтор, без всякого стеснения вытряхивая ведунью из мокрого платья, кротко вздохнул, возведя очи к потолку.

— Точно, — подтвердил он, застёгивая на девушке сухую одежду, — А тот, которого мы не называем, вообще баран.

— Иди во Тьму! — искренне пожелала ему Арха и попыталась вырваться. — На кой вы вообще припёрлись?

Ивтор, даже не заметив её сопротивления, развернул ведунью обратно к зеркалу. Разобрал наспех заплетённую косу и принялся ваять нечто сложно повторяемое, но очень привлекательное.

— Мы «припёрлись», — красавчик изобразил пальцами кавычки, — потому, что без нас ты так бы и просидела в ванной, поливая слезами собственные коленки. Ар, я тебе уже двести раз говорил: или перестань страдать и выкинь его из головы. Или проглоти свою дурацкую гордость и иди к нему первой. Он же тебя ждёт.

— Легко тебе говорить... — прогнусавила Арха и осеклась, виновато глянув на его отражение в зеркале.

Адин коротко улыбнулся и ничего отвечать не стал, заставив остатки лекарской совести проснуться окончательно.

Ведунья пожевала собственную губу, от смущения даже позабыв всхлипывать. Не стоило ей подобное лаять. Адин только на прошлой неделе расстался с Кристаном. Который, естественно, оказался настоящей сволочью. Конечно, ивтора об этом неоднократно предупреждали. Но почему-то к таким синеглазика и тянуло как магнитом. А, может, он, со своей вечно мягкой улыбкой и кротким взглядом, привлекал именно тех, у кого за душой ничего, кроме Тьмы, не имелось?

Нет, ну где все-таки, справедливость?

— Готово! — сообщил гвардеец.

Адин окинул ведунью последним критическим взглядом, перебросил через собственный локоть её новенькую зелёную мантию и галантно придержал дверь.

— Я тебя люблю, Ад, — Арха привстала на цыпочки, целуя ивтора в щеку. — Вот чтобы я без тебя делала? И без Шая с Тхия?

— Утонула в слезах, — Адин приобнял ведунью за плечи, возвращая поцелуй — в лобик. — Или нарвалась на кого-нибудь. Я серьёзно говорю, Ар. Заканчивай ты глупостями заниматься. А то ты в последнее время если не ревьешь, то хамишь кому-нибудь по поводу и без. Ничего хорошего ни из того, ни из другого все равно не получится. И, кстати, мы тебя тоже любим, малышка. Пойдём.

А погода была чудная. Небо над головой светилось умытой голубизной. Прохладный и чистый воздух хотелось пить большими глотками. Выгнутый пятипалый красный лист в прозрачной луже напоминал кораблик. Астры в палисаднике расцвели прижухшую траву всеми цветами радуги. Даже у кота, сидевшего на подоконнике второго этажа, морда казалась торжественно-осчастливленной. Вот только лошадки ведуньи поблизости не наблюдалось.

— А где Ведьма? — притормозила Арха перед двумя черными, как сама Тьма, красноглазыми конягами.

— Ты её с собой в университет собралась взять? — ухмыльнулся Шай, уже восседающий на спине своей монструозной животины. — И куда ты там кобылу денешь? В лабораторию сдашь, на опыты?

— Я тебя лучше сдам. Как учебное пособие по дурным болезням.

— Злая ты Арха, — посетовал блондин.

Но ведунье сейчас было не до его шуточек. Её подташнивало, а ледяные пальцы сводило судорогой. Желудок завязался в тугий узел, и девушка искренне порадовалась, что с утра не

смогла проглотить ни кусочка. В общем, трусила лекарка, как никогда. Именно тогда, когда мечта всей жизни уже исполнилась, Арха морально созрела для того, чтобы плюнуть на все и запереться дома. В собственной постельке страдать и рыдать над своей загубленной жизнью гораздо удобнее, чем на улице.

Но имея в ближайших друзьях демонов-гвардейцев, надеяться на подобный исход событий как минимум глупо. Адин, ещё разок мученически вздохнув, просто приподнял ведунью, усаживая впереди Шая.

В общем, ей не только сбежать не дали, но и к университету доставили почти вовремя.

* * *

Огромный двор перед главным корпусом университета больше всего напоминал плац для военных парадов. Но сегодня даже гранитных плит, уложенных в шахматном порядке, не было видно. Студенты в разноцветных факультетских мантиях запрудили площадь — будто на землю кинули громадное лоскутное одеяло. А крыльцо самого здания чернело профессорскими одеяниями и шапочками, словно на него стая ворон-переростков приземлилась.

Кто-то, кого Арха разглядеть не могла, уже вовсю вещал. Его магически усиленный голос плыл в прозрачном воздухе, втекая в уши и оседая под черепом липкой плёнкой.

— ... будущее империи здесь. Вы должны помнить, что ответственность не только за ваши собственные жизни, но и будущее грядущих поколений, закладывается здесь и сейчас. Строя фундамент, вы берете на себя ответственность перед Тьмой...

— Бла, бла, бла... — проворчала ведунья, выворачиваясь из рук Адина, напяливавшего на девушку мантию, как на маленького ребёнка, — Кто ему речи писал?

— Он сам, — ухмыльнулся Шай, перебрасывая ведунье через плечо её же собственную сумку и натягивая едва ли не на нос академическую шапочку.

— Лучше бы он этого не делал, — выдала экспертную оценку Арха, отмахиваясь от кисточки шапки, которая норовила угодить в нос.

— Точно! Но ему об этом сообщать не советую, — порекомендовал Адин, — давай, удачи. Мы тебя встретим после занятий.

Она кивнула, чмокнув синеглазика в подставленную щеку, помахала блондину и, по забору, пытаясь никого не задеть и не побеспокоить, стала пробираться к углу двора, забитого зелёными лекарскими мантиями.

— ... война выходит на новый виток. И это не только и не столько драка за земли. Это борьба за наши принципы. Ни для кого не секрет, что свободы, которыми по праву владеют граждане Тёмной Империи, не существуют на территориях, управляемых Светом. Там контроль над простыми жителями навязан сверху и удерживается по праву сильного. Это противоречит самому принципу Тьмы — все равны изначально и до окончания мира.

Арха споткнулась на ровном месте и тряхнула головой. Ей показалось, будто она ослышалась или чего-то недопоняла. Давно ли Тёмная-то империя стала землёй свобод и равных прав? Видимо, у Крылатых совсем всё плохо, если демоны взялись их учить равенству и всеобщему братству. Хотя, возможно, кранты придут тогда, когда имперцы примутся за обучение светлых.

— Никто не знает, что именно светлый трон и его белокрылые приспешники намерены

делать в ближайшем будущем, и есть ли какие-то границы их экспансии...

— Ого, а нас, оказывается, захватывают? Неужели все независимые государства и человеческие княжества уже поделили между собой? — пробубнила Арха себе под нос.

Ведунья постаралась сказать это как можно тише. Вряд ли окружающие оценили бы пусть и здоровый, но несколько непатриотичный скепсис девушки.

— ... Каждый из вас знает: мы приглашали Свет с полным правом занять место рядом с нами. Более того, мы приветствуем или приветствовали бы постоянные, частые, растущие контакты между жителями двух, несомненно, великих, империй. Тем не менее, моя обязанность, и я уверен, что и вы этого хотите, изложить факты так, как я их вижу сам...

Вообще, речь, произносимая перед студентами в первый учебный день, звучала довольно оригинально. И косвенно подтверждала упорно блуждающие слухи, будто война со Светом, с тех пор как кронпринц встал во главе армии, вышла на новый уровень.

Недаром Арха, получая расписание, удивилась, что число часов полевой хирургии увеличилось почти втрое. Но её это вполне устраивало. Попасть в армию у ведуньи, как и у всех, обучающихся платно, шансов имелось не так много. А в труппах, в которых лекарке предстояло работать, такие навыки лишними не были. Политикой же она не интересовалась никогда.

Арха, протиснувшись, наконец, за спинами будущих врачей между плотно стоящей толпой и оградой, смогла спокойно оглядеться. Студенты слушали говорящего с заметным воодушевлением. Никто не переговаривался, не переступал с ноги на ногу, не шелестел одеждой. Все, как один, внимали, глаз не сводя с крыльца. Видимо, ведунья пропустила довольно много, так как лично её на подвиги во имя Тьмы немедленно не потянуло. А вот остальные явно рвались в бой. Ну, или, по крайней мере, успешно делали вид, что рвутся.

— ... и лишь тогда, когда главная дорога в будущее будет ясной не только для нас, но для всех, не только в наше время, но и в следующем столетии, мы имеем с полным на то правом сложить оружие! — Закончил речь выступающий.

Площадь взорвалась криками и аплодисментами. Все присутствующие пребывали не просто в восторге, а в полной эйфории. Кто-то даже шапочки в воздух подбрасывал. Арха тоже хлопала, но достаточно вяло. Ей больше хотелось разглядеть оратора. Ведунья привставала на цыпочки, вытягивала шею, но росточком Тьма девушку обделила.

Тут какой-то здоровый, как шкаф, студент заметил её мучения, и, недолго думая, подхватил лекарку подмышки, усадив себе на плечо.

— Здорово, правда? — взревел он откуда-то снизу.

— Убиться об столб! — искренне согласилась с ним Арха.

Потому что на крыльце, приветливо помахивая студентам ручкой, стоял Его Высочество кронпринц Адаш собственной красноглазой персоной. Ну, не то чтобы она впала в трепет при виде столь высокопоставленной особы. С кронпринцем ведунья, было дело, чай распивала и грозила ему же портрет ему на рога нацепить.

Больше лекарку поразило присутствие рядом с Его Высочеством Тхия. Который неожиданно для Архи решил сменить гвардейский мундир на фиолетовую с серебром мантию ректора университета. Кстати, позавчера, когда они виделись в последний раз, о переменах в своей жизни арифед девушке даже не намекнул. Зато теперь стали понятны его таинственные улыбки, которые появлялись, стоило речь о будущей учёбе завести.

Не успела Арха как следует разозлиться на рыжего, как сердце трепыхнулось особенно сильно. И провалилось куда-то за желудок. За Тхия, в тени колонны, стоял, сложив руки на

груди, хаш-эд. Серебряные галуны на чёрном мундире тускло поблёскивали. Робкие лучи солнца, рискнувшие пробраться в полумрак портика, трогали осторожными пальчиками кончики сабельных рогов. Но ему, кажется, не было дела ни до солнца, ни до принца, ни до беснующейся толпы. Демон откровенно скучал, прикрыв веки.

Глаза он открыл неожиданно, словно рогатого позвали. Ни его поза, ни выражение лица не изменились ни на йоту. Он как стоял каменной статуей самого себя, так и продолжал стоять. Только теперь демон смотрел прямо на ведунью. Кончик тонких усов дёрнулся в усмешке, Его Лордство наклонил голову, совсем чуть-чуть, в вежливом поклоне.

Вежливость хаш-эда больше смахивала на издевательство.

* * *

Отыскать свою группу Арха хоть с трудом, но сумела. После чего ведунья отключилась и прибывала в состоянии полубоморока, плохо соображая, что вокруг происходит. Меньше всего девушке хотелось, чтобы хаш-эд её нашёл. Больше всего ей хотелось, чтобы он её нашёл...

Через окно аудитории ведунья видела, как отбыл кортеж принца. Но она не разобрала, уехал ли Дан вместе со всеми. Надеется на то, что он ради Архи задержался, не стоило. Но она надеялась. И боялась этого.

— Мистрис Каррен, у вас уши заложило? — дошло до Архи сквозь ватную пелену, а звали её, судя по всему, уже не в первый раз.

— Это вы мне? — пробормотала лекарка, оглядываясь. — Прошу прощения, я не сразу поняла...

А оглядеться, между прочим, стоило. Все-таки она стала центром внимания целой группы, то есть, двадцати трёх демонов. Которые, между прочим, смотрели на девушку с несколько брезгливым превосходством. Впрочем, вполне ею ожидаемым. Как-никак они уже третий год тут учились, грызли гранит науки. И Арха не из другого университета перевелась — это новой студентке ещё бы простили — а была сразу зачислена на третий курс. Потому и вердикт одноклассников отличался редким единодушием: «Заплатила кому надо или просто вовремя ноги раздвинула!».

Но ведь никто и не говорил, что ей будет легко?

— Вы собственное имя не знаете? — поинтересовался арифед.

Он сидел перед ведуньей на крышке её же стола, картинно обхватив сцепленными в замок пальцами поднятое колено. Парень был хорош, но, по мнению Архи, тому же Тхия в подмётки не годился. Этот позёр представлял собой только заготовку под мужчину. Ещё даже не до конца сформировавшуюся.

— Знаю, — твёрдо ответила лекарка, не отводя глаз от его смазливой мордашки, — но я к нему ещё не привыкла. Получила совсем недавно.

— Да? Так вас можно поздравить со счастливым замужеством? — его цепкий взгляд пробежался по рукам ведуньи, на которых даже намёка на кольцо не нашлось.

— Не стоит тратить поздравления, я не замужем, — пришлось Архе развеять его сомнения. — Просто до этой зимы у меня вообще рода не имелось.

— И как же это вас угораздило? — его губы скривились в презрительной усмешке.

— Человеком уродилась, — мило улыбаясь, ответила лекарка.

— И даже не скрывает... — прошипел кто-то за её спиной.

— Мне стоило личико платочком завесить? — поинтересовалась она, не оборачиваясь.

Чего у Архи было действительно не отнять, так это умения везде и всюду заводить друзей. Но, с другой стороны, вряд ли с этими хлыщами она могла бы наладить нормальные отношения. Диалектические противоречия штука такая, трудно преодолимая. Да и ведунье требовалась лицензия лекаря, а не всеобщая любовь.

Хотя, Адин в чем-то мог и правым оказаться. Хамила девушка в последнее время по поводу и без. И с этим стоило завязывать. Её демоны вместе с ведуньей в университет ходить не станут и в случае чего широкими спинами не прикроют.

Есть над чем подумать.

— Да, девочка, трудно тебе тут придётся, — нараспев констатировал брюнетик.

— Трудности закаляют характер, — согласилась с ним Арха, моментально позабыв о собственных сомнениях, — и вызывают язву желудка. Одна у меня уже есть. Соответственно, беспокоиться не о чем.

Он ухмыльнулся, характерно так, показав кончики клыков. Наверное, девушке было положено испугаться.

— Угостить? — невинно поинтересовалась она, протягивая ему руку запястьем вверх.

Честно говоря, лекаря даже хотела, чтобы он её куснул. Получил бы незабываемые ощущения. Арха на собственном опыте узнала: единственный путь для арифедара заработать анафилактический шок^[1] — это хлебнуть кровушки шавера. А у ведуньи её, видимо, имелось в достатке^[2]. Но парень толи знал о такой особенности своего организма, то ли умным оказался, только шарахнулся от девушки, словно она в него змеёй ткнула.

— Занятная зверушка... — оценил кто-то.

Ведунья на это никак не отреагировала. Даже не глядя, она готова была поспорить — «оценщик» запросто мог перечислить свой род от первых вышедших из Тьмы и имел лощёную физиономию. Подобное определение, как и подобный тон, ей слышать уже приходилось.

— Я досконально не изучил устав университета, но насколько помню, оскорблять соучеников он запрещает, не так ли? — поинтересовался кто-то негромко.

Оказывается, пока Арха знакомилась с одноклассником, за ними наблюдали не только студенты, но ещё и сам лорд новоявленный ректор собственной персоной. Наблюдал с эдакой изящной небрежностью, стоя сбоку от преподавательской кафедры и опершись о её крышку локтем. При этом даже совершенно дурацкая мантия цвета свежей гангрены не справлялась с врождённой привлекательностью арифедара. Хорош был Тхия, чего уж там! Очень хорош.

— А вы кто? — поинтересовался студентик с непередаваемым апломбом всеобщего любимца.

Арха решила — с оценкой его умственных способностей она погорячилась. Пока он выступал перед ректором, остальные студентки, тихо, как мышки, стараясь не привлекать к себе внимания, расползались по своим местам.

— Меня зовут лорд Тхия ашэр Сареш арш Сареш. Но вы можете обращаться ко мне «мастер Сареш». А вы кто?

— И что вас подвигло посетить нашу скромную компанию? — нагло проигнорировав вопрос, продолжал откровенно нарываться брюнет, даже не озаботившись тем, чтобы слезть со стола ведуньи.

— Расписание, — мягко улыбнулся Тхия.

Арха втянула голову в плечи, стараясь занимать как можно меньше места в пространстве. На подобные улыбочки лордов она успела насмотреться. Если у одного из них появлялась вот такая снисходительно-вежливая мина, то всем окружающим рекомендовалось самостоятельно вены себе перегрызть. Все менее мучительно, чем скончаться от руки императорского гвардейца, даже если он и нацепил на себя мантию.

— Понимаете, я ваш новый ректор. А, по совместительству, преподаватель истории империи, политологии и политической географии. И сейчас у меня лекция как раз в вашей группе.

— Так это все у нас факультативом идёт, — презрительно оттопырив нижнюю губу, протянул арифедик.

— Это было раньше. Дело в том, что император не только подписал моё назначение на должность ректора, но и поставил меня во главе попечительского совета. Посему правила теперь диктую я. Поэтому, будьте столь любезны, пройти сюда.

Брюнет поколебался, но, все-таки, хоть и нехотя, подошёл к кафедре.

— Благодарю вас. А теперь, примите упор лёжа. Вам знаком этот термин?

— Чего? — изумился наглый студент.

— Не знаком, — грустно констатировал Тхия.

И... Арха не поняла, что арифед сделал, но что-то сделал точно. Не по собственной же воле брюнет оказался не только в позе «упор лежа», но и, тихо подвывая, ткнулся лицом в не слишком чистый пол. А рыжий просто сидел на нем. Ну, как на скамейке сидят, даже ногу на ногу закинул, продемонстрировав аудитории начищенный до зеркального блеска сапог.

— Уважаемые студенты, прошу уяснить с первого раза, но навсегда. Я говорю один раз. Всего один. Далее следуют санкции. Неприятные для вас. Поэтому, прошу вас немедленно проделать десять отжиманий, при каждом выдохе ясно и чётко повторяя собственное имя.

Последнее явно предназначалось для брюнета, с которого Тхия встал и даже в сторону отошёл.

— Вы не имеете права, я жаловаться буду, — просипел парень. — Я обучаюсь на платной основе!

— А это — сколько хотите, — не съезжая с предельно вежливого тона, разрешил рыжий. — Жалобу сначала подайте в деканат. Если вас не устроит их решение, то перенаправьте в ректорат. Если и тут вы справедливости не найдёте, то отправляйтесь в кураторский совет. А можно сразу мне написать. В трёх экземплярах. Что же касается платного обучения... То тут правила, к сожалению, немного изменились. И решение о приёме, и допуски к экзаменам, и допуски по результатам сессий, я теперь выдаю всем индивидуально. Понимаете, желающих обучаться, даже за деньги, в империи куда больше, чем учебных мест. Так что, будем отжиматься или сразу к папе с мамой отправить?

Брюнет что-то прорычал сквозь зубы, но послушно начал извиваться всем телом, изображая отжимания. Мускулатура то у арифедов по воле Тьмы была впечатляющей. Но в любом деле надо ещё и навык иметь.

— А мы, пожалуй, приступим к занятиям. На повестке дня у нас история империи. Которую, я уверен, вы знаете весьма слабо. Но сначала позвольте мне обратить ваше внимание на вопросы, напрямую к истории не относящиеся. Я поясню, почему именно на них хочу акцентировать внимание. Многие исторические решения завесили и зависят от этических норм и предпосылок. Поэтому их мы и разберём.

Тхия, переступив через отжимающегося парня, с ненавистью повторяющего собственное имя, запрыгнул на крышку кафедры, опершись об неё обеими ладонями. Кажется, все девицы, находящиеся в аудитории, уже морально приготовились падать в обморок.

— Итак, наш конфликт начался с того, что я обратил внимание на недопустимость оскорбления соучеников. А кто мне ответит, откуда вообще идут нормы вежливости? И почему эти нормы именно в Темной Империи настолько важны?

Он обвёл аудиторию взглядом, словно выбирая себе жертву.

— Вот вы, можете ответить мне на этот вопрос? — новоиспечённый ректор указал на кого-то рукой.

— Позвольте встречный вопрос, мастер Сареш. Вы ко мне обратились из-за моей расы?

— Именно. — Кивнул явно довольный рыжий. — Так вы сможете ответить?

Арха обернулась. Вставший студент сверкал антрацитовою кожей чистокровного шавера, что само по себе было уже необычно. Киски в лекари шли редко. Они больше предпочитали противоположный процесс. В смысле, им интереснее калечить ближних, а не лечить их.

— Демоны слишком близки по своей природе к животным. Любая невежливость — это агрессия. А на агрессию нужно отвечать агрессией. В такой ситуации конфликт неизбежен. Который у нас, чаще всего, решается с помощью силы.

— Под «нами» вы имеете в виду шаверов? — уточнил Тхия.

— Вообще-то, я имел в виду всех демонов. — Парень раздражённо дёрнул ухом. — Но, наверное, каждый меряет по себе. У нас, шаверов, этические рамки более размыты, чем у остальных рас.

— Последний вопрос, мастер?..

— Шхар. Шхар Карро.

— Да? — рыжий, кажется, удивился. — А Ирраш Карро?..

— Брат, старший. — Внешне невозмутимо ответил студент.

Но Арха-то видела, как он уши раздражённо поджал. Ещё бы ведунье таких деталей не видеть! На младшего братика желтоглазого она тарачилась, стараясь не детальки ни упустить. Вообще-то, лекарка и не подозревала, что у ушастого есть родные. Ей искренне казалось, будто он из Тьмы уже готовым вылез. Только намордник по пути потерял.

— Итак, мастер Карро. Почему каноны вежливости особое значение имеют при общении с женщинами?

— Ну, они же заведомо слабейшие! — теперь, судя по всему, удивился шавер. — Например, сильный самец может спровоцировать самку на агрессивные действия. И в процессе конфликта просто убьёт её. Соответственно род... вид... простите, общество. Общество недополучит детёнышей, которые она могла бы принести.

«Интересно, а его старший братец в курсе, какое значение для общества имеет вежливость? Может попросить этого Шхара брату лекцию прочитать?» — хмыкнул здравый смысл ведуньи. Но тему развивать не стал. Видимо, ему тоже было интересно послушать.

— Выражено не слишком корректно, зато точно, — улыбнулся Тхия. — Благодарю вас, присаживайтесь.

Ректор нагнулся, заглядывая вниз, где на полу отдыхал чернявый.

— Теперь вы усвоили, почему важны нормы вежливости, и почему вам необходимо извиниться перед студенткой?

Наглый парень, который наглым сейчас совсем не выглядел, отлепил лоб от пола, глядя на Арху.

— Перед этой то? — просипел арифедик. — Её сразу уничтожить надо. Какое от неё наследство? Только кровь портит.

— Я попрошу преподавателя по общей теории задать вам персональный реферат о потомстве от близкородственных связей. Возможно, тогда вы поймёте пользу вливания новой крови. А пока извинитесь просто так, без осознания собственной неправоты. Сделайте мне приятное.

Студент пробормотал нечто, что при большой доли фантазии можно было принять за извинения.

— Не слишком удачно, но для первого раза сойдёт. Станем обучаться постепенно. А теперь, поскольку вы перечили мне, нахамили мистрис аж два раза и просто потому, что у меня от студентов уже голова болит, прошу вас проделать отжимания ещё двадцать раз.

От галантного, молчаливого и, как раньше считала Арха, мягкого Тхия, вечно спасающего дам в беде, такого зверства ведунья не ожидала. Но поскольку студенты с ним знакомы не были, то и сюрпризом его поведение не оказалось. Хотя, кажется, синоним «зверь» к слову «ректор» прилипло намертво.

* * *

Арха плюхнулась на скамейку и сложила руки на не слишком чистой, липкой столешнице, уронив на них голову. Силы у неё кончились. Совсем.

— Ар, тебе чего заказать? — поинтересовался Шай, судя по звуку бросив рядом с ней её же сумку.

— Яду! — хмуро попросила ведунья.

— Так мы не туда пришли. Этот кабачок вполне приличный. Надо в «Красную маску» топтать. После тамошней стряпни ты точно ласты склеишь. Вставай, пошли, — он потеревил измученную процессом получения знаний студентку по плечу.

— Да отстань ты от неё, — сжалился надо Архой сердобольный Адин, — лучше подавальщицу отыщи.

Вот об этом блондина два раза просить не требовалось. Искать объект, обряженный в юбку, он был готов круглосуточно. Правда, после этих поисков иногда сам объект куда-то пропадал.

— Устала? — спросил Адин.

— Как собака, — призналась лекарка, не поднимая головы. — Тхия — монстр. Нет, там все преподы звери, но он в особенности. В первый же день реферат на двадцать страниц! Только Тьма, наверное, знает, зачем будущим лекарям историю учить! А я-то его ещё рыцарем считала. Садист он самый натуральный!

— Это новая политика преподавания, — ответил невесть откуда взявшийся рыжий, — направленная на повышение патриотизма и лояльности существующему государственному курсу среди студентов. А то у вас слишком много буйных голов.

— Уйди, глюк! — посоветовала ему ведунья.

— А поесть сначала можно? — жалобно протянул ректор. — Между прочим, я тоже устал. Дрессировать этот зверинец — то ещё занятие. Весь язык отболтал.

— Не знаю, как на счёт лояльности, но физическую подготовку, я думаю, ты повысил. Представляете, он студентов отжиматься заставлял, — наябедничала Арха, чувствуя, как веки наливаются свинцом.

— Такие методы помогают сэкономить массу ненужных слов, — хмыкнул Тхия.

— Это может у вас в Кадетском корпусе они помогают. А мы — существа нежные, трепетные. Уа-а-ау, — зевнула студентка во всю пасть, — Нам нельзя задавать рефераты на двадцать страниц по какой-то дурацкой истории...

— Арха, спать ещё рано, — позвал её Адин.

— Отстань, я в печали и страдаю, — оповестила ведунья синеглазика.

На ощупь нашла его руку и подсунула ладонь себе под щеку вместо подушки. Не слишком мягкой, надо признаться, да ещё и шероховатой от мозолей, но зато большой и тёплой.

Она смутно слышала звон посуды, чьи-то приглушенные голоса. Кажется, накрывали на стол. Потому что нос уловил запах жареного мяса, приправ и чуть кисловатый аромат свежего сидра. Пустой желудок взбунтовался, но усталый мозг цыкнул на него, приказав перестать функционировать. Сквозь полудрёму ведунья почувствовала, как Адин взял её на руки. Видимо лекарка своей распластанной по столешнице тушкой мешала подавальщицам расставлять тарелки.

— ... кстати, с твоим братом познакомился...

«Точно, был брат. Забавный такой. Вспомнить бы ещё — чей?..» — сонные мысли текли тягуче, вязко, не желая додумываться до конца.

Арха села, протирая глаза, которые просто отказывались открываться. Ладонью резко растёрла нос — этот приём всегда помогал ей проснуться. Откуда-то с боку послышалось тихое хмыканье. Наконец, ведунье удалось разлепить ресницы. Только для того чтобы увидеть перед собой бесстрастную морду шавера. Совсем не милую и не дружелюбную. Лекарка её полгода не видела и ещё семь раз по стольку же видеть бы не хотела.

— Я тоже рад с тобой встретиться, — заверил он Арху так искренне, что она не поверила ни единому слову.

— Твой брат гораздо симпатичнее, — ответила ведунья и, в отличие от ушастого, была абсолютно честной.

— Тьма, я по их общению уже начал скучать! — вклинился Шай.

— Скоро перестанешь, — заверил его Тхия.

Архе ничего не оставалось, как показать всем собравшимся язык и стянуть с тарелки Адина тушёную морковку. Морковка оказалась вполне ничего, но кусок мяса, посыпанный какими-то травками, выглядел гораздо аппетитнее. Ивтор вздохнул и подвинул тарелку поближе к оголодавшей студентке. Даже галантно нарезал тот самый кусок. Ведунье показалось, что ещё немного — и она начнёт урчать, как уличная кошка.

— Добрый вечер, мистрис Арха, — раздалось откуда-то сбоку.

Девушка едва вилок не подавилась, а вожделенное мясо плюхнулось на её мантию. Арха прикусила губу, досадуя на собственную недогадливость. Могла бы сложить два и два. Раз появился шавер, то и его хаш-эд где-то рядом. Видать, студенческие мозги от усталости просто отключились.

— Добрый вечер, лорд Харрат, — ответила ведунья, разглядывая жирное пятно на подоле.

Над столом повисло молчание — угрюмое и какое-то тяжёлое, давящее на плечи. Все

моментально заинтересовались своими столовыми приборами и стаканами. Только Ирраш сверлил ведунью взглядом, далёким от дружелюбия.

— Вообще-то, мы хотели отметить первый учебный день Архи, — попробовал разрядить обстановку Шай.

Начал он бодро, но его голос сам собой съехал под конец фразы на унылое бормотание. Ведунье стало грустно. До неё дошло, что домой ей слинять не удастся. Иначе парни обидятся. Они ведь действительно хотели сделать ей приятное. Но ведунье сейчас было не до веселья.

— Извините, — пробормотала лекарка, — на задний двор выйду, проснусь.

Она вылезла из-за стола, молча приняла плащ, который накинул ей на плечи Адин и, ни на кого не глядя, пошагала в сторону кухни. В «Золотом петухе» их компанию знали хорошо. Они частенько сюда заглядывали, после того, как выяснилось, что, несмотря на свой пол, готовить Арха не умеет. Сама-то ведунья могла и трое суток без еды прожить. Но вот демоны такого издевательства над её хрупким организмом перенести не сумели и регулярно лекарку подкармливали.

На них тут даже косые взгляды бросать перестали. Хотя, поначалу, тройка гвардейцев, таскающих за собой метиску, всех интересовала живо. Но после того как Арха помогла поварихе, опрокинувшей на руку кипяток, их тут и вовсе едва ли не за своих стали принимать. Поэтому через кухню, кивнув на ходу стряпухам, девушка прошмыгнула беспрепятственно.

Она вышла во двор, прислонилась к опоре навеса, прислушиваясь, как в курятнике сонно возятся птицы. Где-то в стороне довольно похрюкивали поросята, которым, наверное, задали кормёжку. Звуки напоминали ей деревню и, хотя воспоминания были не самыми сладкими, они успокаивали.

Позади послышались шаги. Арха вздохнула прохладный, пахнувший горелыми листьями, ночной воздух. Он горчил, но эта горечь казалась приятной. В отличие от той, которая текла внутри девушки.

— Здравствуй, Арха, — негромко сказал демон, остановившись за её спиной.

— Уже здоровались, — не слишком приветливо ответила лекарка.

Между ними повисло молчание. Ведунья не знала о чем с ним говорить. По всей видимости, он тоже. Девушка столько раз представляла себе эту встречу, что даже перестала понимать, чего она действительно хочет. До сих пор было больно. А сегодня, когда она увидела рогатого впервые за полгода, стало ещё больнее. Но лекарка научилась жить без него. И теперь понятия не имела, нужно ли ей все возвращать.

Хаш-эд поднял руку, проведя ладонью над ключицами Архи, но не касаясь даже ткани плаща.

—носишь?

— Я же обещала.

Пришлось демонстрировать цепочку, достав её из-под платья. Свет только что взошедшей Луны скользнул по тонким звеньям, подмигнул крохотными камешками.

— Арха...

— Ты меня бросил, Дан, — перебила его ведунья. — Чтобы ты не говорил и как бы не объяснял, ты меня бросил. Я понимаю — теперь понимаю — ты просто не захотел со мной возиться, выпестовывая себе идеальную любовницу. Хотя я чуть ли не просила тебя об этом.

Голос у Архи звучал гораздо твёрже, чем она сама от себя ожидала. И совсем не дрожал.

И слез в нем не было. А всего полгода назад она бы точно, для начала, ему на шею бросилась. А потом разревелась, наверное.

— Не захотел, — отозвался он глухо, — но не по тем причинам, что ты думаешь.

— Хорошо, — согласилась девушка, — ты меня пожалел. Предоставил возможность жить своей жизнью и... Как там Адин говорил? А, оставаться самой собой. Только ты опять меня забыл спросить, а я-то чего хочу? Нет, понимаю, конечно, в этом и есть вся соль. У меня своё мнение должно было отсутствовать напрочь. Но хотя бы о том, хочу ли я, чтобы у меня своё мнение оставалось, ты спросить мог?! Может, я спала и видела, как меня за ручку водят?!

— Арха! — остановил он ведунью.

Лекарка снова глубоко вздохнула. Прикрыла глаза, пытаясь задавить поднимающую волну злости. Как ни странно, но у неё это получилось.

— Извини. Правда, извини. В любом случае орать не стоило. Но ты меня бросил. И тут ничего не изменишь.

— Да, наверное...

— Дан, — девушка развернулась к нему, но головы не поднимала, уставившись на пуговицу его мундира, — давай мы сейчас вернёмся и спокойно проведём вечер. Парни нашли повод, который можно отметить, и не стоит все портить. Правда, у нас как-то традиционно сложилось, что все веселье происходит без тебя. Но я даже не прошу тебя уйти. Просто, не надо ничего портить.

— Я заметил, как ты подружилась с этими тремя, — в его голосе прорезался глухой, утробный, хоть и тихий рык.

— Да, подружилась, — Арха посмотрела-таки в его глаза, которые сейчас казались почти черными. — Они никаких долгов мне не отдавали и ничего не усложняли. Просто почему-то были рядом. Мне без них конец бы пришёл. Я не спрашивала, почему они это делали. Я им просто благодарна за то, что они есть. И ещё раз прошу, не надо ничего портить.

— Ты моя, — напомнил он, и прозвучало это как откровенная угроза.

— Нет, уже нет, — помотала головой ведунья, — такое тоже бывает. Свою собственность и потерять можно.

— И найти.

— И найти, — она прислонилась к столбу, глядя поверх его плеча на месяц, висящий над островерхой крышей колодца, — действительно, воля твоя. Ты можешь все порушить, и я даже помешать тебе не сумею. И разговор этот бесполезный. Делай, как знаешь.

Арха устало потёрла лицо обеими ладонями.

— Скажи прямо: сейчас ты от меня чего хочешь? Нет, в принципе, я знаю, не совсем уж дура. Но ты можешь это сказать? Хоть один маленький шагок навстречу?

Демон молчал.

— Н-да, в общем, я возвращаюсь за стол. И, кстати, поздравляю с официальной помолвкой. Фейерверк был красивый, я из окна видела.

— Это ревность?

— Это дурость. Твоя. Не в смысле, что помолвка дурость, а то, что ты сейчас сказал. Правда, Дан, давай оставим все как есть, и не будем огород городить.

— Раньше ты меня звала Данаш...

Ведунья тихонечко застонала сквозь зубы, мотнула головой, и, обойдя его, пошла в

кабак.

Если есть желание — найдётся возможность.

Если нет желания — найдётся оправдание.

Из наблюдений профессиональной принцессы

Существуют предметы, которые как будто придуманы исключительно для издевательства над студентами. И топографическая анатомия по праву могла возглавить список подобных пыток.

Стоит только осознать, что тебе предстоит выучить названия всех костей, мышц, связок и прочей требухи, как уже становится плохо. Но это лишь начало, закуска перед основным блюдом. Далее следовало зазубрить как, к чему и каким образом крепится. У любого нормального существа от подобного ум за разум зайдёт. Но студенты с лекарского к нормальным не относились явно. Ведь всё это добро они штудировали на древнем языке.

Ну, а то, что анатомия у каждой расы своя, уже казалось мелочью. И после первого атласа, картинки из которого начинали преследовать будущих светил медицины и днём, и ночью, факт существования «истины» и «обычной анатомии» совсем не пугал. Ну, подумаешь, строение у демонов в повседневном и тёмном облики разное. Выучим!

Но вот когда всю эту белиберду, прерываемую единственными понятными тебе «если», «то» и «таким образом», зачитывают абсолютно ровным, безэмоциональным тоном, а ты даже не улавливаешь, где закончилась одна фраза и началась другая, жизнь реально становится беспросветной.

Арха была глубоко убеждена: читать заунывную лекцию по заунывному предмету заунывным тоном — это преступление. А преподавателей, способных усыпить студента уже на второй минуте занятия, необходимо либо казнить, либо использовать на пользу общества. Например, в качестве снотворного.

Пациентам, страдающим бессонницей, стоило прописывать лекции профессора Раарха в качестве терапии. На его занятиях всегда царила удивительная, ничем не тревоженная тишина, о которой остальным преподавателям оставалось лишь вздохнуть. Но вовсе не потому, что студенты слушали заслуженного старца, боясь проронить хоть слово. Просто все мирно спали. Даже мухи.

Ведунья, кажется, была единственной, кто мужественно боролся с соблазном вздремнуть. И обострённое чувство ответственности лекарки тут совершенно не при чем. Отношения с профессором у девушки не заладились ещё во время комиссии, решающей, на какой курс Арху зачислять. Описывая череп арифедда, будущая студентка посмела процерус назвать «мышцей гордецов». Ну, забыла Арха, как этот проклятый Тьмой кусок мяса на древнем называется! Все же поняли, что она имела в виду. Но Раарх подобной забывчивости не прощал.

И стоило только ведунье сдаться и всего на миг прикрыть налитые свинцом веки, как престарелый, но обладающий зоркостью орла профессор решил, будто её жизнь непрослительно безмятежна.

— Мистрис Каррен, — оборвал свой бубнеж преподаватель, чуть повысив голос.

При этом тон у него был настолько скорбным, словно он изначально на появление у

Архи интеллекта не надеялся.

— Будьте любезны, напомните всем присутствующим, как называется кость, расположенная в проксимальном отделе предплюсны, сочленяющаяся с таранной, кубовидной и ладьевидной костями?

Девушка горько вздохнула, медленно и нехотя поднимаясь со скамьи. Приходилось согласиться: профессор не надеялся, в общем-то, абсолютно оправданно. Её интеллект не просто уснул — он в летаргию впал. Ведунья при всем её горячем желании не могла сказать, как и что там называется. Нет, она учила. Серьёзно, учила! Просто в данный момент лекарка вообще не поняла, о чем старичок говорил.

Пришлось ей развести руками, полностью сдаваясь на милость победителя.

— Так я и думал, — не разочаровался в своих ожиданиях мастер Раарх, — на примере этой мистрис мы можем воочию увидеть разницу между примитивным мастаком, нахватавшимся поверхностных сведений, и истинным лекарем. Её прикладные навыки весьма впечатлили приёмную комиссию. Но профессионал отличается от дилетанта наличием полноценных знаний.

Лектор поднял палец вверх, призывая аудиторию внимать его словам. И, желательно, запомнить их, как молитву.

— Вот представьте, мистрис, что вы взялись оперировать. Избавь нас Тьма от подобного, но представьте. И как вы будите общаться со своими ассистентами? «Милейший, обратите внимание на вон ту штуку»?

Архе, почему-то, представилась совсем другая сцена. Её не в меру живое воображение мигом нарисовало картинку, как она Дану, который помогал лекарке Адина штопать, заявляет нечто вроде: «Милейший, если вы продолжите с таким же усердием пережимать асугос, то рен у него накроется медным тазом». Интересно, чтобы на это ей рогатый ответил?

Нет, ведунья, в принципе, понимала — лишнего студентам не преподают. И зубрить нужно все, что положено. Вот только раздражала её манера преподавателей, которые пациента даже издалека не видели, считать себя едва ли не равными Тьме.

Но сейчас Арха решила, ради разнообразия, побыть умной — и промолчать. Даже сумела изобразить на лице искреннее раскаянье.

Её усилия оценили. Раарх поручил ведунье подготовить реферат всего страниц на пятнадцать. Правда, с картинками. При этом гриб трухлявый ухмылялся очень многозначительно. Успел узнать, видимо, что художник из Архи получился ещё тот. Однажды она в собственных записях не поняла, где изобразила мозг, а где кишечник. Но, с другой стороны, всё наука. Меньше на лекциях спать будет. Поэтому наказание ведунья восприняла стоически.

Пришлось Архе после лекций топтать в библиотеку и морально готовиться к многочасовому сидению за неудобными столами и на стульях, у которых жёсткость как будто кто-то специально повысил. Академические атласы по анатомии великолепны, подробны и восхитительно иллюстрированы. Но на руки их не выдавали. А заказать персональный список такой книги лекарке было не по карману.

Рисунки оказались истинным мучением. Девушке даже не удавалось углём их изобразить, а ведь предстояло ещё оформить контуры чернилами или тушью. Печень походила на что угодно — больше всего на груду гниющего тряпья — но только не на внутренний орган. Арха даже язык от усердия высунула — не помогло.

И тут в дурную ведовскую голову пришла гениальная идея. Она воровато оглянулась, убедившись в отсутствии шляющихся поблизости служащих, подхватила тяжеленный том, чистые листы и потопала к окну. Сама задумка на первый взгляд выглядела неплохо. Изображение, положенное на стекло, прекрасно просвечивало через бумагу — бери и обводи. А вот одновременно удержать атлас, с нелепо согнутыми страницами, пергамент и перо, стало задачей нетривиальной. Но настоящего студента трудностями не напугаешь!

Арха уже почти закончила перерисовывать, когда атлас поехала куда-то в сторону. Влага, скопившаяся на оконном стекле, пропитала страницу, сделав её скользкой, будто жиром намазанной. Ведунья поспешно сдёрнула лист с недоделанным рисунком, попытавшись той же рукой удержать чернильницу. Она по опыту знала: если что-то падает, то стоящие рядом чернила обязательно будут разлиты. При этом ведунье приходилось удерживать и том. А поскольку рук на это у неё уже не хватало, то саму книгу лекарка прижимала лбом, а страницу, с которой перерисовывала, локтем.

Чувствуя себя жонглёром с горящими факелами, Арха, поймав и остановив от падения все, что можно было, облегчённо перевела дух. И в этот момент послышался тихий, но угрожающий, как рык нападающего животного, треск. Атлас неудержимо заскользил вниз — у ведуньи категорически не получалось удержать тяжеленную книгу собственной головой. Том с мокрым лягушачьим звуком плюхнулся на подоконник, перевернулся через край и грохнулся лекарке на ногу. Острые уголки, окованные медью, пришлись точно по пальцам.

— Тьма! — вырвалось у Архи.

Она что-то и позабористее могла сказать. Но у девушки от боли аж в глазах потемнело. Наверное, поэтому, мысли разбежались, попрятавшись по темным углам, как тараканы. Да ещё и за повреждённую ногу даже схватиться возможности не имелось. Руки-то у ведуньи по-прежнему были заняты. Поэтому пришлось стоически скрипеть зубами, пережидая, когда боль пройдёт.

— Тьма-а... — повторила Арха, когда смогла видеть.

Уж лучше ей ослепнуть — все гуманнее. Ведь локтем она продолжала прижимать к оконному стеклу... вырванную под весом тома страницу атласа.

Лекарка не помнила точно, что там полагалось за порчу университетского имущества. То ли четвертование, то ли колесование, то ли сдача всех полагающихся за год зачётов разом. В общем, нечто страшное.

За спиной студентки послышался сдавленный кашель. Видимо, кто-то из работников библиотеки застукал её на месте преступления. И увидев результат деятельности ведуньи, не сходя с места поймал сердечный приступ.

— Простите, я сейчас все поправлю. Я не хотела, честное слово, — забормотала Арха, тычась во все стороны, как слепой щенок, и не соображая, как ей избавиться от чернильницы. — Правда, я заплачу... Сейчас, одну минуту... Я...

Кто-то подошёл к лекарке, освободив её от проклятой «непроливашки».

— Фух, спасибо большое, я сейчас все...

— А мне кажется, что все уже случилось, — сообщил тот самый неизвестный кто-то с таким характерным, чуть тянущим гласные, выговором.

Арха резко развернулась, едва носом не ткнувшись в зелёную студенческую мантию. Девушка медленно и нехотя подняла голову, любуясь ехидной усмешкой шавера. Обладателя жёлтых, чуть прищуренных глазниц ведунья явно забавляла. Но ей не привыкать служить для лордов развлечением.

Студентка хотела отступить назад. И с ужасом поняла: отступить ей некуда. Под задницу предательски ткнулся подоконник. А ушастый оказался близко, слишком близко даже для весьма раскрепощённых манер, считающихся в университете нормой. При желании ведунья могла просунуть между ними руку, но ничто другое в щель уже не поместилось бы. Арха даже чувствовала тепло его тела. Конечно, температура у кошек всегда держалась выше общей нормы. Но этот факт как-то не оправдывал такую... близость.

Так шавер ещё и наклонился вперёд, потянувшись к стеклу рукой. И ведунье пришлось изображать гимнастку, прогибаясь назад и почти касаясь лопатками подоконника. Иначе ушастый лёг на неё.

«И в этот момент вошёл муж!» — рявкнул здравый смысл лекарки, тихо ухихикиваясь и явно издеваясь над собственной хозяйкой.

К несказанному счастью Архи, никто не вошёл. И даже шавер, сняв со стекла прилипший листок, отступил назад. Всего на шаг, но у девушки, по крайней мере, появилось свободное пространство для того чтобы дышать.

Желтоглазый внимательно изучил страницу. Поднял с полу несчастный том и едва ли не обнюхал его. Потом, ни слова не говоря, развернулся и куда-то направился. Не иначе как закладывать ведунью библиотекарю. Арха хотела его окликнуть, но гордость не позволила. Зато она ничего не имела против того, что лекарка поплелась, с поджатыми как у нашкодившей кошки ушами, за шавером.

Но дальнейшие действия студента ведунью озадачили. Он не свернул в проход между стеллажами, направляясь к конторке библиотекаря. Вместо этого ушастый положил искалеченную книгу на читательский стол. И, бросив Архе: «Жди!», куда-то умотал.

Девушка растерянно, ничего не понимая, уселась на стул, положив перед собой листок с недорисованной печеню. Кстати, теперь, когда через бумагу не просвечивал рисунок атласа, её творение выглядело неубедительно. Орган опять больше всего напоминал грудку тряпья да, вдобавок, оказался ещё и косым. Но ведунья даже расстроиться не успела. Шавер вернулся, выложив на столешницу полоски тонкой, почти прозрачной, бумаги, чистую тряпку, ножницы и какую-то баночку с плотно притёртой крышкой.

— Тут прислуживает мастер Грум, я тебе его покажу, — сообщил Архе ушастый, ловко поддевая крышку банки — бумажным клеем запахло резко и не слишком приятно. — Пара монет — и он все проблемы разрешит. И книгу вынести поможет, и пролезть в преподавательский фонд. Обращайся, не стесняйся. Ещё он сливовую настойку очень уважает.

— Библиотекарь на работе пьёт? — изумилась лекарка, наблюдая, как парень ловко «лечит» страницу.

Желтоглазый уложил лист так, чтобы неровный край точно совпал с покалеченным корешком. Смазал полоску бумаги клеем, наложил её на «шов». Не смотря на тонкие мокрые полоски едва ли не в руках расплывшиеся, получилось это студента настолько ловко, что ни единой складочки не образовалось! Напоследок шавер каким-то залихватским движением отхватил торчащий кончик заплатки ножницами и легко промокнул страницу тряпкой.

— На работе пьют все, — заверил он Арху авторитетно. — Но он не библиотекарь. Просто прислуга. Убрать, починить, подать.

Но ведунью вопросы пьянства библиотечного персонала уже интересовали мало. Она от рук парня взгляда отвести не могла. Лекарка, словно замороженная, следила, как шавер переворачивает страницу и повторяет «операцию». Он действительно был прирождённым

хирургом с тонкими пальцами, у которых, казалось, по дополнительному суставу имеется. Его кисти, пожалуй, даже выглядели изящнее, чем у хаш-эда. Узкие, с чистой чёрной кожей и ухоженными ногтями. И еще они поразила Арху какой-то лаконичностью. На периферии сознания мелькнула смутная мысль о наличии у неё развивающегося фетиша на мужские руки. Но — мелькнула и пропала.

— Вот и все, — он удовлетворённо проверил свою работу, — садись и пиши.

— Что? — студентка, подняв голову, удивлённо уставилась на желтоглазого.

— А что ты там писала? Реферат? — пожал он плечами. — Вот его и пиши. Только место под иллюстрации оставь. Я сейчас вернусь.

Он проворно сгрёб со стола «хирургический» набор и опять исчез. Арха едва моргнуть успела, судорожно пытаясь вспомнить, как же его зовут. Ну не «лорд Нашкас» же к нему обращаться, верно? Все-таки, шавер был таким же студентом, как и она.

— И долго ты ушами будешь хлопать? — в неподражаемой и исключительно вежливой шаверской манере поинтересовался появившийся парень, который снова возник буквально из ниоткуда. — Или мне и писать за тебя?

— А что ты ещё за меня делать собираешься? — осторожно спросила лекарка.

— Картинки рисовать! — рявкнул он и насупился, скрестив руки на груди.

Но для испуга Архе требовалось нечто посущественнее рыков. Она на своей шкуре, точнее ушах, уже столько рыков разных видов и типов натерпелась, что теперь, пожалуй, на ведунью акустические эффекты воздействия не оказывали.

Лекарка пожала плечами, уселась поудобнее, насколько это вообще было возможно на этих скамьях, которые больше напоминали пыточные стулья, и подтянула к себе стопку чистой бумаги.

— Слушай, не обижайся, пожалуйста, но я не помню, как тебя зовут.

— Шхар меня зовут. Шхар Нашкас, — уже без всякого раздражения ответил парень.

Видимо то, что студентка беспрекословно взялась выполнять его распоряжения, успокоило ушастого лучше валерьянки.

— Ну, про Нашкаса я знаю, — хмыкнула лекарка, берясь за работу.

— Ещё бы, — как-то нехорошо усмехнулся он.

Но ничего больше добавлять не стал. Достал из собственной сумки блокнот с записями, учебник. И сделал вид, что он весь погружен в работу. Арха тоже решила не заострять внимания на его усмешках и интересоваться причиной их возникновения не стала. Вздохнула и занялась рефератом. Демоны демонами, а домашнюю работу нужно выполнять.

* * *

— Офигеть! — восторженно выдохнула ведунья, принимая от шавера последний листок её собственного реферата.

Иллюстрации, сделанные быстро и точно, всего в несколько штрихов, были едва ли не лучше и, пожалуй, точнее, чем в атласе. Архе осталось только подписи проставить и указать выноски.

— Если Раарх за эту работу поставит что-то ниже «отлично», то я его собственными руками придушу. И никто меня не осудит! — протянула лекарка и добавила, глядя на вставшего шавера снизу вверх, — Ты знаешь, по-моему, ты хоронишь в себе художника.

— В курсе, — отозвался скромный желтоглазый, впрочем, улыбаясь весьма довольно, — И не хороню. Я год подмастерьем проработал, тоже хотел портретистом стать. А потом сюда вот поступил.

— Зачем? В смысле, зачем талант в землю зарывать?

— Сомневаешься, в наличии у меня таланта лекаря? — хмыкнул он. — Пошли.

— Куда? — удивилась ведунья.

— Ну, надо же отметить наше знакомство? Тут как раз неподалёку есть вполне приличная кафешка. И сейчас там наверняка никого нет, поздно уже.

— Шхар, я не пью, — предупредила Арха.

Нравы лордов она знала слишком хорошо. О том, что им могло бы не понравиться даже теоретически, этих господ стоило предупреждать заранее. Иначе потом проблем не оберёшься.

Шавер через плечо глянул на девушку, словно ожидая продолжения. Ведунья честно похлопала ресницами, демонстрируя: мысль не только закончена, но и окончательна.

— А в чем проблема? — поинтересовался он осторожно.

— Ни в чем, — пожалала Арха плечами. — Просто предупреждаю: не пью я.

— Это-то понятно. Ты же минимум наполовину шавер. Но я не понял, зачем мне об этом сообщать?

— А... при чем тут моё происхождение? — теперь пришла очередь ведуньи осторожничать.

Ушастый снова глянул на девушку как-то недоверчиво и покачал головой.

— Шаверы не переносят алкоголь. Для нас вино яду равносильно, — сообщил он так, словно общался с умственно отсталым ребёнком.

«Да?! — скептически поинтересовался здравый смысл ведуньи. — Видимо, его братец шавером успешно прикидывается».

Арха титаническим усилием воли подавила улыбку. Может, это их страшная семейная тайна такая? Может, папочка Ирраша его от арифедки прижил? Предположение выглядело вполне правдоподобно. Кровь из окружающих желтоглазый сосал успешно. Ему для этого даже близко подходить не обязательно. Вполне хватало таланта быть настоящей занозой в заднице.

— Не знала, — честно ответила ведунья. — Но если вина в меню не значатся, то я, пожалуй, согласна. Где там твой кабак?

Кафе оказалось именно кафе, а не кабаком, старательно прикидывающимся приличным заведением. В подобное заведение днём и порядочным девушкам не зазорно заходить. Лекарку, конечно, приличной уже лет десять никто не называл, но место ей понравилось. Чистенько, уютненько, на столах скатерти в клеточку, в вазочках астры, на стульях — подушки.

Стены художественно декорировали сухими венками из трав и полевых цветов. Вычищенный до блеска очаг мирно подмигивал тёплым пламенем, разведённым для красоты, а не по необходимости. В общем, немного слащаво, но приятно. И, действительно, кроме ведуньи с шавером посетителей больше не наблюдалось. Приличные девушки уже по домам сидели, а неприличные предпочитали заведения попроще.

Ушастый, даже не озаботившись поинтересоваться предпочтениями лекарки, сделал заказ. Примерно этого Арха от него и ожидала — на то они и лорды, чтобы не подозревать о существовании чужого мнения. Полненькая и румяная, как свежесвекопеченная булочка,

служанка проворно приволокла им кувшин с горячим отваром, одуряюще пахнувшим малиной. Следом последовало блюдо, смахивающее размерами на тележное колесо, полное крохотных пирожков. И такое же, но уже со сладкими пирожными.

— Надеюсь, ты не из тех девушек, которые по вечерам при виде еды в обмороки падают? — спросил шавер, разливая напиток по стаканам.

Арха в ответ только вопросительно подняла брови, потому что разговаривать с пирожком, целиком сунутым в рот, было как минимум невежливо.

— Неужели совсем о фигуре не заботишься? — недоверчиво переспросил желтоглазый.

Ведунья покрутила пальцем у виска, демонстрируя неактуальность этого вопроса. Она и фигура находилась на диаметрально противоположных полюсах. Заботиться стоит о том, что есть. Арха же всю свою сознательную жизнь больше напоминала пышущую здоровьем крестьянскую девку, чем не утончённую леди. И отказ от ужина изменить реальность не мог никак.

— Кстати, я так и не спросил, как тебя зовут, — прихлёбывая отвар и не обращая внимания на еду, поинтересовался ушастый.

— Арха... — проговорила студентка невнятно.

И то для этого ей пришлось судорожно, как змее, проглотить наполовину непрожёванный пирог.

— Это-то я знаю. Я спросил, как тебя при рождении назвали.

— Ара, — растерянно ответила девушка.

— «Жизнь дающая», да? Красиво, — протянул он задумчиво, — очень по-женски.

— Ты знаешь человеческий?

Сказать, что ведунья удивилась, было бы слишком корректным преуменьшением. Наверное, такое же впечатление на неё мог произвести потолок, решивший рухнуть на голову. Человеческий язык в империи, кроме самих людей, не знал никто. За ненадобностью. С равным успехом он мог изучать язык кур или, например, свиней.

— Немного, — признался ушастый, — у меня талант к языкам. Схватываю быстро.

— Ты, я смотрю, вообще кладёшь талантов, — отмерла лекарка и потянулась за новым пирогом.

Но, честно говоря, теперь её больше занимала не еда, а ушастый. Пожалуй, он был симпатичнее своего брата. Хотя ему, на взгляд Архи, не доставало... зрелости, что ли? Все-таки, Шхару больше подходило определение «молодой шавер», а не «мужчина».

Впрочем, от этого он казался только симпатичнее. Его несоразмерно большие, как и у всего чернокожего племени, глаза отливали скорее не жёлтым, а цветом спелого крыжовника. Они играли всеми оттенками густого мёда, но ещё и зеленью, подсвеченной темным изумрудом и немного топазом. Ресницы длинные и по-девчачьи пушистые. Губы для мужчины полноваты. Но, главное, у него было то, что в Ирраше отсутствовало напрочь — обаяние.

— Ну, до разнообразия талантов брата мне далеко, — честно признался Шхар.

— Да? А я думала, у него имеется один единственный талант, — поразились ведунья, берясь за пирожные, — рычать на всех и хамить.

— Ну, это даже не талант. Это дар, Тьмой данный, — усмехнулся ушастый. — Значит, ты принадлежишь не Иррашу. А кому тогда?

Есть Архе расхотелось мгновенно. Аппетит, грустно всхлипнув напоследок, улетучился, уступив месту глухому раздражению. Она села прямее, сложив руки на столешнице и сцепив

пальцы в замок.

— Шхар, давай определимся. Тебя что интересует? Кому я принадлежу или с кем я сплю? — отчеканила девушка, стараясь тоном передать всю бездну её разочарования.

— А одно не подразумевает другого? — да, надеется смутить шавера разочарованием — это верх наивности. — Но мне хочется услышать ответ на оба вопроса.

— Любопытство, говорят, не порок, — согласилась ведунья. — Своей собственностью меня объявил лорд Харрат, но это было давно и юридической силы не имеет. И не с кем из них я не спала, не сплю и спать не собираюсь. Надеюсь, твоё любопытство я удовлетворила. На этом, пожалуй, мы закончим празднование нашего знакомства. Желаю здравствовать.

Она потянулась за своим плащом, брошенным на пустой стул, но ушастый просто взял и переложил одежду.

— Ара, а ты не думала, что мой интерес выходит за рамки нездорового любопытства? поинтересовался он, глядя на девушку поверх края своего стакана. — Допустим, ты мне кажешься привлекательной. Допустим, я совсем не против продолжить знакомство и даже познакомиться поближе. Но мне необходимо знать, на чью территорию я залезаю. И стоит ли оно того. Например, если будь ты с Иррашем, то я, пожалуй, рискнул бы на все, даже не спрашивая твоего согласия. Просто уж слишком сильно я его ненавижу.

В этом признании не имелось и намёка на эмоции. Простая констатация факта: он настолько ненавидел брата, что готов Арху прямо здесь, непосредственно на столе, накрытом клетчатой скатертью, изнасиловать, лишь бы Иррашу насолить. Здоровые такие, родственные отношения.

— Шикарно-о, — протянула ведунья. — Но мне интересно, почему вы, со своими территориальными заморочками, постоянно забываете: у меня существует собственное мнение и точка зрения на происходящее.

— Не забываем, а не принимаем во внимание, — поправил, видимо, любящий во всем точность, ушастый. — Забыть можно то, что стоит учитывать. Посуди сама: женщина изначально существо подчинённое. И это вполне естественно. Ты же никогда не будешь считать ребёнка равным или спрашивать его мнение, правильно? Просто невозможно заботиться о ком-то, взять ответственность за кого-то, как за себя, и при этом признавать за ним права, равные твоим собственным.

— Ущербная какая-то логика, — пробурчала Арха, недовольно морщась.

— Ничего ущербного в этом нет. В империи с древности действует закон самостоятельности. Не слышала о нём? Это вполне официальное название. Каждая женщина может добиться равных прав с мужчинами. Но тогда она обязана принять вызов от любого. То есть, попросту, дама должна силой доказать, что равна мужчине. Но если она на подобное способна — а, поверь, такие случаи были — то перестаёт считаться женщиной. К ней даже обращаться начинают как к мужчине.

— Но мы же не в дикие времена живём! — возмутилась ведунья. — Сейчас-то зачем это право сильного нужно?

— А разве инстинкты меняются со временем? — он приподнял брови, крутя в руках бокал. — И если два демона обратили внимание на одну и ту же женщину, то какая разница, в камзолах они или в шкурах? Ладно, ты прости меня, не тот разговор я завёл. Вполне искренне прошу за это прощения.

— И что? Теперь у тебя желание «познакомиться поближе» пропало? — капая на пирожки ядом, поинтересовалась лекарка.

— Скорее, стало сильнее. Ты очень похожа на шаверку. Поверь, и у нас такие светлокожие рождаются, особенно на севере. И на наш взгляд ты очень привлекательна. Но вот поведение у тебя абсолютно другое. И это заводит гораздо сильнее.

Нет, Арха, конечно, ценила откровенность. Но ей впервые пришло в голову, что честность — это не всегда благо. Вроде бы, и комплимент ушастый ей сделал. И привлекательной девушку назвал. А, между прочим, подобное в её жизни случилось впервые. Вот только польщённой лекарка себя не чувствовала. Скорее, наоборот.

— Ара, знаешь, ты непоследовательна? — усмехнулся желтоглазый. — Задаёшь откровенные вопросы, но не хочешь слышать откровенных ответов. Вот чему бы тебе ни мешало научиться у настоящих самок, так это кокетству.

— А я, по-твоему, не настоящая? — обиделась ведунья.

— Самка? — уточнил желтоглазый.

Арха решительно встала, борясь с непреодолимым желанием перевернуть на его ушастую голову почти наполовину полный кувшин, и подхватила плащ. Шавер даже не шевельнулся, покачивал пальцем стакан, наблюдая за ведуньей чуть прищуренными глазищами. Но когда она, собираясь удалиться молча и гордо, проходила мимо, то оказалась, почему-то, у желтоглазого на коленях. Причём, способная шевелить только пальцами, да ресницами хлопать.

Шхар усмехнулся многозначительно и, не давая лекарке даже пискнуть, поцеловал. Арха не поняла, что произошло. Действительно, не поняла. Конечно, большим поцелуйным опытом лекарка не обладала, но прежде ей не доводилось испытывать ничего подобного.

Вся кровь, которая была у неё в теле, одновременно саданула двумя сносящими волнами. Одна, как боксёрский кулак, ударила в голову. А другая шибанула вниз, к ногам, превратившись в настоящий лавовый поток, который обжигал почти до боли. Девушка просто перестала соображать. Даже забыла, где она находится.

Зато шавера ведунья чувствовала так, как будто он половиной её самой стал. И ярче всего ощущались его губы и руки. Они как будто охлаждали раскалённую кожу, но от этого огненный ком внутри лишь больше становился, выбрасывая протуберанцы.

* * *

Холодный ночной воздух проветрил голову, вымыв оттуда много лишнего. Умопомрачение прошло, сменившись обычным, хоть и несколько непривычным для Архи, желанием, которое она вполне понимала. Но голова уже могла управлять взбесившимся телом. И чем ближе они подходили к дому ведуньи, тем назойливее становилась мысль: «А оно тебе точно надо?».

Верность девушке хранить было некому, да и Шхар отвращение у неё не вызывал — скорее наоборот. И любопытство ворочалось недовольным зверем где-то под рёбрами. Ведь ей уже скоро двадцать один стукнет. Можно и заканчивать хранить себя в неприкосновенности. Да и против возвращения этого сумасшествия девушка ничего не имела.

Только вот, все равно, это выглядело каким-то неправильным. Верность-то Архи, конечно, никому не нужна, но... И это проклятое Тьмой рогатое «но» мешало все сильнее, будто тень Его лордства над ней висела.

У самого крыльца, на границе круга света, отбрасываемого фонарём, Шхар остановился. Развернул ведунью к себе, запахнул полы её плаща, словно закутывая.

— Передумала? — спросил он и улыбнулся.

Без насмешки, скорее, немного грустно. Девушка не знала, чего ему ответить. Просто лекарка сама ещё толком не сообразила, передумала она или нет. И, куда уж денешься от правды, желание, чтобы парень сам решил — за них обоих — свербело все сильнее. Но ведь такого вслух не попросишь.

— Ара, прости меня. Я, действительно, чересчур поторопился. Крышу снесло, — он заправил выбившуюся прядь волос лекарке за ухо. — Глупо все получилось. Но только я все равно не откажусь, понимаешь? Мне плевать, как там дальше будет...

Арха кивнула, глядя на него. Меньше всего ей хотелось услышать отказ. И, наверное, ведунья начала бы жалеть о его решении, уже оказавшись в подъезде. Но сейчас она была дико благодарна за то, что Шхар не стал настаивать.

— А я бы на твоём месте подумал, как оно там будет дальше...

Ирраш, выступивший из темноты, сам казался сгустком мрака. Лишь его глаза, фосфоресцирующие, как у настоящего кота, светились, словно два фонаря.

Шхар медленно, плавно, напоминая большую каплю ртути, развернулся в сторону брата, отодвигая девушку себе за спину.

— Я так понимаю, это откровенный вызов? Решил, что достаточно подрос, малыш? — не менее откровенно издевался ушастый. — Мог бы и не придумывать предлоги. Я тебе без всяких поводов с удовольствием усы выдерну. Уведите её, — коротко приказал он.

Арха и глазом моргнуть не успела, как очутилась на руках у Адина. И держал он девушку отнюдь не нежно, при этом на неё самую голубоглазик даже не смотрел. За его спиной ведунья успела разглядеть мелькнувший рыжий хвост Тхия. И подъездная дверь закрылась, оставив двух шаверов за кругом света.

Стоило Адину ступить на лестницу, Арха начала вырываться. Почему-то молча, но со всей силой, которую ей Тьма отмерила. Правда, на ивтора ее попытки ни малейшего впечатления не произвели. Демон лишь перехватил руки ведуньи так, чтобы она ему лицо не расцарапала, и продолжил подниматься.

Только внеся девушку в квартиру и не слишком нежно усадив в кресло, синеглазик ее отпустил. И отступил в сторону, как будто испачкаться боялся. Лекарка вскочила, бросилась к окнам, но перед ней вырос Тхия с такой же угрюмой мордой. Естественно, что ни к каким окнам он девушку не пустил. От злости ведунья едва не разревелась. Закусила губу, лишь не начать орать, сжала кулаки до впившихся в мякоть ладоней ногтей, и уселась обратно в кресло.

— А кто из вас подсвечник держать будет? — прошипела Арха сквозь зубы.

— Какой подсвечник? — хмуро переспросил Адин, подпирая спиной дверь.

— Как какой? Надо же вам проследить, чтобы я никуда не сбежала, пока меня Дан трахать будет!

— Ар, Дан тут вообще не при чем. Дело не в нем, а в тебе.

— То есть, вы подрядились моё целомудрие блюсти?! — бешеной кошкой взвыла ведунья, растеряв последние остатки самообладания. — А меня вы спросили?!

— Видимо, ты предпочитаешь, чтобы мы со стороны смотрели, как тебя пользуют, лишь спровоцировать Ирраша? — глянув на девушку искоса и тут же опять отведя глаза, с непередаваемым призрением истинного лорда поинтересовался Адин.

Арха задохнулась, словно он ей со всего размаха пощёчину влепил, ошарашенно глядя на всегда мягкого, предельно корректного ивтора. Видимо, его слова оказались последней каплей.

— Я сама разберусь! Не смейте лезть ко мне! Провалитесь вы во Тьму, в Бездну! Убирайтесь вон! Вон, я сказала! — завизжала лекарка.

Девушка раньше просто не понимала значения выражения «крышу сорвало». Сейчас она его не просто осознала, а прочувствовала до печёнок. Орала ведунья так, что где-то в уголке закипающего от бешеной ярости мозга мелькнуло удивление на саму себя. Глаза застилала какая-то красноватая пелена, а в ушах стоял ровный, монотонный гул.

На Ирраша, который зашел, потеснив дверью Адина, девушка бросилась, совсем уж ничего не соображая. Ей просто физически необходимо было немедленно уничтожить его, разодрать чёрную морду в кровь, выколупать жёлтые глазищи. А ещё лучше сжать их в кулаке, чувствуя, как они протекают сквозь пальцы...

Шавер перехватил Арху, даже не дав до него дотянуться.

— Я всегда знал, что ты дура, но даже не подозревал, насколько, — сообщил он брезгливо.

И неожиданно рванул на себя настолько сильно, что ведунья на него буквально упала. Но ушастый её перехватил, приподнимая, и зло, до боли, поцеловал. Если эмоции, которые она испытывала рядом с Шхаем, напоминали огненный ураган, то сейчас лекарку накрыло цунами лавы. Бешенство, будто по щелчку, переродилось в такое же яростное желание — безумие, родом из самой Тьмы.

Ушастый отпихнул девушку, и она снова брякнулась в кресло. Ей пришлось вцепиться в подлокотники, потому что весь мир, казалось, качается, норовя вывернуться из-под ног. Сбившееся, как после бега, дыхание не желало становиться ровным.

— Это просто инстинкты, идиотка. Нормальные инстинкты шавера, — прошипел сквозь зубы Ирраш. — И не льсти себе. Шхар прекрасно знал, как ты на него отреагируешь. Этому молокососу просто очень хочется доказать, будто он круче меня. Если тебя это устраивает, то я вмешиваться больше не буду. Хоть всех шаверов империи перепробуй!

Он вышел, хлопнув дверью от души — даже побелка с потолка посыпалась. Арха сжалась в комок, уткнувшись лицом в колени, лишь бы не видеть никого. Так мерзко ей ещё никогда не было.

Глава третья

Не бойтесь умных женщин. Когда приходит любовь, мозги у них отключаются.

Из наблюдений старого ловеласа

Когда Арха вышла из ванной, на кровати, растопырив в стороны пышный подол, уже лежало бальное платье. Наверное, оно полностью попадало под определение «шикарное», но ведунье на это было глубоко наплевать.

— Адин, прочисть уши, пожалуйста. Или я сама это сделаю. Ни на какой бал я не пойду! — прорычала она, пытаясь взглядом испепелить ни в чем неповинный наряд.

— Ар, это традиция. Университетский осенний бал — одно из самых значительных событий в жизни столицы, — скучным голосом отозвался ивтор. — Вообще-то, достать туда приглашение ещё суметь надо. А ты его, как студентка, заполучила без малейших усилий.

— Я счастлива и за бал, и за столицу и за всех студентов скопом. Но мне это неинтересно!

Девушка решительно отвернулась от постели и уселась за стол, отодвинув в сторону какие-то баночки, скляночки и кисточки, которые ей мешали разложить учебники и блокноты.

— У меня домашних заданий гора и ещё мусорная кучка.

— Меня не может не радовать твоё рвение, но ты уже две недели головы от книг не поднимаешь, — укорил её Адин, подхватив свалившуюся с края стола щётку. — Так нельзя. В конце концов, ничего кошмарного не случилось.

— Может быть, для тебя это будет новостью, но я ещё три года головы поднимать не собираюсь. Лучше прекрати нудить и завари мне чаю, — фыркнула лекарка, делая вид, будто больше всего на свете её интересует схема кровеносной системы бесов.

На самом деле, она почти ничего не видела. Буквы и рисунки сливались в грязноватое пятно, похожее на раздавленную колесом телеги лягушку. Арха и сама себя чувствовала также. Как жаба, валяющаяся в грязи, выставив наружу белёсое вздувшееся пузо, из которого лезут вонючие внутренности. Омерзение от самой себя не проходило, то и дело поднимаясь волной тошноты.

— Нет, я придумал гораздо лучше, — синеглазик уселся на край стола, не смущаясь тем, что его гвардейская задница сминает студенческие тетради. — Давай так. Ты идёшь на бал, а я за тебя пишу реферат по истории.

Арха задумчиво посмотрела на него, оценивая, выгодность сделки. Депрессии депрессиями, а халявный реферат по истории стоил её внимания. Просто этот предмет давался ведунье гораздо труднее, чем та же топографическая анатомия. А позориться перед Тхия не хотелось абсолютно.

— По истории и политологии, — вынесла она встречное предложение.

— По рукам, — согласился Адин, подозрительно быстро.

Кажется, кто-то в этой комнате продешевил. И этим «кем-то» ивтор явно не являлся. Ведунья поморщилась, соображая, что бал — это нечто гораздо более страшное, чем она себе представляла.

И тут в голову лекарки пришла поистине гениальная мысль. Девушка от удивления даже рот приоткрыла, поражаясь, почему она не додумалась до неё раньше. Ведь идея-то была проста и прекрасна в своей изящности.

— Адин, я не могу пойти. Мне просто не с кем. Ты мне будешь рефераты строчить, а Шай в карауле. Если только ты Ирраша не заставишь стать моим кавалером, — ехидно улыбнулась она.

Конечно, дармовой реферат пролетал мимо ее носа, помахав на прощание страничками. Но, зато, появлялась возможность остаться дома, продолжая корчиться от презрения к себе. А не трястись на каком-то там балу, где нет даже подушки, в которую так удобно реветь, когда становится совсем невмоготу.

— Почему? А Тхия? — удивился синеглазик как-то не слишком искренне.

— Ты вот сейчас серьёзно? — поинтересовалась Арха. — Предлагаешь мне на университетский бал с ректором идти?

— Не хочешь? Ладно, мы пойдём на все, лишь бы вы улыбались. Давай уточним. Ты готова идти, если я напишу тебе два реферата и если я найду тебе кавалера, любого. Я нигде не ошибся?

Ведунья снова задумалась, грызя кончик пера. В том, что Адин готовит какую-то пакость, лекарка не сомневалась ни минуты. Нужно только оценить размеры этой пакости. Но, как назло, ничего грандиозного на ум не приходило. Поэтому девушка вынуждена была согласиться, хоть радости ей это не доставляло.

— И кто же, все-таки, мой кавалер?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом, — ласково улыбаясь, предложил демон.

И Адин действительно остался верен своему слову. Сюрприз удался, правда, Арха он приятным не показался. Но её мнением в очередной раз поинтересоваться забыли.

Когда ведунья, причёсанная, разукрашенная и обряженная, как дорогая кукла, уже готовилась к выходу, в квартиру ввалился... Ирраш собственной желтоглазой персоной. То же при полном параде. То есть, облачённый в ярко-алый мундир капитана городской стражи, с полным набором аксельбантов, золотых пуговиц, сияющих нашивок и даже с какой-то лентой через грудь.

— Не-ет... — только и сумела простонать лекарка.

— Да, — не без злорадства, как почудилось девушке, ответил Адин.

— Тебе-то это зачем нужно? — попробовала воззвать к шаверу Арха.

От желтоглазого ей удалось добиться исключительно презрительного фырканья в ответ. Кажется, он был рад затее куда меньше ведуньи. В чем лично она и не сомневалась. Но его согласие участвовать во всем этом фарсе становилось уж совсем каким-то фантастическим. Ушастый, конечно, никогда к ней любовью не пылал. Но не настолько, чтобы добровольно сопровождать лекарку на светское мероприятие исключительно из желания нагадить.

— Арха, послушай меня, но, пожалуйста, без истерик, — Адин развернул девушку к себе, положив ладони ей на плечи и заглядывая в глаза, будто гипнотизируя. — У Дана сейчас проблемы, серьёзные. И Иррашу необходимо присутствовать на этом балу. Самый удобный способ там появиться...

— Дальше можешь не продолжать, — ведунья скинула его руки. — Знаешь, что самое обидное? Вы могли просто попросить. У Дана вечно проблемы и всегда серьёзные, как сердечный приступ. Только, по-моему, я помочь никогда не отказывалась. И на вас долгов не навешивала.

Адин пожал плечами и глянул на шавера поверх головы лекарки.

— Я предупреждал, — сказал он. — Стоило просто ей все рассказать, а не строить сложные комбинации.

Ушастый неопределённо хмыкнул. Кажется, в искренность Архи он не поверил ни на йоту. Этот демон вечно подозревает её в каких-то показательных выступлениях. Поэтому реакция его никого и не удивила. А вот мысль о том, что, может, вправду стоит начать действовать исходя из собственной выгоды, а не дурости, ведунью посетила.

Тем не менее, руку желтоглазый подал девушке весьма галантно и даже помог спуститься вниз, где уже ждала его персональная карета с гербами, грумами на запятках и плюмажами на лошадях.

— Если кто-то и сомневается, будто капитан городской стражи берет взятки, то увидев твой выезд, сомневаться перестанет, — пробурчала Арха, пытаясь упихать на бархатное сиденье все свои бесчисленные юбки.

Несмотря на усилия лекарки, они упорно задирались едва ли не выше её головы. Но, благодаря их немислимому количеству, неприличным это не выглядело. Скорее нелепым. А поскольку на шавера девушка впечатление производить не собиралась, то просто плюнула на бесперспективное занятие. Решив, что до места её точно как-нибудь, да довезут.

— Мой род и без взяток не бедный, — снизошёл до ответа желтоглазый, даже не качнувшийся на сидении, когда карета тронулась.

— Кто бы сомневался...

Арха даже в окно уставилась — лишь бы на ушастого не смотреть. К сожалению, видами ей насладиться не удалось, так как стекла закрывали плотные бархатные шторы с золотыми кистями. Спрашивается, зачем делать окно, если его все равно наглухо завешивают?

— Кстати, отлично выглядишь, — вскользь, как о чем-то незначительном, заметил Ирраш.

Ведунья от такой незначительности чуть с диванчика не свалилась.

— Э-э-э... Ну, честно говоря, этот мундир тебе тоже идёт.

При этом лекарка душой ни сколько не кривила. Как бы она не относилась к ушастому, шавер, все-таки, обладал весьма привлекательной внешностью. А алая ткань только подчёркивала глубокий антрацитовый цвет его кожи. И от блеска всей золотой мишуры на мундире его глаза становились не просто жёлтыми, а мягко-золотистыми.

— Благодарю. Хотя женщины не должны делать комплименты мужчинам, — видимо, его запас вежливости на сегодня закончился. — Нам нужно решить один вопрос. Поскольку я — глава рода...

— Да? — обалдела Арха.

Такими подробностями с ней раньше никто не делился. Конечно, ведунья знала, что Великолепная Пятёрка — мальчики знатные, но даже не подозревала насколько. Кроме того, глава рода ей всегда представлялся эдаким убелённым сединами старцем, вроде деда Мана из её родной деревни.

... - а Шхар мой наследник...

— Серьёзно?

Ещё одно представление о реалиях было разбито вдребезги. Лекарка искренне считала, будто наследник — это орущий младенец в шёлковых пелёнках, а никак не здоровый мужик, да ещё и чей-то брат. Хоть и младший.

— ... то именно я должен компенсировать оскорбление, которое он нанёс тебе, — едва ли не рыча и злобно сверкая глазами выдал ушастый.

— А можно без этого? — покривилась Арха.

— Ты дашь мне закончить?! — вот теперь он точно рычал.

— А ты ещё не?.. Прости, я думала, ты уже всё...

Новый рык отразился от потолка кареты и запутался в кистях. Ведунья благонаправно сложила руки на коленях, старательно олицетворяя собой эталон покорности и внимательности.

— Ну и что ты готова принять в качестве компенсации? — уже спокойно, но сложив руки на груди, видимо буквально понимаю фразу «держать себя в руках», закончил демон.

— То есть, «без этого» не прокатит? — пробормотала лекарка, теребя одну из юбок. — Ладно, тогда давай так. Ты мне ответишь на два вопроса.

— Смотря, какие вопросы, — подозрительно прищурился шавер.

— О, мать моя человек! — Арха закатила глаза к потолку, но на нем ничего путного не обнаружила. — Почему тебя настолько ненавидит твой брат и что там за проблемы у Дана. Нет, вопросов будет три... — добавила она, чувствуя, как кончики ушей становятся горячими.

— Я уже говорил тебе: шаверы — это животные. И инстинкты у нас как у животных. Из них главных три: не сдохнуть, наплодить потомство и накормить его.

Девушка не видела, как ушастый ухмыляется, так как всецело сосредоточилась на перебирании мелких рюшей, нашитых по краю юбки. Но зато его ухмылку она буквально шеей чувствовала. И была уверена: усмехается демон препаскудно.

— Если самку долго обхаживать, то до потомства можно и не дожить. Поэтому Тьма и дала этот... дар. Женщина, готовая к вынашиванию, желает всех и без разбора. И — да. Работает это с одними шаверами и исключительно при близком контакте. Очень близком. За руку хватать можешь без боязни. А, ещё одно забыл! Чем сильнее самец, тем сильнее он будет тебя возбуждать. Я ответил?

— А это только у самок... ну, в смысле, у женщин или... — проямлила лекарка, мечтая провалиться в сиденье.

— Или, — неохотно ответил ушастый. — Тьма позаботилась, чтобы и мы не ленились. Все?!

— Все-все. Можешь переходить к следующим вопросам, — успокоила его ведунья, переводя дух.

И костеря собственное неуёмное любопытство. Зачем, спрашивается, полезла с такими вопросами к шаверу? Могла и у Адина поинтересоваться. Тот тоже, наверняка, все это знал.

— На императора попытались совершить покушение. Не вскидывайся, ничего страшного не произошло. Вообще, все дело обстряпано довольно странно, словно главной целью было продемонстрировать некомпетентность Дана.

— А почему именно его? — не поняла ведунья.

— Может потому, что он капитан императорской гвардии? — иронично изогнул бровь шавер.

— И давно? — кажется, сегодня намечался вечер откровений.

— Да уж лет пять как.

— М-да... Это получается, кронпринц у него в подчинении? — Арха пыталась уложить полученную информацию у себя в голове — выходило не слишком хорошо.

— Номинально. Это традиция. Наследники императора традиционно проходят службу в гвардии, но никогда не получают чинов, выше младшего лейтенанта.

Похоже, лекарке удалось обнаружить у лордов ещё один бзик — их традиции. Куда не плюнь, попадешь в традиции, которые, понятно, берут своё начало аж из Тьмы. Законы, инстинкты, а теперь ещё, обычаи. Арха решила, что их впору искренне пожалеть. Нелегко им, бедным. Но вот у самой лекарки жалости и на подаяние бы не наскреблось.

— Покушение — это все? — уточнила она.

— Нет, не все. Ещё недавно трагически погиб секретарь лорда-казначей. Утоп в канаве. Когда разбирали его бумаги, обнаружили документы, которые компрометируют Дана. Не слишком сильно, но неприятно. Такое впечатление, будто ему что-то демонстрируют.

— Нечто вроде: «Я на тебя могу в любой момент нажать, и ты будешь плясать под мою дудку?».

Иногда девушка сама поражалась своей догадливости. Вот и помрачневший, хотя дальше, вроде бы некуда, шавер лишь кивнул. И даже издеваться над её глупостью не стал.

— А тебе это все не напоминает то, что уже случилось? Ну, с сестрой императора... — осторожно попыталась намекнуть Арха.

Она старалась формулировать фразы предельно деликатно. А то с ушастого станется. Разорётся ещё, будто всякие, инстинктами управляемые самки, взялись его учить. И больше ничего из него вытянуть не удастся.

— Напоминает, — снова кивнул Ирраш. — Но это все просто домыслы. Разговоров не стоит.

— А что там с твоим братом?

— Мы уже почти приехали, — ответил демон, отодвигая пальцем занавеску и выглядывая в окно.

— Хорошо, — пожалала плечами подлая ведунья, — значит, будем считать: компенсация не выплачена. И я все ещё оскорблена до глубины души.

Архе даже удалось, невинно хлопая ресничками, выдержать его как-мне-хочется-тебя-прикончить взгляд.

— Мать Шхара оказалась конченной дурой, — заявил ушастый, откидываясь на спинку сиденья.

И замолчал, словно ответ был исчерпывающим и все объясняющим.

— А более развёрнуто пояснить нельзя? Ну, для тупых человеческих самок? — поинтересовалась лекарка.

— Она ему с детства вдалбливала, будто Шхар, а не я должен занять место наследника. По её мнению, я отобрал у него все Тьмой положенное по праву рождения. А когда отец умер, эта идиотка отравила мою мать. Видимо, по её плану, на тот свет должен был отправиться я. Но у меня на этот счёт имелось собственное мнение.

— Представляю, — протянула девушка. — Интересно, ты ей просто голову оторвал или заставил-таки умолять её прикончить?

— Второе, — спокойно ответил Ирраш.

— Эй, стоп, погоди! Твоя мать, его мать... У твоего отца две жены имелось или как?

— Вообще-то семь.

— Может, я чего-то и путаю, но вроде многожёнство в Империи законом запрещено? — ядовито поинтересовалась ведунья.

И тут же собственным ядом и подавилась. Ушастый глянул на неё так, что девушка

мгновенно почувствовала себя полной и окончательной дурой.

— Кроме того, Шхар действительно сильнейший боец рода. Не считая меня, естественно.

— Естественно, — не стала сомневаться Арха.

В отсутствии у шавера такой лишней вещи как скромность, она и раньше имела возможность убедиться.

— Компенсация получена?

— Да, благодарю, я полностью удовлетворена, — пришлось даже мило улыбнуться, подтверждая свои слова.

И отправить погулять горячее желание еще немного поизмываться над ушастым. Все-таки, инстинкт самосохранения у ведуньи слабостью никогда не отличался. Да и не стоило забывать: перед ней сидел великий воин, самый непобедимый самец рода Карро. Лекарка подозревала, что и сам род был куда круче варёных яиц.

* * *

Арха не знала, действительно ли осенний университетский бал считался одним из самых значимых событий в жизни столицы или Адин это придумал, чтобы её убедить, но проводился он не в университете, а в здании городской ратуши. Наверное, просто в учебных корпусах не нашлось помещения, способного вместить всю эту толпу. Сборище явно посетили не только студенты. Присутствовали тут и личности, сильно смахивающие на очень богатых купцов и чиновников не самого низкого ранга. Бледные, измождённые физиономии лордов и леди тоже встречались.

Бальный зал был настолько огромным, что камин противоположной стены, от входа казался не больше ведуньиной ладошки. Хотя судя по его двойнику справа от девушки, в его зев она спокойно могла въехать верхом на Ведьме, даже не нагибаясь.

С потолка на толстенных цепях свешивались двенадцать хрустальных люстр на триста свечей каждая. Как будто этого было мало, вдоль стен ещё стояли громадные канделябры. Свет дробился во множестве зеркал, повешенных в простенках, слепя глаза. К общему сиянию добавлялось и сверкание драгоценностей, которых тут, пожалуй, имелось больше, чем в императорской сокровищнице. Хотя лекарка там, конечно, не бывала.

От пахнувшей воском, пудрой и мастикой для пола духоты не спасали даже открытые настежь стеклянные двери, ведущие в сад, освещённый ничуть не хуже залы. Через арки на противоположной стене виднелось помещение поменьше, уставленное столами с угощением, напитками, изящными цветочными букетами и какими-то скульптурами. Пожалуй, изыска наблюдалось гораздо больше, чем еды.

В общем, бал Арху не разочаровал. Все оказалось так, как она и ожидала. Помпезно, броско, уныло и противно до зубовного скрежета. И если бы не Ирраш, то ведунья смылась оттуда уже через пять минут после прибытия. Как ни странно, но шавер тут едва ли не всех присутствующих знал. И с половиной из них ему просто необходимо пообщаться. А девушка его, зачем-то, должна была сопровождать. Зачем — непонятно. Её своим собеседникам ушастый даже не представлял.

Но больше всего Арху поразил сам желтоглазый. Ведунья вообще не подозревала, что он умеет улыбаться. Причём весьма мило и — чего уж душой кривить — очень обаятельно. При

этом улыбка с ним творила чудеса. Из просто симпатичного мужчины он вдруг превратился в писанного красавца. А уж когда он начал расточать комплименты, лекарка готова была поверить, будто где-то по пути Ирраша подменили на сильно улучшенного двойника.

Дивная перемена стала неожиданностью не для одной ведуньи. Собеседники, к которым обращался шавер, все, как один, сначала вздрагивали, и лишь потом отвечали. А глядя на преобразившегося ушастого, мужчины явно могли думать исключительно о том, как отвисшие челюсти не потерять. Большинство же встреченных ими дам готовы были выпрыгнуть из платьев непосредственно там, где они стояли.

Ирраш, сцепившись языками с тремя весьма почтенными на вид господами разом, обсуждал что-то настолько скучное, что у Архи скулы сводило. Через пять минут лекарка окончательно потерялась в «векселях», «имперских займах» и, почему то, «армейских поставках». Она и смогла уловить, будто вся эта муть каким-то образом имеет непосредственное отношение к городской страже.

Поэтому девушке оставалось только стоять рядом с шавером, изображая из себя статую, вроде тех, что столы украшали. Правда, лекарка подозревала, что у неё это получается гораздо менее изящно. Да, к тому же, ей ещё и приходилось следить за собой, чтобы не зевнуть во всю пасть. Или не уронить бокал с вином, который она в руках крутила. Пить его было невозможно даже от скуки. Архе хватило одного глотка. После него во рту появился такой привкус, словно девушка долго медную проволоку жевала.

— Тьма, дорогая, взгляни, как он обаятелен! — раздался за спиной лекарки не слишком тихий шепот.

Хотя, понижать голос в гуле, который только изредка перекрывал истеричные взвизги скрипок, должных изображать оркестр, было бессмысленно.

— Милая, даже не думай об этом! Не спорю, он безумно хорош, но лучше с ним не связываться. Про него ходят такие ужасные слухи! Говорят, что он лично пытается преступников. И, более того, ему это нравится.

— Ну и что? — совершенно по-идиотски хихикнула девица. — Я же не преступница. Слава Тьме, адюльтер^[3] у нас пока законом не запрещён.

— Дорогая, ты не понимаешь, ему это нравится! Леди Фарах после того, как провела с ним ночь, сама отправилась в монастырь Тьмы Кающейся. И ко двору больше не вернулась. Мне рассказывали, будто когда она вышла из его спальни, на ней просто живого места не имелось.

— Ну, думаю, что в монастырь её муж отправил. И давно пора, потому как она подол и перед конюхами задирать не стеснялась. Но, если совсем откровенно и только между нами, я совсем не отказалась выйти из его спальни так, чтобы на мне живого места не имелось. Впрочем, можно и вовсе не выходить.

Кажется, кто-то за спиной Архи уже отправился прямиком с бала в мире грёз. Который воплотился непосредственно в спальне некоего шавера.

— Какие ужасные вещи ты говоришь, дорогая? Он настолько порочен, что...

— Что даже ты, не смотря на все своё ханжество, готова отдаться ему прямо в саду под первым кустом. Я же тебя знаю, милая.

От неожиданности, ведунья едва вина не хлебнула. Она всегда подозревала: лорды относятся друг к другу оригинально и представления о дружбе у них специфические. Но две девицы, шипящие у неё за спиной, живо напомнили лекарке парочку кобр. И виной тому был не только их шёпот.

— Кроме того, погляди на девку рядом с ним. Она изувеченной не выглядит. Наоборот, присмотрись, какое на ней платье. С виду простенькое, но как смотрится очень изящно.

— Лучше обрати внимание на её причёску. Я никогда такого не видела. Наверное, лорд Нашкас не скупиться, раз она смогла отвалить столько денег парикмахеру. Как ты думаешь, можно у этой дамы поинтересоваться, кто её причёсывал?

— Открой глаза, милая. Это парик! А если ты собираешься общаться со всякими... Конечно, я знала, что ты ради выгоды пойдёшь на все, но унижать себя общением с уличными девками!..

— Я же с тобой общаюсь, дорогая. С меня не убудет, если я, все-таки, спрошу.

Арха почувствовала, как её плеча что-то коснулось. Она скосила глаза. Оказалось, что лекарку деликатно постукивают сложенным веером. Пришлось обернуться. Почему-то, ведунье представлялось, будто она увидит двух почтенных леди, чья юность осталась далеко за поворотом. Оказалось, что змейки даже помладше самой девушки были. Такие молоденькие прелестницы с румяными, не смотря на толстый слой белил, щечками и невинными глазками. Все-таки, видимость порой бывает шокирующе обманчивой.

— Милая, — обратилась одна из коброчек к ведунье, растягивая пухлые губки в слабом подобии дружелюбной улыбки, — у вас прелестная прическа. Не подскажите, кто соорудил это чудо?

— Младший лейтенант Гвардии Его Императорского Величества, — абсолютно честно ответила Арха, — Кстати, макияж тоже его рук дело. Он же выбирал платье, туфли, чулки и нижнее бельё.

Демонессочки похлопали накладными ресницами, огромными, как крылья бабочки, переваривая ее сообщение.

— Хамка, — выдала, наконец, вердикт одна из них и обе змейки, трогательно взявшись за ручки, гордо удалились.

Лекарка пожалала плечами. Их реакции она не поняла. Вот стоит только сказать правду, как тебя обвиняют в хамстве. Где, спрашивается, справедливость?

— Тебе Адин уже даже бельё выбирает? — вкрадчиво поинтересовались у нее над ухом.

От неожиданности Арха так дернулась, что у нее вино из бокала выплеснулось. Хорошо еще, что на пол, а не на подол. Ведунья сглотнула, пытаясь смочить разом пересохшее горло, и медленно обернулась.

— А у вас есть возражения по этому поводу, лорд Харрат? — мило, хоть и несколько судорожно, улыбаясь, спросила девушка.

— В данном случае у меня даже нет никаких поводов для ревности, мистрис Арха. Или даже он пал жертвой ваших чар?

Дан насильно завладел её рукой, которую лекарка безуспешно пыталась выдернуть, и запечатлел на ней галантный поцелуй. А ведунья на него таращилась, как последняя идиотка. Все-таки, никакой мужчина хаш-эду и в подмётки не годился. И ни один, даже самый шикарный, камзол не шёл рогатому больше, чем чёрная гвардейская форма.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — напомнил он.

— Какой? — как замороженная, выпалила Арха.

И даже губу прикусила от злости. Надо же настолько быть идиоткой!

Кстати, злилась девушка не в одиночестве. Ирраш бросал в их сторону такие взгляды, словно они на его глазах младенца резали. Впрочем, в этом случае шавер так не злился бы. У ушастого даже губа подёргивалась, как будто он едва сдерживался, чтобы не оскалиться. Но,

кажется, это занимало исключительно лекарку. Дан на своего кошака даже не смотрел.

— Арха, давай выйдем в сад? Тут даже поговорить спокойно нельзя, — не отпуская её руки, попросил демон.

— А как же ваша невеста? Или мы пойдём в сад втроём? — отрыв под грудой умиления здоровое ехидство, поинтересовалась ведунья.

— Нет, в сад мы точно пойдём только вдвоём. Но, если хочешь, то мы можем спросить у Адаши разрешения. Кажется, она была где-то тут. Ну, так что?

— Что? — тупо переспросила лекарка.

— Пойдём без разрешения или сначала спросим?

— Ты бы меня сначала спросил, — тихо, так тихо, что расслышали только они, прорычал Ирраш.

— Я тебя наслушался, хватит, — продолжая смотреть на девушку, ответил Дан. — Лучше походи и ещё раз обсуди с Адашей мою блистательную карьеру — она оценит. А мы прогуляемся по саду. Вдвоём.

— Я никуда с тобой не пойду, — безуспешно пытаюсь высвободить руку, процедила Арха. — Мы все уже выяснили.

— Ничего мы не выяснили. Даже еще и не начинали. А пора бы, — отрезал Егс лордство.

Демон просто развернулся и потащил ведунью за собой. Пришлось ей быстро-быстро перебирать ногами, путаясь в многочисленных юбках. Иначе лекарка просто растянулась бы на полу. Присутствующие, наверно, зрелище оценили. На них и так поглядывали, хоть и искоса, но с большим интересом.

Рогатый вытащил Арху наружу, проволок по освещённым дорожкам, распугивая прогуливающиеся парочки, куда-то свернул, и она оказалась в темноте. И, естественно, девушка немедленно споткнулась, едва не пропахав гравий носом. Дан не дал, подхватил на руки и спокойно пошёл дальше.

Глаза ведуньи постепенно привыкали к темноте. Она рассмотрела, что демон её притащил в каменную, увитую сухим плющом, беседку. Осторожно, словно из хрусталя сделанную, рогатый усадил Арху на лавку. Накинул на полуголые плечи девушки собственный мундир и присел рядом с девушкой на корточки. Ей нужно было только руку протянуть для того, чтобы коснуться его рога. Или волос. Или губ под тонкой полоской усов. Причём она хотела этого всего почти до реальной боли. Но... Собственно, что именно «но» девушка и сама не слишком понимала.

— Ну, и о чем ты хотел поговорить?

Арха первой решила нарушить слишком затянувшееся молчание. Ей было неудобно, неудобно, как будто она не на скамейке сидела, а на гвоздях. Демон находился слишком близко. От него пахло слишком знакомо. Все это казалось слишком неправильным.

— Что у тебя с тем мальчишкой... братом Ирраша?

Ведунья всесторонне обдумала его вопрос, поплотнее закутавшись в любезно предоставленный мундир. От аромата душистой лимонной воды, сандала и едва уловимого запаха железа во рту стало горько, словно она хину жевала.

— А, собственно, почему тебя должно это интересовать? — тихо спросила ведунья.

Он смотрел на девушку снизу вверх. В темноте глаза хаш-эда казались черными, как две щели во Тьму. Арха не могла понять, о чем он думает. Впрочем, лекарка и при свете дня никогда не могла этого понять. Идол, истукан бесчувственный... Демон!

Дан вдруг качнулся вперёд, словно падая. Но не упал — лишь ткнулся ей лбом в колени. Завиток рога сам лёг в ладонь девушки. И это оказалось настолько естественным, как будто лишь так и могло быть.

— Я не знаю, что делать, — шепнул он — и замолчал.

Скажи он: «я не могу без тебя» или «мне без тебя плохо» — Арха бы не поверила. Дан мог все. Даже ради карьеры собственную жизнь по капле сцеживать стерве, которая по случайности была его матерью. Демон бы никогда не признался, будто ему плохо или больно. Это слабость, а у хаш-эдов их нет в принципе. По крайней мере, они упорно пытались убедить в этом весь мир, Тьму и самих себя заодно.

Он сказал: «Я не знаю, что делать» — и это звучало единственно возможной правдой. Той, которую он мог себе позволить. Поэтому ведунья поверила. И услышала все то, что хотела бы слышать.

Да, наверное, она была настоящей дурой. Да, стоило себя больше уважать. Да, Арха научилась жить без него и эта жизнь ей, в общем-то, нравилась. Но... Опять эти проклятые «но». Десятки, сотни «но». Они найдутся всегда.

А, может, Ирраш был прав — и она была всего лишь самкой с тупыми, примитивными инстинктами. Но девушка же сама свою жизнь с ним связала. И имелся ли в том поступке вообще какой-то смысл, если для неё даже не гордость — гордыня важнее?

Арха запустила руку ему в волосы, пропуская сквозь пальцы тяжёлые, прохладные пряди.

— Данаш, ты протягиваешь мне руку, а я иду за тобой. Только так правильно и только так может быть. И ничего с этим не поделаешь.

— А ты сможешь? — спросил он глухо, не поднимая головы.

— Смогу, — уверенно ответила ведунья, — не сразу и не всегда. Так что тебе придется набраться терпения. Но, в конце концов, смогу. Потому что мне плохо без тебя, я без тебя не могу. Нет, я живу, конечно, но это какая-то не такая я. Ты мне нужен, всегда, везде и только ты. Потому что я тебя люблю.

Оказалось, что выговорить это легко, очень легко. Так же естественно, как быть с ним. В мыслях все кажется сложнее, чем в реальности, особенно когда сам себе придумываешь страшилки, непреодолимые препятствия и прочие ужасы.

Дан поднял голову, глядя на нее. Его глаза были непроницаемы, как сама Тьма.

— Скажи это еще раз, пожалуйста, — попросил он тихо.

— Я. Тебя. Люблю. Потому что ты самый лучший демон. И потому что по-другому просто не может быть.

Архе казалось, будто она просыпается. Словно эти полгода в её теле действительно обитал кто-то другой, а она всего лишь поглядывала сквозь полудрёму. Наверное, потому что ведунья и вправду могла жить исключительно рядом с ним. Лекарка не знала, как это сказать вслух, чтобы не звучало избито и пафосно. Но, наверное, эти слова и затёрли так, что только они и могут быть правдой от начала времен и до конца мира. Поэтому она просто молчала, перебирая его волосы и кончиком пальца поглаживая прохладный, словно полированный, рог.

Но уже в следующую минуту Архе захотелось снова уснуть и не просыпаться уже никогда. Потому что на пороге беседки появился Ирраш. Он оглядел парочку мрачным взглядом, развернулся и обоими кулаками так вдарил по столбу, поддерживающему крышу, что все строение загудело, словно набат.

— Тьма, Тьма, Тьма! — взревел шавер и саданул по ни в чем не повинной беседке еще раз.

Все-таки, у ушастого был истинный талант портить окружающим настроение.

Если хотите получить сбывшуюся мечту, то проследите, чтобы рядом с вами был добрый волшебник, а не болтливый сказочник.

Из наблюдений профессиональной принцессы

— Я из штанов выпрыгиваю, лишь бы убедить окружающих: она к тебе отношения не имеет! — бесновался Ирраш, мечась от одной колонны у входа в беседку к другой. — Я трое суток сплю по два часа! Я пытаюсь выудит всё — самый крохотный компромат на тебя, любые крючки! Ты знаешь, чего стоит их зарыть?! Я ради этого пошёл на этот драный Тьмой бал! А ты чего делаешь, а?! Хочешь прибавить ещё один способ для шантажа? Ты все мои усилия отправляешь в Бездну, стоит только глянуть на эту...

— Ирраш... — спокойно предупредил вулканизирующего бессильным бешенством шавера Его лордство.

Пока ушастый, брызгая слюной, сверкая в темноте глазами и колотя несчастную беседку, доказывал хаш-эду, что тот полный, окончательный и неизлечимый идиот, лорд продолжал сидеть возле подола ведуньи на корточках. И, не отрываясь, смотрел на ведунью. Он её даже руками не касался, просто смотрел. А она улыбалась ему.

Этих двоих бесящийся желтоглазый волновал не больше чем зрители. Которые, случайно, наверное, все чаще решали, будто дорожка за разросшимися кустами, окружающими беседку — это самое удобное место для прогулок во всем парке. Городские стражники, которые появились под этими самыми кустами, словно выросшие из земли, как грибы, Арху с Даном занимали ещё меньше.

Их ничего не интересовало, кроме друг друга. Вполне возможно, в данный момент мир вообще существовал только для них одних.

— То есть, ты слышишь исключительно оскорбления в адрес этой... — шавер пожевал губами, словно подбирая подходящий эпитет, — человечки?!

Видимо, подбор уместных слов дался ему нелегко. Арха была готова поспорить, что в запасе у ушастого множество красочных и ярких сравнений, предназначенных для её особы. Но вряд ли хаш-эд их бы оценил.

— Нет, их я тоже не слышу, — лорд улыбнулся девушке так, как умел он один — глазами. — Но тебе это вслух лучше не произносить. Иначе ты вообще разучишься издавать осмысленные звуки.

— Дан, я умоляю тебя, собери мозги и подумай ими хоть немного!

Лекарка даже на миг оторвалась от разглядывания лица лорда. Потому что голос шавера действительно звучал умоляющий. По настоящему, без дураков. А просящий ушастый — зрелище, которое стоило видеть. В течение одной жизни второй подобный шанс вряд ли мог выпасть. Но вид капитана стражи, который для убедительности аж руки молитвенно перед грудью сложил, занимал Арху недолго. А хаш-эда не заинтересовал вовсе.

— Дан, ты понимаешь, чем ты рискуешь? — не унимался желтоглазый, с упорством, достойным лучшего применения, пытаясь воззвать к разуму демона.

— Ничем, — спокойно ответил хаш-эд.

— Ты карьерой своей рискуешь! — рявкнул Ирраш.

— Я и говорю — ничем.

Дан взял-таки руку ведуньи в свою, перебирая её пальцы, проводя их подушечками по своим губам — медленно, нежно. От такой немудреной ласки Архе вдруг стало трудно дышать. Ей казалось, что пространство внезапно изменилось, странно искривилось. Она раньше не понимала, как далеко от неё был демон. Даже когда находился рядом. Но сейчас, уедь он хоть за море, хаш-эд все равно остался бы близко. Так близко, насколько это вообще возможно.

Кто им подарил такую магию, Мать или сама Тьма, Арха не знала. Но лишь это и казалось правильным — искривлённая Вселенная, кокон, в центре которого находились они двое. А все остальные, маленькие и незначительные — где-то там, далеко, за её пределами.

И отменить волшебство не мог никто.

— Тьма! Тебе что, вообще на все плевать? — казалось, шавера готов хватануть инфаркт.

— Да, — четко и ясно ответил лорд.

Он шевельнулся, как будто хотел развернуться к Иррашу, но Арха ему не дала. Она мягко высвободила свою руку, положила ладошки на его щеки, словно обнимая лицо демона.

— Давай просто уйдём отсюда? — попросила она. — Вот просто встанем и уйдём, а?

Девушка и сама не слишком хорошо понимала, откуда у неё взялась уверенность, что Дан выполнит любую её просьбу. Вздумай ей захотеть Луну, хаш-эд, пожалуй, небо с землёй свёл — но достал бы требуемое. В принципе, никогда раньше она ни о чем его и не просила. Но сейчас была убеждена — исполнит. Наплюёт и на сходящего с ума Ирраша, бросит бродящую где-то там Адашу — и сделает так, как она, Арха, захочет.

От этой уверенности стало немного неуютно и ещё чуть-чуть стыдно. Наверное, в возмущениях ушастого своя сермяжная правда имелась. За ним водилось много грехов и всего одна добродетель: преданность шавера Дану зашкаливала за пределами простого понимания.

Но, с другой стороны, такая её власть над непреклонным, непоколебимым, блистательным, Тьма знает каким ещё демоном, голову кружила.

Дан ей ничего отвечать не стал. Он только глянул на девушку как-то так, что она поняла — волей или неволей, но ведунья высказала вслух его самое горячее желание. Гвардеец встал и подхватил Арху на руки, не обращая внимания ни на кого и игнорируя всё скопом, пошёл к выходу.

— Замечательно! Отлично! Ве-ли-ко-леп-но! — Ирраш поднял руки вверх, словно сдаваясь, и даже с дороги отошёл. — Могу я узнать, куда ты направляешься? Не из праздного любопытства спрашиваю. Надо же мне знать, откуда тебя вытаскивать, когда все окончательно полетит во Тьму?

Дан сбился с шага, а на лице его появилась такая искренняя растерянность, что Арха едва не хихикнула. Но издеваться над лордами, пусть они и готовы стать для тебя лунодарителями, не стоило.

— Просто пойдём к тебе домой, — шепнула она ему на ухо, обнимая хаш-эда за шею.

От подобного предложения демон вообще встал на месте, как вкопанный. Он заглянул в лицо ведунье, видимо не уверенный, правильно ли её понял. Арха едва заметно кивнула, улыбаясь. Той самой чуть снисходительно улыбкой женщины знающей — её подарок оценят по достоинству. А это особенно важно осознавать, когда даришь себя.

Она глянула на мрачного шавера поверх плеча Дана.

— Один день, — проговорила ведунья беззвучно, шевеля только губами, — всего один день.

И даже палец показала, убеждая его в своих словах. Ушастый стал угрюмее грозовой тучи. Зато хаш-эд вокруг себя, кажется, вообще ничего не замечал.

* * *

Разбудил Арху птичий щебет. Такой звонкий и радостный, какой бывает только ранним утром в лесу. Спросонок ей показалось, будто она собирала травы вместе с бабушкой и уснула на поляне, разморённая усталостью и солнцем. А за такие выходы ей и хворостиной могло перепасть. Поэтому села она резко, рывком. И саданувшись, наверное, затылком, об камень. Да так сильно, что аж в глазах потемнело, а слезы хлынули градом.

Рядом кто-то взвыл. Видимо, тот самый камень. До затуманенного сном и болью мозга лекарки не сразу, но дошло: нормальные камни, в принципе, выть не могут. Пришлось протирать глаза обоими кулаками.

— Как-то не так я представлял себе первое романтическое утро, — жалобно протянул Дан, потирая ладонью ушибленный подбородок.

Восхитительный такой подбородок, самый лучший на свете. Заросший колкой, короткой и почти чёрной щетиной. Которую косо рассекал тонкий солнечный луч, пробивающийся сквозь щёлку между занавесями кроватного полога. Арха ничего не поняла. То есть, совсем. Она таранилась на демона, способная только ресницами хлопать.

— Хотя, если ты обещаешь, что потом меня ожидает такое же шикарное зрелище, то так и быть — разрешаю. Можешь меня будить хоть с ноги, — кивнул он рогатой головой, растягивая губы в откровенно наглой и насмешливой улыбке.

— А? — ведунья наклонила голову, рассматривая то, что так заинтересовало демона.

То есть, собственно, на саму себя. Точнее, некоторые анатомические особенности, обычно скрытые, как минимум, под платьем, а чаще ещё и под рубашкой. А сейчас облачённые лишь в данные им от рождения светло-кофейную кожу. И любоваться этими особенностями демону ничто не мешало. Так как девушка просто сидела на нем верхом, прикрытая одеялом всего лишь до бёдер. Видимо, как она уснула на нем, так и проснулась...

Осознание катастрофы приходило медленно. Но уж когда все произошедшее осозналось, а, заодно, вспомнилась прошедшая ночь, ведунью словно цунами накрыло. С придушенным писком она нырнула под одеяло, накрывшись с головой. И даже умудрилась сползти вниз. Правда, оказалось, что она прижимается к горячему, как печка, боку лорда. Кстати, тоже абсолютно голому. А это, несколько... смущало.

Удрать ей окончательно и бесповоротно не дали. Твёрдые, словно под гладкой, бархатистой кожей стальные поручни были, руки обхватили её за талию, выволакивая на свет. Впрочем, эти же руки немедленно укутали девушку одеялом по самые плечи. Но сползти с демона не давали.

— Глаза открой, — вкрадчиво попросил лорд.

Арха в панике замотала головой.

— Ну, открой, — промурлыкал Дан, — пожалуйста.

Девушка даже губу закусила, решив, что глаза она откроет, только очутившись в собственной квартирке. В одиночестве.

— Котёнок, так не честно. Шаверы не краснеют.

— Краснеют, — буркнула она, пряча горящее, словно его крапивой исхлестали, лицо на груди демона.

— Нет, ну это уже свинство! — рыкнул он и вдруг замолчал, напрягшись всем телом. — Или... все настолько ужасно, да?

— Дан, да ты что?! — возмущённо запротестовала ведунья, вылезая из своего убежища.

Стребла превратившиеся в спутанную мочалку волосы, перекинув их за спину. Если она сейчас не убедит его, что все было просто... Мать! Неужели всё заново начнётся? Опять беганье друг от друга и высосанные из пальца терзания? Ну, уж нет, она...

Над Архой откровенно потешались. В прищуренных красных глазах, которые из-за подсвечивающего их сбоку солнца, казались рубиновыми, плескался смех. Дан даже губы решительно сжал. Видимо, для того, чтобы не заржать в голос. Да ещё лапу свою, вполне по-хозяйски, пристроил на голый зад лекарки.

— Нет, когда ты пытаешься краснеть, мне нравится гораздо больше, — глубокомысленно выдал демон. — А то испепеляют меня взглядами часто. Убить хотят ещё чаще. А вот краснеющий шавер — это зрелище редкое.

— Пригласи в свою постель Ирраша, — прошипела разъярённая ведунья, пытаясь вырваться и гордо встать с постели, — и любуйся, сколько хочешь.

Естественно, что ни с гордым вставанием, ни с попыткой вырваться у неё ничего не вышло. Но пока она боролась, излишне богатая фантазия ведуньи успела нарисовать ей картинку, изображающая не в меру довольного Дана и мило смущающегося ушастого, растянувшегося на лорде. Лекарка хихикнула, потом гордо фыркнула, подавилась — и, не выдержав, расхохоталась в голос. До слез и всхлипываний, уткнувшись лбом демону куда-то под ключицу.

— Как все интересно, — протянул демон, легко поглаживая её по спине. — Ну, о том, что ты маленькая извращенка — я подозревал давно. Примерно с тех самых пор, как заметил, что больше всего в моей внешности тебя рога привлекают. То, что ты Ирраша искренне ненавидишь, ни для кого тайной не является. Но вот то, что любовь между мужчинами, которую, к слову, при дворе считают изысканной и очень современной, тебя так развеселит, я не ожидал. Тем более что у тебя в лучших подружках такой вот современный и изысканный ходит.

Арха утёрла слезы о гладкую, абсолютно лишённую растительности, грудь демона, мельком глянула на лорда и уставилась куда-то в сторону. Видимо, её крайне заинтересовал солнечный луч.

— Ты ещё насвистывать начни, — посоветовал демон, — чтобы уж совсем ни причём оказаться. Давай, спрашивай. Хотя, видит Тьма, я об этом пожалею.

— Почему? — обиделась лекарка.

— Потому, что у тебя определённо талант задавать неуместные, неудобные и некорректные вопросы, — заверил её демон, удобнее устраиваясь на подушках и подтягивая ведунью повыше.

Арха показала ему язык и насупилась, твёрдо решив никаких вопросов ему не задавать. Решительности хватило минуты на три, в течение которых Дан молчал — только губы его едва заметно, но весьма насмешливо, кривились.

— А ты тоже... изысканный? — выпалила Арха.

Все-таки, любопытство умудрилось родиться гораздо раньше самой девушки.

— Нет, я скучный, унылый и крайне старомодный тип, — вздохнул Дан, сокрушаясь о собственной несовременности. — За модой постоянно опаздываю, а то и вовсе не поспеваю. В данном случае, боюсь, мы с придворными нравами вообще во времени разминулись.

— Но ведь Адин твой друг?

— Не друг, а помощник, — уточнил Его лордство, — но связи я, все равно, не вижу.

— Просто ты так сказал... презрительно. Ну, мол: он изысканный и моя подружка.

Арха смущённо ткнула носом ему в шею. Но не потому, что ещё собственный вопрос смутил. А потому, что ладонь, поглаживающая её спину, начала проявлять заинтересованность другими частями тела девушки. Нет, сама ведунья ничего против этого не имела, и останавливать лорда не собиралась. Но все это... опять-таки смущало.

— Не презрительно, а недовольно. Меня не интересует, с кем он проводит своё свободное время. Меня бесит, ваша «дружба», которая позволяет ему белье тебе выбирать! — демон сжал девушку так, что она невольно пискнула. — Ты моя! Моя, поняла?!

Мир кувыркнулся, и лекарка вдруг осознала — её положение в пространстве поменялось и теперь она лежит на спине. А над ней нависает туша крайне рассерженного, сверкающего красными глазами, демона. Пожалуй, зрелище было бы страшным. Если бы не было таким восхитительным.

— Поняла, — кивнула она головой, забрасывая руки на шею лорда, — только вот зачем мне кто-то другой, если у меня уже есть самый лучший демон?

— Если я увижу рядом с тобой этого шаверского молокососа... — угрожающе прорычал Его лордство.

Но Архе психующие демоны уже оскомину набили. От одной из своих пациенток она как-то слышала весьма интересный рецепт, позволяющий заткнуть даже самого разговорчивого мужчину. Ведунье показалось, что данное время как нельзя лучше подходит для экспериментов.

Реальность превзошла все ожидания. Лорд замолчал и сам начал делать нечто такое, от чего лекарка мгновенно забыла, не только как разговаривать, но и думать.

* * *

— Вставай! — в третий раз повторил Дан.

— Не хочу, — буркнула ведунья, зарываясь лицом в подушки.

Которые пахли крайне неприлично, но довольно приятно. Ведунья задумалась, что они такое могли делать, чтобы подушки приобрели подобный аромат? Но от воспоминаний щеки мгновенно стали горячими. И Арха благоразумно решила, что анализ произошедшего стоит отложить до лучших времён. А сейчас стоит просто полежать. Благо тело болело так, будто его пинали. Почему-то даже плечи ныли.

— А ты есть не хочешь? — голосом завязтого соблазнителя поинтересовался демон.

Нет, сама лекарка ничего не хотела, абсолютно. Но вот ее желудок, словно команду получил, взбунтовался, колотясь в истерике и немедленно требуя того, чтобы его накормили. Пришлось со вздохом сесть.

— Ну, смотри, как все просто, — порадовался за нее рогатый. — Теперь еще пару часов верхом — и можно будет позавтракать.

— Пару часов? Верхом? Ты издеваешься? — выдохнула Арха, таращась на лорда.

Который вполне определённо издевался. Демон, застёгивая пуговицы на манжетах белоснежной рубашки, искоса глянул на неё и неопределённо хмыкнул. Только вот ведунья была убеждена, что настроение у рогатого просто превосходное. И в этом только её заслуга — приятно, Тьма все заberi.

Правда, уже в следующий момент приятно быть перестало, зато стало страшно. Потому что Арха поймала собственное отражение в зеркале, висящем на стене. Ей немедленно захотелось забраться под одеяло, спрятаться в шкафу или зарыться в землю. В общем, сделать что-то такое, чтобы ни одно живое существо больше этого кошмара не видело.

— А, по-моему, все просто великолепно, — заверил ее Дан, наклоняясь над постелью, откинув за спину влажную после ванны гриву волос, и целуя девушку — долго, прочувствованно. — Ты никогда не выглядела лучше. Но если до обеда хочешь позавтракать, то стоит поторопиться. Одежда на кресле, ванна за той дверью. А я жду тебя внизу.

— Подожди, Данаш, а мы вообще где? — пришел в голову ведуньи весьма своевременный вопрос.

— У меня в гостях, — сообщил он, улыбнулся напоследок и скрылся с глаз.

Архе не осталось ничего другого, как выпутываться из перекрученных в жгуты простыней. Раздумывая над тем, что такой ответ у рогатого, кажется, традиционный. На озере — у него в гостях, дома — в гостях. И здесь, неведомо где, тоже в гостях. Впрочем, на подробности лорд никогда особенно щедрым не был.

После ванны, которая оказалась обычной, без водопровода и набираемая явно вручную, есть захотелось почти непереносимо. Непривычные, похожие на мужские, брюки, рубашку и кожаную жилетку, Арха напялила на себя почти бегом. И кубарем скатилась по лестнице, обнаруженной за дверью спальни.

Дом был небольшим. Скорее, даже не дом, а маленький, но чистый и уютный коттедж. И Дан ждал ее внизу. Явно довольный, он наблюдал, как девушка сбегает по ступенькам. Но неожиданно его взгляд стал мрачным, как сама мрачность.

— Брюки ты больше носить не будешь, — не подразумевающим споры тоном, заявил он. — Ты, все-таки, не леди.

Ведунье всегда было, в общем-то, глубоко плевать, и на то, как она выглядит. И на то, что она «все-таки, не леди», о чем сама лекарка была прекрасно осведомлена. Но вот сейчас стало по-настоящему обидно.

— Все так плохо?

— Глупый маленький котенок, — заявил рогатый.

Демон одним шагом умудрившись преодолеть пару метров, которые их разделяли, обнял ее, прижимая к себе.

— Ты сама не понимаешь, что ты такое! — прорычал он. — Я имел в виду, что у тебя слишком много того, что мужчинам, тем более посторонним, показывать не стоит. Это леди от гвардейца не отличишь.

Арха, не слишком понимая, что он хотел сказать, подняла голову. Обычно по его глазам она не могла ничего конкретного определить. Но сейчас в них горело такое пламя, что все стало понятно без слов и переводов.

— Опять? — ахнула ведунья.

— Опять. Снова. Всегда, — заверил ее хаш-эд и вдруг поцеловал с какой-то даже яростью. — Моя! — прервался он только для того, чтобы рыкнуть очевидное.

Ведунья в ответ обняла его, прижалась всем телом и... почувствовала, что оно меняется.

Становится больше, растёт, мышцы словно сталью наливаются. И угрожающее потрескивание одежных швов подтвердило, что девушке это не почудилось. Демон принимал теневой облик.

— Кушать хочется, — ляпнула Арха, от испуга не способная придумать ничего более вразумительного.

Дан немедленно ее отпустил, даже шагнул назад, отвернувшись и тряхнув головой.

— Извини, — голос его звучал глухо, с явно слышимыми рыкающими нотками, — я только представил, что ты... Извини...

Кажется, до ведуньи начало доходить, что именно демоны вкладывают в понятие «мое». И что для них значит, назвать кого-то своей собственностью. Но ее это почему-то не пугало, а, скорее, восхищало. Хотя, в рогатом ее все либо восхищало, либо в восторг приводило. И вот это пугало по-настоящему. Но лекарка решила, что сама с собой она как-нибудь потом разберётся.

Она подошла к лорду, обняв его за талию. И прижалась щекой к горячей — это даже через толстую кожу жилетки чувствовалось — спине.

— Данаш, ты, оказывается, не только самый лучший демон. Ты еще и самый глупый демон. Когда же ты поймешь, что мне никто кроме тебя не нужен, а? — протянула девушка. — Лучше бы подумал, как ты от меня избавляться будешь, когда я тебе надоем.

Лекарка почувствовала, как он расслабился. Словно внутри рогатого пружину отпустило. Он накрыл ее руки своей ладонью.

— И кто из нас тут глупый? — Арха не видела, но чувствовала, что он улыбается. — Я никогда тебя никуда не отпущу. Ты себе просто не представляешь, что это такое — быть со мной.

— Не представляю, но очень хочу узнать, — заверила его девушка и жалобно проскулила. — Но еще больше я хочу есть. Тут, у тебя в гостях, гостей кормят?

— Совсем девочку голодом заморил, стервец! Скока я тебе твердила? Сначала еда, а потом уже и любви! Твердишь, твердишь ему, без толку! — сообщил кто-то ворчливо за их спинами.

Это было так неожиданно, что Арха мигом отскочила в угол — подальше от демона. Подобной прыти она от себя не ожидала.

* * *

Старенькая бесса, умильно подперев кулачком желтую, сморщенную, как печеное яблоко, щеку, строго провожала каждый кусок, который Арха отправляла в рот. Девушке казалось, что если она сама начнет отлынивать от поглощения завтрака, то старая кормилица примется ее кормить насильно. И хотя желудок ведуньи уже жалобно молил о пощаде, лекарка старательно очищала очередную тарелку.

— Ешь, ешь, детонька, — строго приказала кормилица. — Ты на этих не смотри, что ходят да костями погромыхивают. Данаш-то, чай, не пес — на мослы кидаться. Пушай его леда травкой питается. А ты вот творожку с медом поешь. Да молочко пей. Ох, радость-то, краса девичья. Есть на чем душеньку отвести, мягонькая небось.

Арха едва этим самым творогом не подавилась. А Дан, демонстрируя подлую лордскую натуру, на помощь ей приходит даже и не собирался. Только хихикал тихонько, насмешливо

поглядывая на девушку поверх простой глиняной кружки с молодым сидром.

Вообще, вся ситуация была несколько странной. С тех пор, как ведунья поняла, что для их первой романтической ночи рогатый выбрал дом собственной кормилицы, ощущение некоторой нереальности никак не покидало девушку. В том, что демоны большие оригиналы, она и раньше не сомневалась. Только не подозревала — насколько.

— И неча смущаться! — неожиданно разозлилась бесса, ткнув твердым, как карандаш, пальцем в лоб Архи. — Чай не дура! По глазкам вижу, что умненькая. Ты что же думаешь, он тебя сюды просто так приволок? Ничуть не бывало! Просто тута-то его в последнюю очередь разыскивать будут. А он, видать, с тобой подольше побыть хотел. Чего тут смущаться-то? Радоваться надобно.

Ведунья послушно попыталась порадоваться, косясь на веселящегося демона. Как не странно, у нее это получилось вполне искренне. Тем более что и старушка, и ее дом ей действительно нравились. И завтрак, если бы он не был таким обильным, доставил настоящее удовольствие.

А больше всего нравился сам рогатый. Арха с удивлением заметила, что он стал каким-то другим. Даже черты лица изменились, мягче сделались, не такими резкими казались. Плечи опустились расслаблено — обычно хаш-эд спину держал прямо, словно стальной стержень проглотил. И глаза стали мягче и, в тоже время, глубже. Сейчас Дан казался гораздо более живым, а не отлитым по форме идеального придворного и гвардейца. Пожалуй, его таким лекарка никогда не видела. И это ей особенно нравилось.

— И ты, Данаш, тожить молодец. Правильно выбрал. Хорошо, что шаверочка. Они верные. Такая-то точно тебе заступой будет, — умилилась кормилица.

— Вот мне только защиты от девушки и не хватало! — хмыкнул Дан.

Архе тоже подумалось, что с восхищением бесса палку перегнула. Как-то хаш-эд не выглядел тем, кто нуждается в защите. И уж совсем сложно было предположить, что защитой станет сама ведунья.

— А-то нет? — непочтительно фыркнула кормилица. — Ты вот что, Данаш, пойди-ка, погуляй. Мы тута о своем, об бабьем побалакаем. Иди-иди, неча на меня глазнапами сверкать! А то чтоль ты меня не знаешь? Я ить все едино скажу. Тута ли или другая какая оказия выйдет, а скажу. Так что, иди.

Самое удивительно, что лорд действительно спорить не стал, даже слова не сказал. Молча встал и вышел куда-то. Хотя предложение кормилицы ему явно не понравилось.

— И чего ты так-то таращишься? — усмехнулась бесса тонкими, сухими губами. — Данаш-то и поперек самого государя, если ему всхочется, пойдет. А супротив меня — ни-ни. Потому как знает, что для меня он одна радость и есть. Потом-то он тебя, девонька, конечно пытать будет, что я тута тебе набалакала. Да все по-своему переиначит. Но ты меня послушай. Я тебе расскажу, какой он, Данаш-то, есть. А ты там сама думай.

Бесса по старушечьи, двумя пальцами, отерла уголки рта. И поправила белоснежный, накрахмаленный чепец, видимо, готовясь к длинному рассказу.

— Вот он со своими ребятами-то жестко так, да? Мол, никто они мне, пользу от них имею — и только. Слыхала небось.

— Слышала, — кивнула Арха, отодвигая от себя тарелку, — только я в это не верю. Мне кажется, что он и сам так не думает.

— Во, я же грю, что у тебя глазки умненькие. Я тебе сейчас порасскажу про него и Ирраша. Про остальных-то не поспею, но ты и сама все поймешь. Данаша-то от меня

забрали, когда ему только четвертый годик пошел, да к отцу отправили. В замок, значит, на воспитание. Видать, мальцу там не сладко пришлось. Потому как сбегать начал. Да никуда ни будь, а в собачью будку. Жила там сука старая. За щенка она, что ли, его приняла? Но то неважно. У той самой суки он и прятался. А отцу его это не по нраву было. Как жить? Лорд, единственный сыночек — и у собаки отсиживается. Засмеют ведь. И то слово — смеялись... Эй, девонька, ты чего это?

— Н-ничего... — шмыгнула Арха, поспешно вытирая слезы рукавом рубахи.

И старательно отгоняя от себя виденье маленького рогатого мальчика с красными глазами. Прячущегося за старую собаку.

— Эх, девонька, видать, сердце-то у тебя где положено. Не ошибся Данаш, — старушка похлопала сухой ладонью по руке Архи. — Будет тебе, не реви. Что было, то прошло. Вон он у нас какой грозный да статный сейчас.

Ведунья попыталась изобразить улыбку. Получилось у нее не очень убедительно, потому что слезы наворачивались сами собой, а в сердце как будто иголка засела. И мысль о том, что теперь лорд был очень далек от четырехлетнего мальчика, не утешала.

— Вы рассказывайте, я слушаю, — попросила ведунья.

Бесса строго посмотрела на лекарку, словно оценивая — стоит ли продолжать или с девушки на сегодня достаточно?

— Ладноть. Бабские слезы водица. Тока умыться. В общем, решил лорд псину ту извести. Прибить, чтобы сыночка к ней не бегал. И про то как-то Ирраш прознал. А с Данашем-то они тогда и вовсе поврозь были. Котенку лет семь, что ли, исполнилось? Но он все больше с другими знался, а с нашим-то не водился. Да тут чей-то его тюкнуло. Видать, сообразил, что малец псину не защитит. И сам, ночью, собаку из замка вывел, да в деревне у одной тетки пристроил. Все денежки ей, что были, до монетки отдал. И велел суку-то пуше глаза стеречь. Ну, еще навалял тама ейному сынку по самое небалуйся. Чтоб, значит, серьезность того дела прочувствовали.

Старушка зашлась мелким, сухим смехом, словно горох рассыпала. Арха и сама не удержалась от улыбки. В этом был весь Ирраш — заплатить, но еще и накостылять, чтобы задача понятнее стала. Только так шавер и мог поступить.

— Во-от. И сам-то он обсказал Данашу, что с его псиной приключилось — и вроде как дальше они не знают. Год прошёл или около того. Но случилось так — котенок-то в ров крепостной упал. Сам оступился или помог кто — про то не ведаю. А ров то сухой стоял, ну и поломался Ирраш знатно. И лекарь замковый ни в какую. Тока талдычил, что помрет малец к утру, и надежи на другое нету. Так Данаш-то чего учудил? Попер с конюшни лошадь, да никакую ни будь, а отца жеребца. Даром что сам-то ему по колени — не выше. Прихватил мальчонку, да и поехал в город. А дело-то ночью случилось, так ещё и буря разыгралась. И вот так, по скалам, и поехал!

— Ему же лет пять было, да? — ахнула ведунья.

Бесса только головой покивала.

— Про то и говорю. И доехал-таки! И даже лекаря отыскал, который Ирраша починить согласился. Но про то ты и сама догадалась чай. Вон как носится, морда шаверская! Уж чего отец-то Данашу потом устроил, говорить дажить не буду. Но вот такой вот он. И с тех пор не менялся ни капли, тока побольше стал.

— Закончила сказки травить? — недовольно поинтересовался тот самый, который стал побольше, подпирая плечом косяк.

— Ишь, сказки! — недовольно фыркнула старушка. — Все бы вам, сказки! А только, девонька, ты меня слушай. Он ить мало к чаму сердцем-то прикипает. Но ужо прикипел — не отодрать. Ты яво не слушай, вглубь гляди. В глуби такой огонь полыхаить, аж глазам больно.

Но Арха уже никого не слушала. Она просто смотрела на лорда, пытаясь сглотнуть комок, застрявший в горле. Демон, старательно отводивший от неё глаза, вдруг нахмурился, шагнул к девушке, опускаясь на корточки и с тревогой заглядывая ей в лицо.

— Котёнок, что с тобой? Тебе плохо?

Ведунья только головой покачала, даже не пытаясь заговорить. Боялась, что не выдержит и разревётся. Она взяла ладонь Дана и потёрлась об неё щекой.

— Я тебя люблю, — прошептала Арха.

Вышло у нее это сипло, прерывисто, но, все-таки, выговорилось. Хотя, наверное, такие слова и совсем уж из последних сил сказать удастся. Потому что только они и были всей правдой.

Входная дверь хлопнула, впустив внутрь порыв сквозняка.

— Так, — отчеканил Ирраш неприязненно, — это все, конечно, очень мило. Но император тебя с утра видеть желает. И знаешь, что самое удивительное? Аргумент, что у тебя есть право на личную жизнь, он не воспринимает.

Ведунья почувствовала, что вся жалость к ушастому, которую совсем недавно можно было половником черпать, куда-то стремительно испаряется. И даже появляется желание выбрать ров поглубже, чтобы повторить эксперимент с проверкой выживаемости шаверов.

Если все мужики одинаковы, то почему же женщины упорно ищут «того самого»?

Из наблюдений Шая

Кто-то подошёл к столу, за которым Арха пыталась судорожно вызубрить даты. Пёс бы с ним — подошёл и подошёл. Но этот кто-то загородил от ведуньи солнечный свет. Лекарка помянула сквозь зубы Тьму. Потому что отвлекаться ей сейчас не стоило. Тхия, конечно, был её добрым другом. Только вот в университете он неизменно становился весьма злым ректором. А то, что нужно выучить даты, у лекарки просто из головы вылетело. Собственно, до того момента, как она зашла в аудиторию, там вообще мало места оставалось. Слишком много в её голове было Дана.

Оказывается, эти полгода лорд весьма успешно закрывался от неё. Ведунья уже привыкла его не чувствовать и даже не ощущала пустоты. Зато сейчас демон постоянно был рядом, как будто за спиной стоял.

Но вряд ли мастер ректор счёл бы эту причину достаточно существенной. Поэтому студентке и пришлось поспешно пытаться впихнуть в себя трудноусвояемую информацию. Так тут ещё и посторонние начали мешаться, загораживать свет, упорно не соглашаясь становиться призраком. Подошедшему явно что-то было нужно от Архи.

Пришлось поднимать голову и вопросительно смотреть на демонессу. Которая, между прочим, по мнению большинства, наверняка считалась писаной красавицей. Ведунье же она показалась досадным недоразумением. Да и до Адаши девочке было как до Света пешком.

— Рассказывай, — велела красотка тоном, не допускающим даже мысли о несогласии.

— Что рассказывать? — осторожно поинтересовалась лекарка.

— Всё!

— Ну, значит так, — Арха заложила пальцем страницу учебника, закрыв книгу. — Вначале была Жизнь. Она породила Тьму и Свет. И после сопряжения Великих Сфер из Тьмы вышли первые дети её, которых зовут Истинными...

— Это ты сейчас про что? — демонесса вытаращилась на ведунью.

Нет, до стилия Адаши она точно не дотягивала. Та умудрялась оставаться безумно привлекательной даже в самых нелепых ситуациях. Эта же сейчас напоминала удивлённую рыбу.

— Ты же сама просила рассказать тебе всё. А начинать лучше с основ — так будет понятнее.

За спиной Архи неуверенно хихикнули. Кажется, кто-то из девушек её группы красотку недолюбливал. Что, в общем-то, странным не выглядело.

— Ты дура, да? — поинтересовалась демонесса. — На фига мне твои основы? Рассказывай про лорда Нашкаса и лорда Харрата.

— Начинается! — Арха тяжело вздохнула.

Собственно, этого следовало ждать. На самом деле, она запросто могла отправиться на бал под ручку с Тхия — ничего бы не изменилось. Что капитан городской стражи, что капитан гвардии, что ректор университета — все фигуры одиозные.

— И что ты о них хочешь узнать? — обречённо спросила лекарка.

— Всё, — по-прежнему безапелляционным тоном заявила девица. — А, главное, как ты их подцепила?

Неожиданно в аудитории стало тихо так, что ведунья действительно услышала, как в стекло бьётся одуревшая от солнца осенняя муха. Невольно оглянувшись, девушка наткнулась на холодный, как у змеи, надменный взгляд шавера. Кажется, он появился на лекции впервые за последние две недели. Видимо, время он потратил не только на то, чтобы зализать следы, оставленные после горячей встречи с братишкой. Но и для того, чтобы прийти в нормальное для окружающих ведунью состояние. Этот тоже её искренне ненавидел. Арха снова вздохнула.

— Ты знаешь Большую рыночную площадь? — спросила ведунья у девицы. — Ну, вот. Стояла я на углу Тупиковой и Третьей ярморочной, клиентов ждала. Тут они ко мне и подвалили. Сразу на всю ночь сняли. Им так понравилось, что я теперь на них постоянно работаю.

— Что, сразу обоих обслужила? — подозрительно сощурилась демонесса.

— Почему двоих? — искренне удивилась лекарка, вспоминая свою старую пациентку — весёлую шлюху, с таким запущенным сифилисом, что она ходить не могла. — Ты что, не знаешь, что они всюду впятером шляются? Пятерых и обслужила.

— Серьёзно, что ли? — по форме глаз студентки уже вполне можно было бы империалы отливать.

— А что тебя не устраивает? — пожала плечами ведунья.

— Может то, что ты до сих пор девственница? — поинтересовался Шхар таким тоном, что любой прокурор удавился бы от зависти.

— А ты откуда знаешь? — проворно повернулась любопытная девица. — Ты с ней тоже спал?

Она была не только любопытной, но и крайне логичной. Наверное, такой набор качеств Тьма выдаёт только красоткам. Иначе они не выживут. Арха просто ткнулась лицом в ладонь, поклявшись, что больше никому, никогда ни на один вопрос не ответит. Только преподавателям и только по делу.

— Если вы уже выяснили все вопросы половой жизни мистрис Каррен, то позвольте начать лекцию, — прервал столь занимательную беседу как всегда неизвестно откуда взявшийся Тхия.

Его появление моментально навело порядок в аудитории. Рыжий провёл в группе всего четыре занятия. Но сумел внушить, что поддерживать идеальную дисциплину выгоднее, а, главное, дешевле, чем совершенствовать свои физические данные.

— Кстати, я рад вас видеть. Всех.

Последнее слово он выделил голосом так, чтобы только у одного не осталось сомнения, кого он действительно рад видеть. Но, в ответ встрече с ректором порадовалась вся группа. Правда тихо, нестройно и вразнобой.

— На дом вам было задано самостоятельно разобраться причины возникновения и ход конфликта, который позднее был назван «Дракой лосося с оленем»...

Кажется, фыркнула исключительно ведунья. Но она-то не только конфликт не разбирала, но и учебник не открывала. А драка лосося с оленем была, наверное, эпической. Нет, Арха понимала, конечно, что название пошло от гербовых животных. Но от этого оно мне идиотским от этого не становилось.

Уловив, что мессир ректор не только пристально смотрит в её сторону, но и брови приподнял, лекарка спряталась за учебником, сделав вид, что её тут вообще нет.

— Итак, мастер Карро, вы готовы отвечать?

— Я могу отказаться? — мрачно поинтересовался шавер.

— Боюсь, что нет, — почти искренне посочувствовал ему Тхия. — Даже если вы и не готовили материал дома, то, думаю, прекрасно осведомлены о данном конфликте. Прошу вас.

Несколько секунд ведунья была уверена, что Шхар не только откажется отвечать, но и набросится на ректора. Уж слишком сильно он сжимал кулаки. Да и цвет лица у желтоглазого сменился с чёрного на какой-то сизоватый. Но, видимо, сегодня он решил побыть умным.

— Следствием конфликта стал запрет шаверам, вне зависимости от знатности происхождения и размера земельных наделов, иметь собственные войска, — нехотя ответил ушастый.

— Замечательно, — порадовался рыжий, — но, по-моему, вы с конца начали. Не просветите ли аудиторию, что послужило причиной конфликта?

Шхар помолчал, сверля ректора взглядом. Но тому, прошедшему школу выживания у Дана с Иррашем, какие-то там взгляды каких-то там студентов были не страшны в принципе. Поэтому он остался безмятежным, терпеливым и предельно милым.

— Младший брат и наследник рода Шагер решил бросить вызов главе рода. Но выполнить план он не сумел...

— Мастер Карро, я понимаю, что краткость является родной сестрой таланта. Но вы сейчас не собственный дар демонстрируете, а излагаете исторические факты. — Рыжий непринуждённо запрыгнул на крышку кафедры и поддернул мантию, демонстрируя вычищенные до блеска сапоги. — Хорошо, что у меня с утра сегодня отличное настроение. Поэтому я восполню пробелы в вашем ответе.

Он обвёл аудитории взглядом, при этом скроив такую загадочную физиономию, что у всех студентов уши в буквальном смысле встали торчком. Даже у тех, кому анатомия не позволяла проделать такой трюк. Из четырёх занятий с Тхия студенты уже вынесли, что он умел даже самые скучные исторические факты излагать так, как будто они были свеженькой дворцовой сплетней.

— Итак, наследник рода Шагер, который, по всей видимости был не только слабым бойцом, но и не слишком умным шавером... А, попросту говоря, представлял собой эталонный образец молокососа обыкновенного, решил занять место брата. То есть, стать главой рода. И более идиотского времени, места и объекта для воплощения своего плана он выбрать не мог. В замке гостила старшая дочь главы рода Оренхир, приехавшая навестить свою сестру, являющуюся третьей женой старшего брата нашего исторического — во всех смыслах — дурака. И вот именно её он и решил соблазнить в расчёте на то, что олень, в смысле, род Оренхир, разозлится на лосося, в смысле, на род Шагер. А у шаверов, тем более пятьсот лет назад... Хотя, я не прав, у них и сейчас изменилось немного. Так вот, с обидой у них все просто. Она смывается только кровью и никак иначе.

— Соблазнил? — пискнула, кажется, та самая красотка, которая приставала к ведунье с расспросами.

Вероятно, историческая подоплёка события её не слишком интересовала.

Арха невольно покосилась на Шхара, который вынужден был стоять рядом со своим

местом. Сесть-то ректор ему не позволил. И лекарка сомневалась, что такая забывчивость была случайной. Студенты, действительно внимательно слушавшие Тхия, волей-неволей натыкались взглядом на шавера, возвышающегося посредине аудитории. И, естественно, проводили параллели между «историческим дураком» и Шхаром. Конечно, никто тут не знал, что именно происходит. Но, наверное, ни один не сомневался, кому предназначались все красочные эпитеты.

По мнению ведуньи, происходящее больше всего смахивало на изощренный моральный садизм. Лично ей это не нравилось вовсе. Шхар у девушки уже не только любви, но симпатии не вызывал. И, все равно, такого унижения он не заслуживал. Тем более что гордость у всех демонов являлась больной мозолью.

— Естественно, он ее соблазнил. В молодости это делается просто. «Ты — привлекательна, я — тем более. Пошли на сеновал!». А, как мы знаем, в родах, придерживающихся древних традиций, за всех членов отвечает глава. То есть, и за развязанные штаны нашего горе-любовника ответ должен был держать старший брат. На что, собственно, и рассчитывал младший. Не учёл он только одной детали. К тому времени чернокожую красотку успел назвать своей не кто-нибудь, а глава рода Накхар. Который в те времена был фактически князем всего Западного побережья. И, можно сказать, королём шаверов. Он моральными принципами не мучился и пожелал видеть на своём обеденном столе обоих «лососей». Предоставив честь их добыть «олению», как стороне заинтересованной.

Тхия снова оглядел аудиторию, убедившись, что она внимает ему, как пророку.

— А теперь — мораль. Сначала думай, что ты делаешь, а потом делай. Потому что последствия были весьма плачевны. Во-первых, старший брат, не дожидаясь прихода оппонента, сам оторвал голову младшему. В прямом, а не переносном смысле этого слова. В той ситуации было уже не до наследников и наследования. Во-вторых, лосось с оленем развязали такую войну, последствия которой аукались ещё десятилетия спустя. Западное княжество фактически перестало существовать, потому что в конфликт ввязались почти все шаверские рода. В-третьих, в ход войны был вынужден вмешаться император. А следствием этого стал запрет на создание личных армий и, фактически, потеря шаверами право на самостоятельность и самоопределение. И этот запрет действует до сих пор. Кстати, вот вам ещё одна мораль. Не стоит путать дела сердечные и политику. Там где есть женщина, не должно быть ничего, кроме предпочтений сердца. Ну, или других органов. Последствия таких действий бывают крайне непредсказуемыми.

Ведунья снова покосилась на Шхара. Щеки студента потемнели, словно Тхия его отхлестал. И смотрел шавер не на лектора, а в пол. И, почему-то, девушке показалось, будто мысли демона далеки от осознания и раскаянья. Арха готова была спорить, что он строил планы убийства ректора. Причем планы были кровавыми.

— Я с последним утверждением не согласна! — резкий, даже как будто звенящий, голос разрезал расслабленную тишину, наступившую после окончания рассказа Тхия.

Лекарка невольно обернулась, поддавшись стадному инстинкту. Девчонка, подавшая голос, на остальных студентов не обращала ни малейшего внимания. Она была сосредоточена на бросание ректору вызова. По-другому её взгляд, чуть выдвинутую вперёд челюсть и задранный подбородок, назвать было сложно.

Студентка была из грахов, которые в столицы встречались нечасто. Они предпочитали носа не показывать из своих северных лесов. Почему ведунья не заметила девушку раньше,

она понятия не имела. Такую не заметить физически сложно.

Во-первых, грахи выделялись поистине исполинским телосложением, даже женщины. Во-вторых, обычно ширина их плеч не слишком отличалась от роста. Вообще, их фигуру проще всего сравнить с кубом — на какую грань ни поставь, все равно он останется кубом. Да и такие белые, как снег, волосы с такими же белыми глазами, могли быть только у северных дикарей.

— Мистрис Ро, если я не ошибаюсь? — вежливо поинтересовался Тхия.

Он разглядывая студентку с таким же повышенным интересом, как и все остальные. Обычно ректор вёл себя скромнее. Но тут, наверное, язык бы ни у кого не повернулся его осудить. Интерес девица вызывала сильнейший.

— Ю Ро, — кивнула она, вставая в полный рост.

Вставала она долго. То есть, вставала, вставала и вставала. Архе пришлось голову задрать, чтобы осмотреть её всю. Кто-то из студентов хихикнул, но как-то неуверенно. Ведунья бы в её присутствии смеяться над северными именами точно не стала.

— Клан Белой Совы? — уточнил рыжий.

Она поклонилась. Точнее, чуть кивнула головой с надменностью истинной императрицы.

— Так что вам не понравилось в моих словах?

— Уважаемый сказал, что женщины и политика — вещи несовместимые, — напомнила гигантша. — Я с этим не согласна.

— Уважаемая Ю не учла, что в империи женщина считается существом заведомо слабым. Её оружие не сила, а хитрость, — спокойно пояснил Тхия.

— Северные леса — это тоже часть империи, — уточнила студентка.

Речь у неё была забавной. Прежде всего, голос ей не подходил вообще. Скорее Тьма должна была одарить таким тембром какую-нибудь томную красотку, а не эту гору мускулов. И фразы она строила странно. То говорила так, как только и могут настоящие варвары. То, словно забывшись, переходила на чистейший столичный выговор.

— Я вынуждена просить уважаемого взять свои слова назад и извиниться перед женщинами, — её челюсть окончательно выехала вперёд, как ящик комода. — И называть меня Ро. Уважаемый знает обычаи и должен понимать, что не имеет право обращаться ко мне, как к ребёнку.

— Ну, так просите, — ведунье показалось, что Тхия откровенно издевается.

Но, оказалось, действительно показалось. Рыжий и вправду просто разрешил ей «просить». Все-таки, они не в северных лесах находились. Девица ударила себя кулаком в грудь и без всякого юмора заявила:

— Я — сильнее!

Кажется, кто-то тихонько ахнул. Вполне может быть, что это была сама Арха. Ректор же просто спрыгнул с кафедры и изящно изобразил придворный поклон.

— Ваш вызов принят, — объявил он.

Демон повёл плечами, размял шею и стянул через голову ректорскую мантию вместе с шапочкой, оставшись все в той же гвардейской форме.

Гигантша улыбнулась счастливо, как ребёнок, получивший в подарок долгожданную куклу. Ведунья готова была Тьмой клясться, что на её белёсом лице искренняя радость была просто выгравирована. Девушка, под осторожное улюлюканье присутствующих, тоже сняла мантию, небрежно бросив её на стул. Под студенческой одеждой на ней оказалось что-то

вроде куртки, туго перетянутой широким ремнём, и плотно облегающие штаны из тонкого сукна.

В мантии она выглядела квадратной. Без неё у беловолосой обнаружилась фигура. Вполне женская и пропорциональная. Если не брать в расчёт, что талия, для неё казавшаяся узкой, была шире, чем бедра Архи. И шире значительно.

Северянка спустилась к кафедре. Причём двигалась она с удивительной для такого громадного тела грацией. Пожалуй, в этом она напомнила лекарке гвардейцев. Невозможно представить, что шкаф может вальсировать. Тем удивительнее видеть, как он скользит с заправской пластикой учителя танцев.

Но вот когда она встала перед Тхия, случился конфуз. Да такой, что студенты от смешков не удержались. Архе было искренне стыдно, но она тоже не утерпела и фыркнула в кулак. Потому что макушка ректора едва-едва возвышалась над плечом студентки. Не говоря уж о том, что из этой горы мускулов и плоти запросто можно было слепить парочку изящных и тонкокостных арифедов.

Даже сама гигантша смутилась и покраснела, да так, что под белыми волосами кожа на черепе начала просвечивать малиновым, и разве что ножкой пол не принялась ковырять, бросая застенчивые взгляды на Тхия. Кажется, она уже страстно желала, чтобы он отказался от этой затеи.

— Прощу, — рыжий повёл рукой, словно приглашая её к танцу.

«С храма рухнул?!» — едва не завопила Арха. Ей даже пришлось зажать самой себе рот ладонью. Ведунье действительно стало страшно. Она уже представляла, как эта гора мяса просто превратит рыжего в кровавый плевок, растёртый по полу.

Но страхов лекарки, похоже, никто не разделял. Студенты, уже ничего и ни кого не стесняясь, полезли на столы. Как будто с места кафедры было видно плохо. Кажется, кто-то даже ставки начал делать. Ведунья осталась сидеть на месте, зажмурившись, закусив губу едва не до крови и твердя, что если рыжий выживет, то она его собственноручно прикончит. «Только бы выжил... Мать, прошу тебя, умоляю, только бы выжил!» — испуганно пищал её здоровый смысл.

Кончилось все подозрительно быстро. Студенты взревели, что-то грохнуло так, что Арха отчётливо услышала дребезжание стёкол в окнах. Пол под её ногами содрогнулся, как от боли. И наступила тишина.

— Вы не ушиблись? — послышался вежливый голос Тхия. — Простите, я не рассчитал силы. Приношу свои глубочайшие извинения.

Арха рискнула открыть глаза. Гигантша крестом распласталась на полу, глубокомысленно созерцая потолок. Кажется, она понимала, что произошло, ещё меньше лекарки. Рыжий наклонился над ней, протягивая руку, явно собираясь помочь подняться. Морда у него была до крайности виноватой.

Девушка села, недоуменно тряхнула головой и, игнорируя предложенную помощь, поднялась. Сгорбив плечи и разом словно уменьшившись в размерах, она поплелась на своё место. От грации танцора и следа не осталось. Кто-то из студентов протянул руку, собираясь похлопать её по плечу.

— Не советую, — остановил его ледяной голос ректора.

«Убью и закопаю в палисаднике!» — рывкнул здоровый смысл ведуньи.

Университетские коридоры по вечерам больше всего напоминали мрачные подземелья, которые изображают в романах, рассчитанных на нервных дамочек. После того, как занятия заканчивались, большинство светильников гасили, оставляя только один фонарь из пяти. Конечно, лампы в учебных корпусах были магическими и горели они ярче всяких свечей. Но и их не хватало, чтобы разогнать промозглый полумрак.

И стоило фонарям погаснуть, как невесть откуда появлялись пробирающие до костей сквозняки, лижущие пол. Там где в стены были вмурованы трубы каминов, слышался потусторонний тихий, но зловещий вой неупокоенной души. Тени в углах шевелились, двигались, словно сами по себе. В общем, в коридорах царила такая жуть, что немедленно хотелось сбежать куда-нибудь в более уютное место.

Но Арха не сбегала, терпеливо дожидаясь у кабинета ректора возвращения рыжего. Ведунья твёрдо намеревалась ему башку открутить и не собиралась отступать от своих планов. А судя по тому взгляду, который он кинул, выходя днём из аудитории, в квартире лекарки новоиспеченный крушитель титанов появится собирался не скоро. Потому что видел, паршивец, как девушка оценила его показательные выступления.

Вообще-то, у Архи сердце с рождения было слабым и трепетным. А сегодня ведунья так перепугалась за рыжего, что чуть приступ не хватанула. И во избежание дальнейших эксцессов она собиралась Тхия растолковать, насколько он неправ. Желательно, с помощью стучания демонической башки о твёрдые предметы.

Но, кажется, он решил отказаться не только от посещения квартиры ведуньи, но и собственного кабинета. По прикидкам девушки вечер уже собирался плавно перетечь в ночь, а ректор так и не показался. Арха вздохнула, сдаваясь, и решила, что завтра он точно никуда не денется. А если лекарка задержится в университете ещё немного, то её явится искать вся городская стража.

Девушка спустилась на первый этаж, забрала из раздевалки свой плащ, который одиноко висел дохлым языком среди пустых вешалок. И совсем было собралась выйти на улицу, но замерла, взявшись за ручку двери. Ей послышалось, что где-то скулит щенок. Тоненько, тихо и очень жалобно. Пройти мимо страдающего животного для ведуньи было равносильно самоубийству. Не могла она так поступить — и все.

Поэтому, стараясь шагать как можно тише и придерживая подол платья вместе с мантией, чтобы не шуршали, Арха отправилась искать источник скулежа. Прятаться она и не собиралась, просто боялась испугать малыша.

Щенок оказался беленьким и большим. Очень большим. Примерно, под два метра ростом. За раздевалкой, едва поместившись в крохотном чулане между швабрами и мётлами, ревела давешняя гигантша. Она сидела на полу, руками прижимая к груди ноги и уткнувшись лицом в колени. Девушка явно старалась производить как можно меньше шума. Кажется, она даже воротник своей куртки закусил.

Честно говоря, ведунья растерялась. Как успокаивать того, кому больно, лекарка знала прекрасно. С чужими, да и своими, душевными терзаниями все обстояло гораздо сложнее. Проще говоря, девушка понятия не имела, что ей делать. Но и просто так развернуться и уйти было бы неправильно.

— Эй, — негромко позвала Арха. — Ты чего ревьешь? Тебя кто-то обидел?

Северянка вздрогнула, резко поднимая голову. Даже в темноте было заметно, что рыдает она уже долго и основательно.

— Похоже, что меня кто-то может обидеть? — по-крысиному ощерившись, гавкнула варваша.

Действительно, с вопросом ведунья явно промахнулась. Обидишь такую! Но диагноз лекарке был полностью ясен. Не раз на подобные симптомы у себя наблюдала. Тут присутствовали сразу два заболевания: «Тьма, какая же я дура!» и «За что мне это все?». Ну, и обострение ненависти ко всему несправедливому миру. Осталось только вспомнить, как Арху в таких случаях Адин лечил.

Ведунья присела на корточки, оказавшись значительно меньше гигантши. Да даже когда лекарка стояла, они были примерно одинакового роста. Но в такой позе разговор получался какой-то более доверительный, что ли?

— Так что случилось? Может, расскажешь? Легче будет, вот увидишь, — ведунья попыталась взять граху за руку.

С таким же успехом она могла бы попробовать взять за руку статую — камень он камень и есть.

— И что ты сделаешь? Побежишь решать мои проблемы? — поинтересовалась девица, хлюпнув основательно распухшим носом.

— Не побегу. У меня своих проблем хватает, — заверила ее Арха. — Но, во-первых, вдвоём проще придумать, что можно сделать. А, во-вторых, частенько бывает, что расскажешь кому-то — и беда уже такой страшной не выглядит.

— Ничего тут уже не сделаешь, — тоном «жизнь кончена» сообщила варварша. — Он меня победил.

— И... что? — осторожно поинтересовалась лекарка, понимая, что ничего не понимает.

— Он меня победил, дура! — заорала белобрысая так, что швабры испуганно вжались в угол. — Если бы я была сильнее, то заявила бы на него свои права! А теперь у меня вообще никаких шансов! Вообще! А я его люблю-у-у...

У неё слезы опять потекли градом. А ведунья, как сидела на корточках, так на задницу и шлёпнулась, попытавшись переварить только что полученную информацию. Переваривалось с трудом.

— Погоди, Ю, давай сначала. Кого ты любишь? Тхия?

— Не знаю-у-у, — сладко подвывая и утираясь рукавом, проскулила северянка. — Ректора. Я его летом на параде увидела. Когда ходила на императора смотреть. Он такой... такой... Золотой весь! Красивый. Он улыбается так!.. Не могу-у-у...

— Ну, какой он весь из себя, мне можешь не рассказывать, — пробормотала ведунья. — Так, ладно. Это мы выяснили. Ты его любишь. А дальше что? При чем тут то, что он тебя победил?

— Ты что, не понимаешь? Какие у меня шансы ему понравиться? Ну, какие? Никаких! Я хотела заявить право сильного, а он меня победи-ил...

— Ага, за волосы, значит, и в пещеру. Мне твой подход нравится...

Арха ели сдерживалась, чтобы не начать хихикать. Жалко, что она именно рыжего выбрала. Лучше уж Ирраша. На эту битву титанов ведунья бы посмотрела с удовольствием. Просто, столкновение мнений и инстинктов!

— Погоди, ты что сказала?

Северянка неожиданно перестала рыдать, снова утёрлась рукавом и уставилась на

лекарку. Весьма угрожающе уставилась. Если бы Арха уже не сидела, то точно бы сейчас плюхнулась. От подобных взглядов коленки наверняка подкосились и у куда более храброго существа, чем ведунья.

— К-когда? — заикаясь и стараясь смотреть как можно более невинно и наивно, проямлила девушка.

— Ты его знаешь, да? Ты с ним спишь?

У Архи в глазах потемнело и она отчётливо поняла, что пришли её последние минуты в этом грешном мире.

— Ю, я его знаю и очень хорошо, — постаравшись быть убедительной, ответила ведунья. — Но я с ним никогда не спала, не сплю и спать не собираюсь. Он мой друг, понимаешь? Хотя, нет, он скорее мне папочка. Ну, так получилось, что у меня два папочки, одна мамочка и психованный старший братик...

— Так, значит, то, что ты тогда говорила, правда? — загрустила гигантша. — Они действительно тебя сняли?

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? — рявкнула Арха, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать биться о стены головой. — Если я в истерике так же туплю, то мне искренне жаль Адина! Стоит перед ним извиниться. Я с ним не спала! Я вообще, девственница! Была... Недавно...

— Жалко, — пригорюнилась северянка, явно намереваясь продолжить рыдать, — а то бы, может, подсказала, как мне ему понравиться. Хотя, я, конечно, понимаю, что бесполезняк полный. Кто я и кто он?

Действительно, эта громадина, собирающаяся любимого мужчину взять по праву сильного, на излюбленный типаж Тхия не походила никак. Он воспринимал только один вид женщин, который назывался «дама в беде». А выручив их из этой самой беды, рыжий моментально терял к ним малейший интерес. Убедить же его, что варварша в беду попала, из которой ей без посторонней помощи не выбраться, ведунье казалось делом сомнительным.

— Знаешь что? Вот эти вот разговоры про «кто я и кто он» ты со мной лучше не начинай. Я их ненавижу до зубовного скрежета. Сама в своё время такую бредятину несла. И из-за этого чуть одна не осталась. Надо просто что-то придумать. Вставай и пошли.

Арха сама поднялась, решительно потянув северянку за рукав.

— Куда? — граха шмыгнула носом, но, по крайней мере, в её глазах появился интерес.

— Как говорит моя мамочка: «сладкое пашрийское — лучшее средство от желания повеситься». Так что, собирай конечности в кучу и топай за мной.

Конечно, с вином у Архи были связаны не самые тёплые воспоминания. Да и поклялась она в жизни больше эту гадость не пробовать. Но ведь две студентки — это не ведунья и четверо гвардейцев. Вряд ли с ними могло произойти что-то страшное.

* * *

— Ю, отпусти его, — в пятый, кажется, раз попросила Арха, и закинула в рот виноградину.

Точнее попыталась закинуть, потому что ягода, предательски изменив траекторию, пролетела у неё над плечом. Вообще, виноград им подали на удивление подлый — он никак не хотел попадать в рот. Можно бы было, конечно, не выпендриваться, и есть его как все

нормальные особи, но лекарке это казалось неинтересным.

— Не хочу, — мрачно насупила белые брови гиганша, — он меня обидел.

— Чем? — элегически поинтересовалась Арха, отправляя через плечо очередную виноградину.

Гиганша нахмурилась ещё сильнее, вероятно, пытаясь сообразить, в чем состоит нанесённая обида. Видимо, одновременно соображать и стоять ровно для неё было непосильной задачей. Потому что девушка весьма заметно покачнулась и едва не снесла плечом деревянный столб, подпирающий потолочные балки.

Стражник, которого она держала за ногу в подвешенном вниз головой состоянии, заверезжал, как попавший в силоч заяц. На взгляд ведуньи, поводов для визга у него не было никаких. Между его головой и полом было не такое уж большое расстояние — всего-то высотой с табуретку. Поэтому лекарка пришла к однозначному выводу, что, все-таки, мужчины удивительно нервные существа.

— Ю, отпусти его, — в очередной раз попросила Арха.

— О! Я вспомнила! — выдала просиявшая белобрысая слегка заплетающимся языком. — Он — мужчина, во!

Лекарка скривилась. Утверждение, как минимум, было весьма спорным. Стражник больше походил на пацана, которому не по городу с алебардой шляться, а мамины сладкие пирожки с кухни таскать. Но, с другой стороны, его принадлежность именно к мужскому полу отрицать было действительно сложно.

— Не, ну все мужики козлы, конечно, — вздохнула Арха, — но этот и так Тьмой обижен.

— Это почему? — удивилась гигантша.

— Так у него Ирраш в капитанах. Я бы, например, сама себе вены перегрызла на его месте...

— Чьем?

Арха задумалась. Вопрос был непростой, потому что желание с собой покончить у лекарки появилось бы, очутись она на месте любого из них. Но ответ обязан быть конкретным. В конце концов, ведунья она или погулять вышла? Только вот с конкретикой наблюдались явные проблемы. Мысли расползались в стороны, как пьяные гусеницы.

Вздохнув, Арха покосилась на остальной патруль в лице двух стражников, занявших глухую оборону за баррикадой из перевернутого стола с воткнутым в него топором. Попыталась вспомнить, при каком заболевании кожные покровы бесов приобретают характерную синюшность с прозеленью. С диагнозом тоже выходило не очень. Потому что кроме бледности у одного из них наблюдался ещё и ярко выраженный нервный тик. А это уже совсем другая область.

— Отпусти его, — в очередной раз попросила девушка.

Гиганша глянула на свою добычу, словно впервые видела.

— Ладно, — видимо, она решила стать доброй, — он мне надоел. Да и рука устала.

Белобрысая просто раскрыла ладонь и бес, с коротким воплем, больше смахивающим на кошачий мяв, грохнулся на пол. Следить за ним, проворно отползающим на четвереньках к своим напарникам, было забавно. Но куда интереснее было наблюдать за Ю, со второго раза сграбаставшую со стола бутылку и просто влившую её содержимое — примерно две трети — себе в глотку.

— Хозяин, вина! — громовым голосом, от которого с потолочных балок посыпалась

сажа, потребовала варварша.

— Леди, а, может, хватит? — откуда-то со стороны кухни испуганной мышкой пискнул кабатчик.

— А ты ещё один патруль вызови, — ухмыльнулась Ю, — а то чей-то скучно стало.

— Леди, а давайте я вам экипаж найму, а? А, может, кого из ваших мужчин кликнуть? Мужа тама иль отца. А то ить вы так-то и до дома не дойдёте...

— Чего?! — раненым буйволом взревела демонесса.

Арха уронила голову на стол. «Зря он это. Ой, зря!» — философски протянул её здравый смысл.

— Несу, несу, — испуганно пролепетал кабатчик.

Но было уже поздно. Вопя: «Нет, ты чо сказал?! А ну, повтори!» — Ю пыталася протаранить забаррикадированную со стороны кухни дверь. Притихшие стражники наблюдали за ней с каким-то священным трепетом. Но вход оказался укреплён по всем правилам фортификации. Створка натужно трещала, но пока не сдавалась.

Арха, решив, что поднимать голову ей лень, попыталась повернуть бокал на бок и так из него отхлебнуть. Естественно, вино пролилось не в рот, а на ведунью моську. Почему то этот факт её взбесил. И она запустила ни в чем неповинной посудой в стену.

Бокал пролетел через стол, врезался в дверную притолоку и осыпался, прощально вспыхнувшими в свете очага, осколками... на голову вошедшего Дана. Рогатый недоуменно глянув вверх, провёл по волосам, стряхивая стеклянную крошку, и устоял на девушку. Арха ему счастливо улыбнулась, попытавшись передать взглядом, как же она его любит.

Правда, улыбка девушки быстро увяла, потому что за лордом Харрат в кабак вошёл Ирраш. Жажда убийства, фанатично горящая в его глазах, Архе уже начала надоедать.

— А тебя я вот ни столечки не люблю, — заверила шавера лекарка, сведя вместе большой и указательные пальцы, оставив между ними щель, толщиной с волосок.

Правда, для этого ей пришлось прищурить один глаз, потому что пальцы начали предательски двоиться.

— Арха! — голос Тхия вобрал все осуждение, которое Тьма отвела этому миру.

— Что? — невинно поинтересовалась она и опять легла на стол.

Устала студентка просто, позвоночник тело в вертикальном положении удерживать отказывался.

Стены кабака дрогнули, и, кажется, потолочные стропила, все-таки, треснули. Рев: «Любимый!» едва не смел ведунью с лавки. Нечто громадное и белое пронеслось перед её глазами и унесло на улицу всех трёх демонов разом.

*Вы же просто идеально дополняете друг друга!
Ты — серьёзная дура, он — весёлый идиот...*

Из рассуждений отца пяти дочерей

Где-то трубил рог. Низко, протяжно, заунывно. Словно скликая неупокоенные души во Тьму. Звук все длился и длился, на одной ноте, без перепадов и перерывов. Казалось, что он звучит от начала времён. И будет трубить, пока мир окончательно не развалится на куски.

Арха открыла глаза и уставилась на почерневший от старости потолок с пучками пожелтевшего, высохшего мха, забитого в щели между досок. Рог продолжал трубить. Девушка осторожно, чтобы не расплескать боль, тряхнула головой. Но, как ни странно, никакой боли и не было. Чувствовала она себя прекрасно — отдохнувшей и выспавшейся. Но лекарка отчётливо помнила... Точнее, ведунья не слишком отчётливо, но припоминала, будто вчера они с Ю несколько переусердствовали с поисками утешения в вине.

События, произошедшие до появления Дана, затягивал зыбкий и неуверенный туман. А вот то, что случилось потом... Лекарка помнила, как бросилась спасать своих демонов, которых в порыве чувств снесла северянка. Помнила, как выбежала на улицу, а дальше... А вот дальше начиналась Тьма. Как будто сразу за порогом таверны девушка провалилась в яму.

Придерживая голову — на всякий случай — Арха села. Оказалось, что лежала она на чем-то вроде деревянного топчана, сколоченного из практически необструганных досок. Но лежак не был жёстким. Шкуры, брошенные друг на друга, делали ложе мягким и теплым.

Ведунья запустила пальцы в длинный мех с таким густым подшёрстком, что ладонь в нем просто утонула. Лекарка провела рукой по шкуре против ворса, следя, как серебристо-белая шерсть становится почти чёрной. Но стоило ей убрать ладонь — и шелковистые волоски легли на место, а мех опять стал бледно-серым. Арха даже не представляла, какому животному могла принадлежать такая-то роскошь.

Кроме топчана, на котором она сидела, в комнате с низким щелястым потолком стоял ещё грубо сколоченный стол, пара таких же примитивных табуретов и сундуки у стены. Хотя последние, скорее, стоило назвать коробами. Они были сплетены из полос странной серебристой коры и украшены выжженными рисунками. Такими примитивными, как будто их ребёнок делал. Нечто вроде «палка-палка-огуречик», но что-то в них завораживало.

Рог, наконец-то, замолчал. Арха прислушалась, пытаясь уловить хоть какой-то звук, но безрезультатно. Кругом стояла просто оглушающая тишина. Девушка выпуталась из шкур и спустила ноги на пол. Ступни в лёгких сапожках мгновенно окоченели, словно ведунья их в ледяную воду сунула.

Выбрав из груды мехов шкурку поменьше, лекарка, ёжась от холода, накинула её на плечи и толкнула дверь. Но открыть створку Архе удалось только с пятого раза. Дерево разбухло, и дверь сидела в притолоке плотно, как притёртая пробка.

Весь мир наполнял плотный, сырой туман. Такой густой, что ведунья каменистую землю с пожухлой, покрытой изморозью травой, не видела дальше, чем на пару шагов. А больше ничего и не было — только туман, земля, гравий и трава. Арха даже не могла понять,

какое сейчас время суток.

Ведунья провела рукой по мшистым брёвнам, из которых была сложена стена дома, ощутив на пальцах холодную влагу и липкую слизь лишайника. Втянула воздух, пахнувший чем-то незнакомым, острым и будоражающим. Вера в реальность происходящего становилась все слабее.

Внезапно, абсолютно бесшумно, даже не потревожив хрусткой травы, прямо перед ведуньей из тумана вынырнул зверь. Он был похож на волка, только вот его лобастая голова находилась примерно на уровне плеча девушки. Да и о белых, как будто седых, волках она никогда раньше не слышала.

Зверь встал, широко расставив лапы, буквально в шаге от Архи. Лекарка чувствовала запах мокрой шерсти, не псины — просто намочшего меха. Волк нагнул голову, глядя на неё исподлобья, но без агрессии. Хотя его почти белые, лишь слегка отливающие серым глаза, вообще ничего не выражали, как будто были сделаны из стекла.

Опять затрубил рог. Девушка одновременно со зверем посмотрели в сторону, откуда лился звук. Но ведунья ничего кроме тумана не увидела. Арха нашарила у себя за спиной открытую дверь в дом. Волк тихо, утробно зарычал. При этом он даже пасти не открыл, не оскалился. Как будто рык рождался где-то в глубине его громадного тела. Лекарка замерла на месте, не рискуя больше шевелиться.

Волк вдруг поднял голову, насторожив большие, мохнатые даже изнутри, уши. И одним прыжком нырнул в туман, мгновенно пропав в нем, словно утонув во влажной взвеси. И опять девушка не услышала ни звука, кроме стога рога.

— С добрым утром, — раздалось чуть сбоку от ведуньи.

Она заорала и даже присела на корточки, почему-то зажимая ладонями уши. Ей уже и не казалось — лекарка буквально чувствовала, что сходит с ума.

— Тихо, тихо, это я! Арха, успокойся.

Ведунью обняли чьи-то тёплые руки, прижимая к широкой груди, загораживающей от всего этого промёрзшего, сырого кошмара. Перед глазами лекарки маячила рыжая прядь, покрытая прозрачными капельками влаги. Большая, странно жёсткая ладонь, гладила девушку по затылку, словно стряхивая панику.

— Тхия? — наконец, смогла выдавить Арха, поднимая голову.

Спокойная улыбка демона показалась ведунье солнцем. Она была реальной, привычной и настолько тёплой, что ледяной узел, в который скрутило внутренности, начал слабеть.

— Он самый. Испугалась? Наверняка решила, что уже во Тьму отправилась?

Девушка только кивнула, судорожно цепляясь за арифеду.

— А... мы где? — жалобно проскулила Арха, которой стало стыдно за собственную истерику.

Страшно, конечно, проснуться в мире, наполненном холодом и туманом. В котором живут огромные, тихие, как призраки, белые волки. Но это ещё не повод визжать, приседать и хвататься за ближайшего демона.

— Почти у меня дома. Но, конкретно сейчас, в гостях у клана Серой Лисы, — продолжая гладить ведунью по голове, как маленькую, с расстановкой пояснил Тхия.

— Какой ещё лисы? А нам домой никак нельзя? И где Дан?

— Лиса — серая. Дан, я думаю, в столице. А домой нам пока нельзя. И пошли-ка внутрь, а то ты совсем заледенела.

Демон подтолкнул девушку к избушке, но ноги ведуньи хозяйку слушать отказывались.

То ли Арха, сама того не заметив, промёрзла до костей, то ли это шок так сказывался, но конечности переставлялись как ходули, словно она разом всех суставов лишилась. Рыжий подхватил её на руки, зашёл в избушку, одной рукой закрыв за собой дверь. И усадил лекарку на топчан, закутав ещё в одну шкуру.

— Тхия, может, ты объяснишь, что происходит?

Арха сжалась под мехом в комок, подтянув колени к груди и грея ладони собственным дыханием. Где бы они ни очутились, холод здесь был просто изматывающим. Вроде бы и не мороз, но, продрогла ведунья так, что зубы начали дробь выбивать.

— Да, понимаешь, какая штука, — он уселся на стол, старательно рассматривая узоры на сундуках, но избегая почему-то даже голову в сторону девушки поворачивать. — Вы вчера таких дел наворотили, что... В общем, Ю меня похитила. А тебя прихватила случайно. Просто ты в неё вцепилась.

— Как похитила? — обалдело ахнула Арха.

От удивления лекарка вытаращила жёлтые глазищи и даже рот приоткрыла. А уши у неё встали торчком, как у настороженно прислушивающейся кошки.

— Как-как, — рыжий ухмыльнулся и покачал головой, словно сам не слишком хорошо понимая «как». — Как в романах благородные лорды прекрасных принцесс похищают? Принцесса — это я, — подумав, пояснил арифед.

— А благородный лорд — это Ю? — уточнила Арха.

Тхия кивнул в ответ. Девушке подумалось, что сегодня они только и делали, что друг другу кивали.

— И что теперь?

— А теперь все очень сложно, — рыжий почесал ногтем бровь. — Земли клана Серой Лисы территориально принадлежат мне. Но грахи законов империи не признают, а без таких союзников тут не обойтись. Поэтому я... женился.

— На ком? — осторожно поинтересовалась девушка, чуя сердцем, что риск расстаться с нижней челюстью для неё вполне реален.

— На жене своего брата. В смысле, на дочери их вождя. Ну, на Ао. По имперским законам это ничего не значит, но сама понимаешь, традиции. Н-да, в общем-то, жён у меня здесь две. Ао и её младшая сестра Ол.

— Я даже знать не хочу, зачем ты женился на сестре, — решительно тряхнула головой Арха. — Ты к сути перейди, пожалуйста, пока я совсем не спятила.

— К сути? М-да... — кажется, к сути демону переходить не хотелось категорически. — Понимаешь, когда нас Ю вчера сюда через Тьму приволокла, она на все побережье заявила, что бросает вызов любому, кто на меня посягнёт. К сожалению, и Ао, и Ол это слышали. И пока ситуация не утрясётся, нам придётся побыть здесь.

— Нет, мастер ректор, ваш ответ слишком неполный. Будьте любезны, разверните его, — съязвила ведунья.

— Тьма! Ну что тут непонятного?

Он спрыгнул со стола, и начал расхаживать от стены к стене, благо для этого ему нужно было сделать всего три шага. Арха следила за ним, чувствуя, что у неё самой под черепной коробкой появился маятник.

— Есть законное место моей жены. И любая может его занять, если ей на это сил хватит. Ю бросила вызов и будет пытаться воспользоваться правом сильного. И не она одна. По такому случаю женщины грахов со всех ближайших кланов сбегутся.

— То есть, это что-то типа рыцарского турнира будет? — скептически поинтересовалась лекарка. — С тобой, в качестве почётного кубка?

— Да! Да, Тьма!

Арха не была уверена, что весь этот бред стоит того, чтобы увидеть психующего Тхия. В принципе, его бешенство ничем не отличалось от злости всех остальных демонов. Стандартный набор: вопли, стучание кулаком в стену, сверкание глазами и бешеные оскалы. Ну, может, у рыжего оскал был пострашнее. Все-таки, клыки у арифедов побольше обычных, хотя они их по прямому назначению и не используют.

— А твоё мнение тут не учитывается? — осторожно спросила ведунья.

— Нет! Я согласился жениться, мои жены живы. Значит, любая может занять это место, понимаешь?!

— Нет, — покачала Арха головой, — но ладно. Будем считать, что так и положено. Ты мне объясни, почему мы не можем вернуться? Ну, пусть они тут сами разбираются у кого длиннее... э-э-э... мускулы. А мы их в столице подождём, а?

— Если я присутствовать не буду, то нанесу всем кланам, чьи дочери будут участвовать, смертельное оскорбление.

— Ну, ладно... Жаль, конечно. Но тогда отправь меня быстренько обратно. Я за тебя и на расстоянии болеть буду, честно.

— Не могу, Арха... — почти простонал Тхия. — У них с женщинами вообще туго. Девушка, достигшая зрелости, либо принадлежит кому-то, либо доказывает свою независимость. Поскольку мы тут очутились вместе, то у меня выхода другого не было, кроме как тебя своей назвать. А принадлежащая всегда должна быть рядом с господином. Такой закон и у грахов, и у арифедов. Меня никто не поймёт, если я тебя отошлю.

— Интересно, а Дан поймёт? — спросила лекарка у потолка.

Тхия плюхнулся на табурет, запустил пальцы в шевелюру и глухо застонал. В принципе, ведунья его понимала. Перспективы у рыжего были так себе. Сначала ему предстояло насладиться битвой буйволиц, бодающихся за его белое тело, руку, сердце и прочие органы. А потом демону стоило эти самые органы преподнести в подарок лучшему другу. А-то друг их сам вынет. Особо жестоким способом.

— Нет, но я-то какова, а?! Кто ещё в наше время может похвастаться, что в прямом смысле мужику принадлежит? А вот меня угораздило быть собственностью аж двух разом, — задумчиво протянула Арха. — Интересно, в чем таком я провинилась в прошлой жизни, что меня Тьма теперь так карает, а? Неужели, войну развязала и собственноручно прикончила пару тысяч младенцев?

Рыжий ей ничего не ответил, продолжая раскачиваться на табуретке. Кажется, близкий к тому, чтобы начать себе шевелюру выдёргивать. А ведунья загрустила, улёгшись щекой на собственном колене. То, что с арифедом Дан поступит вопреки всем принципам гуманизма — было понятно. Но и её собственное будущее с хаш-эдом терялось в тумане, который царил за стенами избушки.

* * *

Дверь, хлопнув разбухшим деревом, открылась, и на пороге появился демоненок, усердно делающий вид, что его тут нет. Он сложил руки за спиной, рассматривая потолок и

заученно протарахтел:

— Мать просит уважаемого отца возглавить стол и благословить пищу.

— Чьего отца? — с разгону Арха ничего не поняла.

Хотя надобность в вопросах отпадала, стоило присмотреться к мальчонке. Глаза у пацана были белые, кожа тоже отливала всеми оттенками снега. А вот волосы, брови и ресницы сверкали фирменной рыжиной. Если бы Тхия даже хотел отвертеться от отцовства, то у него это вряд ли получилось. Рыжие демоны вообще встречались редко.

— Передай уважаемой матери, что мы идём, — тяжело поднимаясь с табуретки, велел арифед.

Пацана с порога как ветром сдуло — только дверь бухнула.

— А много у уважаемого детей? — невинно поинтересовалась ведунья.

— Трое, — коротко ответил мрачный демон.

— Здесь или вообще?

— Здесь. И вообще. Больше у меня детей нет. Жён тоже.

— Это радует, — не могла не отметить лекарка. — А говорят, что у демонов проблемы с рождаемостью. Тому, кто проливает слезы над демографией, стоит посоветовать обратиться к императорским гвардейцам. Они вмиг все проблемы решат.

— Арха, у меня огромная просьба. Умерь свой сарказм хотя бы на время. И без тебя голова лопается. Все совсем не так, как оно выглядит!

Девушка удивленно глянула на него, но решила промолчать. Обычно Тхия был спокоен, как стадо коров на выпасе. Вывести его из себя представлялось делом практически нереальным. Но, видимо, весь происходящий бред несчастного демона допёк сильно.

Но, с другой стороны, это-то как раз Арху ни сколько и не удивляло. Рыжий был таким же лордом и гвардейцем, как и все остальные. Значит, и для него гордость стояла на первом месте. А тут мало того, что от него ничего не зависит. Так ещё, вдобавок, он выступает в роли ценного приза, за которым бабы охотятся. Это Тхия-то, прославленный рыцарь и спаситель!

— Тхияш, а нельзя ли мне добыть что-нибудь потеплее? Иначе я тут от холода загнусь, — жалобно попросила ведунья, старательно отгоняя от себя горячее сочувствие демону.

— Это из-за океана. На самом деле, не так уж и холодно. Но я спрошу у Ао, она что-нибудь тебе подберёт. А днём отправимся в мой замок, там теплее, — рассеянно ответил рыжий.

* * *

Оказалось, что пока они дуэтом о несправедливости судьбы печалились, туман успел рассеяться. И стоило Архе выйти на порог, как у неё дух перехватило. Она не считала себя ценительницей природных красот. Но, наверное, к такой картине равнодушным никто остаться бы не смог.

Избушка, из которой они вышли, стояла на самом верху плоской скалы, густо поросшей темным еловым лесом. От него был очищен только пяточек и на нем, в кажущемся беспорядке, едва возвышались над землёй дома, походивших на спины вынырывающих китов.

Покатые земляные насыпи с пробивающейся рыжеватой травой, заменяющие тут крыши, были не выше головы Архи. Сами бревенчатые жилища, узкие и длинные, будто вращались в скалу. Тянущиеся в белёсое небо дымки пробивались наружу не через трубы, а просто сквозь дырки в покатых холмиках.

Но ведунью поразили не постройки. Далеко-далеко под ними, так глубоко, что голова начинала кружиться, бликовала под лучами тусклого солнца вода. Она была необыкновенной, чуть голубоватой и такой прозрачной, что лекарка могла разглядеть на дне тысячулетние валуны. Каждый из них, наверное, был размером не меньше дома, но отсюда они казались простой галькой.

Узкую полоску воды как будто сжимали с двух сторон скалистые стены, покрытые сверху пушистой оторочкой тёмного леса. И с этих скал вниз, дробясь и рождая облака мелкой водяной пыли, в которой купались радуги, рушились сотни, если не тысячи, водопадов.

Тхия успел уйти вперёд и вернуться, пока девушка, буквально раскрыв рот, любовалась красотами. Он что-то буркнул себе под нос и взял Арху за руку. Наверное, чтобы ведунья не потерялась по дороге.

— А почему на дне водорослей нет и вода прозрачная? — оскальзываясь на заиндеветой траве, спросила Арха.

— Потому что вода очень холодная, — неохотно пояснил рыжий.

— А как это все называется? — лекарка махнула рукой в сторону скальных стен.

— Фьорд это называется.

— Это океан, да? А почему волн нет?

— Потому что скалы служат волнорезами. Волны сюда не доходят.

— А...

Тхия остановился, резко развернувшись к ведунье.

— Арха, когда я просил тебя сдержать свой сарказм, то не подразумевал, что ты его заменишь детской непосредственностью. Будь добра, просто помолчи, ладно?

Девушка обиделась. Ничто ничем она заменять не собиралась. Просто... Ну, что ведунья видела в своей жизни? Родную деревню да столицу. А тут все было настолько новым и необычным, что лекарка просто ошалела от обилия впечатлений.

«Что с них, лордов, взять? Чурбаки бесчувственные!» — недовольно констатировал её внутренний голос. И Арха была с ним полностью согласна.

Убедившись, что просьбе девушка вняла и заткнулась, Тхия, по-прежнему держа её за руку, вошёл в один из китоподобных домов. Для того чтобы не снести затылком притолоку, ему пришлось нагнуться. Ведунья представила, как внутрь зданий попадают не в меру рослые грахи, и хихикнула. Вероятно, северяне не иначе, как на четвереньках в дома вползали.

Внутри домина оказался даже больше, чем снаружи. А может, Архе это померещилось потому, что тут почти не было мебели. Только у противоположного конца стоял длинный стол с лавками. Да прямо посередине залы горел обложенный плоскими камнями очаг. Половицы вокруг него были разобраны и аккуратной стопочкой лежали рядом.

Ещё в доме имелись топчаны, вроде того, на котором ведунья проснулась. Они стояли в углу, поставленные один на другой. А сверху на них была кинута гигантская груда меховых шкур. На этом обстановка заканчивалась.

Рядом со столом, за которым могло бы усесться сразу грахов двадцать, стояли две

белёные демонессы, давешний парень, девочка, чья макушка едва возвышалась над столешницей и старуха, держащая на руках голопопного младенца. То есть, на нем действительно была только одна тоненькая рубашечка — и больше ничего. А лекарке и в накинутой поверх платья шкуре было холодно. Кстати, все три дитёнка щеголяли рыжими шевелюрами. Стоило отдать ему должное, Тхия был силен.

Арифед уселся за один конец стола, жестом указав Архе на другой. Пришлось ей подчиниться странно молчаливому гостеприимству и занять своё место. Женщины и дети остались стоять. Только невесть откуда взявшаяся бесса, видимо служанка, начала метать перед ведуньей полные тарелки. Причём девушке показалась, что она с большим удовольствием швырнула бы их не на стол, а Архе в лицо.

Аппетит ведунью покинул, махнув на прощание ручкой. Она и представить не могла, как вообще можно есть рядом с этими ожившими статуями, которые даже смотрели строго перед собой. И это вот отважные воительницы, собирающиеся в бою защищать своё право? Да они не то, что рта раскрыть — сесть рядом со своей «принцессой» не смели.

Но и выбора особого у лекарки не имелось. Она взяла ложку и вяло поболтала ею в похлёбке, в которой плавали разваренные куски рыбы. Супец, хоть и густой, даже внешне аппетитно не выглядел.

— Ешь, Арха, — скомандовал Тхия таким голосом, что лекарка даже вздрогнула. — В следующий раз поесть удастся только в замке.

— Да, мессир, — сладеньким голоском пропела девушка, — как прикажет мой господин. А ничего, что я сижу? Может быть, мне подобает есть на полу? А то ваше присутствие своим... величием подавляет скромную меня.

Рыжий ей ничего не ответил, только глянул выразительно. Наверное, по задумке, ведунья должна была подавиться рыбной костью.

— Значит, сидеть, все-таки, можно, — констатировала Арха.

— Эй ты, чёрная! — заорал кто-то дурниной так, что лекарка действительно едва не подавилась, — Я — сильнее!

Ведунья, не зная, что ответить, пялилась на девицу, которая подлетела к столу, и, игнорируя сиятельного Тхия, нависла над девушкой, уперев оба кулака в столешницу. Архе подумалось, что она сильно ошибалась, считая Ю большой. Просто до этого момента лекарка больших женщин не видела. Рыжий бы ей, наверное, макушкой даже и до груди не достал. А маленькая метиска просто терялась на фоне этого богатства. Пожалуй, одна грудь грахи была размером с голову студентки. А у девахи их было две, естественно.

— Я — сильнее! — повторила северянка с нажимом.

— Да я и не спорю... — пролепетала Арха, неуверенно пожимая плечами.

— Ты что, не поняла? Я хочу занять твоё место!

— Да, пожалуйста, — ведунья начала вставать, чтобы уступить этому монстру своё место. — Присаживайтесь. Я, лучше, действительно в уголочке постою.

— Я тебя вызываю, ворона! — рассеяла сомнения лекарки громила.

— Зачем? — обалдела девушка.

— Я — сильнее!

Граха грохнула кулаком по столу так, что все тарелки перед ведуньей подпрыгнули, а неаппетитная похлёбка растеклась по столешнице такой же неаппетитной лужицей. Арха тихо порадовалась, что так ни ложки и не съела. Потому что в лужице плавал мутный рыбий глаз.

— Да я и не спорю... — машинально пробормотала лекарка, разглядывая рыбий орган.

— Ты что, издеваешься? — взревела гигантша так, что у девушки порывом воздуха даже волосы с лица сдуло.

— Нет, с чего вы взяли? — испуганно пискнула студентка, пытаясь изобразить преданный и доверчивый взгляд несчастного котёнка.

Уши, поджавшиеся сами собой, помогли ей справиться с задачей. Вот только северянка обладала, видимо, каменным сердцем. Потому что она продолжала сверлить ведунью взглядом, в котором не было и намёка на жалость.

Арха в панике оглянулась, стараясь найти пути отступления — можно даже и не слишком достойного. Но их не было, потому что граха наглухо перекрыла дорогу своей тушей. Зато лекарка заметила, что одна из супружниц явно старается спрятать ехидную ухмылочку. Получалось это у неё не слишком хорошо. Мысли в голове у ведуньи забегали, как испуганные тараканы. Но картина начала проясняться.

— Поправьте меня, если я не права, — постаравшись быть как можно более вежливой, попросила Арха. — Вы желаете, чтобы лорд Сареш...

— Меня тут называют То, — перебил студентку этот самый лорд, пряча лицо за рукой.

— А ты не хочешь мне помочь? Меня тут убивать собираются!

— Арха, я, правда, ничего сделать не могу. Поговорим потом...

— У кого-то есть все шансы до потом не дожить, — буркнула ведунья. — Ладно. Итак, вы желаете, что бы этот самый То назвал вас своей и поэтому вызываете меня на поединок?

Громила в ответ кивнула, ощерившись в подобие улыбки. Может, кому-то, она могла показаться милой, лекарке же живо напомнила оскал пещерного медведя. Хотя она этого зверя никогда и не видела.

— За-ме-ча-тель-но. А отказаться я могу? — поинтересовалась Арха, умудряясь все ещё оставаться вежливой.

Гигантша отрицательно помотала головой и разулыбалась еще шире.

— Ещё замечательнее. И эпическая битва должна состояться здесь и сейчас?

— Чего?

Ведунья несколько не удивилась, что граха её не поняла. Равновесие всегда распределяет ресурсы справедливо. Добавление к такому обилию плоти большого количества мозгов было бы уже явным излишеством.

— Я говорю, башку ты мне отрывать прямо сейчас будешь или погодишь? — перевела лекарка своё предположение на язык родных елей северян.

— Погожу. Сначала за место жён будут драться. А потом уж я тебя поломаю, — порадовала студентку девица. — Я — сильнее! Я — сказала, ты — слышала.

— Да это мы уже выяснили...

Гигантша, саданула напоследок по столу ещё раз и, даже не глянув на своего будущего господина, гордо удалилась. Арха осталась сидеть, разглядывая рыбий глаз и пытаясь проглотить бешенство. Получалось не очень. Ярость кипятила мозги, превращая их в парящий суп.

— Ну, будем считать, что мы остались в тесном семейном кругу. Дети, закройте, пожалуйста, уши, — попросила ведунья, обращаясь к рыженьким демонятам.

Ребятня уставилась на неё, но просьбу выполнили. Арха набрала в легкие воздуха и выдала все, что слышала за пять лет жизни в районе Весёлых Висельников. Добавив к этому знания, подчерпнутые у сифилитичной шлюхи. И полирнув сверху все это богатство

лексиконом Ируш. Под конец тирады нянька, не меняясь в лице, сама прикрыла уши младенцу. Хотя на него, вроде бы, речь студентки должна была произвести минимальное впечатление.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался Тхия тихо, дослушав лекарку до конца.

Вид у него был задумчивый.

— Со мной? Со мной все отлично, — заверила Арха, переведя дух. — С вами не все хорошо. Я понимаю, что изменить уже ничего нельзя и придётся придумывать, как вытаскивать мою нежную задницу из этого... Причём, придумывать придётся тебе. Но у меня огромная просьба к вам, мессеры, просто гигантская. Прежде чем втягивать меня в свои проблемы... Разберитесь! Со своими! Бабами!

— Ты сейчас о чем?

— Я о чем?! Да так, о мелочи. Может ты помнишь, что Дан решил предъявить на меня свои права, не учтя в планах Адашу? А теперь, я смотрю, ситуация повторяется. Твои жены не согласны с моим присутствием в их жизни. Поэтому они то ли наняли, то ли подбили эту громилу меня порешить. Слушай, прекрасная принцесса, я за твою руку и сердце умирать не подписывалась. Так что, реши это все побыстрее и к взаимному удовольствию, ладно? Пока Дан тут не появился, — мстительно закончила она свою тираду.

Арха встала и с размаху отвесила поясной поклон обеим супругам.

— Дан тут не появится. Никогда, — как-то устало сообщил Тхия. — Придётся тебе потерпеть до возвращения в столицу.

Девушка притормозила, выдохнула, но ничего спрашивать не стала. Вылетела она из дома стрелой — просто оставаться боялась. Ведунья и так понимала, что наорала она на демона совершенно зря. Все-таки, в их законах и обычаях лекарка разбиралась слабовато. Кто знает, как ему могли повредить её вопли. Но если бы она задержалась в доме, то совершенно точно навредила бы ему с точки зрения законов империи. За пробитую башку лорда в их государстве орденами не награждали.

* * *

На улице по-прежнему не было ни души. Только тускло поблёскивало солнышко, зеленел лес на скалах, да радуги купались в водопадах. На ходу попинывая траву, Арха добралась до края обрыва и уселась на нем, поджав колени к подбородку.

Неплохо бы было найти Ю и отвернуть ей голову. Но ведунья пока предпочитала разглядывать разноцветные, словно акварелью нарисованные валуны под водой. А то, неровен час, лекарка и северянку могла покалечить, не заметив их разницы в габаритах.

Мелькнула мысль о том, что надо будет попросить Тхия перед битвой с «сильной» её так же завести. Тогда у ведуньи мог появиться шанс на победу. Например, девушка могла укусить граху за пятку, и громила от такой подлости отравилась бы и умерла.

— Уважаемая здорово ругается, — незаинтересованным тоном сообщил кто-то, стоящий у Архи за спиной.

Ведунья глянула через плечо на столь высоко оценившего её таланты, и очутилась нос к носу с белым зверем, похожим на волка. Его ничего не выражающие глаза оказались всего в ладони от лица лекарки. Девушка шарахнулась, едва не слетев вниз, но рыжий мальчишка поддержал её не по-детски сильной рукой, не дав свалиться в обрыв.

Волк, препаскудно усмехнувшись чёрной пастью, отбежал в сторону, развалился, подставив солнцу мохнатое пузо. Видимо он, в отличие от демоненка, не считал ведунью объектом, достойным внимания.

— Уважаемая боится Призраков? — удивлённо спросил он.

— Уважаемая вообще жуткая трусиха, — пробурчала Арха, отодвигаясь в сторону от зверя.

— Это недостойно женщины, — укоризненно покачал головой пацан.

— Только это и достойно, — убеждённо ответила ведунья, — позволяет остаться живой.

— Жить должен сильный, слабый обязан умереть, — равнодушно пожал плечами рыжий.

— То есть, если бы я тебя или твою сестрёнку вниз спихнула, то была бы глубоко права? Кстати, как тебя зовут?

— Дан, — ответил он, явно размышляя над её вопросом.

Арха поперхнулась. Вряд ли такое имечко выбрали случайно. Слишком уж оно не похоже было на местные.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это тебя так отец назвал?

— Мать. Сначала-то меня по другому звали, но мать хотела уважаемому отцу сделать приятное. У него друга так зовут.

— В смысле?! — ведунья обеим ладонями с силой потёрла уши. Не столько потому, что они замёрзли — хотя замёрзли, конечно — сколько для того, чтобы в голове хоть чуть-чуть прояснилось. Ощущение ирреальности становилось все сильнее. — Чего-то я не поняла. Тебе стали называть по-другому, лишь бы Тхия приятней стало?

— Ну да! — серьёзно кивнул мальчишка. — Сначала моя уважаемая мать и её уважаемая сестра были жёнами того, кто старше моего отца, а потом...

— Стой-стой! — почти завопила лекарка. — Кто старше кого?

— Мой старый отец старше То, — терпеливо ответил рыжий, искоса поглядывая на Арху.

Его она тоже явно веселила.

— Я ничего не понимаю, — жалобно призналась девушка то ли небу, то ли холодному морю под ногами. — То есть, не Тхия... в смысле То... Короче, не он тебя родил?.. Тьфу, Тьма! Он тебе не родной, да?

— Как же не родной? — маленький Дан, кажется, даже обиделся. — Род то один!

— Не-ет, давай попробуем зайти с другой стороны. Твоя мать — она чьей женой сначала стала?

— Старшего То, — мальчишка начал раздражаться на её недогадливость. — А потом...

— Ага, но с «потом» ты погоди пока. Старший То теперешнему кем приходится?

— Братом, старшим, — почти прорычал пацан, и даже для наглядности рукой показал.

По его жесту выходило, что чем арифед «старше», тем выше.

— Вот, видишь? Ситуация уже проясняется, — порадовалась ведунья. — Твоя уважаемая мать... тьфу ты! Твоя мать стала женой старшего брата Тхия. А потом?

— Потом я родился и младшая моей уважаемой матери тоже пошла за То, потому что он сильный и могучий воин и плодовитый отец, — важно пояснил рыжий. — И родились Эа и Си. А старый То взошёл на костёр и новый...

— Не торопись. То есть, сначала родились твоя сестрёнка с братиком, а ваш отец... —

*Часто ли глядя в зеркало ты думаешь,
кто может смотреть на тебя с другой стороны?*

Из проповеди странника Бэхора

Архе не с чем было сравнивать — замков она раньше никогда не видела. Но родовое гнездо семьи Сареш подавляло и размерами, и величием, и цветом... В общем, оно подавляло. Тот, кто возвёл его на самой вершине скалы, знал что делает. Наверное, инженера, в первую очередь, интересовала фортификация. И, на дилетантский взгляд ведуньи, с задачей он справился. Так как к одним единственным воротам в крепостной стене можно было попасть по одной единственной, крутой и узкой, дороге.

Но лекарку замок впечатлил совсем по другой причине. Скала, служившая его основанием, возвышалась над фьордом под тупым углом. И площадка, на которой виднелась корона стен и башен, ещё больше выдавалась вперёд над скальным массивом. Издалека казалось, что чёрное сооружение просто парит головокружительно высоко над водой в прядях поднявшегося к вечеру тумана. А вблизи скала напомнила руку с раскрытой ладонью, держащую дом Сареш.

— Вам там не страшно? — скептически поинтересовалась девушка, заодно впервые нарушив молчание, в котором они ехали от одного фьорда до другого. — А вдруг эта «ладошка» обломится?

— Нет, — кончиками губ усмехнулся Тхия, — эту скалу зовут «Ладонь Тьмы». Разве она может обломиться? Хотя, конечно, инженеры регулярно спускаются вниз и проверяют стены.

— По-моему, у кого-то обнаружилась тщательно скрываемая мания величия, — буркнула ведунья. — А с разнообразием названий в империи и впрямь труба. Прав Дан.

— Не так уж и тщательно я скрываю свою манию величия. Просто в столице я один из многих. А здесь все принадлежит мне, — заверил ее рыжий, — Арха, мы обязательно поговорим. Я тебе все расскажу и, даже, покажу. Но не сейчас, ладно?

Он выразительно покосился на своих спутников — пятерых грахов, по сравнению с которыми все местные женщины выглядели изящными малютками. Кони, под северянами и бежавшие рядом волки, тоже отличались внушительными размерами. И все они дружно делали вид, что разговор их не интересует совершенно.

В общем, ведунья восприняла намёк Тхия как вежливую просьбу заткнуться. И посчитала, что для неё возникло достаточно веское основание.

К вершине скалы, по дороге, все время забирающей достаточно круто вверх, они поднимались часа три. Сначала сосны, росшие плотной стеной по сторонам каменистой тропинки, закрывали верхушками замок. Но чем выше всадники оказывались — и чем холоднее становилось — тем больше Арха могла увидеть. Издалека камень, из которого было сложено жилище, казался антрацитово-черным, но, подъехав, лекарка убедилась, что он, скорее, темно-серый.

— Это базальт, — пояснил Тхия, — у нас есть свои каменоломни. Если будет время, я тебе их покажу. Они выглядят очень необычно. Камень там не лежит пластами, как везде. А

как будто растёт такими многогранными столбами. Представляешь себе, словно стены, сложенные из плотно пригнанных колон?

Нет, стены из колон Арха не представляла, а вот прирождённого преподавателя начала узнавать. Честно говоря, лекарку брало сомнение, что каменоломни могут быть интересными. Стены замка занимали больше. Они оказались высоченными. По прикидкам девушки метров двенадцать — не меньше. Через каждые сто-сто пятьдесят шагов из них выдавались пузатые бока круглых башен с остроконечными черепичными крышами, на которых развевались голубые флаги.

В конце концов, они выехали сначала на плоскую, лишённую деревьев, площадку, а потом добрались и до ворот. К глубокому разочарованию ведуньи, ни рвов, ни подъёмных мостов, которые обязательно должны были подниматься с оглушительным скрежетом, не наблюдалось. Хотя, наверное, в скале рвы копать было проблематично. А вот сами ворота, с высоченными, под стать стене, створками, сложенные из цельных брёвен, присутствовали. Как и две решётки, сваренные из прутьев, каждый толщиной с три руки девушки.

Стоило им въехать под арку, как в стылом воздухе пронзительно и, как показалось лекарке, угрожающе, взревели трубы.

— Чего это они? — прошипела Арха, невольно поджимая уши.

— Приветствуют господина, — даже бровью не дёрнув, пояснил Тхия, — меня то есть.

— А... Ну-ну...

Лекарка и сама не знала, чего она ожидала, но за стенами оказался ещё никакой и не замок. А нормальный такой городок, с улицами, крохотными площадями и двухэтажными ухоженными домиками. Первое, что заметила ведунья — это удивительную чистоту на улицах. Даже сточные канавы были закрыты глиняными крышками-полусферами. Поэтому внутри стен пахло только морем. Правда, жить здесь было, наверное, не слишком уютно. Ветра тут дули как будто со всех сторон разом.

На встречу въезжающим, кажется, высыпали все жители городка. Но поразило Арху не это. А то, что при появлении Тхия население в едином порыве вставало на колени, призывая милость Тьмы к своему господину. Причём, рожи у них при этом были такие счастливые, словно он монеты разбрасывал! Сам же Тхия смотрел только вперёд и даже ручкой не помахал.

Проехав по центральной, наверное, улице, всадники очутились перед миниатюрной копией крепостных стен — все те же башни и ворота, только поменьше. Трюк с трубами, которые начали ведунью серьёзно раздражать, повторился. За очередными воротами оказался мощный двор. Он был таким огромным, что мог без труда вместить пару университетских площадей.

Замок лекарка себе представляла совсем не так. Во-первых, практически по всему периметру этого... — ну, пусть будет, двора — располагались какие-то постройки явно хозяйственного назначения. Например, из одной из них доносились характерные металлические звуки, непрозрачно намекающие, что там находится кузня. Во-вторых, само слово «замок» у неё ассоциировалось, скорее, с дворцом. Здесь же была ещё одна башня. Пусть квадратная, пусть здоровенная, в пять этажей, но башня. С притулившимся сбоку двухэтажным каменным крылом, сильно смахивающим на казарму.

И ещё Архе мерещилось, что внутри должно быть пустынно. Ну, разве что, дамы с кавалерами под ручку могли прогуливаться в розарии. Тут дам с кавалерами не наблюдалось. Как и розария, впрочем. Зато имелась толпа мастеров и не меньше солдат. Надо ли

упоминать, что все присутствующие со счастливыми физиономиями опять повалились на колени?

— Тебя проводят, — сообщил Тхия девушке, помогая ей слезть с лошади.

— Эй, а разговор? — возмутилась Арха. — А объяснения?

— Терпение есть великая добродетель, — сообщил студентке рыжий и тихонько щёлкнул её по носу.

Ведунья обиженно насупилась, но мина девушки ни на кого особого впечатления не произвела.

* * *

Условия жизни в замке оказались суровыми. Вместо роскошной мраморной ванны с горячей водой как в особняке Харратов — медный таз и кувшин. Вместо застеклённых окон — узкие бойницы в стенах, да ещё и наглухо закрытые ставнями. Что, впрочем, от сквозняков не спасало. Плотный и тяжёлый полог на кровати служил не изящным элементом декора, а способом закрыться все от тех же сквозняков. И, как начала опасаться Арха, он предохранял ещё и постель от грязи и мусора, которые могли осыпаться со столетних балок.

Лекарка бы не удивилась, если тут и летучие мыши водились. Потому что в присутствии обыкновенных крыс, наглых и абсолютно её не боящихся, девушка могла убедиться самолично. Каменный пол был устлан соломой. Наверное, тоже для тепла. Поскольку камин, как показалось Архе, здесь сложили только для того чтобы дрова переводить. Другого толка от него было немного.

В общем, суров северный народ.

Когда служанка вежливо предложила переодеться девушке в платье, ведунья едва не завизжала от ужаса. Конечно, шерстяные штаны, такая же рубашка и меховая жилетка, отобранные, как Арха подозревала, у кого-то из детёнышей грахов, были не слишком изысканы, непривычны, да и натирали в особо интимных местах. Но, зато, в них было тепло.

Вместо чая, который ведунья попросила, ей в оловянном кубке горячее вино с какими-то специями принесли. Пришлось с вежливой улыбкой напиток отправить в камин. И терпеливо дожидаться, пока о лекарке соизволят вспомнить.

Ждать пришлось долго. Арха уже подумывала, не поколотить ли оловянным кубком о каминную решётку, привлекая к себе внимание. Но побоялась, потому что на зов вполне могло явиться и какое-нибудь не слишком дружелюбное приведение. Тем более что в вое ветра, который тут не затихал ни на минуту, поселившись и снаружи, за стенами, и в самих стенах, и в каминной трубе, ей слышался стон неупокоенных душ.

Ужин лекарке принесли в комнату. И хотя желудок непрозрачно намекал, что его требуется регулярно кормить, съесть ведунья смогла только хлеб. Сыр оказался козьим и таким солёным, что у неё язык перестал вообще что-либо чувствовать после первого же кусочка. А мясо было представлено в виде дичи, с которой Арха познакомилась ещё зимой. И знакомство возобновлять ей не хотелось.

Ведунья забралась на кровать, как и была, не снимая меховых сапожек. Обняла подушку, со всех сторон обсасывая мысль, что северная природа великолепна, а все остальное тут предназначено исключительно для мазохистов. И под эти неутешительные думы она почти

задремала, когда в дверь комнаты коротко постучали.

— К тебе можно? — корректно поинтересовался Тхия.

— Зачем вы постоянно спрашиваете разрешения? Все равно, если вам нужно, то вломитесь. Не смотря на то, что я отвечу.

— Дань вежливости? — пожал плечами рыжий, устраиваясь в кресле, предусмотрительно пододвинутому к камину.

— Сомневаюсь, что в здешних краях вообще подозревают, что такое вежливость, — проворчала ведунья, подкладывая под спину подушку.

— Подозревают. Просто вежливость у каждого своя. Итак, с чего начнём?

— Давай пройдемся по ключевым моментам, — деловито предложила Арха. — Что это за бред о том, что Дан тут появиться не может? И, пожалуйста, дай мне развёрнутый ответ.

— Арха, ты когда-нибудь слышала такое выражение: «Не заглядывай во Тьму, иначе она может заглянуть в тебя»?

— Очень умно, невероятно изящно и потрясающе по-лордски. Но вы не на лекции, мастер ректор. И что это фигня значит?

Ведунья начала злиться — его явное нежелание ничего объяснять откровенно бесило.

— Это значит, что не стоит задавать вопросы, ответы на которые ты не хочешь услышать, — глядя на лекарку глазами мудрого и любящего дедушки, пояснил Тхия.

«Задаёшь откровенные вопросы, но не хочешь слышать откровенных ответов» — вспомнилось лекарке не к месту.

«А, может, ну их всех на фиг, а? Меньше знаешь — крепче спишь?» — пискнул её здравый смысл. Девушка всесторонне изучила этот вопрос.

— Я могу узнать что-то неприятное конкретно про Дана?

— Не думаю, — покачал головой Тхия.

— Про кого-то из вас? Например, про тебя?

— Вероятно. Но про меня ты, скорее всего, и так узнаешь много неприятного. И это я изменить не могу. Разве что запереть тебя в этой комнате, — рыжий тяжело, с явным сожалением, вздохнул. — Что само по себе невозможно. Ты должна быть рядом со мной.

— Ага, именно поэтому мы вернулись к проверенной традиции «девушка ужинает у себя в комнате»? — съязвила Арха.

Честно говоря, то, что за общим стол её не удосужились позвать, ведунью задело. Скорее всего, от такого лестного предложения она и сама бы отказалась. Но ведь не позвали же!

— Арха, я арифед. Как и большинство моих вассалов, — ласково, будто умалишённой, пояснил Тхия.

— Ну, я в курсе. И какие выводы мне стоит сделать?

— Вряд ли наш ужин доставил бы тебе эстетическое удовольствие, — усмехнулся он фирменной арифедской улыбкой, демонстрируя кончики клыков.

Ведунья почувствовала себя полной и окончательной душой. Нет, то, что арифеды питаются исключительно человеческой кровью, она знала. Но с Тхия у девушки эти знания никак не ассоциировались. Конечно, пару раз ведунья его видела с бокальчиком чего-то подозрительно красного. Но он же и ел вместе со всеми, и вино пил. Поэтому специфичность его... диеты у Архи из головы вылетела совершенно.

Действительно, данная трапеза наверняка задела бы её эстетические чувства. Вряд ли им кровь в бочках привозили.

— Извини, — покаялась лекарка, — не подумала.

— Нормальное твоё состояние, — усмехнулся Тхия и в воздухе перехватил полетевшую в него подушку.

— Ладно, умник. Так что там с Даном? — насупилась девушка.

— Уверена? — он посмотрел на Арху серьёзно, уже без всяких улыбок.

И, пожалуй, в этом взгляде было что-то ещё. Сожаление? Печаль? Только вот ведунья не была сильна в определении эмоций по глазам. Тем более, демоническим. Поэтому ей осталось только кивнуть.

— Но начать придётся издалека, — предупредил он.

— Да пожалуйста, — милостиво согласилась лекарка, — если не с рождения самой Тьмы, то можно.

— Не с рождения, чуть-чуть попозже. Ты знаешь, откуда взялись арифеды?

— Тхия, я на лечебном учусь, не забыл? Хаш-эды пытались решить проблему своей вечной жизни, которая не жизнь. И вывели вас. Ваше существование — это постоянная подпитка Жизнью с помощью человеческой крови. Поэтому вы тоже теоретически бессмертны. И со временем не превращаетесь в высохших мумий. Но сами Истинные решили, что эксперимент неудачный. Ответ засчитан, мастер ректор?

— Более чем, — ответил он несколько напряжённо, разглядывая собственные, сцепленные в замок руки.

— Ой, прости... — просипела Арха, в ужасе прикрыв рот ладонью. — Прости, я не хотела тебя обидеть.

На самом деле ей страстно захотелось побиться головой о кроватный столбик. Надо же было такое сморозить!

Девушка на четвереньках переползла на другой край кровати, поближе к рыжему, судорожно соображая, как загладить собственный ляп. Если бы демон сейчас ударил ведунью, то даже её собственный здравый смысл его оправдал. Специально будешь придумывать оскорбления, так не придумаешь такого. «Неудачный эксперимент»!

Но вместо того чтобы хотя бы подзатыльник дать или разораться, рыжий только опять щёлкнул Арху по носу.

— Все в порядке. То, что такт у тебя отсутствует напрочь, я и до сегодняшнего дня знал. Ладно, забыли. Давай лучше про... эксперимент. Никогда не задумывалась, почему его признали неудачным? И даже было время, когда хаш-эды перебили почти всех арифедов и не добились по простой случайности?

Ведунья помотала головой, усевшись и снова поджав под себя ноги. Честно говоря, о том, что Истинные пытались избавиться от собственного детища, она слышала впервые. Но, впрочем, лекарка никогда и не утверждала, что сильна в истории.

— Ты была права, когда сказала, что мы практически бессмертны, пока пьём человеческую кровь. В нас изначально нет ни крохи Жизни, только Тьма. Зато мы способны забирать чужую. Но у этого есть обратная сторона. Её называют Голод, с большой буквы. Но это не то слово. Голода мы не испытываем. Зато просто сходим с ума. Нет, не так. Мы теряем рассудок.

Он резко встал, отошёл к камину, повернувшись к Архе спиной и глядя на огонь. Блики пламени плясали на его волосах, превращая их в собственное подобие. Никогда раньше Тхия не был меньше похож на человека. Никогда раньше он не был больше похож на демона.

Ведунья невольно поёжилась, хотя знала прекрасно, что рыжий ей не опасен.

— Это страх, Арха. Если мы голодаем, то все вытесняет ужас. Чувства, эмоции, способность просто рассуждать. Это не голод. Ты чувствуешь, как тебя засасывает, затягивает Тьма. Медленно-медленно, как будто тонешь в болоте. Мы не умираем — мы растворяемся во Тьме. Это страшно. И даже если мы выныриваем, успеваем, то часть остаётся там. Это все равно, что жить, постоянно глядя на собственную отрезанную руку, которая гниёт. Я... не могу это описать. Просто пойми, что для нас не существует ничего, кроме Голода. И мы готовы на все, лишь бы его не было.

Архе показалось, что он вздохнул, как будто облегчённо. Словно непосильную ношу сбросил или самый тяжёлый участок пути преодолел. Конечно, лекарка не могла себе представить, о чем он говорит. Наверное, для того, чтобы его понять, надо быть арифедом. Но ведунья буквально кожей чувствовала, как ему трудно.

— Сначала все было не плохо, — продолжил он, снова поворачиваясь к девушке, но в кресло не садясь. — Мы достаточно сильные, быстрые. Конечно, не шаверы, но зато и к психозам не склонны. И реакция у нас лучше, чем у них. Одно время даже в императорскую гвардию набирали исключительно арифедов. А потом... Потом были три года неурожая, очень холодные зимы. На южном побережье случилось цунами, ещё где-то ураган. В общем, тяжёлое время для Империи, но ничего сверхъестественного. Только вот люди, которых, в том числе и нашими стараниями осталось и без того мало, начали умирать. А на войну у государства сил не хватало. Да и не до арифедов и их трудностей тогда было.

— И вы начали убивать демонов? — тихо предположила Арха.

Тхия кивнул.

— Я говорил — мы теряем разум. Мы начали рвать всех, кто рядом оказывался. Не для того, чтобы напиться — кровь демонов нас убивает, а что бы... Это просто инстинкт. Не знаю, как описать. Ты чувствуешь её запах, слышишь биение сердца. Знаешь, что это не то, но все-равно рвёшь... А вдруг оно? Вдруг ты ошибся?!

— Тхия, — тихо позвала ведунья.

Его глаза остекленели, и лекарка в них отчётливо видела отблески огня, хотя он стоял к камину спиной. Верхняя губа рыжего судорожно морщилась, обнажая влажные клыки. Он стиснул кулаки так, что костяшки буграми вздулись.

— Тхияш, я тут... — громче и настойчивее повторила девушка.

Она встала на колени, опираясь ладонями на спинку кровати. Чувствуя, как холод пробирает до костей. Но боялась она не демона. Ей было страшно за рыжего. Ведунье показалось, что он медленно тонет в Бездне. Своей, только для него предназначенной.

Рыжий не сразу, но, все-таки, посмотрел на Арху. Передёрнул плечами, словно стряхивая с себя что-то липкое. Тяжело сглотнул — лекарка видела, как его кадык трудно, с усилием прокатился по горлу.

— Прости... Испугалась?

— Нет, — ответила она почти честно, — это же ты. Чего мне бояться?

Демон вымученно улыбнулся, явно ей не поверив, и сел в кресло, устало проведя ладонью по лицу.

— Ладно, надо заканчивать, — сказал он не слишком внятно. — В общем, после того, как взбесившийся арифед убил императорского наследника, на нас открыли охоту. Тех, кто остался, спас некий лорд Латеш. Он собрал свой род, вассалов, всех кого смог — и ушел за Синий хребет, захватив крохотное человеческое княжество. И поклялся Тьмой, что ни один арифед не перейдёт границу Империи. Зато будет её охранять как собственное

существование. Это было давно, очень давно. Постепенно мы восстановились, расселились вдоль границ. И свято чтит слово, данное Латешем — границ не переходили, зато охраняли их. Только в такой форме Империя готова была смириться с нашим существованием. Ну-ка, мистрис Каррен, продемонстрируйте нам ваше умение строить логические выводы. Что было дальше?

— Я думаю, ваши майораты в конце концов влились в состав Империи при том же условии — охранять границы? — улыбнулась ведунья.

— Верно, ответ засчитан. Да, Империя приняла своих детей обратно. Но не просто при условии охраны границ, Арха. Если лорд не сможет выполнить свой долг, то это будет приравнено к измене. И весь род уничтожат. Причём казнят как предателей. Знаешь, такое условие очень стимулирует быть верным. И охранять хозяйское добро усерднее всякого пса. Тем более что мы, как и остальные лорды, не можем набирать гвардии больше пятисот мечей. А ты хотя бы можешь представить, что такое охрана прибрежной границы, изрезанной фьордами и бухтами, да ещё лесом поросшей?

— Я теперь понимаю, почему тебе так необходимы местные кланы в союзниках, — кивнула лекарка. — Правда, вопросы у меня ещё остались, но это потом. Ты так и не ответил, почему Дан сюда приехать не может?

— Нет, студентка, зачёт я вам, все-таки, не поставлю, — Тхия ухмыльнулся, прижав к губам пальцы, сложенные домиком. — Хаш-эды — это основа Империи. Личность любого Истинного неприкосновенна. Я же говорил, что арифед убил наследника императора. Вот с тех пор хаш-эдам и запрещено появляться на наших землях. Это закон.

— Я так понимаю, чтобы никто ненароком не обидел рогатенького? — хмыкнула Арха. — И, конечно, хаш-эды в войнах не участвуют, дуэли не устраивают и в пьяных драках их тоже не убивают. Все у них хорошо и безопасно. Пока они не ходят в лес, где прячется злой арифед?

— Я же не сказал, что это хороший закон. Я сказал, что это закон. И, по крайней мере, пока тебе опасность не грозит, Дан тут не появится. Потому что его визит — это для меня прямой путь на плаху.

— Угу, мне ничего не грозит. Кроме горы мышц, купленных твоей женой, — мрачно буркнула лекарка.

И тут до неё дошло, что он ещё что-то сказал. Крайне интересное что-то.

— погоди, а как он может узнать, грозит мне что-то или не грозит?

— Это ты у него сама спроси, ладно? Извини, Арха, но я не знаю, нужно тебе это знать или нет, — рыжий с милой улыбкой развёл руками.

У ведуньи ладошки зачесались вlepить ему подзатыльник. Улыбка была слишком лордской.

— Так, ладно, с этим разобрались. Дана в обозримом будущем мне можно не ждать, а то тебя прикончат. Кстати, интересная постановка вопроса. На землях арифедаса сам, по своей воле, появляется хаш-эд, а казнят арифедаса? Где логика, господа лорды?

— Ещё раз повторяю, я не говорил, что это хороший закон. Он просто древний и действует до сих пор. А действующие законы нельзя менять на пустом месте. Для начала нужно сделать так, чтобы жители захотели изменения законов. Иначе получится хаос.

— Уж не потому ли это вы, многоуважаемый лорд Сарещ, стали ректором университета и преподаёте в нем всякую чушь? — прищурилась умненькая студентка.

— Отчасти, — его улыбка стала совсем лордской. — Кроме всего прочего, это место

будет неплохим трамплином для дальнейшей карьеры законника или чиновника при некоторых министерствах. А история с политологией не чужь. Как раз их преподавание студентам позволяет направить ваши неокрепшие умы в нужное русло.

— Я сейчас направлю твою неокрепшую башку в сторону ближайшей стены, если ты не прекратишь так изъясняться. Не на лекции, — со всей доступной ей добротой пообещала ведунья. — Теперь давай разбираться с бредом, который я сегодня наблюдала. Это что за фигня про воплощение Тьмы и всеобщее преклонение перед тобой?

— Это не бред, Арха, — поморщился Тхия, словно она какую-то глупость сморозила. — Эти земли мой предок завоевал очень-очень давно. Местные кланы и сейчас не слишком развиты, а тогда... В общем, с ними легче договориться, если они верят в нашу исключительность. Было несколько ситуаций, когда эта исключительность... Скажем, была подтверждена. Разубеждать мы никого не спешим.

— Интересно было бы послушать про эти ситуации, — хмыкнула лекарка.

— Обязательно расскажу. Только давай не сегодня, ладно? Время и так уже за полночь.

— Как скажите, мастер ректор, — Арха низко поклонилась, чуть не врезавшись лбом в бортик кровати. — Только ещё один вопрос. Он мне покоя, знаете ли, не даёт. Если ты тут весь такой исключительный и великий, почему просто силой своего величия не отменишь всю эту бредятину с жёнами, невестами и прочими бабами? Я бы ещё поняла, если тут был не ты, а Шай. Он бы ухихикался с этих бабских боев.

— Арха, я уже говорил. Нельзя закон менять на пустом месте. Не поймут. Тем более что это не мои законы, а грахов. Я для них, конечно, воплощение Тьмы. Но если примусь их устои ломать, то воплощение можно и к матушке отправить. В конце концов, ничего страшного не происходит. Неприятно, конечно, но потерплю.

— Эй, ты забыл, что речь, вообще-то, и о моей шкурке идёт? — возмутилась ведунья.

Может, у Тхия и были веские причины и дальше с местным населением дружить, но у лекарки-то их не имелось. А вот перспектива стать размазанной по скале ровным слоем присутствовала. И не сказать, что она Арху сильно вдохновляла.

— Ничего тебе не грозит, поверь. Я все решу, — с неподражаемым мужским апломбом заверил её рыжий. — А сейчас ложись-ка ты спать, малышка. Нам обоим выспаться не помешает.

Он поцеловал ведунью в лоб и, не обратив внимания на её обиженную физиономию, покинул комнату. Жаль, что здесь, в отличие от особняка Дана, была всего одна подушка. Которая, благодаря усилиям девушки, теперь лежала в кресле. А то получило бы новое Воплощение Тьмы по затылку.

* * *

Желая ей спокойной ночи, Тхия проявил невиданный оптимизм. Арха практически не спала. Даже под толстенным меховым одеялом лекарка продрогла так, что зуб на зуб не попадал. И это не смотря на горящий всю ночь камин, в который дрова девушка подкладывала раз пять. Да и воющий ветер в купе с какими-то шорохами, потрескиванием и скрипом, здоровому сну никак не способствовали.

Стоило ведунье провалиться в полудрёму, как ей тут же мерещились оскаленные морды, клыки и реки крови. И кто-то требовал, чтобы она немедленно убила всех арифедов. Уснуть

удалось только под утро. Но Архе приснилось, как её родную деревянную вырезают взбесившиеся клыкастые. Сон был такой яркий и реалистичный, что девушка проснулась от собственных воплей. И ложиться больше не рисковала. Все равно отдыхом это можно было назвать только с огромной натяжкой.

По крайней мере, на завтрак ведунье, кроме просоленного сыра и жуткой рыбной похлёбки, достались ещё варёные яйца, свежий хлеб, масло и медовые соты. Это добавило жизни красок, потому что желудок перестал завывать и липнуть к позвоночнику. Сытая Арха на мир смотрела как-то веселее. Осталось разобраться проблемой скуки. Но все трудности решили за ведунью и без её участия.

Дверь, без всяких предварительных стуков, открылась и в щель просунулась рыжеволосая морда с белыми глазами.

— Уважаемый отец велел показать уважаемой все, что она захочет, — по своему обыкновению оттарабанила морда, разглядывая потолок.

То ли это у них считалось вежливым говорить, не глядя на собеседника. То ли пацан просто смущался и чувствовал себя не в своей тарелке.

«Кстати, о тарелках...» — многозначительно напомнил здравый смысл лекарки.

— Привет, Данащ, — пытаюсь выглядеть как можно дружелюбнее, улыбнулась ведунья. — И хватит меня «уважаемой» именовать. Я пока ещё ничего не сделала, чтобы ты меня уважал.

— Как это ничего? — удивился парень и сообщил все тому же потолку. — Уважаемая смогла привлечь внимание уважаемого отца. Правда, я не понимаю, как.

— М-да, — хмыкнула Арха, растрепав пятерней волосы.

И поймала себя на том, что повторила излюбленный жест озадаченного Дана. От этой мысли стало, почему-то теплее.

— Если даже дети не понимают, чем я могу мужика привлечь, то пора мне идти топиться.

— Я мужчина, — обижено прогундосил сын Воплощения.

— Ладно, хорошо, оставим эту тему. Без твоей оценки своих прелестей я, пожалуй, проживу. Слушай, Данащ, ты вот вчера говорил, что для твоего отца мы все пища. А кроме нас он что-нибудь ест? — девушка постаралась подобраться к интересующей теме как можно осторожнее.

И сама себя почувствовала душой. Впрочем, взгляд пацана укреплению такой оценке только поспособствовал.

— Конечно, знаю. Скот, — сообщил он, презрительно выпятив нижнюю губу.

— Животных? — не поняла Арха.

— Да нет, — кажется, рыжий окончательно уверился, что с мозгами у лекарки дела плохи. — Скот. Хотите, покажу?

Ведунья хотела.

Для того чтобы посмотреть на скот, им пришлось спуститься во двор и обогнуть нелепое двухэтажное крыло. Которое, судя по обилию шляющихся рядом с ним мужиков, явно имеющих прямое отношение к армии, и впрямь было казармой. А потом ещё и изрядно поплутать между хозяйственными постройками.

Некоторые из них девушка опознала. Имелась тут конюшня, правда какая-то нереально огромная, стойл на сто — никак не меньше. Пекарню лекарка узнала по запаху. Скотный двор о своём наличии тоже оповестил характерной вонью, да ещё бляньем, мемеканьем,

хрюканьем и какими-то неопознанными звуками. Хотя животных тут явно было больше, чем на всех видимых Архой фермах.

А вот за скотным двором находилось здание, которое, судя по всему, им и требовалось. Небольшой барак под соломенной крышей без окон и единственной дверью напоминал дома грахов. Только за ним ещё имелся огороженный хлипким штакетником загон, впрочем, сейчас пустующий.

— Уважаемый отец много скота не держит, — неправильно понял реакцию ведуньи Данащ, — лишь для пищи. Сам он его не разводит, покупает где-то на ферме. Я, правда, не знаю где.

Последнюю фразу парень пробубнил, явно стесняясь своей неосведомлённости. Но Архе было не до него. У девушки вдруг появилось убеждение, что внутрь заходить не стоит. Кажется, это была та самая правда, которую она знать не желала. Ведунья бы ушла, наверное. Но дверь открылась, и на пороге появился старый бес, выплеснувший в сторону мильную воду.

Заметив незваных гостей, он выпрямился, приставив ладонь к глазам козырьком, словно ему мешал яркий свет. Хотя солнце на небе висело каким-то невразумительным мячиком, как будто само не могло решить — светить ему или пора на покой отправиться.

— Уважаемая госпожа, женщина уважаемого отца, желает скот посмотреть, — опередил лекарку Данащ, выпалив тираду со скоростью стрекотания кузнечика.

— Ну, ежели так... — неуверенно протянул бес, из-под ладони разглядывая девушку, — Проходите, что ли. Тока недолго. У меня ещё дел по горло.

— Мы вас не задержим, — пропищала Арха, вымученно улыбаясь.

Уходить было уж как-то совсем глупо, поэтому она смело шагнула вперёд, прошмыгнув мимо посторонившегося беса. Внутри барака царил полумрак. Свет проникал только через отверстия в крыше, которые лекарка с улицы не заметила. Зато тут было тепло. Примерно через каждые пять шагов по обеим сторонам от прохода стояли медные закрытые жаровни.

Ну а кроме жаровен здесь имелись стойла, набитые свежей душистой соломой. Вдоль задних стенок в каменном полу были выдолблены канавы — чистые, но запашок от них все равно шёл.

Ещё тут были женщины, только женщины. Молодые, лет от семнадцати до двадцати пяти. Они были абсолютно голыми, но чистыми, с тщательно расчёсанными и заплетёнными волосами. Кстати, волосы у них были только на голове, не считая бровей и ресниц. Большинство из них лежало на соломе, следя за вошедшими ничего не выражающими глазами.

— Здравствуйте... — пробормотала Арха.

Но добилась ведунья реакции только от беса — он фыркнул.

— Да вы что, мистрис, поговорить с ними вздумали? Ещё бы со свиньёй лясы поточили. Это ж скот, мозгов меньше, чем у коровы!

Кажется, он был прав. Потому что на его слова не отреагировал никто. Никак.

— Вы, видать, из людёв? — бес решил проявить сочувствие. — Так не печальтесь о них, мистрис. Они, почитай, в десятом колене уже скот. Соображалка вся выродилась.

— И их... на убой... — пробормотала Арха, разглядывая земляной пол под ногами.

— Да вы в своём уме-то? Кто ж здоровых телок под нож пускает? — поразился бес. — Так ить никаких деньгов не напасёшься. Отопьют немного, она за недельку и выходится.

— Да, действительно. Конечно, — пискнула лекарка.

Она скомкано поблагодарила беса, который, кажется, начал сомневаться в её умственной полноценности тоже, и стрелой вылетела из сарая.

Пожалуй, без подобной правды Арха и впрямь бы прожила.

С возрастом шансы на любовь до гроба увеличиваются.

Из наблюдений профессиональной принцессы

— Ни о чем поговорить не хочешь? — спросил рыжий, бесшумно появляясь на пороге.

Арха покосилась на него через плечо, отрицательно помотала головой и вернулась к своему увлекательному занятию. Лекарка раскачивала на цепочке кристалл, ловя солнечные блики, а случайно забредшая в её комнату кошка делала вид, что охотится на «зайчиков». Правда, охотой это назвать было сложно.

Дымчато-серая киса, откормленная до размеров небольшой пантеры, развалилась на полу перед камином, выставив пушистое пузо. Её зеленоватые глаза, надменно прищуренные, точь-в-точь как у Ирраша, следили за бликом. И если неосторожный «зайчик» подбирался слишком близко, то кошка изволила протянуть лапу, ловя пятнышко света. Но стоило ему отползти подальше, как охотничий запал пропадал начисто. Тянуться за добычей животное явно считала выше своего достоинства.

Демон вздохнул и переступил порог, заходя в комнату.

— И зачем тебя туда понесло?

Лекарка пожала плечами. Вопрос был явно риторическим. Любопытно было — вот и понесло.

— Арха, понимаешь...

— Тхиящ, ты вот что мне сейчас собираешься объяснять? — девушка подняла голову, глядя на рыжего снизу вверх. — Что не ты виноват в своей природе? Что вам необходимо питаться? Что без человеческой крови вам не выжить? Или что?

Демон прислонился плечом к витому столбику кровати, сложив руки на груди и внимательно — даже глаза чуть прищурил — наблюдая за ведуньей.

— Честно, я ценю вашу опеку. И для меня очень много значит то, как вы обо мне заботитесь, — улыбнулась Арха. — Конечно, неприятно как-то осознавать, что из твоей... скажем, породы, сделали жвачных животных. Но истерик по этому поводу я устраивать не собираюсь. Тем более что в моем происхождении все компенсировано. Так что мне вообще жаловаться нечего.

— В смысле? — приподнял рыжую бровь демон.

— Ну как же? — усмехнулась лекарка. — Шаверы были животными, но им дали разум. А люди были разумными, но разум у них отобрали. Так что, я где-то посередке. Значит, не совсем дура.

— Никто ни у кого ничего не отбирал, Ар. Я тебе даже больше скажу. Изначально никто никого силком не удерживал. Когда появилась идея разводить людей на... корм, — на последнем слове демон споткнулся, но, помявшись и подходящего эпитета все-таки не найдя, продолжил, — в бывших человеческих княжествах нашлось достаточно особей, которые по собственному желанию на фермы пошли. Или своих детей продавали. Их кормят, заботятся о них, оберегают, лечат. Силком удерживать скот смысла нет никакого. Да и экономически это нерационально. Охрана обходится недёшево. А разум они постепенно сами утратили. За ненадобностью.

Арха передёрнула плечами, словно её озноб пробрал, но кивнула.

— Ты мне лучше скажи, почему у тебя там одни девушки? Вы с ними...

— Мы с ними нет, — усмехнулся Тхия. — Я слышал, что и у людей есть такие, кто предпочитает овец женщинам. Но ни разу не слышал, чтобы вместо женщины котлету использовали. Так что, убеди свою фантазию убраться куда-нибудь подальше. Просто самцы слишком агрессивны. Их как производителей используют, или на охоту продают. А у молодых девушек Жизни больше. Они... питательнее.

— На охоту?

Демон поморщился, как будто досадуя на что-то.

— Шаверам в основном. Они... охотятся. Иногда. Но это ты у Ирраша уточняй.

Арха подумала, что, пожалуй, от таких вопросов она воздержится. Потому что очень хотелось спросить, не употребляют ли «киски» человеческое мясо в еду. А ответа на этот вопрос лекарка категорически знать не хотела.

— Хочешь увидеть арифед, который родился почти семьсот лет назад? — поинтересовался Тхия, явно меняя тему.

— Шутишь? — ведунья вытаращилась на рыжего, — А такие ещё существуют? Ты же говорил, что их всех убили?

— Я говорил «почти всех». Вот так всегда. Талдычишь им, талдычишь, а потом на зачётах начинается: «Я же учи-и-ил!..» — передразнил кого-то неведомого, но явно мерзкого, арифед. — Это мои предки. Пра, пра, пра-чего-то-там. Уж коли я здесь, то надо отдать дань вежливости. Так что, приглашаю тебя в компанию.

Арха, провожаемая презрительным кошачьим взглядом, вскочила. На морде животного было большими буквами написано: «Милочка, ну хоть какие-то правила приличия нужно знать? Что за неуместная поспешность?». Арха едва удержалась, чтобы не показать киске язык. На мнение отдельных хвостатых ей было наплевать.

— Тогда пошли, — скомандовал рыжий, усмехнувшись её готовности немедленно куда-то нестись.

— Прямо так? А переодеваться не надо? Может, стоит взять что-то? Неудобно же стариков навещать с пустыми руками. Да ещё...

— Знаешь, малышка, когда ты была ерепенистым и жутко язвительным котёнком, ты мне нравилась больше. Иногда от твоей непосредственности у меня голова начинает раскалываться. Может, ты подумаешь об этом на досуге?

Ведунья растерянно оглянулась, невольно ища глазами шавера. Но, естественно, не нашла. Приходилось признаться, что все это только что-либо кошка выдала, либо Тхия. Кажется, пребывание в родовом гнезде сказывалось на нем не лучшим образом. У демона лордство в крови кипеть начинало.

— Знаешь, рыжий, когда ты был молчаливым спасителем дев в беде, ты мне тоже больше нравился, — обиделась лекарка. — И вообще, Ирраш на тебя дурно влияет. Я бы на твоём месте об этом подумала.

— Хорошо, я учту, — усмехнулся он, показывая кончики клыков и придерживая для девушки дверь.

Естественно, в гордом одиночестве лорду по своим землям передвигаться не полагалось. Поэтому грахи, которые его в замок сопровождали, уже дожидались во дворе рядом с осёдланными лошадьми. Аха, разглядывая это гигантское великолепие, задумалась, как в данном случае будет правильнее сказать: «осёдланные» или, может, «снаряжённые»? Потому что местные суровые северные жители, как и гвардейцы, предпочитали обходиться без седел вообще. Лошадей было семь, а охранников, между прочим, пятеро. Причём двое из коней были лучшими образчиками красноглазой демонической породы.

— Прости мне моё неуёмное и неуместное любопытство, но у меня тут появился ряд вопросов, которые придётся срочно выяснить, — не без здоровой доли ехидства протянула Арха, останавливаясь на безопасном, как ей показалось, расстоянии от зверюг. — Тебе вопросы по очереди задать или все скопом?

— Давай уж сразу, а то мы никуда не уедем, — вздохнул Тхия.

Чего у ректора было не отнять, так это умения смириться с неизбежным.

— Задаю, — кивнула ведунья. — На кой тебе тут охрана? И ты серьёзно думаешь, что я сейчас полезу на этого монстра?

— Отвечаю, — в тон девушке отозвался не в меру ехидный ректор. — Охрана — это тоже показатель статуса. Даже в случае, когда лорду приходится охранять охрану, прости за тавтологию. И — да, я предполагал, что ты поедешь верхом. Или ты предпочитаешь сзади бежать?

— Вы совсем свихнулись на своей статусности? И — нет, бежать я не собираюсь, но и верхом не поеду. И, предупреждая твой вопрос. Да, я езжу на Ведьме. Но только на ней, а ваших монстров я боюсь.

— Со мной поедешь? — устало спросил рыжий, которого препирательства с ведуньей явно притомили.

Арха удовлетворённо кивнула в ответ. Ну, боялась она лошадей, даже обычных. И ничего с этим поделать не могла. Действительно, только с Ведьмой девушка и нашла общий язык. По крайней мере, она единственная из этих четырехногих монстров над лекаркой не потешалась. Но это ещё не значит, что ведунья полюбила ездить верхом. С демонами кататься было как-то приятнее и комфортнее. И напрягаться не надо.

Рыжий водрузил лекарку перед собой, запрыгнул сам и посвистал своей коняге, намекая на то, что надо двигаться. А Арху посетила неожиданная мысль: эти монстры умнее её или, наоборот тупее? Девушка за полгода в этих их свистах и щёлканьях языком так и не разобралась. И со своей коняшкой общалась нормально, на языке империи. При этом Ведьма её великолепно понимала.

* * *

Для того чтобы нанести визит едва ли не старейшим жителям империи, всадникам пришлось спуститься вниз и проехать вдоль берега, по самой кромке воды. Злой Тхия ведунье слезть не дал, заявив, что так они не только назад никогда не вернуться, но и до места не доберутся. Хотя Архе очень хотелось потрогать набегающие мелкие волны ладонью. Казалось, что на ощупь вода должна быть шёлковой. Наверное, потому, что она переливалась как атлас под солнцем.

Да и вообще красота вокруг была невероятная. Тому, кто этого не видел, словами не

описать. Лекарка наверняка бы влюбилась в север, только их романтическим отношениям мешали пронизывающие ветра, холод и всепроникающая сырость. Природа восхитительна, спору нет. Но когда она мочит тебе зад, кусает мелким гнусом и пробирает холодом до костей, то с взаимной любовью начинаются трудности.

Обогнув Ладонь Тьмы, всадники опять стали взбираться вверх. Насколько Арха поняла, тут дорога могла идти только в двух направлениях — либо вверх, либо вниз. А «право» и «лево» становились понятиями абстрактными.

Лес кругом изменился. Елей становилось все меньше, зато гигантских, золотистых, удивительно ровных, словно тянущихся к небу, лиственниц — все больше. Иголки они свои ещё не сбросили, но хвоя порыжелела, вызолотилась и словно стала реже так, что лес был на просвет виден. От этого казалось, что он полон искрящимися солнечными бликами воздухом.

Когда деревья раздвинулись, открывая жилище, ведунья даже вздрогнула. Это было так неожиданно, словно кто-то театральный занавес раздёрнул. Наверное, строение стоило назвать домом. Только немного странным домом. Здание было возведено в полном соответствии с представлением ведуньи о замке арифедов.

Башенки, островерхие крыши в форме ведьминых колпаков, узкие стрельчатые окна, напоминающие бойницы тут были представлены в изобилии. Портики, барельефы, похожие на кружево и горбатые горгульи, поддерживающие водостоки, тоже наличествовали. При этом само строение, сложенное из темно-серого базальта, на фоне почти прозрачного неба казавшегося черным, высотой было всего в два этажа и даже боковых крыльев не имело. Такой себе замок в миниатюре.

И кругом не то что ни души — даже звуков слышно не было. Только ветер тихо посвистывал в лапах золотых лиственниц, где-то далеко и от того нереально, гудел приборой. Да ещё доносился шум не видимого отсюда водопада.

Грахи, доехав до невидимой линии, ни слова не говоря, остановились, как вкопанные. Их лошади прядали ушами, вздёргивали морды. Сами животные не нервничали, но как будто пытались понять, что напугало их хозяев. Арха завозилась, оглядываясь. Но кругом ничего угрожающего не наблюдалось. Скорее, все это напоминало иллюстрацию к детской книжке.

— Грахи моих «пра» бояться как огня. Поэтому дальше мы пойдём одни, — пояснил рыжий.

Тхия, жестом велев охране ждать, спешился, оставив ведунью судорожно цепляться за гриву коняги, и повёл лошадь в поводу. Лекарке казалось, что демон сам настороженно прислушивается. Девушка нервно кашлянула.

— Не бойся, — негромко успокоил арифед, но даже обернуться к Архе не подумал, — иногда Кхаш забывает питаться. Тогда...

Договаривать он не стал. Но ведунья и сама прекрасно догадалась, что именно тогда случается. Особенно, с доверчивыми и несвоевременными гостями. Умели её демоны успокаивать — этого таланта у них не отнять было. Если до успокоения просто все поджилки тряслись от страха, то после него можно смело падать в обморок.

Но вокруг стояла звенящая тишина. Непривычная, неправильная и угрожающая тишина — даже птицы не чирикали. Правда Тхия это, кажется, не смущало.

Когда они уже почти добрались до крыльца, входная дверь медленно-медленно, точно нагоняя ужаса, открылась. И на пороге появился... человек. Обычный человек, мужчина. Точнее, старик. Не дряхлый ещё, но его лучшие годы уже прошли, причём достаточно давно.

Заодно выбелив голову и согнув спину.

Он усталился на Арху и вздрогнул, словно приведение увидал. Ведунье тоже стало неуютно. Потому что вся левая сторона лица мужчины представляла собой мешанину застарелых, толстых рубцов, словно кожу из кусков сшивали, да ещё и грубой ниткой. Левый глаз был похож на очищенное, сваренное вкрутую яйцо. Бельмо было жуткого, голубоватого какого-то цвета, и красоты старику не добавляло.

— Это Якир, возлюбленный Схары, — негромко сказа Тхия. — Не смотри на него прямо. Он этого не любит.

— Я его понимаю...

Голос ведуньи напоминал лепет ребёнка, уверенного, что в шкафу у него живёт Бука. Лекарка сама себе удивилась. Она бы никогда не подумала, что её сможет так напугать обычный человек.

— Это она его в порыве страсти порвала или таким уже полюбила? — попыталась съязвить девушка, раскопав в душе остатки смелости.

— Нет, это Кхаш, — коротко ответил рыжий.

— Понятно, — пробубнила Арха себе под нос, — когда в очередной раз пообедать забыл...

Тхия глянул на неё через плечо не слишком приветливо. Девушке даже стыдно стало. Действительно, нашла о чем шутки шутить! Для них эта тема болезнена.

Старик, стоя на крыльце и придерживаясь за перила, наблюдал за их приближением, ни слова не говоря. Он не выражал радости при виде неожиданных гостей. Но, вроде бы, раздражения они у него тоже не вызывали. Так статуи смотрят на мимо пролетающий листок с дерева: не птица, на голову не нагадит, так чего же на него внимания обращать?

— День добрый, мастер Якир, — кивнул рыжий, перевернув все представления Архи об этикете и поведении лордов.

Если уж в замке даже арифеды при виде Тхия на колени становились, то человек, по логике, вообще ниц упасть был должен. И уж никак не мог демон со столь незначительной личностью первым здороваться. А вот, поди ж ты, поздоровался. Более того, старик в ответ не менее коротко, чем рыжий, кивнул и снова ни слова не сказал. Просто развернулся и молча исчез за дверью.

— Нас выставляют? — не без надежды поинтересовалась ведунья.

Это место ей нравилось все меньше.

— Наоборот, приглашают внутрь, — разочаровал её Тхия, — слезай, а то ты коню скоро всю гриву по волоску выщиплешь. И не обращай ни на что внимания. Здесь все странно.

Это лекарка и без предупреждения начала понимать, в какой уже раз кляня собственное любопытство. Сидела бы себе на месте, с кошкой игралась, унылые мысли в башке гоняла. Нет, понесло куда-то!

* * *

Дом был пуст! Абсолютно, то есть совершенно. Каменная плитка на полу, стены, отделанные деревянными панелями — и все, даже пыли нет. Ни мебели, ни каминов, ни ламп с подсвечниками. Правда, света тут хватало и того, что пробивался внутрь через узкие окна. Но ночью здесь, наверное, было темно, как в склепе. Собственно, интерьер вообще

здорово напоминал склеп. Только гробов не хватало.

— А зачем? — неожиданно подал голос старик, которого Арха уже начала подозревать в немоте.

Говорил он хрипло, прикаркивая как смертельно уставший ворон.

— Что зачем, Якир? — предельно вежливо и подчёркнуто уважительно спросил Тхия.

— Девушка удивляется, что мебели нет, — невозмутимо ответил чей-то там «возлюбленный», — вот я и говорю: «А зачем?».

— Он что, мысли читает? — ведунья сама не замечая того, схватила рыжего за руку, да ещё и постаралась у него за спиной спрятаться.

Слишком уж это все... жутко выглядело.

Арифед в ответ только отрицательно головой покачал, но и руки не убрал. Наоборот, перехватил ладонь девушки, сжав пальцы. Даром что они у демона ледяными были, как, впрочем, и всегда. Зато ведунья хоть почувствовала, что рядом есть кто-то свой, родной, а не только эта почти сказочная жуть.

— Да нет, откуда мне мысли читать? — то ли этот мужик обладал слухом, лучше чем у совы, то ли мысли он все-таки читал. — Просто у вас же все на лице написано. Проживёшь всю жизнь с Вечными, сам кое-что понимать начнёшь. А вы то, молодой господин, о чем думали, когда с собой шаверку приволокли?

Тхия явно смутился, искоса глянув на девушку. И даже притормозил немного.

— Я не шаверка, — вместо возмущения у Архи вышел придушенный писк.

— А кто же? Бабочка, что ли? Извините, не признал, — хмыкнул старик. — Или хотите сказать, что вы человек? Только кого вы обманываете то? Себя или Тьму? И дело тут не в крови. С кем поведёшься, от того и наберёшься. Да вы не тушуйтесь так, молодой господин. Хозяева нынче в добром расположении. Может, и примут. А может, и вспомнят, как хаш-эды за ними с котами на поводках гонялись. Кто знает?

— То есть, хотите сказать, что вы арифедом стали? — не могла угомониться лекарка.

Честно говоря, сравнение с шаверкой ведунью почему-то обидело. Причём гораздо сильнее, чем презрительное упоминание о её человеческом происхождении. Которое Архе приходилось слышать гораздо чаще. Да и кормилица Дана лекарку «шаверочкой» назвала. Девушка тогда это вообще мимо ушей пропустила. А вот сейчас вдруг задело.

Мужик остановился и медленно повернулся к идущим за его спиной. Архе показалось, что его бельмо, сочащееся мутной слезой, смотрит на неё с неодобрением. Причём второй, обыкновенный, выцветший от старости глаз, вообще ничего не выражал.

— Я — никто, — сказал он веско, словно хотел в этом убедить ведунью раз и навсегда, — Я никто и ничто. Мне повезло, что хозяйке понравилась моя красота. И за неё она меня взяла с собой. Но от того, что на пустой стакан опустилась рука Достоянейшей, он полным не становится.

— Э-э-э... Простите, это не моё дело, наверное, — пролепетала Арха, совсем задвигаясь за спину Тхия, который, сжимая её руку все сильнее, недвусмысленно рекомендовал лекарке заткнуться. — А когда она вас за красоту взяла? Сейчас или давно?

Старик усмехнулся. Наверное, так же могло ухмыляться дерево. Как будто старую-старую, сморщившуюся от времени, кору прорезала глубокая трещина.

— Ты глупа. И что для тебя очень плохо, не желаешь умнеть. Ты слышала только то, что возбудило твоё сиюминутное любопытство. Но не то, что нужно было услышать.

— Простите...

— Зачем ты это сказала? Ты себя виноватой не чувствуешь, а воздуху твои слова не нужны. Так и с мебелью. Зачем её ставить, если ей не пользуются? Потому что так принято? Чтобы пустоты не было? Ты можешь мне ответить? Не можешь. Потому что для тебя важна видимость, а не суть.

Он, не дожидаясь ответа, развернулся и пошаркал дальше.

— Арха, они совсем другие, — шёпотом зашипел на девушку Тхия, — Ты их не поймёшь, зато они понимают тебя без всяких слов. Зачем спорить?

— Да я не спорю... — её попытка оправдаться была прервана сухим смешком старика.

Видимо, слух у него и впрямь был великолепным. А лекарка в очередной раз решила, что молчание — это действительно добродетель.

Они поднялись даже не на второй этаж, а, скорее, на чердак. За дверью, которую без малейшей услужливости открыл старик, находилось огромное помещение, длинной и шириной в сам дом. Ни стен, ни перегородок в нем не было. Только столбы, подпирающие открытые стропила крыши, стояли примерно через каждые пятьдесят шагов. В фронтальных стенах были прорезаны окна — узкие, но частые. Поэтому подобие залы заливал солнечный свет. Под островерхой крышей возились и ворковали невидимые голуби, роняя на не слишком свежую солому, устилающую каменные пол, пёрышки и кое-что похуже.

Зала, как и весь дом, была практически пуста. Только один угол и выглядел обжитым. Там стояла большая кровать с пологом, шкаф, какие-то сундуки. Ещё имелись стеллажи и стол, заваленный скрученным холстом, бумагой, кистями, банками, подрамниками и Тьма знает, чем ещё. Такой же бедлам царил и на полках стеллажей.

У окна стоял большой мольберт, а рядом с ним кресло. На этом обстановка заканчивалась. Только одну из торцевых стен почти полностью закрывали картины, но от входа изображений было не разобрать.

Чем ближе они подходили к «жилой» части чердака, тем хуже становилось Архе. Она и сама бы не взялась определить, что на неё произвело большее впечатление.

Первой ведунья заметила женщину-арифеда, стоящую перед мольбертом. Солнце ярко освещало её лицо, повёрнутое к вошедшим чеканным, как на монетах, профилем. На взгляд лекарки, демонесса не была красива. Просто Арха не понимала восхищения статуями. Потому что холодное и неживое привлекательным быть не может. Наверное, художнице бы больше подошло определение «совершенная».

Если бы не кожа, запачканная краской. И не спутанные, давным-давно нечёсанные волосы неопределимого от грязи цвета, спускающиеся ниже колен. Отросшие, неаккуратные, с траурной каймой ногти лекарке тоже не понравились. И, подойдя поближе, она уловила характерный запах. Обычно так пахнут нищенки, на которых ведунья насмотрелась в клинике мистрис Шор.

В кресле, глядя в окно, сидел мужчина. Пожалуй, он мог бы быть братом-близнецом художницы. Та же совершенная красота и такая же запущенность. Но, наверное, наибольшее впечатление на Арху произвели картины. На всех них был изображён встретивший их старик. В разных позах, с разным выражением лица и везде обнажённый. При этом ни его старость, ни его уродства не были затушёваны, а, наоборот, как будто специально подчёркнуты.

Отойдя от первого шока, ведунья разглядела, что не на всех полотнах его изобразили стариком. Чем ближе к противоположной стене, тем моложе становилась модель. Кстати, в месиво шрамов его лицо превратилось лет в тридцать. А в пятнадцать художница и впрямь

могла бы оценить его красоту. Ту красоту, какой Арха её понимала.

Разглядывать картины девушке не мешали. Лекарка сама не заметила, как отцепилась от Тхия, подойдя ближе к «галерее». С тех пор, как они здесь появились, никто из присутствующих слова не сказал. И тишину нарушали лишь голуби, да тихие щелчки кисти по туго натянутому холсту. Опомнившись, ведунья обернулась.

Рыжий стоял, опершись спиной на одну из колонн, и равнодушно смотрел в окно. Мужчина, сидящий в кресле, занимался тем же самым. Он даже позы не поменял. Женщина рисовала. А старик куда-то подевался. Кстати, теперь ведунья и у «своего» арифедата заметила явное сходство с родственниками. Только выглядел он гораздо лучше. И был живым.

— Пойдём? — спросил Тхия, заметив, что лекарка закончила наслаждаться живописью.

Сказать, что Арха ничего не поняла — это ничего не сказать. А зачем они ехали сюда? Чтобы десять минут молча постоять? Это называется «навестить родственников»? Ведунья, конечно, знала, что лорды странные, но не настолько же.

— А это... все? — спросила она ошарашенно.

— Ну, я же сказал, что это просто дань вежливости, — пожал плечами рыжий.

— Тхияш, а они... того? — одними губами прошептала ведунья, для выразительности покрутив пальцем у виска.

— Нет, — улыбнулся лорд, которого предположение ведуньи явно позабавило, — точнее... Даже не знаю, как тебе это объяснить... — он растерянно почесал ногтем кончик своего носа, — подойди сюда.

Арха послушалась, хотя подходить близко к этим странным демонам ей совсем не хотелось. И не только из-за исходящего от них запаха. Старейшие арифедаты девушку откровенно пугали. Пожалуй, она бы даже не соврала, если бы сказала, что рычащие, скалящиеся и требующие крови демоны страха нагоняли куда меньше. Эти «пра» слишком живо напоминали трупы, хотя мёртвые у лекарки никаких трепетных чувств не вызывали. Но только пока они не начинали изображать из себя живых.

Тхия подтянул ведунью поближе, приобняв за плечи. Теперь она почти не видела женщину, но прекрасно могла разглядеть мужчину. У арифедата не было возраста, совсем как у куклы. На первый взгляд, больше тридцати лет ему дать было невозможно. На второй — тоже. Но лекарка то знала, что ему чуть ли не семьсот исполнилось. И это не восхищало, а вызывало отвращение, даже брезгливость.

И ещё Архе дико не понравились его глаза. Они видели — девушка заметила, как дёрнулся зрачок, когда она подошла. Но... Ведуньи для демона словно и не существовало. Это не был взгляд «сквозь». Лекарки просто не было, совсем. Наверное, оконное стекло для арифедата значило больше.

— Ты его видишь? — спросил Тхия, словно она могла не заметить... это — даже демоном называть его язык не поворачивался. — Как ты думаешь, что самое страшное в таком долголетии?

— А в нем может быть что-то страшное? — ведунья подняла голову, заглядывая Тхия в лицо.

Неожиданно неприятное лицо. Девушке показалось, что он находится на грани слабо контролируемого бешенства. Того гляди сорвётся и начнёт все кругом разносить в духе Дана.

— Не понимаешь, да? — ухмыльнулся он как-то криво. — Самое страшное — это скука, Арха. Ты все уже видел и не по одному разу. Ты все знаешь, ты в любой ситуации можешь предугадать, как все пойдёт дальше. Ты знаешь, что тебе скажут ещё до того, как твой

собеседник до самой мысли додумается. Ты все пробовал.

— Разве можно попробовать... все?

— Можно. За семьсот лет — можно. Что может принести удовольствие? Еда, вино, секс? Все успело не только надоесть, но и опротиветь. Книжки? Ты знаешь, чем она закончится уже с первых строчек. Есть только скука. Кругом — только скука. Он не разговаривает с нами не потому, что не хочет. Нам ему сказать нечего, понимаешь? Мы его не интересуем. От этого одно спасение — созидание, творение чего-то нового. Как у Схары. Наверное, только творец не может до конца насытиться жизнью. Если это жизнь, конечно. Мы её тоже не интересуем.

— Пойдём отсюда, а? — Арха сама не ожидала, что получится так жалобно.

Рыжий кивнул и, не убирая руку с плеча лекарки, направился к выходу.

Лесной воздух, когда они выбрались, наконец, из этого дома, ведунья показался пьяным, как вино — даже голова немного закружилась. Девушке мерещилось, что они действительно выкарабкались то ли из склепа, то ли из подземелья. Даже Тхия отпустило. Лекарка заметила, как он перестал сжимать зубы.

— Кстати, это не только очень долгая жизнь, — сказал он, подсаживая Арху на своего конягу, — это ещё и та самая вечная любовь, который вы, девушки, так бредите. Они больше пяти веков вместе. Нравится?

Рыжий улыбнулся, как будто хотел смягчить свои слова. У него не получилось. Ведунью передёрнуло. Извращение все это было какое-то. Нечто сродни некрофилии. Теперь она прекрасно понимала, почему грахи так боятся эту парочку. Лекарка решила, что, пожалуй, она будет бояться с ними за компанию.

— Ты знаешь, может быть, конечно, я слышу исключительно то, что мне интересно, а не то, что надо. Но, по-моему, дело тут не в скуке, — Арха решила подать голос только тогда, когда они, несколько поспешно, выбрались на лесную дорогу.

— А в чем? — насмешливо поинтересовался арифед — так взрослые обращаются к детям, которые сообщают, что знают решение Очень Взрослых Проблем.

— В отсутствие смысла.

Ведунья решила не дуться, а высказать-таки пришедшую ей на ум мысль. Тем более что обижаться на демонов было делом заведомо бесполезным. С тем же успехом можно обидеться на косяк, на который лбом в темноте налетел.

— А это не одно и то же?

— Нет, — уверенно мотнула головой лекарка. — Смысл всегда найти можно. Он же только от тебя зависит. Тхия, я не верю, что можно все перепробовать. Нет, наверное, из того, что есть сейчас, и можно. Но тогда надо придумать что-то новое.

— Например? — он приподнял брови, но уже без прежней иронии.

— Ну, например, тебе нравится возиться со студентами. То есть, учить, — Арха соображала на ходу, чтобы такого умного сказать, потому что никаких заготовок у неё, естественно, не было. — А когда тебе надоедят студенты можно, допустим, начать воспитывать... О! Детей с улицы, — лекарке вдруг неожиданно, но очень вовремя вспомнилась Ируш. — Надоедят они — займись устройством судеб сирот. Или организуй школу исключительно для одарённых.

— Это все одно и то же, — протянул рыжий.

Но над её словами явно задумался.

— Не-а, — не согласилась Арха, — вот это как раз не одно и то же. И очень близко к

тому самому созиданию. Как те же картины. Только картины отдачи не дают, они неживые. А дети — живые. Конечно, ты будешь знать, что он скажет или что сделает. И ты точно будешь уверен, как именно его жизнь сложится... Но лично мне кажется — невозможно предсказать, что завтра Тьма подкинет. Недаром же говорят, что она смеётся над теми, кто планы строит. Но если, конечно, думать, что ты тут самый умный и прозорливый, то — да, только в окно пялиться и остаётся.

— В кого ты у нас такая умная?

— В бабушку, — уверенно ответила ведунья. — Ты прости за такие сравнения, лордов недостойные. Но была у нас в деревне одна баба. Жила как все, не лучше, но и не хуже других. Только постоянно твердила, что она самая несчастная. И это у неё плохо, и то. И муж — козел, и дети — оболтусы, и корова молока мало даёт. И знаешь что? Муж у неё от такой весёлой жизни запил, да по соседкам пошёл. Естественно, ему уже не до хозяйства было. Дети свинтили кто куда, только чтоб от маменьки подальше. Корова сдохла, и даже собака убежала. И она действительно стала самой несчастной на деревне. Понимаешь, на что я намекаю?

— Ну, я вроде не самый глупый демон в империи, — улыбнулся Тхия.

По-настоящему улыбнулся.

— Вот! Слушай умную ведунью, — удовлетворённо подвела итог девушка, довольно закутываясь в плащ и используя грудь демона как вполне удобную лежанку.

«Умная то умная, — ехидно фыркнул внутренний голос. — Может, тогда себе такое же умное посоветуешь, а? Рецепт то того... универсальный!».

Арха только отмахнулась. Она сама сто раз говорила, что другим советовать все горазды. Как бы ещё научиться поступать согласно собственным рецептам?

*Настоящая женщина может все!
Только некоторые из них стесняются.*

Из наблюдений старого ловеласа

Чудом пережив это утро, Арха точно знала, что делать, если вдруг кажется, будто жизнь трудна, а Равновесие к тебе несправедливо, отмеряя слишком много сложностей. В такой плачевной ситуации достаточно провести день в роли хозяйки торжества на каком-нибудь арифедском мероприятии.

Уже тогда, когда Тхия сообщил ведунье, что от неё требуется всего лишь сидеть рядом с демоном и служить витриной для семейных драгоценностей, девушка заподозрила неладное.

В том, что рыжий её попросту «подставил» лекарка убедилась, когда он сообщил, что обычно эту роль играет законная, с точки зрения империи, супруга господина, его мать или сестра. А поскольку никем таким Тхия не обладал, то...

На вполне закономерный вопрос девушки, кто же исполнял эту почётную должность, когда её тут не было, новоиспечённое Воплощение Тьмы, старательно отводя глаза, ответило, что его, Тхия, тётка. Но — вот беда! — прихворнула старушка. Архе немедленно самой захотелось слечь в горячке.

Ну, а в том, что рыжий — подлец, ведунья перестала сомневаться после того, как появились служанки, несущие платье. Как оказалось, наряд было непростым, а предназначенным для особо торжественных случаев. И одевало его не одно поколение леди Саррешь. В нем выходили замуж, посещали всякие значительные события вроде сегодняшнего. И... — спаси всех Мать! — умирали. В смысле, покойниц до погребения тоже в него обряжали.

Внос платья сам по себе был достоин картины. Девушку на время торжественной процессии усадили на кровать, чтобы она под ногами не мешалась. Затем двери распахнулись, и появилась пара служанок, несущих нижнюю сорочку. Потом вошла новая пара бесс — и глазам ведуньи предстало платье нижнее. Потом верхнее. Потом ещё одно верхнее. И следующее — видимо, совсем-совсем верхнее. А, под конец, уж вовсе верхнее, для которого понадобилось аж жуть служанок, но шлейф все равно волочился по полу, как змеиная шкура.

А когда на Арху это все надели... Ну, во-первых усреднённый рост демонесс был несколько больше, чем у лекарки. Примерно на голову так. Да и телосложение у них помощнее. А вот несчастная ведунья в одеянии еле стояла. Нет, упасть она бы не смогла при всем своём желании. Нижние юбки, укреплённые странной проволочной конструкцией под подолом, не позволили бы девушке упасть, даже если бы она неожиданно во Тьму отправилась. Так бы и осталась стоять, подпёртая со всех сторон. Но ведунье казалось, что это одеяние реально сделано из камня.

Все чёрное, естественно, густо расшитое серебром. Косые рукава сверху доходили до кончиков пальцев, а снизу волочились метрами и метрами складок, вместе со шлейфом. И это только верхние рукава, а их там штуки четыре было, кажется. Жёсткий, словно из металла выкованный, воротник, ладони на три возвышался над затылком Архи, заодно

придавая и гордую осанку, от которой немедленно заломило спину.

Поверх этого чернильного великолепия на ведунью нацепили ярко-бирюзовую накидку, расшитую гербами с изображением золотых кораблей и какой-то бьющейся в конвульсиях рыбины. На голову водрузили корону. Не диадему, не венец, и, даже, не тиару. А самую натуральную корону, похожую на цветок колокольчика, только зубчиками вверх. Надо ли упоминать, что сделано это творение было из чёрнённого золота с чёрными же алмазами? На шею же повесили медальон все с тем же гербом, выложенным драгоценными камнями. Правда, размером украшение было с суповую тарелку.

В общем, когда ведунью закончили обряжать, она самостоятельно и шагу ступить не могла. Но от девушки этого никто и не ожидал! Служанки просто усадили лекарку на стул, при этом две из них что-то там мудрили с каркасом, дёргая за какие-то рычажки, потому что сам он складываться не желал. А ещё четыре уговаривали улечься бесчисленные слои жёсткой шитой ткани в художественные складки. И после того, как нужный идеал был достигнут, появились два граха и вместе со стулом Арху куда-то понесли.

Оказывается, волокли её в ложу, где стояло всего два кресла. Причём балкон со всех четырёх сторон был задрапирован портьерами. Ведунью просто взяли и в том положении, в котором она находилась, усадили в кресло. Вот в прямом смысле: взяли — и пересадили со стула. Платице девушке не давало даже ноги выпрямить! И только после того, как все складки снова уложили в необходимом порядке, а под шею Архе сунули жёсткую подушечку, потому что под весом короны позвоночник лекарки уже поскрипывал, шторы раздёрнули. И правильно. Нечего простому народу смотреть, как леди усаживают. Смеяться ещё будут...

Большой идиоткой ведунья себя никогда не чувствовала.

Все, что девушка увидела перед собой, действительно напоминало рыцарское ристалище — большая, почти овальная площадка, усыпанная песком. Только барьера посередине не было, да на концах поля не виднелось шатров с развевающимися стягами. Там просто жители стояли. И пялились на ведунью, естественно. Она хотела приветливо помахать им ручкой, но не смогла отодрать ладонь от подлокотника. Платишко держало куда основательнее оков.

Сбоку от лекарки послышалось бряцанье и металлический лязг. Поскольку голову она повернуть была не в силах, пришлось глазами косить. И порадоваться, что хоть кому-то сейчас хуже, чем ей самой. Потому что полный доспех весил, наверное, куда больше её платья. А доспех — чёрный, понятно — был по-настоящему полным. Включая перчатки, ботинки и шлем с такой же короной, как у Архи на макушке, только размерами побольше.

Тхия, бряцающая и гремящая, как бочка, набитая гвоздями, плюхнулся в соседнее кресло, жалобно под ним скрипнувшее.

— Надеюсь, тебе там внутри жарко, — от всего своего большого сердца пожелала ведунья.

— Ты даже не представляешь, насколько, — гулко отозвался рыжий. — Под вот этим вот еще и кольчуга.

Он тихонько стукнул латной рукавицей по нагруднику. Звук над ристалищем пошёл такой, словно кто-то в гонг ударил. Суетливый бес, бегающий по арене, подпрыгнул и обернулся, задрал голову. Тхия, скрипя как несмазанная телега, поднял руку, махнув ему. Мол, все нормально, можете бегать дальше.

— Если я когда-нибудь пойму эти ваши традиции, то небо с землёй сойдётся, — пробурчала Арха и попыталась поёрзать в кресле, потому что нестерпимо зачесался копчик.

Ничего толкового у неё, естественно, не получилось.

— Чего тут непонятого, студентка? — отозвался рыжий, как показалось ведунье, достаточно раздражённо. — Леди — воплощение Тьмы. Лорд — защитник. Понятно, что они не могут выглядеть, как обычные жители.

— Кубок за оригинальность костюма уходит тому, кто это придумал. Мне вот только интересно, это арифеды такие чокнутые или у всех лордов творится подобный маразм? — не выдержала лекарка.

— У всех, — Тхия подумал и все-таки самокритично добавил, — в большей или меньшей степени. Все-таки, мы за традиции крепче всех держимся.

— А зря. Могли бы сильно облегчить собственную жизнь, — посоветовала Арха и, не удержавшись, чихнула.

От её одеяний невыносимо воняло сандалом и лавандой. И все равно лекарке мерещилось, что через запах слежавшейся одежды пробивается трупный аромат. Она никак не могла забыть, что это платице ещё и покойницы нашивали.

Внизу шевеление усиливалось. Бесы начали устанавливать какие-то столбы, высотой в рост ведуньи, гладкие, но с вырезанными фигурами животных наверху. Насколько Арха понимала, это были клановые знаки, которые тут заменяли гербовые щиты. Кажется, скоро должны были появиться и участницы сегодняшнего праздничного мероприятия.

Но сначала появились не участницы и не на ристалище. Одна из занавесок откинулась в сторону и в ложу вошёл...

— Прекрасного принца похищает благородная рыцарь. И на его спасение отправляется грозный дракон, — протянула Арха. — Слушай, Тхия, тебе не кажется, что у нас какая-то неправильная сказка?

Но рыжий смотрел не на Ирраша, который сверлил лекарку традиционно «любящим» взглядом, а, почему-то, на улыбающегося Адина, стоявшего вместе с какой-то незнакомой ведунье демонессой за спиной шавера. Конечно, за шлемом лица нового Воплощения Тьмы Архе не видно было. Но девушка готова была спорить, что арифед побледнел, как простыня.

Ведунья еще раз глянула на Адина. Потом еще раз, пытаясь понять, что так Тхия напугало. Голубоглазик приложил палец к губам и подмигнул.

— Тхи, спокойно, у меня с собой нюхательных солей нет, — высказался Адин.

— Дан...

— Остался в столице, естественно, — оборвал его Ирраш с такой злобой, как будто был уже морально готов не только ложу, но и весь замок по кирпичу разнести. — Да и мы тут... инкогнито! Слушай, ты, человечка недобитая, перестань таращиться на Ада! Вспомни, что ты вообще-то женщина Тхия!

Кажется, Арха с демонессой скривились абсолютно одинаково. Только вот гостя тогда, когда шавер посоветовал ведунье не пялиться, а лекарка при упоминании её нового статуса. Странно, но Адин тоже отреагировал нестандартно. Он уставился на рыжего, который, казалось, в размерах меньше стал. Хотя, конечно, доспехи даже под демоническими взглядами не уменьшаются.

— Дан... — снова начал Тхия.

И снова ему договорить не дали.

— Остался в империи, я сказал! — едва слюной не брызжа, прорычал Ирраш.

— А ты вопи об этом погромче, — негромко посоветовал Адин, — вдруг кто-то внимания еще не обратил?

Хотя, конечно, никакой это был не Адин. И дело даже не в том, что этим маскарадом обманулся бы только тот, кто гвардейцев близко не знал. Арха демонов и с закрытыми глазами не перепутала бы. Просто при голубоглазом, да и при любом другом мужчине, у нее сердце так никогда не колотилось. А этому органу глаза не нужны, чтобы единственного узнать.

* * *

Ведунья мысленно возблагодарила всех создателей своего чуда-платья за то, что им такая бредовая модель в ночном кошмаре приснилась. Потому что, по крайней мере, Арха могла держать демона за руку так, чтобы даже очень глазастый наблюдатель этого не увидел. Дан, который каким-то невероятным образом преобразился в Адина, рассеянно наблюдал за подготовкой на арене. Но лекарка чувствовала, что по-настоящему смотрит он только на нее.

— В чем дело, котенок? — негромко спросил демон, практически не шевеля губами. — Тебя что-то расстроило?

— Просто не выспалась, — буркнула ведунья.

Проклиная про себя дурацкую корону, которая не только шею грозила ей сломать, но и не давала даже головы в сторону хаш-эда повернуть. — Да и наряд этот... Знаешь, какой он тяжелый?

— Подозреваю. Но дело не только же в этом, да? — хмыкнул демон.

Без рогов он выглядел непривычно, словно в нем чего-то недоставало. Примерно так же, как любому другому ноги или руки. Не то чтобы ведунья считала, что к физиономии Адина рожки бы подошли. Но без них лекарке было немного грустно.

— Угу. Я тут на ... ферме побывала. И еще мы вчера к старейшим арифедам ездили...

Признаться в причинах своего дурного настроения девушка решила сразу. Вот чему она так и не научилась, так это врать Дану. Демон ее действительно насквозь видел.

— Ясно, — он сжал руку лекарки чуть сильнее. — Ничего, маленькая, все хорошо будет. Я же теперь здесь. А, значит, ничего плохого больше не случится.

И, не поворачивая головы, но слегка повысив голос, добавил:

— Ирраш, отстань от Тхия. Я его потом сам убью.

— А меня? — подала голос ведунья, уподобившись излишне стеснительной мышке.

— А тебя я просто выдеру, Арха, — он глянул на лекарку уже без всякой улыбки.

И девушка мгновенно поняла, что в этот раз рогатый не шутит, не преувеличивает и не пугает. Как сказал — так и сделает, выдерет. И, в принципе, если бы речь шла о какой-то чужой шкурке, то ведунья бы такое решение даже поддержала.

— Серьезно, в этот раз вы уже все границы перешли. Ты хотя бы попытайся представить, что со мной было, когда вы внезапно пропали?

Арха представила. Ее передернуло. Пришлось даже глаза закрыть, смаргивая вскипевшие от стыда слезы.

— Пусть она лучше представит, как мне доложили, что две студентки-медики, одна из которых шавер-метис, разнесли приличный, принадлежащий достойному бесу, кабак и взяли в заложники патруль! — взъярился Ирраш.

— А я виновата, что у тебя такие патрули, которые позволяют студенткам-медикам

себя в заложники брать, мессир капитан городской стражи? — пробубнила лекарка. — И никого мы никуда не брали. Они сами за стол спрятались. Просто... Ну, просто Ю перед выходом стояла. И они выйти боялись. Просто так получилось...

— Просто? Это — просто?!

Стоило признать, что допекла ведунья желтоглазого знатно. До самых печенок прогрызла. В свое оправдание девушка могла сказать только то, что она не хотела. Так само собой получалось. Но вряд ли шавер ей бы поверил.

— Кому из вас взбрела в ваши куриные мозги мысль в стражника топором швырять?! Это же подсудное дело! Ты хоть понимаешь, дура, что как минимум за это десять плетей полагается?! Как минимум!

У Архи горло перехватило и во рту стало кисло. Как-то с такой точки зрения эту ситуацию она не рассматривала. Но ведь, действительно, получается, что студентки совершили нападение на стражника, при исполнении его прямых обязанностей. То есть, конечно, не студентки на него напали, а...

— Это я бросила... То есть, метнула... То есть...

— Ты кому на уши лапшу вешаешь, позор всего шаверского рода? — бешеным котом зашипел Ирраш. — Да ты бы этот топор поднять не смогла! А знаешь что? Я тебе поверю, пожалуй. И ход делу дам. Может, тогда ты поумнеешь...

— Ирраш, — негромко окликнул его Дан.

— Что?!

Шавер, напряженный, как взведенная пружина, развернулся к рогатому. Если бы... Да нет, никаких «если бы» не было и быть не могло. Арха его сейчас боялась так, что у нее коленки в кисель превратились. И зов природы стал нестерпимым. Словно лекарка ведро отвара толокнянки^[4] выпила.

— Ты не понимаешь, что с этой вот, — он ткнул в ведунью пальцем, — ты последние мозги потерял! Ты вообще не соображаешь, что делаешь! И не соображаешь, во что влезает. Я не...

— Моя нянька, — все таким же спокойным-спокойным и ледяным до изморози голосом, закончил за него Дан. — Извини, Ирраш, я сам решаю, что, как, когда и с кем мне делать. Если тебя это не устраивает, то я никого не держу.

Честно говоря, Арха всегда считала выражение «ни жива, ни мертва» эдаким преувеличением. Но сейчас его значение ведунья поняла в полной мере. Она, действительно, и мертвой еще не была, но и дышать боялась. Вот только не хватало девушке, чтобы демоны из-за нее перессорились. Лекарка и так бедного шавера до белого каления доводила постоянно. Ей ушастого порой действительно жалко становилось. Даром, что специально она ничего не делала. Но чтобы Ирраш из-за нее Дана потерял — это уже было чересчур. Хаш-эд ведь ему не просто друг. Ведунья хорошо запомнила, что желтоглазик про «котов» говорил...

— Ирраш, прости меня, пожалуйста. Я действительно виновата. Но могу только пообещать, что попытаюсь больше никуда не вляпываться. Я сама не знаю, как это выходит. Ты только не злись на меня, очень прошу. Ну, хотя бы так не злись. А-то я тебя и без того боюсь, а когда ты кричать начинаешь, то у меня мозги вообще отключаются.

Выдала все это ведунья самым своим проникновенным голосом, старательно вспоминая, как это у Адаши получалось. Губы у девушки и без всякого притворства дрожали, да и слезы на глаза без малейших усилий наворачивались. Ведунья только реснички пошире

распахнула и бровки задрала. Ну, еще и ушки поджала.

Ирраш злобно глянул на лекарку, хотел что-то сказать, но только головой мотнул. Еще раз глянул и молча сел в свое кресло, сложив руки на груди. Вид у него был крайне мрачный. Но, по крайней мере, орать он перестал.

А подлая ведунья в душе только ручки потирала. Надо было до этого давно додуматься. Они же демоны, лорды! Глубоко убеждённые, что все женщины, поголовно, сирые, убогие и дуры. А еще слабые, то есть, в защите нуждающиеся. Ну и смысл орать на дуру? Тем более, дуру кающуюся, слабенькую и несчастную? Ее своей широкой грудью от Тьмы загоразивать надо, а не за холку трепать.

Тхия, явно переведя дух, выпрямился в своем кресле, где до сих пор вполне успешно сливался с обивкой. Неуверенно кашлянул и поинтересовался, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ну, может быть, начнем?

Как он ни к кому не обращался, так и ему никто не ответил. Поэтому пришлось рыжему только рукой махнуть замершему на арене в позе ожидающего суслика бесу, мол, вперед!

* * *

Парад девиц, вышедших на ристалище, был впечатляющ. Правда, ведунья узнала только Ю, да догадалась, что первые две были жёнами Тхия. Остальные же, по крайней мере для лекарки, были неотличимы, как горошины из одного стручка. Все рослые, по-мужски плечистые, но с поистине выдающимися половыми признаками. И одеты они были абсолютно одинаково. На ногах облегающие шерстяные брюки, заправленные в меховые сапожки. Сверху одеты только кожаные жилетки, туго перетянутые шнуровкой на выдающихся грудях. Туалет довершали широкие пояса.

Архе на грах даже смотреть было холодно. А еще и страшно. Потому что под белой кожей на обнаженных руках перекачивались мускулы, которые не у каждого мужика увидишь. У некоторых еще и затылки бугрились. Кстати, Ю была далеко не самой высокой и громоздкой из них. Так, где-то посередке. И она единственная из всех смотрела себе под ноги, а не в сторону ложи. Лекарке ее даже убивать расхотелось.

Девушки, если такое слово применимо к этому буйству плоти, прошли строем перед балконом и разошлись каждая к своему столбу. Знакомый ведунье клан Серой Лисы представляло наибольшее количество... борчих. Две жены и еще три претендентки. От Белой Совы была только Ю и еще какая-то девица, настолько смахивающая на мужика, что лекарка даже засомневалась в ее половой принадлежности. А, вообще, на рыжую принцессу в черных доспехах претендовало всего восемнадцать рыцарш. Тхия явно пользовался популярностью.

— Начинайте, — снова махнул рукой арифед.

Арха еле удержала язык за зубами, чтобы не поинтересоваться, а где же платочек? Вроде бы, турнир должен начинаться с платочка, брошенного на ристалище.

Не было платочка. Бес обошел участниц с мешком в руках. Каждая из северянок, не глядя, тянула камешек. Видимо, таким способом они определяли пары. Каким образом это делалось, ведунья не поняла. На ее дилетантский взгляд все камни были одинаковыми. Но непонимающей была тут только одна лекарка.

Зрители, стоявшие до этого момента смиренно, загудели, обсуждая что-то. Может, Архе показалось, но там и ставки кто-то принимал. Хотя, в целом, все происходило тихо и достаточно мирно. Не то, что на рыцарских турнирах в столице, где зрители упоенно бились в поединке «кто кого переорет».

Лишние «невесты», получив свой камешек, с ристалища удалились. Остались только две — та самая звероподобная мадам и еще одна девица, которая для ведуньи от других ничем не отличалась. Обе рявкнули друг другу уже набившую оскомину: «Я — сильнее!» и ударил гонг. Противницы вступили внутрь круга, выложенного на песке камнями.

Арха и сама не понимала, чего она ждала. Наверное, кошачьей драки с выдиранием волос, полосованием морд и дикими визгами. Реальность, как обычно, радикально отличалась от фантазий. Девахи даже не бросились друг на друга. Они странно сгорбились, едва ли не дугой одинаково выгнув спину и почти до земли опустив казавшиеся расслабленными руки. И пошли друг напротив друга по кругу, то ли присматриваясь, то ли примериваясь. Это даже скучно было.

— Мелкая, — вдруг констатировал Дан и откинулся на спинку кресла.

Ирраш согласно кивнул. Даже Тхия сделал что-то, чего лекарка не уловила, но приняла и за его согласие.

— Что «мелкая»? — не поняла ведунья.

— Мелкая победит, — пояснил рогатый.

— Это ты как определил? — поразились Арха.

Девицы продолжали ходить кругами.

— Так видно же, — предельно ясно растолковал Дан.

Арха обиделась. «Тоже мне, великий знаток бабьих боев!» — поддакнул здравый смысл. Ведунья решила болеть за здоровую. Просто из чувства противоречия. Но уже спустя пару секунд болеть ей вообще расхотелось. Лекарка, конечно, никогда не относила себя к излишне нежным и трепетным существам. Но зрелище, как одна девушка сжимает другую в богатырских объятьях, намереваясь то ли грудную клетку продавить, то ли позвоночник переломить, предназначалось не для слабонервных.

Правда ее противница, которая и была той самой «мелкой», отреагировала гораздо менее эмоционально, чем Арха. Недолго думая, она откинула голову и впечатала собственный лоб в лицо претендентки. По мнению ведуньи, от носа там должно было остаться только воспоминание. Мужеподобную это расстроило. Оппонентку она не отпустила, а, взревев так, что у лекарки уши заложило, одела «мелкую» животом на свою коленку. Ярко, как будто она воочию видела, представив разрывы внутренних органов, Арха закрыла глаза.

Ведунья была бы совсем не против еще и уши заткнуть, но от рева и воя, словно внизу не две нежные невесты встретились, а парочка взбесившихся тахаров, ей деваться было некуда. Оставалось только терпеливо ждать да сглатывать постоянно подступающую к горлу тошноту.

— Котенок, тебе плохо? — шепнул Дан на ухо девушке.

— Мне хорошо, — одеревеневшими губами опровергла его домыслы Арха. — Вот сейчас меня наизнанку вывернет — и станет совсем хорошо.

— Ты же лекарь, ведунья?

— Вот именно.

Рогатый к ней больше не приставал, только тихонько поглаживал ладонь. Это

действительно помогало. По крайней мере, лекарка в обморок не падала. Хотя была где-то по соседству с ним.

Кстати, в первом раунде действительно победила «мелкая». Правда, оставив на ристалище немало собственной крови из разбитого в мясо лица и некоторое количество собственных зубов. Арха искренне сомневалась, что граха в таком состоянии сможет очаровать хоть кого-нибудь. Тхия ей становилось не просто жалко, а жалко до соплей.

Но через пару часов жалость испарилась без следа. Впрочем, как и все остальные чувства. На борьбу северных девочек ведунья смотрела уже без всяких эмоций. Ее начала одолевать скука.

Пары менялись. Проигравших выносили, появлялись новые. Некоторое оживление лично у ведуньи вызвала девица, которая призрев, видимо, все традиции и послав во Тьму правила, бросилась-таки на свою противницу с визгом ошпаренной кошки и вцепилась ей когтями в глаза.

Отрывали нарушительницу от смущенной таким поворотом событий жертвы аж три демона. В итоге, расцарапанными мордами могли гордиться все, кто участвовал в потасовке. Зрители взбесившуюся девку освистали. Неспортивное поведение на севере явно не приветствовалось.

Еще лекарке запомнилась Ю. Не сказать, что именно ее бои Арха смотрела с повышенным интересом. Часть из них ведунья, вообще пропустила. В смысле, не опознала она Ю в противницах. Но один эпизод студентке понравился. Кажется, студентка как раз выступала против одной из супружниц Тхия и та ее основательно теснила. Но медички не сдаются!

В какой-то момент Ю просто вывернулась и разодрала на противнице жилетку. Ее маневр имел неожиданное последствие. Супруга, покраснев даже затылком, запахнула на себе полы попорченной одежды, сгорбилась и бегом покинула ристалище. Как-то у Архи подобная стыдливость с образом бой-баб ассоциировалась плохо. Но зрителей новый боевой прием порадовал, Ю явно оказалась в любимицах.

А больше ничего достойного внимания не происходило. Поэтому ведунья сосредоточилась только на том, чтобы не зевать слишком уж заметно.

* * *

— Арха, ты уснула? — поинтересовался рогатый.

— А? Да нет, тут я...

Лекарка не уснула, а просто в протрацию впала, уже даже не воспринимая, что происходит. Тем более что с каждым часом корона становилась все тяжелее, а платье как будто плотнее сжималось вокруг ребер. Чувствовала Арха себя так, будто целый день работала как каторжная, а не в кресле сидела.

— А уже все закончилось, да? И кто победил?

— Ао и твоя Ю, — улыбаясь самыми кончиками губ, пояснил Дан.

Кстати, во время всего этого Тьмой проклятого турнира руки ведуньи он так и не отпустил.

— Вот в этом я нисколько не сомневалась. Наши врагам не сдаются, — заверила его лекарка. — Надо бы теперь вылезти из всего этого кошмара, которое по ошибке платьем

зовется, и пойти выбить ей оставшиеся зубы.

— Не подозревал в тебе подобной кровожадности. Но идти куда-то еще рано. Тебя же тоже вызвали, помнишь? — мягко вернул память ее любимый.

Не иначе, как сделал он это из чистого и ничем не замутненного садизма. Потому что Арха сейчас не то что о бое — о том, чтобы просто встать не могла думать без ужаса. У девушки все мышцы болели. Даже те, о наличии которых она раньше и не подозревала.

Не то чтобы до этого дня лекарку одолевали воинственные желания. Но даже тень их, которую ведунья могла бы наскрести в своей не слишком смелой душе, исчезла. Зато появилась мысль о том, что Дан избрал не слишком гуманный способ избавиться от влюбленной девицы. Мог бы просто сказать, что она ему надоела.

— Не смотри на меня так, — попросил хаш-эд, отворачиваясь к арене, над которой уже сумерки сгустились.

— Как? — спросила Арха внезапно севшим голосом.

— словно я тебя на заклятие веду. Когда ж ты мне доверять то научишься, а, котенок? — вздохнул Дан и негромко позвал, — Ада, ты идешь?

— А куда я денусь? Долги надо отдавать, — отозвался кто-то весьма ехидный.

Арха вздрогнула и машинально попыталась отобрать у Дана свою руку. Про демонессу, прибывшую с Даном и Ирашем, ведунья забыла начисто. Хотя это было странно. Обычно при появлении рядом с рогатым любой особи женского пола лекарка моментально начинала себе всякие страшилки об их отношениях выдумывать. Но про эту — забыла. Зато голос ее девушка не могла забыть при всем желании. Он, бывало, ей в кошмарах снился.

— Адаша? — пролепетала ведунья.

— Ты меня помнишь, дорогая? — змейкой шепнула золоторожка Архе на ушко. — Знаешь, что мне хочется сейчас сделать больше всего?

— Знаю, — честно ответила лекарка. — Не уверена только, сколько кусков от меня должно остаться в конце.

— В хорошем фарше кусков не бывает, — мурлыкнула она. — Дорогая, я уже было понадеялась, что ты исчезла. И, представляешь, обманулась в своих ожиданиях! Ты опять тут как тут. А меня это не устраивает.

— Почему? Ты же говорила, что я вполне вписываюсь в твои планы. Было что-то про любовницу и жену, которые вместе куют счастье любимого?

Арха хорохорилась и хамила, но на самом деле ей было почти нестерпимо страшно. Меньше всего она хотела бы видеть в числе своих врагов именно эту демонессу. Кому-кому, а Адаше лекарка соперницей не была точно.

— У меня планы изменились, солнышко, — разрушила она надежду, что хоть на этот раз будет все хорошо. — Вбей в свою мерзкую головку, что только дай мне повод, хоть один, хоть мизерный — и я тебе уничтожу. И на этот раз ты кремом не отделаешься.

— Да что случилось-то?

Ведунья честно не понимала, откуда в ней взялась эта ненависть. Нет, любви и раньше между ними не было, но и такого накала страстей девушка не замечала.

— Ада, — напомнил о своем присутствии Дан.

Лекарке стало интересно, слышал ли демон их разговор? Сидел-то рогатый близко, но и говорили они совсем тихо.

— Иду, милый. Пойду спасать нашу сладенькую девочку. Рыжик, ты пока объяви тут все, как положено.

Это ее фамильярное «Рыжик», походя брошенное Тхия, ведунью резануло едва ли не больнее, чем все ее потуги на единоличное владение Даном. Проходя мимо, она еще и ладонью по волосам Ирраша провела. Тот недовольно прижал уши, но, увлечённо рассматривая что-то на арене, больше никак не отреагировал. На выходе из ложи демонесса, придерживая рукой портьеру, обернулась, глядя на лекарку. В ее глазах явно читалось: «Ну, что, поняла?».

Арха не ответила. И даже не потому, что просто физически не могла. Скорее, не хотела. Адаша недвусмысленно дала девушке понять, что все демоны, со всеми своими потрохами, принадлежат ей. Зачем она это сделала? Чтобы ведунью уязвить? Да еще и Дан молчал, значит, точно все слышал. Иначе бы он, по крайней мере, спросил, что с Архой опять не так. Обычно хаш-эд очень чутко реагировал на смену ее настроения, а сейчас не заметил. Лекарке начало казаться, что воздух вокруг нее темнеет, будто она оказалась посредине тучи. Девушка кожей ощущала что-то недоброе.

На арену она не смотрела, снова прикрыв глаза. Архе и так было понятно, что у нанятой женой Тхия тетки нет ни малейшего шанса против хаш-эда. Даже если Адаша и усиленно притворялась арифедом. Пожалуй, у поединщицы даже и против арифеда никаких шансов не было.

— Да Адаша же с ней играет, — протянул Тхия, как показалось ведунье, с восхищением.

Лекарку затошнило. Выходки и угрозы золоторожки она еще как-нибудь выдержала бы. А вот вдруг проснувшуюся любовь ее — ее! — демонов вряд ли. Ей нестерпимо захотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда. И залезть под одеяло.

— Ну и дура, — отозвался Ирраш, — я всегда ей говорил, что она когда-нибудь нарвется на противника, который ее фокусы против нее же обернет. Не красоваться надо, а драться. Красоваться над трупом выгоднее.

— Не в этот раз, — не согласился рыжий и подтвердил оценку лекарки. — У грахи нет ни шанса.

— Да какая разница? Сюрпризы всегда могут случиться.

— Ирр, что ты злишься? — миролюбиво спросил Дан. — Ты так рассуждаешь, как будто Ада воин. Ну, выпендривается девушка. Так это в ее природе.

— Если влезла в драку, то воин, — непримиримо отрезал шавер.

— Если ты возьмешь в руки поварешку и появишься на кухне, то поваром не станешь. Все, котенок, можно смотреть.

Арха открыла глаза, улыбаясь ему во весь рот. Солнце, висящее у самого горизонта, сияло как полуденное. Даже пронизывающий ветер показался теплым бризом. И корона на голове уже не была такой тяжелой. А слова стали просто словами. Что ей до какой-то ревнивой демонессы, вечно крутящейся как собака на сене, когда у нее есть Дан? Который даже не словами, а только тоном смог выразить всю глубину своего презрения к золоторожке.

Цените в мужчине ум! Если уж у него других достоинств нет.

Из наблюдений профессиональной принцессы

Ведунья критически разглядывала физиономию Ю, поворачивая её за подбородок к свету то одной скулой, то другой. На такую красоту лекарка просто наглядеться не могла. Девичье личико, расцвеченное всеми цветами радуги, украшенное дюжиной ссадин и ещё парочкой ран от лопнувшей под ударами кожи — такое увидишь нечасто. Северянка морщилась, но мужественно терпела. Хотя после «дамского турнира» Арху так и подмывало сказать, что терпела граха очень женственно.

— М-да, — вынесла, наконец, ведунья свой глубоко профессиональный вердикт, — хуже, конечно, бывает. Но очень-очень редко.

— Да ладно тебе, — гигантша отмахнулась от девушки, как от назойливой мухи. — Подумаешь! Заживёт.

— Это конечно. Только ты уверена, что Тхия такую красоту оценит? Насколько я знаю, он предпочитает более традиционные каноны. — Арха подумала и, все-таки, решила пояснить свою глубокую мысль. — В смысле, более традиционные для столицы.

Ю горестно вздохнула, колыхнув своим немалым бюстом. Зрелище даже для лекарки, особи одного с северянкой пола, было завораживающим — словно волна перекатилась. И невесть почему возникла мысль о цунами.

— Арха, ты о чем вот сейчас, а? Нравиться надо мной издеваться, да? У меня и раньше-то шансов не было, а теперь... — она безнадежно махнула рукой, окончательно поставив крест на своей загубленной личной жизни.

Конечно, в педагогических целях было бы правильнее её черные мысли поддержать, прочесть пару лекций о женском достоинстве, проесть плешь по поводу необдуманных поступков. Но, во-первых, ведунья этого всего делать не умела. Во-вторых, её саму ожидала педагогическая порка как следствие не слишком продуманного девичьего поведения. А, в-третьих, граху лекарке было жалко до соплей.

Ну, а помимо моральных страданий, мешающих поступить правильно, у ведуньи ещё и план имелся. Нехорошо, конечно, эксперименты ставить на ближних своих. Но после успеха с Иррашем у Архи проснулась непреодолимая тяга к манипулированию.

— Ладно, подбирай слюни, — скомандовала лекарка. — Ты Тхия все ещё любишь? Или всю дурь из тебя уже выколотили?

Гигантша в ответ только горестно вздохнула, старательно отводя глаза.

— Понятно, любовь засела так глубоко, что удаляется только вместе с мозгом. Которого у тебя нет. Значит, будем очаровывать прекрасного принца.

Ю попыталась ехидно ухмыльнуться, но получилось у неё не очень убедительно. Зато выразительно. Ведунье на миг показалось, что граху паралич от переживаний хватанул. Избитое лицо, и без того несколько увеличившееся в размере с левой стороны, окончательно потеряло симметричность.

— Не скалься, у меня сердце больное, — попросила Арха, доставая из-за шивороты платья цепочку, на которой висел кристалл.

Кстати, почти уже пустой. Когда ведунья его сжала в ладонь, он не засиял, а только засветился тусклым, зеленоватым светом. У девушки мелькнула мысль, что, пока они гостят в северных лесах, кристалл можно было бы и зарядить. Только с Тхия стоило посоветоваться, как это сделать и остаться целой. Вряд ли арифеды являлись поклонниками Жизни. Им такие извращения природой не полагались.

Оказывается, не только кровопийцы негативно относились к Жизни, но ещё и грахи. Ю, завидев кристалл ведуньи, шарахнулась, перевернув кресло, которое даже рыжий переставлял с трудом. Девушке и стену, наверное, спиной проломила, будь кладка похлипче. А так пришлось северной красотке остановиться, тараша на Арху глаза. Даже тот, который заплыл и почти в щёлку превратился, ей удалось испуганно выпучить.

Ведунья дёрнула подбородком вверх, демонстрируя своё искреннее недоумение по поводу неожиданных прыжков грахи.

— Ты ведьма? — просипела грозная воительница, кажется, подумывая грохнуть в обморок.

— Ну, начинается! — подавив горячее желание хлопнуть себя ладонью по лбу, протянула лекарка. — Не ведьма! Ведунья я, ве-дунья-я!

— А в чем разница? — не поняла очевидного Ю.

Правда, этого очевидного не понимали многие.

— Ведунья пошло от слова «ведать», «знать». Попросту, «хранящая знания». А ведьма — это ругательство. Хотя, конечно, и в нём есть смысл. Мы так называли тех, кто отошёл от заветов Матери. Их ещё ворожеями зовут. Между прочим, они родственные «вору», «врагу» и «вреду». Разницу чувствуешь?

Граха отрицательно помотала головой, наглядно показывая, что объяснить доходчиво лекарка не умела.

— Короче, я — хорошая, а ведьмы — плохие. Так ясно?

Ю кивнула. Но, кажется, убедить Архе её не удалось.

— Так если ты хорошая, почему вас на кострах жгут?

— Потому что это закон такой, — помянув добрым словом Тхия, пояснила ведунья, — я не говорю, что это хороший закон. Но какой есть. Все, не дёргайся и не мешай мне. Будем тебе красоту восстанавливать.

Граха лекарке так и не поверила, настороженно, как зверь, следя за малейшим движением девушки. И готовая в любой момент если не ударить ведунью, то, по крайней мере, дать дёру. Арха подозревала, что если бы она скальпель достала, то северянка только зубы стиснула и женственно, в смысле, мужественно все стерпела.

Но лекарка даже завалящегося ланцета с собой не прихватила, да и нужды в нем не было. Поэтому ведунья просто раскрыла ладонь, позволив кристаллу зависнуть над белобрысой макушкой. И закрыла глаза, призывая благословение Матери.

Обычно Арха им пользовалась только для того, чтобы посмотреть, как там у больного дела с внутренностями обстоят. Просто вскрывать для проверки, целы у пациента потроха и все ли органы в наличии, как-то неудобно. Дар Матери эту проблему решал более гуманно.

Но сейчас Архе внутрь заглядывать необходимости не было. На повестке дня стояла проблема возвращения девичьей красоты. Так использовать дар лекарка не любила — сил уходило много. Да и материнскому благословию можно найти более достойное применение, а болезни и травками неплохо лечатся. Но в данный момент эффекта от травок было недостаточно.

Поэтому девушка, не открывая глаз, проводила пальцами над лицом Ю, буквально на ощупь чувствуя ушибы и кровоподтёки, уплотнения, разорванные сосудики, повреждённую кожу. И разглаживала их, сращивала, восстанавливала. Граха зашипела сквозь зубы. Ей эта процедура приятной не казалась. Говорили, что такое исцеление болезненно. Но ведунья цыкнула на демонессу, чтобы не отвлекала, и Ю послушно замолчала.

Когда лекарка решила глаза открыть, не следа от побоища на красотке не осталось. Только то, что природа от рождения дала. Граха, словно не веря, ощупала собственную физиономию.

— Слушай, а ребра так... сможешь? — выдала северянка вместо «спасибо».

Арха подставила ладонь, подзывая кристалл и опять вешая его на цыпочку. Было в этом что-то неправильно-хулиганское. Вроде того, чтобы крикнуть в окно, находясь в гостях у соседа, что император — дурак! Носить на украшении, созданном с помощью Дара Тьмы, кристалл Жизни — это символично. И каждый раз, как она об этом вспоминала, ведунью одновременно и передёргивало, и тепло так становилось от собственной смелости.

— Нет, ребра не смогу, — ответила Арха, чувствуя, что пальцы тихонько, но очень мерзко подрагивают. — Устала я сегодня знатно. Придётся тебе обойтись плотной повязкой.

— А-то без тебя бы я до этого точно не додумалась, — поморщилась Ю. — Ладно, спасибо. Пошла я.

— Куда это ты собралась? А Тхия очаровывать? Сидеть, бояться, слушать маму.

— Мама — это ты? — ехидно уточнила гигантша, но осталась на месте.

Арха задумчиво осмотрела граху с головы до ног, постукивая себя пальцем по подбородку. Конечно, сотворить из демонессы столичную красотку ведунья и не надеялась. Но ведь не только леди мужикам нравятся. Саму-то лекарку Дан не за красоту любил. А значит, захомутать Тхия и у Ю шанс имелся. Хотя, надо честно признаться, весьма призрачный.

* * *

Конечно, лекарка рассчитывала на более торжественное появление. Но и так получилось неплохо. Опасения ведуньи, что Ю в платье будет казаться неуклюжей, не оправдались. Да и с чего бы они должны оправдываться? Как высказалась сама великанша: «Неудобно, конечно, но не сложнее, чем на палубе в шторм».

Чего Архе стоило достать в этом забытом Матерью месте платье, подошедшее по размеру грахе, знала только она сама. После свершения этого подвига все служанки в замке начали от ведуньи шарахаться. Но, главное, наряд был найден. И даже немного улучшен, хотя с иголкой лекарка обычно находила общий язык только тогда, когда чужую шкуру штопала.

Делать Ю изящнее, чем она есть, было делом заведомо проигрышным. Поэтому лекарка, вспомнив все наставления Адина, решила пойти от обратного и подчеркнуть достоинства фигуры грахи. Благо, было что подчёркивать. Платье с глубоким круглым вырезом, под которое предполагалось надевать рубашку, обошлось без нижнего белья. Зато теперь все присутствующие могли лицезреть едва прикрытые тканью прелести демонессы.

Пояс, на который пошёл шнур балдахина с кровати ведуньи, несколько раз обвивал вполне стройную талию, подчёркивая немалую разницу в объёмах её — талии, в смысле — и бёдер. Без нижней рубашки тонкая шерсть подола при каждом шаге весьма аппетитно

обрисовывала ноги грахи. В общем, стоило им войти — и все присутствующие мужики послушно устали туда, куда лекарка и предполагала.

Арха только побоялась, что причёску и макияж северянки по достоинству смогут оценить ещё не скоро. Хотя распущенные волосы, превратившись из белёсых патл в лёгкое облако мелких кудряшек, выглядели очень мило. А удачно подчёркнутые, ставшие поистине демоническими, светлые глаза придавали облику великанши некоторую перчинку.

Ну, да и Тьма с глазами и локонами со всеми! На войне хороши все средства.

Пройдя вдоль пустующего пока стола под греющее душу ведуньи молчание, девушки подошли к возвышению, на котором в кресле, больше походившем на трон, восседал Тхия, естественно, в чёрном одеянии. Кстати, этот цвет ему шёл — волосы становились ещё рыжее.

По правую руку от него пустовало кресло, предназначенное для Архи. Дальше сидели Адин, Ирраш и, к великому сожалению лекарки, Адаша. По левую восседали какие-то грахи звероподобного вида.

Арха пихнула Ю локтем, чтобы напомнить, в каком мире она находится. Потому что северная красотка, кажется, обо всем забыла, таращась на Тхия. Естественно, тычка лекарки граха бы и не заметила. Но недаром же Шай ведунью злой называл — примерилась Арха как раз в сломанные ребра. Тут уж воительнице пришлось осознать реальность.

Метнув на девушку взгляд, обещавший медленную и мучительную смерть, гиганша поклонилась. Получилось не слишком изящно, но реверанс, искусством которого ведунья и сама владела плоховато, у демонессы выходил ещё хуже. Зато все желающие смогли убедиться, что рубашки на ней действительно никакой нет. Эффект был. Даже Ирраш как-то смущённо почесал кончик носа. А Адин, в смысле Дан, заработавший от лекарки выразительный взгляд, смутился и уткнулся носом в чашу с вином.

— Мессир, — выпрямившись и гордо вскинув подбородок, завела Ю старательно заученную речь, — я приношу свои извинения за причинённые по моей воле неудобства. И, поверьте, искренне раскаиваюсь в совершенных деяниях. У меня было время обдумать и осознать, что не все желаемое нами можно получить даже силой. Я могу по честно завоёванному праву занять место супруги за вашим левым плечом. Но это не принесёт счастья ни вам, ни мне.

Она сбилась, видимо забыв слова. Вышло крайне удачно. Выглядело это так, как будто девушка, от глубоко скрытого волнения, голос отказал. Но Ю собралась с силами и продолжила:

— Я — урождённая граха из клана Белой Совы. Но, наверное, я слишком долго прожила вдали от моих родных лесов. И если ум мой согласен и даже настаивает на том, что наши законы верны, справедливы и единственно возможны, то сердце утверждает обратное. Я не найду счастья рядом с тем, кто равнодушен ко мне, если не сказать большего. Поэтому вынуждена ещё раз просить прощения и отказаться от статуса вашей супруги.

В зале повисла тишина. Видимо, присутствующим нужно было время, чтобы переварить услышанное. Ну, а некоторым требовалось ещё и перевести на язык родных елей все только что сказанное. Вычурные столичные речи суровым северянам вряд ли были по зубам. Но уже спустя всего несколько мгновений поднялся ропот. Смысла слов было не уловить, но общий настрой понимался без труда. Мнение было единогласным: «Что эта девица себе позволяет?!». Ю поёжилась, и Арха ещё раз ткнула её локтем — теперь уже выражая поддержку.

Тхия тоже не сразу сообразил, чтобы такого умного ответить. Но придворное прошлое сказывалось. Эти ребята за словом в карман лазать не привыкли. Он тоже встал и поклонился. Причём гораздо изящнее грахи.

— Уважаема Ю вольна сама выбирать дорогу, по которой ей идти. И это право она сегодня доказала. Я не могу и не хочу неволить гордую воительницу. И могу только желать, чтобы её сердце договорилось с разумом.

«М-да, с вашим разумом вообще договориться сложновато! — съязвил здравый смысл ведуньи. — Его ещё найти сначала надо, а потом догнать!».

Пришлось цыкнуть на расшалившееся сознание, потому что Тхия свою речь не закончил.

— Я только прошу разделить со мной праздничную трапезу в качестве почётной гости. Это самое малое из того, что я могу сделать для женщины, которую безмерно уважаю.

Он указал рукой на стул, предназначенный для Архи. Ю царственно кивнула, соглашаясь.

Ведунья мысленно аплодировала самой себе. Получилось даже лучше, чем планировалось изначально! Все же, усилия, которые граха потратила, чтобы эту речь вызубрить, стоили того. Как, впрочем, и потуги самой лекарки, речь писавшую. И не важно, сколько сил и страданий это потребовало. В деле соблазнения принцессы главное результат!

— Признавайся, твоих рук дело? — шёпотом спросил Дан, когда Архе, наконец-то, позволили сесть на спешно приволочённый бесами стул.

Ведунья подняла глаза и невинно похлопала ресничками, всячески демонстрируя, что она тут вообще ни причём и только поесть пришла. Рогатый улыбнулся так, как умел только он — глазами.

* * *

Пир свадебный, насколько ведунья поняла, хоть свадьбы никакой и не было, шёл своим чередом. Ну, действительно, раз уж все собрались, то не расходиться же только потому, что невеста решила из-под венца удрать? Поэтому все ели и пили, как будто им до столов присутствующим удавалось дорываться нечсто. И это было очередным разочарованием Архи. Как-то аристократические застолья она себе несколько иначе представляла.

Ни тебе музыки, ни изящных разговоров. На дальнем конце нижнего стола вообще уже ржали так, как любые подвыпившие мужики в любом кабаке. Того и гляди песни горланить начнут. Видимо, из уважения к присутствующим в немалом количестве грахам, никакой арифедской специфики не наблюдалось. Зато имелось совершенно безумное количество еды, которая исчезала со столов с магической скоростью. И все это заливалось буквально реками вина.

А лекарка сидела как на иголках, и почти не обращала внимания на Дана, который как-то странно на неё поглядывал. Тхия проявлял титаническую и совсем не нужную выдержку, так и не переходя к главному. Нет, Ю он вовсе не игнорировал. И даже больше — беседовал только с ней. Разговор, безусловно, был интересен.

Северная воительница с душещипательными подробностями рассказала про свою детскую мечту стать лекарем. И про все трудности и испытания, которые ей пришлось преодолеть, прежде чем в университет поступить. Причём, подвиг ей этот дался только с

третьего раза. Не смотря на то, что её отец, видимо, чтобы избавиться от неугомонного дитя, согласился оплатить учёбу. История могла бы выжать слезу даже из камня. Да только двигаться дальше на пути завоевания одного не в меру привередливого сердца, не помогала. На взгляд лекарки, Ю выглядела недостаточно несчастной.

— Мистрис Ро, а почему, все-таки, вы отказались быть моей женой? — спросил, наконец, Тхия.

Арха, отчаявшаяся этот вопрос услышать и уже ждущая подходящего момента, чтобы самой его задать, облегчённо вздохнула.

Ю открыла было рот, чтобы с разгону ответить, но ведунья с вывертом ущипнула её за бедро. Между прочим, вывихнув себе запястье. Потому что мышцы у грахи были просто каменными. Но воительница сообразила хлопнуть пасть и вспомнить свою роль. А то она явно собиралась выдать что-то незапланированное.

Демонесса опустила глаза, разглядывая узоры на скатерти и нервно кроша в пальцах кусочек хлеба. Хотя ей бы, наверное, больше подходил осколок гранита. Потому что мякиш в её руках не крошился, а мгновенно в глину превращался. Не слишком женственно это выглядело, а от гранита хотя бы крошки остались.

— Мистрис Ро? — напомнил о своём присутствии Тхия.

— Арха, у тебя уши сейчас на затылок сами вылезут, — шепнул ведунье Дан.

Но лекарка только отмахнулась от него и, даже, отпихнула легонько. Рогатый ей подслушивать мешал. И так все больше усиливающийся шум за столом перекрывал не слишком громкие голоса потенциальной влюблённой пары.

— Понимаете, мессир, — нехотя ответила Ю, не поднимая глаз, — я вас люблю, действительно люблю. Вы, наверное, считаете, любовь с первого взгляда романтическим бредом глупых девиц. Но... Стоило мне вас увидеть — и я больше никого не замечала.

— И когда же вы меня увидели? На лекции? — поинтересовался совсем, ну совсем незаинтересованный в ответе Тхия.

— Нет, не на лекции. На параде, летом. Я только вас там и увидела. Вы были словно из золота отлиты. Мне казалось, что если смотреть на вас долго, то можно ослепнуть, — понесла явную отсебятину Ю — лекарке нестерпимо захотелось треснуть не в меру влюблённую граху. — Вы не поймёте, но там все гвардейцы одинаковые были, словно их рисовали с одного. А вы — совсем другой.

— Какой? — вовсе уж потерявший интерес к разговору спросил Тхия, задумчиво глядящий куда-то вдаль.

И так его эта даль заинтересовала, что он даже забыл про пустой бокал. Так и подносил его к губам, словно отпивая, артист.

— Мужчина, — бухнула Ю и заалела, что твоя заря.

Дура, Тьмой проклятая.

Архе показалось, что блюдо, на котором лежали начисто обглоданные кости невинно съеденного вместе с пяточком кабана, вполне подойдёт для вправления мозгов некоторых, не в меру романтических, грахов.

— Благодарю за комплимент. Но я так и не понял, почему вы отказались быть моей супругой?

Порой желание придушить лордов за их лордский тон Арха могла сдержать только поистине титаническими усилиями. Она сама не раз на себе это их пренебрежительно-надменное отношение испытывала. И знала, насколько «приятно» такое слышать. Желание

прибить Ю у ведуньи пропало, сменившись жгучей солидарностью.

— Потому что я мечтаю о том, чтобы вы меня любили. А не о том, чтобы делить с вами ложе раз в год. И то, если мне повезёт. Уж лучше я со своими мечтами останусь. Может быть, Тьма будет ко мне милостива и пошлёт кого-то, кто будет им соответствовать.

Она подняла голову и выпалила все это, глядя прямо на Тхия. Текст тоже был из незапланированных. Но даже Арху он впечатлил. Наверное потому, что говорила Ю искренне. А ведь пыталась убедить лекарку, что никогда не сможет ничего подобного сказать. Нет, все-таки, в «лордском» тоне есть что-то хорошее и полезное. Нормальных существ он дико злит, а от злости все становятся правдивыми. Недаром же Мать говорит, что ложь ведёт в лабиринт, а правда — на прямую дорогу.

— Извините меня, мессир за то, что я вам тут наговорила. Наверное, во мне действительно слишком много от грахи и слишком мало от столичной студентки. Обещаю, что такого больше не повторится. Да, наверное, у меня и возможности больше не будет подобное сказать. Мне надо... Простите...

Она неловко вылезла из-за стола и куда-то пошла. Арха хотела остановить великаншу, но Дан накрыл руку девушки своей, не дав её поднять.

— Оставь, — сказал он одними губами.

Ведунья послушалась, хотя и сама не знала, почему. Наверное, не хотела сцену устраивать, потому что Ю поспешно, почти бегом, спустилась с помоста. Лекарке было её жалко так, что сердце кололо. Граха шла, гордо выпрямив спину и задрвав подбородок. Но Арха-то видела, что суровая воительница самым натуральным образом плачет. Даже если слезы льются не по щекам, а внутри, слезами они быть не перестают.

Рыжего сейчас ведунья искренне и от всей души ненавидела.

Тхия сидел, барабанил пальцами по столу и о чем-то напряжённо раздумывал. Ушёл он в самокопание настолько глубоко, что даже брови нахмурил. Лекарка горячо понадеялась что, он представлял себе собственное пребывание во Тьме. Куда Арха ему желала попасть в ближайшем же будущем. К сожалению, ни ведунью, ни её гневных взоров демон не замечал. Внезапно арифед тоже резко встал и, ни на кого не глядя, удалился.

— Ну, рассказывай, откуда ты эту проникновенную речь взяла? — насмешливо спросил Дан, проводив Тхия взглядом.

— Из романа, — нехотя ответила Арха.

Ну, да, ведунья с некоторых пор почитывала на досуге женские романчики. И что, это преступление? Тем более что большинство из них были глупее самой глупости. И, в целом, отвратительное чтение. Но здорово расслабляло мозг. А, заодно, помогало пережить несвоевременные уходы некоторых демонов. Почитаешь про очередную не в меру нежную демонессу. И сразу чувствуешь себя уверенной и способной справиться с любыми проблемами.

— А ты не думала, что Тхия этот роман тоже читал? — вкрадчиво поинтересовался рогатый. — Он ведь у нас вечно книжками обложен.

Лекарка испуганно вскинулась, готовая прямо сейчас пойти биться головой о стену. Но вредный демон смотрел на девушку с явной насмешкой. Поэтому она осталась на месте, обиженно надув губу.

— Он такое не читает, — пробубнила ведунья.

— Не читает, — согласился Дан, — поэтому у тебя вполне может получиться.

Он смотрел на Арху, но улыбка из его глаз куда-то пропала, сменившись непонятной

лекарке насторожённой. Девушка невольно поёжилась. Неуютно становится, когда любимый начинает тебя изучать, словно чужой.

— Странно, но как только я решаю, что все про тебя знаю, ты мне показываешь, что я не знаю ничего... — задумчиво выдал Его лордство.

— Зато со мной, наверное, не скучно, — невольно вжимая голову в плечи, пискнула ведунья.

— Это точно, — хмыкнул рогатый, — только я не уверен, что это хорошо.

Арха фыркнула и отвернулась. Подумаешь, не уверен он! Зато девушка во всем была вполне уверена.

* * *

Неожиданно тёплое солнышко прогрело бок мехового плаща так, что ведунье даже жарко стало. Но шевелиться было лень. Тем более что Арха в кой-то веки согрелась. Прикрыв глаза, она смотрела, как мимо проплывают огромные, до самого пронзительно-синего неба, ели. В их разлапистых ветках кипела жизнь. То и дело мелькали рыжие хвосты деловитых, раздражённо цокающих, белок. С пронзительными криками взлетали птицы, потревоженные ленивыми шагами Урагана. Где-то забористо и задорно барабанила дробь дятла. Прозрачный воздух был таким вкусным, что его пить хотелось.

А лекарке было уютно и немного сонно. Дан завернул девушку в плащ, как младенца в одеяло, а руки рогатого, обнимающие её, служили великолепной люлькой. Размеренная, неторопливая поступь коня укачивала. Ни о чем не думалось — Архе было просто хорошо.

— Эй, котёнок, не спи.

— Я и не сплю, — проворчала лекарка, закапываясь носом в пушистый воротник.

— Ну да. Кто-то то же самое вчера говорил, а потом уснул на столе, как обычный пьяница, — усмехнулся демон.

— Я просто устала! Попытался бы ты это дурацкое платье потаскать!

— А это мы уже слышали, — ехидно хмыкнул Его лордство.

— Про платье?

— Про «устала».

— Дурак.

— И это мы слышали...

Арха смотрела на гвардейца снизу вверх и даже уже и не замечала, что у него лицо Адина. Это был Дан, такой, каким только он и мог быть.

— Ты надо мной постоянно смеёшься, — надулась ведунья. — Я тебя забавляю?

— Очень, — честно ответил он.

На взгляд самой ведуньи — излишне честно. Она бы без такой откровенности и пережила.

— Только вот не надо никаких глупых мыслей. И сравнений с домашними любимцами, ладно? — посоветовал хаш-эд.

— Откуда ты знаешь, о чем я подумала?

— У тебя на лбу все написано, — улыбнулся он. — Хочешь, чтобы я не понимал, о чем ты думаешь — носи маску. Хотя тогда я буду знать, что ты планируешь какую-то пакость. Потому что ничего другого ты от меня и не скрываешь. И я тебе за это очень благодарен.

Он наклонился, нежно целуя Арху в лоб. Она бы предпочла что-то более интимное, но целоваться верхом на лошади и впрямь было не слишком удобно.

— А, кроме того, что я тебя забавляю, ты что-нибудь чувствуешь?

Он замолчал. И молчал так долго, что лекарка думала — уже не ответит.

— Арха, я не умею, да и не хочу об этом говорить. Пожалуйста, не заводи подобных разговоров, ладно? Мне начинает казаться, что ты меня к чему-то принуждаешь. А я очень ценю тебя за то, что ты никогда и ничего не требуешь.

— Зачем мне что-то требовать, если в моем полном распоряжении самый лучший демон? — девушка потёрлась щекой о его плечо и заработала ещё один, очень благодарный, поцелуй.

Равновесие было полностью восстановлено.

Не сказать, что его слова Арху совсем не задели. Задели и ещё как. Но лекарке ничего объяснять не нужно было — она прекрасно понимала своего демона. Даже не столько понимала, сколько чувствовала. Только тогда, когда они были вдвоём, у Дана внутри словно пружина расслаблялась. Нет, он не менялся внешне, оставался таким же отвратительно бесстрастным — каменное изваяние самому себе. Но напряжение уходило. И стоило появиться рядом кому-нибудь ещё, как эта пружина снова стягивалась. Лично Архе это говорило об очень многом.

В конце концов, слова — это только слова. А вот буквально ощущать, что ты кому-то нужен не из непонятных романтических соображений, а по вполне конкретным причинам, важно. Наверное, кто-то скажет, что такой подход слишком похож на деловую сделку. Но ведунье казалось, что романтика рано или поздно может пройти. Зато останется эта «нужность». Так что, её все устраивало.

— Это тебе подойдет? — неожиданно спросил рогатый, выдрав ведунью из размышлений.

Арха выпрямилась и огляделась. Ураган остановился на небольшой каменистой площадке — лбе скалы, выдающейся в прозрачную воду фьорда. За их спинами темной стеной стоял лес, а над головой была перевернутая, бездонная чаша неба, в которой чёрной точкой кружила птица. Порывы ветра, разметавшие волосы девушки, были сильными и довольно холодными. Но лекарка не могла отделаться от ощущения, что её ладонью по щеке гладят.

— Да, вполне, — согласилась ведунья, — поможешь мне костёр развести?

— Большой? — деловито подошёл к вопросу демон, снимая девушку со спины коняги.

— Да нет. Главное, чтобы огонь был.

Дан кивнул и скрылся за деревьями. Арха даже вздрогнула, настолько мгновенно он это проделал. Был демон — и нету. Хотя подлесок насквозь пронзали яркие копья солнца. Это его мгновенное исчезновение вызвало у ведуньи ассоциации не с воинской выправкой, а с животным. Опасным, диким и невероятно привлекательным. Может быть, Ирраш ошибался, и шаверская кровь лекарки реагировала не только на «котов»?

Арха скинула плащ, подставляя ветру лицо, которое неожиданно для неё самой стало очень горячим.

— Ты зачем разделась? — поинтересовался Дан у девушки над ухом. — Простудишься.

Оказывается, пока она изображала собой гальюнную фигуру^[5], демон не только успел хвороста натаскать, но и разжечь едва видимый в ярком свете костерок.

— Не простужусь, — заверила его Арха, — а раздеться мне придётся ещё больше.

Потому что кристалл в одежде заряжать нельзя.

Честно говоря, сказала это ведунья не без здоровой доли кокетства, наличия которого в себе и не подозревала. С другой стороны, обстановка располагала к определённым мыслям: океан, пустынное место, демон и девушка, собирающаяся на себе и нитки не оставить. Не то, чтобы лекарка планировала продолжить своё посвящение в тайны взрослой жизни прямо здесь и сейчас, но определённые мысли бродили.

Отреагировал Дан абсолютно неожиданно. Он помрачнел, словно Арха ему сообщила, что собирается ещё разок напиться с гвардейцами. И даже отвернулся, пристально вглядываясь в горизонт.

— Тогда я отъеду выше по тропе. Ты когда закончишь — крикни. Только одна не ходи, дожись меня, хорошо?

— Хорошо, — растерянно и, наверное, обиженно протянула ведунья.

— Твой плащ забрать или здесь оставить? Лучше оставлю, если он тебе не мешает. И, надеюсь, ты понимаешь, что собираешься делать? Пожалуйста, не влетай в костёр и помни о крае скалы...

Арха обошла его, становясь на дороге и пытаясь заглянуть рогатому в глаза. Которые он старательно отводил.

— Дан, в чем дело? — требовательно и настойчиво спросила лекарка, постаравшись тоном донести до него мысль: он с места её не сдвинет, пока не объяснит, что это такое с ним случилось.

— Ни в чем. И ещё раз прошу, без меня никуда не уходи...

— Дан! — ведунья повысила голос.

Он перестал суетиться, замер, как в копаный, мрачно рассматривая землю. Молча, естественно. Но девушка уже привыкла, что от него ответа иногда приходится ждать очень долго. Дождалась Арха и в этот раз.

— Я боюсь... — ответил он неохотно.

— Чего?

Сказать, что ведунья обалдела — это ничего не сказать. Меньше всего она ожидала от демона подобного признания.

— Боюсь, что если я... если мы... Что ты станешь для меня такой же, как и все остальные. Они никто и ничего для меня не значат. А я не хочу тебя терять, — выдавил хаш-эд.

«Здрасти! — рывкнул здравый смысл. — Это что получается, что у нас тут романтические и абсолютно платонические отношения намечаются?».

Лекарка смотрела в спину рогатого, уводящего в поводу Урагана под тень деревьев, пытаясь сообразить, что это только что было. Кажется, это девушке положено бояться, что любимый в ней разочаруется или перестанет уважать, а никак не наоборот.

Нет, все-таки, сказка выходила какой-то в корне неправильной.

*Если леди просит оставить ее одну — то оставь ее одну.
Но ни в коем случае не оставляй ее одну. Удачи, короче!*

Из наблюдений старого ловеласа

Для того чтобы перестать грызть себя и придаваться соплежуйным мыслям о собственных сложностях, достаточно найти того кому в данный момент еще хуже. И Арха такого демона нашла без труда. Собственно, к розыскам страдальца ей не пришлось прикладывать ни малейших усилий. Достаточно было открыть дверь комнаты, которую ей выделили в качестве спальни.

Стоило ведунье увидеть скрюченную, согнувшую спину и безвольно опустившую между колен руки, Ю, сидящую на краешке кровати, как лекарка поняла: ее проблемы — это мелочь. Вот у северянки опять случилось что-то, из-за чего жизнь грахи на данный момент считается законченной.

— Рассказывай, — приказала Арха, тихо прикрывая за собой дверь и устраиваясь в кресле у камина.

Великанша горестно вздохнула и отрицательно помотала головой, обозначая, что ничего она не расскажет даже под пытками.

— Ну, замечательно! — восхитилась ее решением ведунья. — А зачем ты вообще ко мне тогда пришла?

Своим возмущением лекарка добилась только одного — гигантша снова горестно вздохнула.

— Ладно, — решительно заявила девушка, барабаня ногтями по подлокотнику кресла. — Не хочешь по-хорошему — будем по-плохому. Так что ты учудила? Морду нашей принцессе начистила?

— Я только пощечину ему дала! — испуганно вскинула глаза граха и тут же снова потупилась в пол.

Ведунья не сразу нашла, что б такого умного ответить на подобное заявление. Она пыталась представить, как развивались события после «только пощечины». Вот скажи Ю, что они подрались, то исход был бы более или менее ясным. Тхия влюблённую девицу скрутил и запаковал. Но что могла натворить пощечина? Да все что угодно. Все-таки, Тьма северную красотку силушкой одарила чересчур щедро.

— Ты ему челюсть сломала? — осторожно поинтересовалась Арха.

Гигантша неуверенно пожала плечами, старательно рассматривая солому, устилающую каменные плиты пола.

— То есть, как это ты не знаешь? — удивилась ведунья.

— Я не смотрела... — тихо призналась демонесса.

— Куда ты не смотрела?

— В море...

— В какое, Тьма тебя заberi, море?

— В которое он упал, — призналась в совершенном преступлении граха, видимо подозревая, что казнят ее прямо тут, не сходя с места.

— Поправь меня, если я не права, — дробь, которую выстукивали коготки ведуньи, начала звучать несколько нервно. — Тхия что-то сделал, после чего ты отвесила ему пощечину, от которой он свалился в море? Ты смотреть, что там с ним дальше творилось, не стала, а просто слиняла сюда?

Граха снова тоскливо вздохнула и кивнула.

— Он жив хотя бы? — осторожно поинтересовалась лекарка.

— Да... Я его голос слышала, тут уже.

— Спасибо Матери за ее милость! — пробормотала ведунья. — Нет, так не пойдет. Давай разбираться с самого начала. И нечего головой трясти! Заварила кашу — надо расхлебывать. Поехали! Ты вчера ушла из зала. Что дальше было?

* * *

Собственные шаги казались тяжеловесными. Они каменными ударами отдавались в голове и позвоночнике. Казалось, что от ее поступи даже столы вздрагивали. И лорды, сидящие за ними, провожали громоздкую фигуру грахи насмешливыми взглядами. Собственно, ничего другого она и не заслуживала. Сама, по своей воле, стала всеобщим посмешищем. Зачем только послушала эту сумасшедшую шаверку? Знала же, чем это все закончится, знала.

Так нет же, показалось вдруг, что действительно все может получиться. И лорд Тхия если и не полюбит, то хотя бы взглянет по-иному. Хорошо об этом шаверке рассуждать. Мимо ее желтых наивных глазок, трогательных ушек и пухлых губок не один мужик спокойно не пройдет. Да еще она такая маленькая, хрупкая... Не то что сама Ю. Не женщина — гора мяса. Разве такая лорду нужна?

Граха дорого бы отдала за возможность развернуть время вспять. Только бы снова оказаться там, в университетской раздевалке. И просто встать, уйти. А не заливать слезами собственную мантию, дожидаясь, пока появится полоумная шаверка с её дикими идеями. Зачем она осталась? Зачем пошла в кабак? Почему сегодня потащилась в этот зал? Глупость. Глупость невыносимая. Хлебай теперь полной ложкой.

Корчась от стыда и глотая злые, а от того горькие как полынь, слезы, Ю, наконец, выбралась из зала. Стражники тоже косились на нее насмешливо, но дверь, все-таки, открыли. Только благодаря поистине титаническим усилиям грахе удалось не втягивать голову в плечи, а идти, выпрямив спину и гордо подняв подбородок, как и подобает деве сервера.

Зато по переходам и продуваемыми всеми ветрами коридорам замка она почти бежала. Больше всего грахе хотелось выбраться отсюда, очутиться на берегу, подставить лицо ветру, дать ему выдуть все мысли из головы. Но было уже слишком поздно. Ворота на ночь успели закрыть. И до утра нечего было и думать оказаться за стенами замка.

Поэтому девушка, петляя по темным, практически не освещенным, переходам, добралась до лестницы, ведущей на крышу донжона. Крутые ступеньки спиралью уходили вверх. Демонессе приходилось нагибать голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Сам проход был узким — чуть шире плеч Ю. Но на крышу она почти взлетела. И только выбравшись из люка, оперлась ладонями о колени, пытаясь перевести дух и восстановить сбившееся дыхание.

Ветер тут же подхватил ее волосы, словно хотел девушку скальпа лишить. Сдул злые слезы, забил рот, не давая дышать. Граха выпрямилась, подставив вмиг занемевшее лицо ледяным порывам. Придерживая подол платья, который норовил задраться выше талии, ладонью, медленно подошла к парапету. Подняла голову, глядя на низкие тучи, несущиеся по плоскому, темному небу. Они были похожи на клочья черной, нечесаной овечьей шерсти.

Щеки моментально заледенели. И слезы по лицу лились уже не от унижения — просто ветер был слишком силен. Грахе мгновенно стало легче, словно она с плеч каменную плиту скинула. Ю, опершись ладонями о скользкие камни, подалась вперед, высунувшись в бойницу, глубоко вбирая, втягивая в себя холодный воздух. Он пьянил сильнее вина. И, в тоже время, делал голову пустой, звонкой, унося мысли прочь, вслед за тучами.

— Ю, отойди, пожалуйста, от края, — раздался за ее спиной спокойный, даже чересчур спокойный голос лорда.

Демонесса оглянулась через плечо. Арифед стоял всего шагах в трех от нее. Ветер трепал его рыжие волосы, раздувая плащ над плечами пузырем. Лица демона девушка разглядеть не могла — чересчур темно было. Только вот поза у него была какая-то слишком настороженная. Словно он был готов в любую минуту вперед броситься.

— Пожалуйста, подойди ко мне, — ещё настойчивее попросил Тхия.

— Зачем? — удивилась Ю.

— Ты же северянка, воин. Неужели ты считаешь, что только так можно проблему решить? — продолжал её уговаривать арифед. — Это слабость, а не выход, Ю.

Граха, одной рукой придерживая пытающийся улететь подол, а другой волосы, таращилась на лорда, не слишком понимая, к чему он это все говорит.

— Ю, не вынуждай меня силу применить! — вдруг рявкнул арифед. — Поверь, тебе это не понравится! Отойди от края, я сказал!

И вот стоило ему рявкнуть, как у демонессы в мозгах что-то прояснилось. Она недоверчиво хмыкнула, помотала головой. И глянула на лорда, как на душевно больного.

— Вы решили, что я... Вы боитесь, что я вниз прыгну что ли? — смущенно, потому что ей самой догадка слишком уж дикой показалась, протянула демонесса.

— А не прыгнешь? — прищурился Тхия.

— Вообще-то, даже в мыслях не было, — честно призналась Ю. — Мне просто нравится тут. Ветер, холодно... Душно в зале-то.

— Душно, — не стал спорить лорд. — Но ты, все-таки, отойди. Мне так спокойнее будет.

Граха пожалла необъятными плечами, но от бойницы отошла все-таки. Правда, к демону она подходить не стала. Наоборот, обошла [a1] его по широкой дуге, встав рядом с люком на лестницу.

— Спасибо, — слегка нервно поблагодарил рыжий. — Мне так гораздо спокойнее.

И тут у демонессы словно что-то в голове перемкнуло. Сама не слишком понимая, что ее так разозлило, Ю почувствовала, что ярость затапливает сознание, как ледяная волна. И она сама в своем бешенстве тонет, не в силах пробиться к поверхности.

— Что с тобой, Ю? Ты злишься? — проявил чудеса догадливости арифед. — Я что-то не то сказал?

— Ну, что вы! Уважаемый все сказал правильно! Ведь только так и может быть, не так ли? Ежели уж у слабой бабы не хватило силенок уважаемого завоевать, то она только вниз башкой с башни и может сигануть! Правильно? — от волнения столичный говор северянки

смешался с местным в такую кашку, что она сама себя понимала с трудом. — Только вот дулю вам из копчёной воблы, уважаемый! Я сегодня, конечно, и себя, и весь свой род опозорила. Но это еще ничего не значит! Вот увидите, я еще себе такого мужа найду, что вы обзавидуетесь. И детей рожу! И счастлива буду!

— Ну, это вряд ли, — задумчиво протянул арифед.

— Да, все так и будет, вот увидите! — сжимая кулаки от бессильной ярости, заорала Ю, перекрикивая завывания ветра.

— Да я не спорю, — не сдавался арифед и даже ухмыльнулся. — Только вот вряд ли ты сможешь найти себе такого мужа, что я обзавидуюсь. Не спорю[а2], грахи — мужики хоть куда. Но я как-то вообще к представителям своего пола прохладно отношусь.

— Позавидуете, позавидуете, позавидуете! — у Ю окончательно снесло крышу и она уже сама не слишком хорошо понимала, что говорит...

* * *

— И что дальше было? — поторопила внезапно замолкшую демонессу ведунья.

Но Ю только головой отрицательно помотала, упорно глядя в стену над плечом лекарки.

— Да я уже поняла, что у вас прямо там сплошной интим начался, — проявила недюжинную догадливость Арха. — Но что он конкретно-то сделал? Поцеловал?

Граха опять только головой покачала.

— До поцелуев у нас дело не дошло...

* * *

Последнее, что Ю помнила отчётливо, это как Тхия к ней шагнул. А все остальное стыдливо спряталось за кровавой пеленой бешенства. Точнее, это только сначала бешенство было, а потом...

В общем, демон к ней шагнул. Чего уж он там сделать собирался,[а3] граха так и не выяснила, и выяснять не собиралась. Но стоило арифеду руку к ней протянуть, как Ю оскалилась, отпрыгивая назад, разрывая между ними расстояние. И, начисто забыв, что на ней платье надето, скользнула вперед и вбок, обходя демона слева.

Она действительно была далеко не последним бойцом своего рода. И даже несколько лет жизни в столице этого изменить никак не могли. Двигалась граха стремительно и почти неуловимо, похожая на большую каплю ртути, словно перетекающую из одного положения в другое. Только вот демон оказался еще быстрее.

Ее удар провалился в никуда, заставляя на миг потерять равновесие и всем телом нырнуть вперед. Но Ю тут же развернулась на пятках, краем сознания отмечая, что юбка стала слишком уж свободной и движения больше не сковывает. Но заметила она это действительно походя. Где-то слева от нее и почти за спиной демонессы мелькнула тень, гораздо плотнее и чернее окружающей её ночи.

Ударил граха почти не глядя, на развороте. Кулак полетел в корпус, да девушка еще и шагнула назад. В идеале, ее подшаг должен был садануть противника по голени, а то и вовсе

пригвоздить ступню к каменной плите крыши башни. Но ничего у нее толком не вышло. Нога девушки снова провалилась в пустоту. Зато кулак словно со стеной встретился. Набитые костяшки пробило болью так, как будто она по камню вдарила. Тем удивительнее было, что демон просто принял кулак грахи на основание собственной ладони.

Правда, любоваться ей этим зрелищем пришлось недолго. Серые Лисы не даром славились как одни из лучших бойцов безоружного боя — на северном побережье им равных не было. Только вот Ю даже не поняла, что Тхия дальше сделал. Просто только что [a4] девушка любовалась собственным кулаком, остановленным его ладонью. А уже в следующий момент она прижималась щекой к холодному камню башни. И обе ее руки словно тисками за спиной зажал.

— Тьма! Какое шикарное зрелище! — протянули у нее над ухом восхищенно.

И вот тут граха буквально прочувствовала своё положение. Она лежала на животе, а демон не только ее руки держал, но еще и коленом позвоночник фиксировал, удерживая [a5] демонессу от не в меру ретивых и непродуманных действий. И, между прочим, подол у нее разорван до талии. А лиф платья лопнул по обоим боковым швам до той же самой талии. И рубашки под платьем все еще не было.

Несколько минут на крыше донжона было [аб] слышно только ветер. Рыжий молчал, словно пытаясь сообразить, что ему делать дальше. Ю тоже не в силах была ни слова сказать. Уж слишком странным, непонятным и, что греха таить, волнующим было ощущение подчиненности. Какой-то первобытной, дикой, животной. Просто чувствовать, что рядом с тобой — над тобой — мужчина, который сильнее. Просто, сильнее — и все.

— Прости, Ю, я не могу... Я же тоже живой... — голос демона звучал странно хрипло, словно Тхия его сорвал. — Только скажи — и я все прекращу. Ты скажи только...

Несколько минут ничего не происходило. Он словно ждал чего-то. Но Ю молчала. Тогда его рука — не та, что ее запястья сжимала, а другая, свободная — скользнула с ее спины на бок и дальше, на обнаженную грудь, распластанную по холодному камню...

* * *

— И он так просто... — ахнула ведунья недоверчиво, тараща свои раскосые глазища, — А ты... Ты же?.. Да я его убью! Я ему все его!..

— Остынь, — недовольно буркнула Ю, — я уже лет так шесть на практике знаю, откуда дети берутся. Тут тебе не столица. У нас женщин не за девственность ценят, а за то, скольких мужчин она сумела привлечь. А я, все же, дочь вождя. Хоть и младшая. Так то, интересовались мной многие.

Арха пристально изучила потолок. Ничего интересного на нем не нашла и глянула на стены. Но там тоже не оказалось ничего, достойного ее внимания. Пришлось ей вернуться к рассматриванию грахи.

— Насколько я понимаю, «общение» с Тхия тебя не разочаровало?

Граха отрицательно помотала головой и посмурнела ещё сильнее.

— Так я и думала, — констатировала ведунья. — Ладно, что дальше-то было, раскрепощённая ты моя?

А дальше... Дальше пришло осознание, что она лежит на боку, созерцая несущиеся по чернильному небу тучи, похожие на грязную шерсть. А руки у нее связаны за спиной. Но все это не имеет никакого значения. Как, например, не имеет значения, что камень, на котором она лежала, твердый. А так и не утихнувший ветер — холодный. Зато очень много значило горячее, почти обжигающее тело мужчины, прижимающееся к ее спине.

— Дикая... — почти прошептал он, медленно проводя раскаленными губами по ее голому плечу, — какая же ты дикая... Дурная...

— Развяжи меня, — попросила она сипло.

Голос у нее самой был таким хриплым, словно она простудилась. И просить его развязать хотелось меньше всего. А прекращать это безумие хотелось еще меньше. Но... Всегда найдется место этим проклятым «но».

— Если я тебе сейчас развяжу, то ты немедленно удерешь, — он перестал ее целовать и просто прижался губами к ямке между шеей и плечом. — А если б ты только знала, как мне не хочется тебя отпускать. Дикарка... Северянка...

— Все было прекрасно, мессир, — горячо заверила его Ю, — но я... Я замерзла.

Отговорка была так себе. Граха и не такую температуру могла перенести без малейшего вреда для себя. И оба это понимали прекрасно. Впрочем, как и необязательность ее просьбы. Если бы[а7] ей нужно было, то демонесса могла бы уйти и со связанными руками. При должном желании подобные мелочи Ю никак остановить бы не смогли.

— Если ты была кем-то другим, то я бы извинился. И, вероятно, попытался бы оправдаться, — холодно сообщил лорд, распутывая петли собственного ремня, стягивающего запястья девушки. — Но ты та, кто ты есть. Поэтому я скажу только «спасибо».

— Не стоит благодарности, — вежливо ответила Ю, растирая руки — все-таки, запястья он ей стянул излишне старательно.

Лорд глянул на нее как-то странно, но только кивнул в ответ. Собрал свою одежду, раскиданную по крыше донжона и, не одеваясь, скрылся в люке. На граху, сидящую на холодном камне и обнимающую колени руками, внезапно снизошло осознание, что она полная и непроходимая идиотка.

— Дальше можешь не рассказывать...

Арха старательно делала вид, что щеки у нее от жара камина вдруг такими горячими стали. Она и сама не слишком поняла, с чего так засмушалась. Шай с ней и не такими интимными подробностями делился. Наверное, проблема была в том, что Ю, не смотря ни на что, была одного с ведуньей пола. Наверное, лекарка подсознательно ждала от северянки взглядов, схожих со своими. Девушка была несколько шокирована тем, что граху смущало не само... пусть будет, приключение на крыше. А то, что она себя повела неправильно, в очередной раз продемонстрировав сиятельному лорду, что[а8] она обыкновенная грубая северянка, а не утонченная леди, достойная его любви.

— Ночь пропускаем, с ней все понятно. Ты рыдала и думала, что все в очередной раз

кончено.

Арха, сосредоточившись и отодвинув в сторону ненужные в данный момент размышления о моральном облике демонов, обернулась к гигантше. Но граха её опять умудрилась удивить. Она тяжело вздохнула и выдала тихое, но очень скорбное: «Нет!».

— Что «нет»? — поразилась ведунья. — Ты не рыдала или не размышляла о кончине своей любви?

— Это все потом было. Сначала пришла Ри. И лорд слышал, что она мне говорила...

— Погоди, погоди. Давай по порядку, — лекарка, чувствуя, как начинает медленно с ума сходить, потерла ладонью лоб. — Кто такая Ри?

— Ри — это мамина Призрак. Она...

— Стоять! — голос Архи был подозрительно близок к истеричному визгу. — Призраки — это же ваши волки такие здоровенные, так?

Ю кивнула, соглашаясь. И косясь на ведунью с некоторой опаской. Видимо, ее здорово напугала излишняя экспрессивность девушки.

— И они говорят? Или ты что-то иносказательное имела в виду? Может, у нее выражение морды было такое, что ты поняла, о чем эта... зверюга думает?

— Ар, я с ней просто так говорила. Как сейчас вот с тобой, — осторожно пояснила граха, тоном, которым обычно общаются с буйно помешанными. — А как еще с оборотнями говорить можно?

— Призраки — это оборотни? — обалдело утонила Арха.

— Ну... да.

— Создания Жизни? Тех, кого вырезали под корень?

— Да... Не всех, конечно. Мы их...

— Те, кто в империи объявлен еретическими существами и подлежит немедленному уничтожению?

— Да, но...

— И они вам, вроде как, служат?

— Да! И...

— И вы с ними разговариваете?

— Да, да, да, Тьма тебя забери! При чем тут это все?

— Не при чем. Так, к слову пришлось, — протянула Арха, задумчиво изучая потолок. — И что тебе поведало это мифическое, легендарное, в смысле, сказочное существо? Я Призрака твоей мамы имею в виду, конечно. В смысле, оборотня твоей... Короче, как там ее? Ру?

— Ри, — раздражённо поправила девушку Ю.

Граха явно жалела, что вообще этот разговор завела.

— Угу, я именно про неё и говорила, — согласилась ведунья. — Кстати, а как она на крыше донжона оказалась? Прилетела?

Лекарка руками показала, как по ее мнению прилетела оборотень. Получилось, что призраки перемещались на рахитичных, даже рудиментарных каких-то крылышках. При этом махали они ими быстро-быстро.

— В том то и дело, — мрачно отозвалась граха. — Она там все это время была. Пряталась в тени. Хотела после пира меня найти и голову мне отвернуть. А тут...

— А-ага, — все поняла ведунья. — Ладно, продолжай. Нет, стой. А драконов у вас, абсолютно случайно, не водится?

— Нет.

— А русалок? Ну, опять же, совершенно случайно?

— Нет!

— А...

— Нет! — зарычала великанша так, что в камине что-то вздрогнуло, поленья треснули и рухнули на решетку, подняв вверх сноп искр.

— Да я просто так спросила, — покаялась Арха. — Ты рассказывай, я слушаю.

* * *

Ю не заметила даже откуда она вышла. Впрочем, девушка, наверное, сейчас не заметила и если бы мимо неё промаршировала рота тахиров в полной боевой выкладке. Граха и не подозревала раньше, что в одном существе может одновременно уживаться столько абсолютно противоположных чувств: радость, боль, сожаление, любовь, ненависть — причем к себе и к нему одновременно. И эхо истинного, ничем не замутненного наслаждения. Она потому и не заметила Ри, что плакала и улыбалась несущимся тучам.

— Ты, все-таки, сделала это, девочка. Отец будет гордиться тобой!

Граха вскочила, как ошпаренная, готовая броситься на стоящую у нее за спиной. Но не бросилась — только втянула в себя воздух сквозь плотно стиснутые зубы. А женщина улыбалась ей, не скрывая ни гордости, ни нежности. Хотя такие чувства у северян если и не под запретом были, то демонстрировать их считалось неприличным.

— Ри... Что ты здесь делаешь? — простонала Ю, тяжело усаживаясь обратно на холодный камень крыши.

— Я хотела вразумить дитя моей госпожи и вернуть его на тропу, ведущую в нужную сторону. Но увидела, что дитя само превратилось в волчицу и поступает мудро без чужих советов.

Улыбка женщины, до пят закутанной в серебристый меховой плащ, стала шире. Ее глаза, странно поблескивающие в тени капюшона, сшитого в виде волчьей головы, одобрительно смотрели на девушку.

— Я ничего не поняла, — призналась Ю, обхватив голову руками.

И тут же отдернула их, словно ожегшись. Уж слишком нарочитым, недостойным гордой грахи, получился жест. Впрочем, она уже слабо понимала, что достойно, а что нет. Ее мир, и без того сложный, неправильный, разваливался на куски.

— Дитя госпожи слишком давно жила вдали от родной норы, — ласково пояснила Призрак, — и разучилась слышать истинную речь. Ветер нашептал мне, что мой нежный щенок по праву завоевал место рядом с Повелителем Крови. Но отказался от него. Я пришла сказать, что такой поступок неразумен. Но узрела, что щенок превратился в волчицу. Я...

— Я не буду его женой, чтобы тебе ветер там не нашептал! — простонала граха. — Отказалась, отказываюсь и буду отказываться. Не знаю, кто в кого превратился, но я его женой не буду!

Женщина кивнула, полностью соглашаясь с решением Ю.

— Ты правильную тропу выбрала, дитя. Ты сохранила гордость и честь рода. Не подобает тебе унижаться даже перед достойнейшим. Но ты не только по праву завоевала место рядом с ним, но и стала его спутницей. И вспять тропы не повернут. Теперь он не

сможет отказаться от тебя. Он назвал тебя своей. Перед морем, небом, землей и звездами.

— Когда? — вытаращилась на Ри граха. — Ничего подобного он не говорил...

— Только что, — женщина медленно, весомо кивнула. — Не хочешь ли ты убедить меня, что мои глаза меня[а9] обманули? И я не видела вашего...

— Предки! Тьма! — Ю опять схватилась за голову, уже не обращая внимание на уместность этого жеста. — Ты за нами еще и подсматривала?!

— Да, мои глаза узрели все. И он не сможет отрицать, что дитя, выношенное тобой...

— Какое дитя?! — почти заорала демонесса, понимая, что скатывается в банальную и недостойную воительнице истерику.

— Дитя, которое ты зачала с ним — здесь и сейчас, — Призрака с намеченной ей тропы свернуть было непросто.

— Ты в своем уме, Ри? С чего ты вообще взяла, что я... что у меня... Что я сейчас залетела?

— Сегодня, вчера, завтра — какая разница? — равнодушно пожала плечами Призрак.

— Ты еще скажи, что нет разницы от него или от кого другого! — съязвила Ю.

Потому что Ри [а10] молчала, глядя на девушку мудрыми, как сама Тьма, глазами. Для нее никакой разницы действительно не существовало.

— Ты родишь дитя, и он не сможет от тебя отказаться. Он признает тебя своей. Это мудрое решение.

— Не было никакого решения, Ри, не было. И не будет! — простонала граха. — Не надо мне ничего этого! Это все... Это все... Глупость!

— Ну, почему же глупость? Мне кажется, что план имеет все шансы на успех, — одобрил идею Тхия.

Ю, обернувшись, с ужасом уставилась на лорда, появившегося на крыше не иначе, как по воле самой Тьмы.

— Хотя, я честно не понимаю, зачем уважаемой такие сложные комбинации. Но, вероятно, они имеют смысл. Мне со своей стороны остается только пожелать вам удачи. И принести извинения за то, что прервал вашу беседу.

Лорд поклонился и удалился. На сей раз окончательно.

— А вот теперь идея сброситься с крыши кажется мне заманчивой, — пробормотала Ю.

* * *

— М-да, — констатировала Арха, — ситуация. Ю, а, может, просто ему рассказать, как все было? Объясни, что это только бредни волчицы и ты тут не при чем. Что ты его любишь чистой и незамутненной любовью. И тебе нужен он сам, а не какое-то там положение.

Граха смотрела на ведунью с таким видом, что лекарке захотелось демонессу собственными руками придушить. Из милосердия. Да и по своему опыту она знала, что переубедить демона, уверенного в своей правоте, не удастся — хоть ты лоб расшиби. Да и что тут скажешь, кроме сакраментального: «Милый, ты все не так понял...».

— Это еще не все. Сегодня мы... Сегодня я утром его встретила... А он... — северянка начала заикаться, явно готовая разревется.

— Дальше можешь не продолжать. Он спросил что-нибудь про план и твои успехи? И ты ему дала по морде.

Гигантша всхлипнула, утерев нос занавесью кроватного полога.

— И где вот Тьма Адина носит, когда он так нужен? — лекарка, сама не замечая того, принялась грызть ноготь на большом пальце. — Вот он-то точно знает, как из такого выбираться. И посоветоваться-то даже не с кем...

Граха тяжело, горько вздохнула. Теперь лекарка была с ней полностью солидарна.

— Погоди, о крушении всех надежд говорить еще рановато, — успокоила демонессу ведунья. — Но вот запасной план придумывать пора. Безвыходных ситуаций не бывает...

— Угу. Как говорит мастер Нарук, всегда есть минимум два выхода: либо рвота, либо понос, — мрачно отозвалась граха.

Арха только покривилась от такого пессимизма, но спорить не стала. Потому что на ее взгляд в сложившейся ситуации реализм от пессимизма не слишком отличался.

Глава двенадцатая

Женщины по своей природе очень мудрые существа. То намудрят, то умудрятся.

Из наблюдений старого ловеласа

Ирраша отыскать удалось не сразу, и сделать это было совсем не просто. Пришлось к поискам подключать не только всех попавшихся по дороге служанок, но подряжать для этой нелёгкой работы ещё маленького рыжего Данаша — божественного сына. От прислуги толку было немного. Перепуганные вчерашним ажиотажем в поиске подходящего для грахи платья, девушки шарахались от Архи как от светлого проповедника. Зато демонёнок подошёл к делу ответственно.

Но в результате, шавера Арха нашла вполне самостоятельно и без чьей-либо помощи. Просто приличные бесы-чернавки, на задворки замка наведывались только группами. И исключительно тайно — на полуголых мужиков полюбоваться. А дитю Воплощения Тьмы и в голову не пришло, что высокородный лорд может околачиваться в таких «неблагородных» местах.

Короче, ведьма обнаружила ушастого на тренировочной площадке, где он деревянным мечом утрамбовывал трёх сержантов замковой стражи в стену. Причём несчастные арифеды, не вовремя попавшиеся на пути желающего поразмяться желтоглазика, были не только вооружены железными тыкалками, но ещё и обряжены в гремящую амуницию. Все равно, приходилось им несладко. Наверное, именно от отчаянья, а, может, и от неожиданности, они решили послушать ценный советы Архи, решившей понаблюдать за буйством мужских гормонов, пристроившись на низкой каменной изгороди.

— Слева заходи! — со знанием дела крикнула она. — Не видишь, что ли, он левый бок открывает?

Взмыленный арифед, бросивший на неё затравленный взгляд, действительно решил зайти слева. Но то ли Ирраш был не в курсе, что левая сторона у него является наиболее уязвимым местом. То ли сержант зашёл как-то не так. Но несчастный арифед тут же улёгся носом во взрытый песок, и вставать нужным не посчитал.

Второй тут же огреб деревяшкой по странному, похожему на шапку, шлему. И присел, видимо, поразмыслить о жизни. Третий из оставшихся просто шагнул назад, поднимая руки, соглашаясь с тем, что в одиночку выстоять против шавера у него и шанса нет.

Ушастый, вполне дружески, кивнул своим противникам. А сдавшемуся даже руку пожал, сказав что-то негромко. Все четверо заржали — даже тот, кто отдохнуть прилёг. Ирраш, закинув деревянный меч на шею и положив на него руки, уподобившись крестьянке с коромыслом, пошагал к Архе. И вид при этом у него был не только раздраженный, но и крайне недовольный. Впрочем, ничего другого от него ведунья и не ожидала.

Лекарка уже хотела было съязвить по этому поводу, но упустила подходящий момент, против воли засмотревшись на полуголового демона. А посмотреть было на что. Все-таки, из всей Великолепной Пятерки больше всего Тьма уделила внимания телу шавера. Ушастый был мускулистым настолько, что его хоть иллюстрацией в анатомический атлас вставляй. Но при этом мышцы у желтоглазого казались сухими, как верёвки. Никакого самолюбования

атлета, отличающегося, например, Адина. Тело шавера больше напоминало натренированный, умный, очень на многое способный инструмент, которым Ирраш великолепно умел пользоваться.

Арха поймала себя на мысли, что все демоны, в той или иной степени, но напоминали ей больших кошек. Дан был похож на вальяжного, но несколько тяжеловатого тигра. Тхия походил на притаившуюся, готовую в один прыжок разделаться с врагом, пуму. А вот шавер больше всего напоминал вечно напряженную, припавшую на пружинящие лапы, пантеру. И чёрная, масляно поблёскивающая от пота кожа, только усиливала эту похожесть. Пожалуй, желтые глаза тоже.

— Я всегда знал, что ты полная и окончательная кретинка, — оповестил ведунью Ирраш, пока она любовалась его статями. — Не предполагал только — насколько.

— И что я опять не так сделала? — протянула Арха, невольно поджимая уши.

Действительно, ей было обидно и даже очень. Лекарка тут демоном, исключительно с точки зрения эстетических чувств, естественно, любовалась. А он опять её обвиняет невесть в чем. Где справедливость?

— Тебе начать с того, что не одна приличная баба на задний двор казармы никогда не сунется? — неожиданно любезным тоном осведомился ушастый и продолжил, переходя на свой привычный, рычащий. — Или закончить тем, что здесь полно арифедов?

— И при чем тут обилие арифедов? — не поняла ведунья.

— Наверное, при том, что они шаверов ненавидят, идиотка! — едва не плюясь, оповестил ее ушастый.

— Я человек...

— Вот если ты им сможешь объяснить это, пока они тебе шею сворачивают и подол задирают, то можешь считать, что ты молодец! Причем я не уверен, в какой последовательности они с тобой это проделают!

— Но ты же тоже шавер... — пролепетала лекарка, испытывая горячее желание спрятаться за оградку, на которой она совсем недавно так шикарно сидела, а теперь съезжилась, мечтая очутиться как можно дальше отсюда.

Но уже в следующий момент природная ее робость куда-то испарилась. Потому что ушастый ответил ведунье такой неподражаемо самодовольной улыбкой, что Арха уже мечтала только об одном — выдернуть все клыки желтоглазого и собрать из них ожерелье. Может быть, это в дальнейшем бы спасло ее от выражения: «Сравнила меня с собой! Кто я и кто ты?!».

— Я, вообще, гостя Тхия! — выпалила она, насупившись. — И его собственность!

— Что, конечно, мешает продемонстрировать тебе глубину местных фьордов, высоту стен и мягкость земли, — оскалился ушастый. — Вбей раз и на всегда в свою пустую башку. Арифеды шаверов ненавидят! Это в крови, в подкорке.

— Боюсь даже спросить, с чем связана такая горячая любовь. Наверняка, незаслуженно...

— Вполне заслуженно! Если бы не мы, то резни арифедов и не было. Только шаверы могли отследить кровососа, спрятавшегося и...

— К-хм! — Арха кашлянула так выразительно, что у нее самой уши заломило и в горле запершило.

Ирраш, выпрямившись и перестав изображать собой взбесившуюся кобру, оглянулся. И поймал на себе как минимум пятнадцать взглядов, обещающих ушастому «глубоких местных

фьордов, высоких стены мягкой земли». А бесы, ещё совсем недавно присутствующие на тренировочной площадке, вообще предпочли исчезнуть. Немногочисленные же грахи отошли в сторону, явно в предвкушении незабываемого зрелища.

Арха решила к ним присоединиться. Но ее ждало жестокое разочарование. Ирраш просто развернулся к зрителям и поинтересовался таким спокойным тоном, что у ведуньи все волосы на теле разом встали дыбом:

— Вопросы?

Как не странно, вопросов ни у кого не оказалось. И что было по-настоящему удивительным, шавер поклонился. Впрочем, не снимая рук с деревянного клинка, лежащего у него на шее.

— Я прошу прощения. Не стоило мне задевать память, которая одинаково неприятна всем здесь присутствующим. Но женщина... Она способна вывести из себя даже самых уравновешенных из нас.

Не сказать, что площадку потряс громовой хохот. Но все присутствующее, не скрываясь, посмеивались. Причём, веселила их Арха. А Ирраш, которого они только что в клочки были готовы порвать, явно вызывал сочувствие. Справедливость опять куда-то исчезла, стыдясь собственного неадекватного отношения к мужчинам.

— Помоги мне умыться! — скомандовал шавер, раздражённо зашвыривая свой деревянный меч в чахлые кустики, росшие за оградкой.

Кустики вздохнули и смирились с неизбежным.

* * *

Со всей доступной ей мстительностью, Арха окатила Ирраша из бадьи. Но не получила ничего даже близкого к желаемому эффекту. Не смотря на то, что на поверхности воды льдинки плавали, шавер только довольно крикнул, отбрасывая за спину тяжелые, намокшие волосы.

— Еще? — мстительно поинтересовалась ведунья.

К её великому разочарованию, демон только согласно кивнул в ответ. И снова охнул от удовольствия, ладонью стряхивая с лица прозрачные капли и яростно растираясь полотенцем, угодливо поднесенным юным бесом.

— Мазохист, — разочарованно констатировала Арха, аккуратно ставя бадью на бордюр выложенного гладкими булыжниками колодца.

Лекарка зябко закуталась в собственный меховой плащ и недовольно покосилась на ухмылку шавера, которая явно относилась к разряду «чтобы вы понимали!».

— Ну, спрашивай. Чего ты от меня там хотела? — ушастый присел на край колодца, тщательно вытирая куском льняной ткани ладони.

— С чего ты взял, что я от тебя вообще что-то хотела? — независимо поинтересовалась ведунья, передернув плечами.

Идея обратиться за помощью к ушастому, ей самой начала казаться бредовой.

— А ты только в двух случаях становишься такой наглой, — сообщил желтоглазый, швыряя полотенце в услужливого беса. — Либо когда лечишь кого-нибудь. Либо когда тебе что-то действительно нужно. Как правило, это «что-то», — он изобразил пальцами кавычки, — напрямую тебя не касается. Собственные интересы ты предпочитаешь

отстаивать наедине с Даном. В смысле, лично у него клянчишь то, что тебе понадобилось.

— Ну, знаешь!..

Ведунья аж задохнулась от такой несправедливости. Первым ее желанием было развернуться и уйти. Но перед глазами, неммым укором совести, которая, в отличие от демонов, у лекарки имелась, встал потерянный взгляд Ю. Совет был жизненно необходим. И советчиков выбирать не приходилось.

Шавер поставил ногу на колодезный бордюор и, сложив руки на задранном колене, чуть прищурившись, наблюдал за ней. Когда Арха нахмурившись, прикусила губу, он удовлетворенно кивнул собственным мыслям.

— В твоём распоряжении две минуты. Или ты излагаешь свою просьбу, или катишься во Тьму, — вежливо оповестил шавер о существующем лимите.

— Э-эм... Ну... Вообще-то, я хотела узнать, как демону можно понравиться, — абсолютно незаинтересованно протянула ведунья, разглядывая тучи над своей головой и едва ли не ковыряя песок мыском сапога.

Но это не помешало ей заметить, что прищур ушастого стал совсем уж недобрый и каким-то подозрительным.

«Тупая была идея!» — согласился с хозяйкой ее здравый смысл.

— Ты вообще всех демонов имеешь в виду или кого-то конкретно? — поинтересовался лорд равнодушно, при этом прожигая лекарку таким взглядом, словно хотел без вскрытия проверить состояние ее печени.

— Ну... Я конкретно про Тхия спросить хотела.

От созерцания туч девушка перешла к изучению чахлах кустов, пробивающихся на скальном выступе, которым оканчивалась тренировочная площадка. Шавер молчал. Арха тоже не имела ни малейшего желания развивать поднятую тему.

— Ты хотела спросить. У меня спросить. Как ловчее захомутать Тхия? — с расстановкой, подчеркивая тоном каждое ключевое слово, уточнил Ирраш.

Лекарка, словно речь шла и впрямь о чем-то незначительном, легко кивнула.

— А позволь узнать, чем обусловлен такой интерес? — вежливо, видимо от неожиданности, спросил шавер.

— Ну... Понимаешь, Ю... Она в него... Короче, там у них... А она студентка, — пояснила ведунья, помогая себе активной жестикуляцией. — И мы с ней вместе учимся. Вот.

— То есть, ты решила устроить личную жизнь Тхи и этой громилы? И ничего не придумала умнее, как за советом ко мне обратиться? — ушастый явно издевался над ведуньей и даже не давал себе труда это скрыть. — А почему, по твоему мнению, я буду тебе с этим помогать?

Арха всесторонне изучила его вопрос, потому что он был действительно непростым. И как-то не подготовилась лекарка к подобным затруднениям.

— Ну, во-первых, — импровизируя на ходу, ведунья стало веско излагать не менее веские аргументы. — Потому что ни Адина, ни Шая на худой конец тут нет. Во-вторых, ты, не смотря на все свои психозы, рыки и показательное бешенство, демон умный. И манипулировать окружающими умеешь...

— За комплимент спасибо, — искренне поблагодарил умный, не смотря ни на что, демон. — А то, что я могу заменить Адина, а тем более, Шая, мне безумно льстит. Но вот в качестве мамки^[6] я себя не вижу.

— Какой мамки? — не поняла ведунья.

— Забудь, — отмахнулся от нее вредный желтоглазый. — Это все твои дивные аргументы? Они меня не убедили. Поэтому можешь смело брать свою задницу в собственные лапы — и валить отсюда. Если ты мне пару дней не покажешься на глаза, то я не расстроюсь.

— У меня есть еще один аргумент.

Арха, осознающая, что единственный шанс на устройство счастливого будущего Ю прямо здесь и сейчас, неумолимо уплывает, решительно скрестила руки на груди и устоялась на Ирраша. Между прочим, тоже нехорошо так сощурившись. Не столько потому, что хотела выглядеть угрожающей, сколько потому, что ей уже надоело бояться ушастого. По крайней мере, на сегодня ей бояться точно надоело.

— Хотелось бы услышать... — усмехнулся шавер, показывая кончики клыков.

— Ты ведь тоже одинокий. А студенток в университете много. Особенно на лекарском факультете, — с милой улыбкой выдвинула свой аргумент Арха. — Я ведь могу решить, что и ты у нас недостаточно счастлив. А с помощью Адина мы твою личную жизнь вмиг устроим.

Ирраш, задумчиво глядя на ведунью, провёл языком по передним зубам и перекинул распущенную и подсохшую уже на ледяном ветру гриву волос на левое плечо. Кажется, он тоже всесторонне обдумывал выдвинутое ему предложение.

Лекарка победно улыбнулась.

* * *

— Арха, прекрати визжать!

Дан поморщился и довольно чувствительно тряхнул девушку за плечи. Ведунья набрала полную грудь воздуха и, вопреки просьбе демона, собралась взвыть еще раз.

— Глаза открой!

Приказа, произнесенного таким тоном, она послушаться не могла. И послушно прекратила жмуриться. Рядом с собой, буквально в двух пальцах от собственного носа, она увидела родные и очень злые глаза цвета свернувшейся крови с узким, как щель, вертикальным зрачком. Девушка хотела было завизжать снова, но было уже поздно — воздух из легких она успела выпустить.

— Успокоилась? — поинтересовался рогатый. — Меня в данный момент интересует только один вопрос. Когда ты меня в боевой форме увидела — ты так не визжала. И два выпотрошенных на твоих глазах беса тебя тоже не впечатлили. Кажется, я вообще первый раз слышу, чтобы ты так орала.

Ведунья на миг задумалась, стоит ли высказывание «орала» того, чтобы немедленно обидеться на Его лордство. Но за плечом Дана все ещё маячил Ирраш. И его верхняя губа до сих пор подергивалась в нервном оскале. Поэтому девушка посчитала, что именно сейчас обижаться невыгодно.

Вместо этого она подалась вперед и прижалась к плечу хаш-эда — только бы не видеть бешеного шавера.

— Ты не такой страшный... — пролепетала она.

Что ей какие-то выпотрошенные бесы? Вот когда на тебе набрасывается явно невменяемый демон, а за спиной, как будто из-под земли появляются те, кого здесь быть

категорически не должно — это по-настоящему ужасно.

— Сомнительный комплемент, — хмыкнул рогатый.

— Твоя... — ушастый рыкнул, но эпитет, который, видимо, крутился у него на языке все-таки проглотил, — ... вообще щедра на комплименты.

— Я слышал, — заверил его Дан.

— Собственно, многие слышали, — ледяным тоном истинного лорда подтвердил Тхия.

Арха тихо пискнула и попыталась залезть своему демону подмышку. Идея, казавшаяся такой удачной всего полчаса назад, стремительно превращалась в её персональный кошмар. Вместо счастливого разрешения, ситуация только усугубилась.

— Ладно, хватит окружающих развлекать! — хаш-эд встал и, легко, словно она вообще ничего не весила, подхватывая испуганно прижавшуюся к нему девушку на руки. — Ирраш, я настоятельно советую тебе продолжить тренировку. А потом можешь поплавать в море. Местная вода здорово... остужает. Тхия, от себя лично обещаю, что подобного больше не повторится.

— Очень на это надеюсь, лорд Харрат. Вы мой сюзерен, но...

Арха выглянула из-за плеча демона, но увидев надменно-оскорбленную физиономию новоявленного Воплощения Тьмы, спряталась обратно. Такого Тхия она, пожалуй, боялась не меньше Ирраша. Но, наверное, у него был повод оскорбиться? Не каждый лорд обрадуется, узнав, что кто-то с упорством барана пытается устроить его личную жизнь.

— Вам недостаточно моего слова, лорд Сареш? — поинтересовался Дан таким тоном, что Архе немедленно захотелось стать маленькой-маленькой — и незаметно куда-нибудь уползти.

— Вполне достаточно, — рыжий отступил на пару шагов и поклонился. — Прошу меня простить, милорд.

— Это я вынужден просить у вас прощения за поведение моей женщины, — Дан поклонился в ответ, так стиснув Арху, что она придушенно пискнула. — Но об этом мы поговорим позже. А сейчас, прошу меня простить, мессеры...

— Кажется, тут кто-то говорил про инкогнито и конспирацию!.. — прорычал Ирраш. — Тьма, как же это все меня...

Что-то оглушительно лязгнуло и загрохотало. Лекарка была готова поспорить, что колодец лишился не только своего ворота, но и большей части ограждения. К её невероятному счастью, хаш-эд тему развивать не стал и куда-то пошёл, не говоря ни слово. Только его пальцы впились в бедро девушки так, что на нём наверняка синяки остались. Но напуганная девушка даже голос подать боялась.

Шли они долго. Судя по порыву ветра, хлестнувшего щеку ведуньи мелкими солёными брызгами, хаш-эд спустился к берегу. Но потом снова начал подниматься. У Архи мелькнула паническая мысль, что поркой она не отделается и рогатый решил ее просто утопить. Но даже тогда она не только рта открыть не посмела, но и головы не подняла.

Неожиданно вокруг потемнело и щебень перестал поскрипывать под тяжелыми шагами демона. Кажется, он вышел на утрамбованную землю или ровный каменный пол. Дан сдернул с себя плащ, усадил на него ведунью и куда-то пропал. Девушка ошалело огляделась, понимая, что, по крайней мере, немедленно её убивать не собираются.

Оказалось, что она сидит на здоровом валуне внутри небольшой пещерки. Или, скорее, под защитой скального выступа, прикрывающего ее от ветра и соленых брызг, фонтаном бьющим снизу. А Дан стоит к ней спиной на краю узкого козырька. Темный абрис его

фигуры на фоне светлого неба казался вырезанным контуром во Тьму. Плащ и волосы развивались. А капли воды, оседавшие на плечах, поблескивали, словно алмазная крошка.

Никогда он не казался ведунье таким поистине демонически великолепным... и таким страшным.

— Мистрис Каррен, постарайтесь ответить мне честно. Если это, конечно, возможно. Какие моменты нашего с вами общения были заранее отрететированы и продуманы?

— Чего?

Ведунья действительно не поняла, о чем он ее спрашивает. И, кажется, это было ее большой ошибкой. Потому что рогатый, до этого стоявший, повернувшись спиной, шагах в пяти от нее, вдруг оказался близко. Так близко, что девушке пришлось даже отшатнуться — иначе бы она уперлась носом в его живот. А он и так нависал над ней глыбой взбешенного мрака.

— Я спрашиваю, — с расстановкой, ледяным и очень спокойным тоном, пояснил демон. — Когда именно вы мне ввали? И какие из ваших поступков не были проявлением вашей природной непосредственности, а носили продуманный характер?

— Дан... я... — лекарка от растерянности даже сообразить не могла, как ей оправдываться. — Я никогда... Клянусь!

— Помнится, в самом начале нашего знакомства я сказал, что вы врете самым фактом своего существования. И, кажется, тогда я был прав, — прошипел лорд.

А Архе показалось, что он не говорит, а по щекам ее лупит — жестко, наотмашь. Это было настолько несправедливо и неожиданно, что у нее слезы мгновенно высохли. Его слова даже обидными не были. Они словно черту подводили. Точнее, не черту — пропасть. Которая, как казалось совсем недавно, исчезла навсегда.

— Возможно, что и были правы, лорд Харрат, — тихо сказала ведунья, кутаясь в собственный плащ, — только сомневаюсь, что вы. Этот припев, кажется, из песен Ирраша и вашей «ещё не невесты»? Хотя, что это я? Уже и невесты.

— Не смейте!

— Что? Порочить имя этой достойной леди? Или задевать блистательного лорда? — равнодушно перебила его лекарка, на которую вдруг нахлынула оупляющая апатия. — Уж, конечно, они вам никогда ни словом не соврали. В отличие от меня, которая врет «самим фактом своего существования». Или, например, тем, что просто захотела помочь влюбленной девушке. Ведь если Ю станет... Даже не знаю, кем она там стать может? Третьей женой? Любовницей? В общем, если она кем-то там станет для Тхия, то я с этого столько выгоды поимею — представить страшно.

— Я не знаю, что она могла вам пообещать по исполнению вашего плана, — Его лордство выпрямился, но продолжал стоять перед девушкой на одном колене так, что их лица оказались почти вровень друг с другом.

— Власти над миром и место рядом с каким-нибудь тронем, — криво усмехнулась Арха, глядя поверх плеча хаш-эда. — Вам виднее, что там за подобное обещают.

Дан посмотрел на девушку так, словно хотел ее мысли прочесть. Порывисто встал и снова вернулся на козырек. Но уходить не спешил. Ведунья смотрела на его спину, натягивая свой плащ почти на голову, и согреться никак не могла. Все происходящее казалось невероятно глупым, нереально глупым. И окончательным. Ее сказка опять закончится, даже не начавшись толком из-за... Да не из-за чего! Опять не из-за чего! Потому что она хотела, а он не понял — и дальше, по кругу.

— Дан, — заговорила она тихо, уверенная, что он ее все равно услышит, — я много в вашей жизни не понимаю. И очень многое мне кажется просто диким. Но, пожалуйста, поверь. Двух вещей в этой жизни я никогда делать не буду. Я не буду тебе врать, и не буду оспаривать твои решения. Мне одного урока хватило, честно.

Хаш-эд даже не обернулся. Ведунья хлюпнула носом и тыльной стороной ладони утёрла скатившуюся-таки по щеке слезищу. Он не верил. Просто — не верил и все.

Арха, потянула цепочку, висящую у нее на шее и не с первого раза, но вытащила кристалл. Стиснула его в ладони, чувствуя, как амулет теплеет. И, не глядя, разжала пальцы, позволяя ему повиснуть перед своим лицом. Зеленоватый, чуть дрожащий свет, залил крохотную пещеру, заставляя призрачные блики танцевать по каменным стенам.

— Мать, — прошептала ведунья, глядя на переливы света, так похожие на солнечных зайчиков, — не перед ним — перед тобой клянусь. Я никогда, ни словом, ни поступком, его не предаю. Ты ведь знаешь, с ним тяжело... А без него невозможно...

Кристалл вдруг вспыхнул, засиял, как маленькое солнце. И неожиданно теплый порыв ветра, взметнув вверх тяжелые волосы демона, наполнил крохотную пещерку запахом цветущих яблонь и легко погладил Арху по щеке, словно успокаивая.

Демон будто бы и не шевельнулся, но каким-то чудом снова оказался перед ней. Да ещё и ладошку схватил, сжимая её пальцы, будто пряча сияющий кристалл в кулаке.

— Ты что творишь?! — рявкнул Дан так, что у ведуньи даже прядки с висков назад сдуло. — Совсем ополоумела?!

Девушка молчала, низко опустив голову и разглядывая слезинки, медленно, будто они твёрдыми были, ползущие по длинной шерсти мехового плаща.

— Арха, ты понимаешь, что сейчас наворотила? — чуть понизил голос лорд, кажется, едва сдерживаясь, чтобы ей затрещину не залепить.

Гнев его лекарка не ощущала. Видимо, хаш-эд не воспринимал это чувство как «плохое», потому с ней и не делился. А вот боль... Да, была боль. Словно горячим маслом на грудь плеснули. И вина ещё, стыд, злость — много всего. И ничего хорошего.

— Нельзя играть со словом «никогда», котёнок. Особенно с Богами.

Голос демона упал почти до шёпота. И он вдруг ткнулся лбом в её кулак, который зажал в собственной ладони.

На мех упала новая слезища.

— А что мне делать? — судорожно вздохнув и все-таки всхлипнув, так же тихо спросила ведунья. — Я уже совсем ничего не понимаю. Ну, не веришь ты мне — ладно. Вы вообще во всем подвоха ищите. Привыкли там у себя в верхах крутить. Вот и выискиваете, чего нет. Но ты же как будто меня специально отпихиваешь! Выдумываешь что-то... Не нужна я тебе — так ты просто скажи. Я ведь на шею вешаться не буду.

— Ты и вправду не понимаешь... — едва ли не простонал Дан. — Я себя извращенцем каким-то чувствую, уродом.

Архе показалось, что на неё саму ушат ледяной воды вылили. У неё аж горло перехватило. Девушка отпрянула назад, больно ударившись лопатками о каменную стену. И попыталась выдрать у него из пальцев руку.

— Наконец и до вас дошло, лорд Харрат, что спать с полукровками — это извращение? — прошипела ведунья.

— Не сходи с ума! — рявкнул хаш-эд, моментально переходя с виновато-элегического настроения на раздражение. — Ты хоть иногда слушай, что я тебе говорю! При чем тут твоя

кровь?! Я ту ночь забыть не могу. Я караулы развожу — и вспоминаю. У императора в спальне вспоминаю. На Совете — вспоминаю. С матерью разговариваю, и Тьма задери, вспоминаю! Знаешь, что вспоминаю?

Девушка, ошарашенная его яростным рыком, очумело головой потрясла.

— Тебя на простынях, вот что! — Дан схватил её за плечи и хорошенечко встряхнул. — Тёмную кожу на светлых простынях. И как ты губу закусываешь. Как дышишь. Как...

Демон её оттолкнул будто даже брезгливо, рывком встал, повернувшись спиной. И, конечно, запустил обе пятерни в волосы.

— Действительно — извращенец! Я себе растлителем малолетних чувствую. Ты же наивная, как... Тебе любовь нужна, цветочки-конфетки. Разговоры возвышенные. А тут я со своей...

— Похотью? — тихо подсказала Арха.

В ответ хаш-эд снова рыкнул. На этот раз его рык никакой смысловой нагрузки не нёс — сплошное раздражение.

— Данаш, я вот не очень помню. У меня с анатомией вообще проблемы. У вас, кажется, в истинном облиции лобовая броня имеется, да? А потом вы её под волосами прячете или как?

— Это тут при чем?

— Ну, как тебе сказать? Вообще-то, это про тахаров говорят, будто у них мозгов нет, просто потому что для них места не хватает. Лобовая броня три пальца, а дальше затылок начинается. Но, по-моему, к хаш-эдам это тоже относится, — ведунья встала, подошла к лорду и попыталась обнять его. Получилось не очень — рук не хватало. Поэтому она обхватила, сколько могла, и пристроилась щекой между его лопаток. — Во-первых, при всей моей наивности, я все-таки не ребёнок. Во-вторых, тебе не кажется, что теперь об этом переживать как-то поздно? Разврат уже случился и теперь я вся вот такая развращённая. И, в-третьих, когда вы, ваша светлость, наконец, усвоите: мне Дан нужен. Такой, какой есть. С цветочками-конфетками ты у меня никак не ассоциируешься, честно.

— Глупый ты, котёнок, — демон аккуратно, так, чтобы она продолжала его обнимать, развернулся и как-то жалостливо погладил Арху по голове. — Тебе нормальная жизнь нужна. Семья, муж...

— Дети, кастрюли и бадья с грязными подштанниками? — ведунья, чувствуя, что перетянутые нервы начинают потрескивать, прищурилась, прижав уши. — А позвольте мне самой решать, что мне нужно, а? И, заодно, сами решите! То вы орёте, что я ваша женщина. То начинаете страдания на пустом месте разводить. Вам сложностей в жизни не хватает? Просто жить не умеете? Так только скажите! Будут вам сложности!

— Ещё больше? — совсем не к месту хохотнул Дан. — Не надо, пожалуйста. Ты и так уже наворотила...

— Я наворотила?! — задохнулась от возмущения ведунья.

— Нет, я, — заверил её хаш-эд, ухмыляясь. — Лучше скажи, что тебе нужно.

— Мне ты нужен, — девушка, что было сил, ударила обоими кулачками демона в грудь. На него это не произвело ни малейшего впечатления. — Ты и без всяких сложностей! И... и постель нужна! Тоже.

— Нужна? — уточнил Дан, наклоняясь над ведуньей так низко, что его красные глаза заслонили копьё солнечного света, упирающиеся в каменный пол.

Арха сглотнула, пытаясь смочить враз пересохший рот, и едва заметно кивнула.

Не доходя до выложенной булыжником дорожки, Дан вдруг резко отступил назад. Да ещё и дёрнул Арху, прижимая к себе и накрывая её рот ладонью. Ведунья протестующе замычала и замотала головой.

— Смотри, — шепнул ей на ухо демон, раздвигая плети сухого плюща, свисающего с полуразрушенной каменной арки.

Лекарка недоуменно глянула на него и вытянула шею, пытаясь разглядеть то, на что указывал подбородком рогатый.

За выступом старой стены, ухмыляющейся, как гнилыми зубами, выкрошившейся кладкой, располагался небольшой дворик, на который выходили задние ворота конюшни, сеновала и ещё каких-то хозяйственных построек. Но хаш-эда явно интересовали не они.

У привязи, снаряженный в дорогу, с туго набитыми переметными сумами, нетерпеливо переминался с ноги на ногу исполинский конь грахов. Ю, старательно рассматривающая горизонт, держала его под уздцы. А рядом с ней стоял Тхия. Лорд, то и дело раздражённо поправляя волосы, которые ветер кидал ему в лицо, нахмурившись, читал какие-то бумаги.

— Это что? — неприязненно поинтересовался рыжий, не отрываясь от изучения листа.

— Прощение о добровольном отчислении с лекарского факультета, — пояснила северянка, по-прежнему вглядываясь в дали, не меняя сурового выражения физиономии. — По личным обстоятельствам. Поданное, как и положено, в трех экземплярах лично мастеру-ректору.

— Могу я узнать, в чем состоят эти «личные обстоятельства»? — поинтересовался Тхия, подняв, наконец, голову.

Странно это выглядело. Демон смотрел на северянку снизу вверх, потому что она минимум на полголовы была выше лорда. Но взгляд у него был такой, как будто он видит перед собой нечто мелкое и, в общем, не достойное его внимания.

— Нет, не можете, — гордо ответила граха. — Мессира ректора мои обстоятельства никак не касаются. Вы в праве и не подписывать прощение. В университет я все равно не вернусь.

Арха, услышав этот бред, рванулась вперед. Но хаш-эд ей не дал, снова прижав к себе и, видимо для надёжности, опять зажимая рот рукой.

— Дай им самим разобраться, — прошептал ей рогатый на ухо. — Поверь, только так что-то и может получиться.

— Да, собственно, я знаю все ваши обстоятельства, — холодно ответил Тхия, разжимая пальцы и позволяя ветру подхватить листки. — Сегодня утром вы заявили собственному отцу, что отказываетесь от рода, потому как вы его опозорили. В университет у вас, по вашим же собственным словам, намерения возвращаться нет. И куда вы собрались, мистрис Ро?

— А это не ваше дело, лорд Сарреш, — обозлилась Ю. — Все, что я хотела — я сказала.

— А я — нет! — надменно заявил лорд. — Вы немедленно прекращаете маяться дурью и остаетесь здесь. До завтра. А с утра мы вместе возвращаемся в столицу. Будем считать, что никаких прошений вы мне не подавали. Продолжайте обучение, студентка. В противном случае, мне придётся вас выдрать. Вожжами. И пусть уважаемая учтет, что у меня уже несколько дней руки чешутся это сделать. Все понятно?

— По какому праву... — возмутилась граха.

Но договорить ей не дали.

— По праву сильного, — пояснил демон, — и я не услышал ответ на свой вопрос. Вам все понятно?

— Нет! И...

— Жаль. Я люблю, чтобы меня понимали с первого раза. Придётся вам это объяснить доходчивее, мистрис Ро.

Тхия, ухватив одной рукой граху за шиворот, поволок ее в конюшню, подпихивая свободной рукой в спину. Демонесса упиралась, как могла, но рыжий, кажется, ее сопротивления даже и не замечал.

— Это что было? — протянула Арха, глядя на Дана округлившимися глазами.

— Полагаю, что это можно назвать «налаживанием отношений», — улыбнулся рогатый. — Без постороннего вмешательства.

— Лорды!

Ведунья фыркнула, задумчиво почесала кончик носа, но решила, что пока Ю на помощь не зовет, можно и не вмешиваться.

Дай ближнему своему второй шанс. И он подарит тебе такой опыт, что больше никто и никогда не получит от тебя даже первого шанса.

Император Нахшон II

— Арха! Вставай! Ну, шевелись же! Тебя ревматизм разбил что ли?

Честно говоря, ведунье показалось, что она одновременно ослепла, оглохла, а, заодно, потеряла навыки ориентации в пространстве. Осознать, зачем её тискают, крутят, пихают то в один бок, то в другой, было сложно. Как и просто понять сон это все или такая неправильная реальность.

— Тьма! Да сядь же ты, уёжище!

Не успев сообразить, что значит «сесть», лекарка плюхнулась задом на что-то мягкое. «Мягким» оказалась кровать. Но не успело новое знание улечься под черепом, как светлый, почти белый затылок в порыве энтузиазма чуть не саданул Арху по зубам — она едва отшатнуться успела. Зато такой экстрим помог мозгам хоть немного прочиститься.

Крутила несчастную, непроснувшуюся ведунью Ю, зачем-то впихивая девушку в её же одежду. И делала она это с таким энтузиазмом, что швы потрескивали.

— А... ты что вообще делаешь? — осторожно поинтересовалась лекарка, послушно засовывая подпихиваемую грахой ногу в холодный, будто в него льда напихали, сапог.

Странно, ночью Арха как-то не заметила, что в комнате было холодно. И за этой мудрой мыслью тут же потянулась другая. О том, почему, собственно, она на температуру внимания не обращала. Ведунья обернулась, но вторая половина постели пустовала. Только смятые подушки да скомканное покрывало свидетельствовали о том, что ночевала девушка не одна. Тем не правильное выглядело присутствие внезапно взбесившейся великанши и отсутствие того, кто тут быть должен.

— Ну, ты проснулась? — рыкнула Ю. — Или тебя для побудки в водичку окунуть? Поднимайся.

— Да уже подняли, — буркнула Арха, понимая, что если утро начинается так весело, то от дня ничего хорошего ожидать не стоит. — Поднять — подняли, а разбудить забыли...

— Не ворчи, — скомандовала разошедшаяся граха и тут же так выругалась, что у ведуньи уши поджались. — Где твой плащ?

— Какой плащ? — абсолютно искренне ничего не поняла лекарка.

Великанша махнула на неё рукой, мол: «Что с убогой взять?». И приступила к поискам плаща самостоятельно. Умудрившись всего за пару минут превратить комнату в полноценный хаос. Лекарка могла только глазами лупить, глядя на разрушение. Но пропажа, в конце концов, была найдена. И немедленно напялена на Арху. Граха даже шнурки подёргала, проверяя, надёжно ли завязан узел.

— Другой бы надо, — пробормотала себе под нос гигантша. — Этот тяжёлый слишком.

И схватив лекарку за руку, Ю решительно направилась к двери. Но ведунья как раз в этот момент решила, что с неё достаточно. Ладонь свою она даже не пыталась выдернуть, познав на богатом личном опыте, что этот номер результата не приносит. Арха просто

схватилась оставленной на свободе рукой за кроватный столбик.

— Я никуда не пойду, пока ты мне не объяснишь, в чем дело! — заявила лекарка решительно, для надёжности упираясь пятками в край приподнятой каменной плиты на полу.

— Не пойдёшь? — как-то нехорошо прищурилась граха.

Ведунья молча помотала головой. Великанша в ответ не менее решительно кивнула и... перебросила девушку себе через плечо, как куль с мукой. Не заметив при этом ни столбика, ни плиты, ни её — Архи — сопротивления.

— Только ради всего сущего, не ори, пожалуйста! — проникновенно попросила нежная дева, высунулась в коридор, огляделась и припустила куда-то.

Бегом припустила, словно лекарка на её плече ничего не весила. Конечно, первым желанием Архи было заорать, начать возмущаться, а, может, ещё и ногами подрыгать. Но, поразмыслив, она решила этого не делать. Вряд ли граха, которая вообще-то страдала переизбытком выдержки... Ну, если дело не касалось некоторых рыжих арифедов. Так вот, вряд ли Ю стала бы разводить панику на пустом месте. Поэтому ведунья решила придержать свои возмущения.

По замковым переходам, в которых великанша ориентировалась, кажется, ничуть не хуже, чем в родном лесу, граха петляла недолго. Выскочив в коридор такой узкий и низкий, что лекарка, висящая у девушки на плече, едва потолок попой не цепляла, Ю нажала на камень в стене. И перед ними, как по волшебству, появилась дверь, а за ней тёмная лестница.

То есть, скорее всего, дверь по волшебству и появилась. Заставить базальтовые плиты растаять, как дымок, делом было непростым.

— И откуда бы тебе знать про тайные ходы? — любопытствовала у широкой спины, обтянутой шерстяной курткой, лекарка.

Точнее, она хотела любопытствовать. Но вместо вопроса, заданного незаинтересованно-язвительным тоном, вышло невнятное клацанье. Зубы выбивали чечётку в такт шагам сбегавшей по лестнице гигантши. Стоило признать, что ход у Ведьмы, архиной кобылки, был гораздо мягче, чем у грахи.

— Ро показал, — неохотно ответила гордая северянка.

— А кто такой Ро? Ах да! Новое местное воплощение Тьмы...

— Не надо так про него, — Ю сжала ноги ведуньи, которую придерживала под коленями, с такой силой, что девушка невольно пискнула.

— Не буду, — поспешно пообещала лекарка. — Не надо мне кости ломать. Я понятливая. Ты только скажи, так — это как?

— Не смейся над ним.

Голос у великанши был недовольным. Кажется, граха и сама не слишком хорошо понимала, что её разозлило больше. Язвительное замечание Архи или собственная забота о лорде.

— Вот так и заканчивается женская дружба! — грустно пролязгала зубами ведунья.

— Я же не говорю, что у твоего рогатого **пр**инца морда на козлиную похожа, — хмыкнула Ю.

— Эй! Полегче на поворотах! — возмутилась Арха, что было силы саданув гигантшу кулаком между лопаток.

— Вот так и заканчивается женская дружба! — с неожиданно прорезавшимся юмором

хмыкнула Ю.

Лекарка хотела было ответить ей что-нибудь хорошее, но не успела. По глазам неожиданно резанул дневной свет, после полумрака замка выжимающий слезы и не дающий видеть. Пока лекарка проморгалась, Ю успела поставить её на землю. И даже заботливо поддержала, потому что окончательно дезориентированная ведунья едва на задницу не приземлилась.

Правда, когда способность видеть вернулась, ситуация понятнее не стала. А, попросту говоря, девушка решила, что сошла с ума. Потому что прямо перед ней один Адин помогал другому Адину одеться. Причём с таким же энтузиазмом и всяким отсутствием почтения, с каким саму Арху недавно Ю в одежду впихивала.

И только спустя пару ударов тяжело бухнувшего сердца и мгновения весьма неприятного головокружения, лекарка осознала, что прибыли они все на ту же тренировочную площадку. И один Адин — это Дан, решивший, видимо, с утра поразмяться. И, по демоническому обыкновению, под это дело разоблачившийся по пояс. А второй Адин — это действительно он сам. Правда, непонятно откуда взявшийся. Да ещё с такой хмурой физиономией.

Пожалуй, такое выражение на лице своей «мамочки» девушка видела всего один раз. Зимой, когда он раздавал тринделей стражникам за то, что они Арху найти не могли.

И все факты, сложенные вместе, свидетельствовали только об одном. Дню предстояло стать ещё гаже, чем лекарка предполагала.

* * *

Одновременно с девушками на тренировочной площадке, правда, с другого конца, словно они от обрыва шли — или, скорее, почти бежали — появились Ирраш с Тхия. У этих физиономии были ещё траурнее, чем у красавчика-блондина. А шавер и вовсе порывивал, словно с трудом сдерживая прущую, как тесто из бадьи, агрессию.

— Всё верно, Дан, — сообщил рыжий, даже и подойти не успев. — Они будут здесь минут через пятнадцать-двадцать. Дозорные сообщили, что отряд поднимается к стенам.

Только сейчас Арха заметила, что Тхия не только хмур. Он ещё и бледен был до вполне реальной синевы — даже губы серым отливали. И говорил арифед сквозь зубы.

— Прости, — буркнул Адин, — если бы я раньше узнал...

— Если ты вообще не узнал, было бы хуже, — рогатый резко мотнул головой, положив красавчику руку на плечо. — Ты уверен, что приказ подписан императором?

— Да, я собственными ушами слышал. Шай меня попросил его сегодня в карауле сменить. Вот я и пошёл. Ну, ты знаешь, задним коридором. А там Скалс как раз приказ получал — в караулке. Я заглядывать не стал, только слышал, как он матерился, а потом командовал. Там все чётко и однозначно. В родовом замке рода Сареш зафиксировано присутствие хаш-эда. Обыскать, лорда доставить к императору. Хаш-эда по возможности тоже. Твоего имени, вроде, не было. Но, я думаю, Скалс и сам все понял.

Арха тоже поняла. И понимание это очень неожиданным образом на неё подействовало. Если бы не Ю, подхватившая ведьную, девушка точно плюхнулась на землю. Потому что колени её куда-то подевались. Не иначе растворились, как давешняя стена.

Хаш-эдам законом запрещено появляться на землях арифедов. За нарушение закона на

своей территории в любом случае отвечают арифеды. Причём не только лорд, но и весь род вместе с вассальными семьями. Теперь бледность Тхия стала объяснима.

Кто бы объяснил ещё самой Архе, как справиться с глыбой, свалившейся ей на голову. Здоровым таким куском скалы, на котором буквами размером с локоть было выведено: «Это твоя вина!».

Ведунья подняла голову, пытаясь поймать взгляд Ю. Не получилось. Граха смотрела куда угодно, но только не на лекарку и не на стоящих перед ними демонов. Интересно, эта внезапно упавшее надгробье было общим для них обеих или для каждой предназначалось своё?

— Оставаться мне тут нельзя, любую маскировку они мгновенно сдёрут. Это младенцу понятно, — пробормотал Дан, вмиг становясь самим собой. Только вот глаза у него были не привычного темно красного-цвета. Они горели, как два уголька так, что багровый отблеск на ресницы ложился. — Через Тьму тоже не уйду — отследят. А надо сделать так, будто нас тут вообще не было.

Он вдруг резко мотнул головой. Намокшие во время тренировки, а теперь подмёрзшие волосы плеснули по воздуху. Демон медленно, по одному, осмотрел всех стоявших на площадке.

— Где Адаша? — спросил лорд с расстановкой.

Эти два слова упали в тишину, как в пропасть — ни отзвука, ни эха. Тяжёлое, ставшее почти вещественным молчание, решился нарушить Тхия.

— Её никто не видел со вчерашнего дня. — Странно, но арифед почему-то тоже смотрел в сторону. У Архи промелькнула дикая мысль, хватит ли им сторон, если они все вместе начнут старательно не смотреть друг на друга. — У себя в комнате она не ночевала.

— Тогда уйти я тоже не могу, — Дан запустил пальцы в шевелюру. — Адашу нужно найти. Скорее всего, её держат заложницей. И точно где-то неподалёку. Наверняка в этом и план. Чтобы я никуда отсюда не делся и дождался гвардейцев. Значит, её надо найти раньше, чем они сюда доберутся.

Оказывается, сторон света хватало. Пятеро демонов, стоящие рядом, могут вполне комфортно пялиться куда угодно, но только не друг на друга. Только Арха таращилась на хаш-эда, уговаривая себя, что она ошиблась или неправильно его поняла.

— Тьма! — как не странно, но первым взорвался Адин. Да не просто взорвался, а даже шагнул к Дану, сжав кулаки. — Да разуй же ты глаза, наконец! Ну, нельзя же не видеть, что шустрит кто-то из ближнего круга! Кто ещё мог вот так нагадить?

— Кто угодно! — глухо рыкнул рогатый. — В замке полно демонов. А вся наша конспирация сразу же накрылась медным тазом.

— Включи мозги! Приказ подписан императором! Императором! Кто тут может так быстро это обстрипать? Только...

Договорить он не успел. Кулак хаш-эда врезал Адину прямо по зубам, как будто заталкивая слова в горло. Пухлые губы ивтора лопнули, как перезревшие вишни, брызнув красным. Голова его мотнулась и гвардеец, попятившись, не удержался на ногах, завалившись неловко, на бок.

Арха не поняла, как все получилось. Мир смешался в какую-то кашу. Внезапно она сама оказалась вдруг висящей на руке дана, хотя между ними добрых пять шагов было, а ведунья не помнила, чтобы даже один делала. И ещё перед глазами оказалась ладонь хаш-эда. Она приближалась медленно, надвигалась, как будто увеличиваясь в размерах — больше и

больше.

Ведунья зажмурилась и в голове мелькнула только одна мысль: «Хорошо, что не кулаком!».

Но удара так и не последовало. Тхия дёрнул её назад, отрывая от взбесившегося демона. А Ирраш наоборот шагнул вперёд, заслоня спиной и перехватывая руку Дана.

— Остынь! — рывкнул шавер.

И мир перестал кувыркаться, замер, словно замороженный в кусок льда. Арха, плохо соображая, что происходит, таращилась на рогатого, а он смотрел на неё. Зрачки, превратившиеся в щели, как обычно и бывало, когда хаш-эд психовал, расширились, перекрывая почти всю красную радужку. Ведунью хлестнуло такой болью, что она, кажется, вскрикнула. И совершенно точно скрючилась — упала бы, не держи её Тхия. Лекарке казалось, что у неё, чуть пониже груди, пробил дыру. За которой начиналась Бездна. И эта дыра засасывает её, сворачивает тело внутрь самого себя.

Но безумная боль длилась всего мгновение. А потом её отсекло огромной — до самого неба, непрошибаемой стеной. Дан не просто отвернулся. Он закрылся от ведуньи так, что она его не чувствовала. Совсем.

— Так, мессеры, — подала вдруг голос Ю. — Предлагаю продолжить мордобой и выяснение отношений в более удобное время. Ещё минут пять и делать будет что-то поздно. Мой господин, — поклонилась она в сторону Тхия, — я провожу лорда Харрата и Арху... В одно место. Лорду Нашкас и уважаемому... Простите, нас не представили, — кивнула граха медленно поднимающемуся Адину.

— Адин самэр Лайраш, — прошипел ивтор, утирая кровь тыльной стороной ладони и сплёвывая бурый сгусток.

— Да насрать! — заявила трепетная северная красавица. — Короче, вам лучше пока тут остаться. И делать вид, что были с самого начала. Потом, когда проводите гвардейцев, отправляйтесь в мой клан. Найдите там Ри, Призрака моей матери. Она вас проводит. А там тихонечко пересечём границу и отправимся в столицу. Такой план всех устраивает?

— Ты их точно сможешь вывести? — негромко спросил Тхия, странно дёрнувшись, словно хотел подойти к девушке, но передумав в последний момент.

Граха вместо ответа одарила рыжего лорда таким взглядом, какого и сама императрица бы не постеснялась. Арифед больше ничего спрашивать не стал. Просто молча поклонился.

* * *

Наивная ведунья считала, что пеший поход ей не страшен. С бабушкой они часто наведывались в лес за лечебными травами, грибами, ягодами. Она даже порадовалась, что ей не грозит поездка на монструозных конягах. Да и что тут был за лес? Почти лишённый подлеска, совсем без бурелома и кустов. Только высокие, ровные, как колонны, лиственницы. А под ногами земля, как ковром укрытая мягким, пружинящим под сапогами мхом.

Пересмотреть собственные взгляды на прогулки ей пришлось уже где-то после полудня. Останавливались они всего один раз — возле ручья. Из которого предусмотрительная граха наполнила две кожаные фляжки-бурдючка. Когда она их успела прихватить, ведунья понятия не имела. Но и та остановка была до обидного короткой.

И лекарке потребовалось совсем чуть-чуть, чтобы перестать соображать. По крайней мере, судя по солнцу, времени прошло немного. А по собственным ощущениям девушки миновала целая вечность.

Сначала больше всего её волновало требовательное урчание в желудке. Все-таки, ела она в последний раз ещё накануне вечером. Но вскоре голод совсем перестал заботить. Зато все внимание сосредоточилось на ногах. Арха была уверена, что в сапоги ей какой-то шутник перца насыпал. А ещё под ступнями что-то подозрительно начало хлюпать. Ещё икры свело судорогой и больше не отпускало.

Поэтому двигалась девушка вперёд исключительно на личном упрямстве. Поднимая голову только изредка, выискивая впереди какое-нибудь отдельное дерево. Клятвенно обещая себе, что как только она до него дойдёт, то обязательно упадёт. Но потом было ещё одно дерево, и ещё одно. И так до бесконечности.

Дан держался неподалёку и, кажется, время от времени посматривал на неё. Но ничего не говорил и близко не подходил. Только вот на переживания по этому поводу ни моральных, ни физических сил не оставалось. Лишь бы уж куда-нибудь дойти.

Вроде бы, хаш-эд что-то сказал, но лекарка даже не разобрала, что именно. Да и не прислушивалась. Зато когда Ю остановилась, Арха буквально врезалась в неё, не сразу сообразив притормозить и отдавив грахе ногу. За что удостоилась от великанши парочки нелицеприятных эпитетов. Но и на это, честно говоря, ей было плевать.

Зато когда гигантша, убедившись в полной невменяемости ведуньи, усадила её на землю, прислонив к дереву, наступило счастье. Полное и безоговорочное. Арха равнодушно смотрела, как Ю стягивает с неё сапоги, а потом и чулки. Которые оказались дырявыми настолько, что даже на роль дуршлага не годились.

Откуда-то с боку вырулил Дан, протянул грахе белую тряпку, смерил лекарку мрачным взглядом и опять скрылся с глаз. Только когда великанша начала раздирать ткань на полосы, до лекарки дошло, что тряпка была нижней рубахой. Видимо, пожертвованной лордом в пользу страждущих.

Ю, смочив лоскут водой, быстро и умела смыла с ног страдающей ведуньи кровь и как-то странно перебинтовала её ступни, снова натянув сверху сапоги.

— Только не говори, что мы сейчас опять пойдём, — простонала Арха, мечтая очутиться хоть в самой Тьме, но только не в этом проклятом лесу.

— И сейчас пойдём и до вечера идти будем, — успокоила её сердобольная подруга. — И ещё завтра. А если не доберёмся, то и послезавтра.

Лекарка застонала сквозь зубы. Хотя звук больше походил на вой. Но, побряхтывая как старая бабка, и придерживаясь рукой за дерево, пачкающее ладошку смолой, она кое-как поднялась. Шагнула — и снова села на землю. Лучше бы никакой остановки не было. Потому что у лекарки возникло полное ощущение, что она сунула ступни в огонь.

— Так я и думала, — хмыкнула Ю. — К кому на ручки пойдёшь? В смысле, что предпочитаешь? Ко мне на плечо или к нему на ручки?

Граха кивнула куда-то в сторону, видимо, подразумевая Дана. Конечно, соблазн задрать нос и гордо заявить, что она и сама справится, был велик. Вот только боль, пусть и не столь значительная — другие-то и худшие испытания переносили, верно? — заставляла гордость застесняться и скромно удалиться. Ведунья решила, что самостоятельность можно проявить и в другой ситуации.

Вот только хаш-эд явно не горел желанием брать её на ручки. Кажется, он вообще не

собирался к ней близко подходить. Но ведь ничего ненормального не случилось, верно? Все как обычно. Только рискнёшь подумать, что ситуация наладилась и со всеми проблемами разобрались, как сверху падает... что-нибудь дурно пахнущее.

И в данный момент ведунья даже не могла сказать, будто все полетело во Тьму из-за мелочи. Адаша — это не мелочь. Это очень крупная во всех смыслах проблема. И, наверное, наивно было делать вид, что её не существует. Рано или поздно, но все бы и рухнуло именно по этой причине. На этот раз, кажется, стоило действительно начинать учиться жить... одной. Даже и не «без него». Быть верной демону она Матери поклялась.

Действительно, не играй со словом «никогда». Тьма непременно тебя по носу щёлкнет. И сделает это до обидного быстро. Жаль, что жизнь на этом не заканчивается.

— Уж лучше ты, — мрачно вынесла вердикт Арха.

Ей показалось, что кто-то сбоку скрипнул зубами. Но, возможно, не зубы это были, а ветка. Лес вообще не безмолвствовал. Он шелестел, шуршал, шептал о чем-то. И неплохо было бы остаться вот так, под деревом, прислушиваясь к шорохам. Но, видимо, покоя ведунье ждать не стоило. Ни при жизни, ни, тем более, после её окончания. Она сама отдала все, что имела. Стоило оно того? Кто бы сказал.

— Ладно, иди сюда, неженка, — с какой-то даже теплотой в голосе проворчала граха, подхватывая лекарку и уже отработанным движением закидывая девушку на плечо. — И откуда вы такие трепетные берётесь?

Вопрос был неплохим. На счёт трепетности Арха могла бы поспорить. А вот е собственной простоте, не совместимой с жизнью, была уверена. Недаром же ей демоны этим все уши прожужжали. «Ребёнок», «котёнок», «наивная»! Ирраша надо было слушать. Только он ставил диагноз точно и без обиняков: «идиотка» и «кретинка».

Сколько можно-то? Ладно, собственную жизнь угробила. Дай Мать, чужие бы с собой не прихватить. Причём существ, с ней никак не связанных. Сколько может погибнуть совершенно ни в чем неповинных арифедов только потому, что она, Арха, решила, будто имеет право решать за других.

Висеть вниз головой было не слишком удобно. Кровь прилила к черепу, отчего все вокруг, и без того перевёрнутое, окрасилось розоватым. А в висках начало болезненно пульсировать. Но ведунья в этом даже определённое удовольствие находила. По крайней мере, полуобморочное состояние не давало думать.

* * *

Как они попали на эту поляну, Арха не помнила совершенно. Просто в какой-то момент осознала, что лежит на куче елового лапника, закутанная в собственный плащ. Неподалёку горел костёр, куря в тёмное, усыпанное огромными звёздами небо сизым дымком. А рядом, положив руки на разведённые колени, сидел Дан. Пламя отражалось в его широко открытых глазах и казалось, что огонь полыхает не снаружи, а внутри демона. Рогатая тень лорда была огромной, далеко тянулась по земле за его спиной, пока совсем не сливалась с тьмой. Ведунье примерещилось, будто она шевелится. Но ничего угрожающего в этом не было.

Лекарка завозилась, пытаясь сесть. Но тут же передумала. Голова отдалась такой чугунной болью, что немедленно захотелось её открутить. Ну, или, по крайней мере, не поднимать.

— А где Ю? — поинтересовалась ведунья негромко, укладываясь обратно.

Голос она понизила специально, давая лорду шанс сделать вид, что он не расслышал.

— Охотится, — рогатый шевельнулся, но поворачиваться к ней не стал.

— Ночью? — усомнилась Арха.

Её познания о выживании в лесу были минимальными. Но идея ночной охоты все же показалась несколько странной.

— У грахов свои секреты, — пожал плечами Дан.

— М-да, мир действительно меняется. Раньше, вроде, считалось, что добытчиком должен быть мужчина, — ведунья перевернулась на спину, уставившись в усыпанное блесками звёзд небо.

«Правильно, язви, — грустно вздохнул её голос разума. — А то ещё и пореви. Нет бы пнуть хорошенько...».

— Все может быть, — не стал спорить неожиданно покладистый лорд. — В охоте я действительно не силен. Только не надо ёрничать по поводу демонических инстинктов, ладно?

Теперь уже ведунья пожалала плечами. Собственно, она и не собиралась. Молчание разлилось по поляне, как чернила. Но оно было гораздо уместнее разговоров. Наверное, потому, что сказать было нечего? В тишине, разбавленной только потрескиванием костра и осторожным шорохом ветра в ветках деревьев, было даже что-то уютное.

Но Дан все-таки не выдержал.

— Я понимаю, что ты никогда меня не простишь, — заговорил он, кажется, с огнём, — но я должен...

— Что? — уточнила Арха, так и не дождавшись продолжения.

— Принести свои извинения, — нехотя, как будто против воли, процедил демон.

— Да ну? — изумилась ведунья. — Вот это неожиданность. По правде говоря, я слышала от тебя извинения только один раз. Когда ты их Тхия приносил за моё поведение. И то мне тогда показалось, что это ваши лордские заморочки, а не искренность.

Рогатый молчал, не спеша ей отвечать.

— Ладно, — смилостивилась ведунья. — За что хоть прощение-то ваша милость просит?

— Я едва не ударил тебя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Это было сказано ещё тише и с ещё большим нежеланием, чем предыдущая фраза. Лекарка снова перевернулась на бок, глядя на хаш-эда. Честно говоря, вот теперь его вид её пугал. Лицо у демона напряглось, кожа натянулась на скулах, лоб влажно поблёскивал. Кажется, он был недалёк от истинного облика.

— Ты любого бы тогда ударил, кто под руку попался. Мне самой надо соображать, куда лезть не стоит.

Арха тоже говорила тихо, почти шептала. Не от страха, а... Да, что там, Тьма все побери! Ей было нестерпимо, так, что сердце саднило, жалко демона.

«Нет, ну ты нормальная?» — рявкнул её здравый смысл.

Ведунья только цыкнула на него.

Дан кивнул головой, словно соглашаясь с лекаркой. Тень за его спиной шевельнулась и как будто ещё больше расползлась по земле.

— Я знаю, Ирраш тебе рассказывал, что у меня в последнее время возникли серьёзные

проблемы. Он сразу сказал, что их обеспечивает кто-то из самого ближнего круга. У нас даже... В общем, он подозревал Адина.

— С ума сбрендили совсем?! — рывкнула Арха, садясь на своей подстилке и мигом забывая про головную боль. — Да Адин... Он же... А Ирраш всю жизнь за твоей «ещё не невестой» подол в зубах таскал!

Дан криво усмехнулся, покачав головой. И по-прежнему глядя в огонь.

— А Адин сразу заявил, что это дело адашиных лапок. Я тогда думал, что Ирр прав. И Ад просто пытается отвести от себя подозрения. Правда, и сказал он это всего один раз.

— Представляю, — протянула Арха, — ты его размазал по стенке. После чего рта раскрывать больше никто не решался.

Демон снова кивнул.

— Но потом... В общем, все одно к одному, — он растрепал волосы, наклонив голову ещё ниже. — Я только понять не могу — зачем? Зачем ей это все? Как будто мне углей под череп насыпали. Знаешь, как жжётся? Просто мозги плавит. Ну, ладно. Допустим, она присмотрела для себя лучшую партию. В это я могу поверить. Хотя не представляю, кто это может быть...

— Ну да, скромность всегда была твоим главным талантом.

— А ещё в голове постоянно крутится... — лорд, кажется, ведунью и не слышал, разговаривал сам с собой. — Мы же с детства вместе были. Вот мы пятеро — и она. Знаешь, жизнь там, в замке сахаром бы никто не назвал. Да нянька тебе рассказывала. Столько всего было, что... Потом, конечно, все изменилось. Но разве такое можно забыть, а? Честно, я все могу понять. Каждый из нас своё будущее зубами выгрызает. Думаешь, Ирраш так о моей карьере печётся из любви ко мне?

Арха отрицательно помотала головой. Но не потому, что сомневалась в стимулах шавера. Собственно, она по этому поводу вообще ничего не думала. Просто ведунья боялась, что Дан замолчит. Что-то ей подсказывало, что на такие откровения лорды решались нечасто. «Никогда» достаточно подходящее слово?

— Да он просто лучше других понимает: я вверх залезу — и он следом за мной. Вниз полечу, так он мне подстилкой станет. А, может, у других просто амбиций меньше. Но я знаю, что ни один из них не предаст. Вот потому, что тогда, в детстве, было. Вспоминаю, что Адина подозревал — хочется рогами об стенку треснуться. А она... Да ещё такие песни про любовь пела. Нет, я всегда понимал, что правды в них и на медяк не наберётся, но...

Он вдруг осёкся, поднял голову и уставился на Арху. Даже рот приоткрыл. Видимо, сообразил, кому и что говорит. А ведунью раздирали диаметрально противоположные желания. Очень хотелось схватить за те самые рога — и сунуть его мордой в костёр. Чтобы ему хоть на минуту, хоть на секунду стало также больно, как ей.

И обнять, утешить... Защитить? Да, это желание больше всего походило на стремление именно защитить. Хотя раньше ей подобная мысль и в голову не приходила.

— Я... Надо ещё веток принести, а то все прогорело почти, — пробормотал Дан, поднимаясь.

Но лекарка его опередила. Вскочила со своей лежанки только для того, чтобы опуститься рядом с ним на колени — близко. Так близко, как могла. Положила ладонь на щеку демона, чуть поглаживая напряжённую скулу самыми кончиками пальцев.

— Ты неправильно задал вопрос, — сказала она тихо. — Не «зачем ей это?», а «почему?» и «как она могла?». Но это все неважно, правда. Нужно просто пережить и

забыть. Не сразу, но потом получится. И, конечно, разобраться с проблемами, кто бы их ни устроил. А гонять в голове «отчего» и «почему» — бесполезно. Все равно ты её не поймёшь, даже если она все разжуёт. У тебя есть те, кому ты можешь верить. Что ещё надо? Мусор выкидывать нужно, а не у сердца хранить.

Дан перехватил её запястье, не отстраняясь, но и к себе не притягивая. Архе казалось, что его глаза выжигают у неё на лице клеймо.

— Ты сможешь меня простить? — спросил он глухо, длинно, мучительно сглотнув. — За все?

Девушка пожала плечами, как будто он глупость спрашивал. «Всегда» — это ещё одно верное слово?

— Тьмой Изначальной клянусь, я буду с тобой, — прошептал Дан, прижимая её ладонь к губам. — Пока ты сама этого хочешь.

«Я никогда не буду с тобой играть!»

«Я буду с тобой, пока ты сама этого хочешь...»

В чем измеряется пропасть между словами? Во времени, в чувствах, в боли и радости? Кто скажет?

На самом краю сознания, даже не видением, а его следом взметнулась метель из белых лепестков. И край тонкого покрывала, отброшенный в сторону порывом ветра, на миг приоткрыл улыбку.

«Даже у наивных девочек случаются приступы женской мудрости!» — чуть-чуть насмешливо, чуть-чуть ехидно, но очень по-доброму прошелестел голос.

А дым от костра действительно пах яблоневым цветом.

Глава четырнадцатая

Прежде чем отказаться от большой любви подумайте, что останется, если любовь откажется от вас

Из трактата «О любви». Неизвестный автор

Иногда понять, что ты в этой вселенной не одна очень просто. И не надо никаких заумных вещей вроде «родной души рядом». Достаточно воплей за стеной. Когда орут так, что у тебя зубы начинает сводить, и осознание насколько густо все-таки заселён мир, приходит само собой. А Архе как раз очень хотелось, чтобы этот самый мир был большим-большим. И желательно пустым.

Конечно, путешествовать на руках у любимого мужчины — это совсем не то же самое, что самостоятельно мох топтать. Но за два дня блужданий по лесу она вымоталась так, как никогда в жизни. И сутки после того, как они все же добрались до этого домика, укрытого в глубине леса, девушка только и делала, что спала, ела, потом снова спала. И просыпалась исключительно ради очередной трапезы.

Хотя, возможно, дело было и не в физической усталости, а в непрекращающейся нервотрёпке, которой её Тьма одарила. Так или иначе, а временная летаргия ведунью вполне устраивала. Тем более что Дан все время находился рядом. И если лекарка его не видела, то чувствовала постоянно.

В общем, гвалт, учинённый почти над самым ухом, Арху не устраивал категорически. Но, к сожалению, вопли не стали тише ни когда она плащ на голову натянула, ни даже когда ладошками уши зажала. Ор, кажется, только усиливался.

Хочешь не хочешь, а в такой ситуации самое разумное встать и пойти посмотреть по какому поводу базар устроили.

Хижина, куда их привела Ю, действительно была небольшой. Избушка напоминала обычное жилище грахов. Но если внутри домов на берегу фьорда мог запросто построиться полк гвардейцев, то здесь и троим было тесно. Особенно учитывая почти одинаковые и совсем не малые габариты хаш-эда и грахи.

Внутренние апартаменты ограничивались двумя комнатками. Сразу за входной дверью начиналось нечто вроде столовой, а позади располагалось что-то вроде спальни. «Нечто» и «вроде» потому, что комнаты отличались только наличием скамей и размерами топчанов. Всю мебель в домике условно можно было поделить на «стол» и «лежаки».

В общем, суровые условия северной жизни в очередной раз продемонстрировали ведунье свою суровость. И окончательно убедили её, что никакие красоты природы не искупят отсутствие комфорта. Особенно досаждал хронический холод и невозможность нормально вымыться.

Но отодвинув в сторону шкуру, висящую в проёме между «спальной» и «столовой» Арха поняла — их проблемы гигиены не ограничиваются. Дело в том, что комната была набита грахами... Ну, как комната может быть набита грахами, когда помещение чуть больше скатерти, а великанов в ней аж шестеро? Солёной рыбе в бочке и то просторнее.

А тут ещё имелся хаш-эд, прислонившийся спиной к притолоке и шавер, сидящий рядом с ним на корточках. Хрупкого арифедда среди этой мешанины тел можно было разглядеть

только благодаря ярко рыжей шевелюре. И вот как раз над этой самой пламенеющей головой в данный момент и носились громы, молнии, ураганы и тайфуны разом.

Тхия, сидящий за столом, обхватил голову ладонями так, словно боялся, что она сейчас треснет и развалится на куски. Мужчина-грах, больше всего похожий на скалу, которую завернули в серебристый мех, расположившийся напротив лорда, зеркалил его позу. Только арифед упорно смотрел в столешницу, а великан на демона. И во взгляде гиганта было столько горячего сочувствия, что Арха едва не прослезилась. Хотя ещё и не поняла, почему рыжего нужно жалеть.

Впрочем, для того чтобы догадаться о причинах такого горячего участия, ни времени, ни ума не потребовалось. Потому что над головой Тхия бесновались аж четыре грахи разом. В смысле Ю и ещё три мистрис невообразимых размеров. Причём орали они друг на друга на каком-то неведомом ведунье языке, напоминаям одновременно воронье карканье и рычание взбесившейся собаки.

Но больше всего лекарку поразили хлопья сажи, видимо, сбитые с потолочных балок звуковой волной. Они элегически падали на стол, как черные снежинки.

Дан обернулся через плечо, выволок настороженно выглядывающую Арху наружу. И тут же притянул к себе, обнимая обеими руками и укрывая сверху своим плащом. Ведунья чмокнула его в колкий подбородок, состроила рожу Иррашу, который одарил лекарку цепким, слишком пристальным взглядом. И уютненько пристроилась у демона подмышкой, наслаждаясь зрелищем.

Впрочем, оно ей быстро наскучило. Потому как действие не менялось. Женщины орали, да ещё и что-то непонятное. Мужчины молча сидели. Только Тхия начал морщиться так, словно у него все зубы разом занули.

— А что, собственно, происходит? — поинтересовалась Арха, высовывая нос наружу, но, тут же передумав, убираясь обратно под плащ. Там всяко было уютнее. — В смысле, что у нас опять плохого произошло?

— Да ничего особенного, — усмехнулся рогатый. — Тхия с тещей знакомится. В смысле, с тещами.

— То есть с тещами?

— Да, понимаешь, котёнок, у грахов многожёнство — это признак статуса. Если жёнами одного мужчины хотят стать сразу несколько женщин, значит он достойный воин и охотник. А отец Ю — вождь. Поэтому у него три жены. Вот так и получилось, что у твоей подружки сразу три любящих мамы. У них принято воспитывать детей скопом. На «своих-чужих» не делят.

— Во-ождь... — уважительно протянула ведунья, закапываясь в складки хаш-эдового плаща.

— Во-ождь, — передразнил девушку Его Лордство. — Ты на фамилию Ю внимания не обратила?

— Ну, Ро. И что?

— А Тхия они как называют?

— Гм... — лекарка смутилась, почесав ногтем кончик уха.

— Вот именно, — Дан перехватил её запястье, поцеловал ладошку и убрал обратно под плащ. — «Ро» с языка грахов переводится примерно как «король», «вождь вождей».

— Пф-ф! — фыркнула Арха. — Он же воплощение Тьмы, бог. Как-то, «король» это мелковато.

— Ну, видимо для бога они отдельного слова не придумали, — пожал плечами рогатый.

— А ты их язык знаешь?

— Я все основные языки империи учил хотя бы понемногу, — улыбнулся Дан. — И — нет. Человеческим владею очень плохо. Так, на пальцах объясниться могу, понимаю с пятого на десятое.

Арха уставилась на его подбородок — больше ей из своего положения разглядеть не удавалось. Ведунья вдруг додумалась, что она про хаш-эда ничего, кроме того, что он самый лучший демон, не знает. Например, понятия не имеет, какое его любимое блюдо или цвет. Или, вот, какими он языками владеет.

Это почему-то показалось диким. Неуместным и совсем неправильным.

— Данащ, а какой у тебя любимый цвет? — почти прошептала лекарка.

Она и сама не поняла, почему у неё вдруг горло перехватило.

— Вот нравится мне этот вопрос! — развеселился рогатый, у которого, видимо, было отличное настроение, не смотря на царивший кругом бардак. — Цвет чего? Одежду предпочитаю тёмную. Но это, скорее, мода. Коней вороных, но это признак породистости. Спальню ты мою видела. На цветы мне плевать. Книги люблю не за оттенок обложки, а за содержание.

— Да ну тебя! — надулась ведунья.

Вредный демон хмыкнул и ещё теснее прижал к себе девушку, пристроив свой подбородок у неё на макушке.

— А вообще самый красивый цвет у топазов. Знаешь, жёлтый такой с чуть заметным зеленоватым оттенком, — негромко, слегка на распев, проговорил демон. — Особенно в полумраке. Тогда их цвет становится глубже и как будто светиться изнутри. А если они полуприкрыты ресницами, то зелень делается ярче, а жёлтый превращается в густо-медовый.

— Топазы? Ресницами прикрыть? — не поняла Арха.

— Н-да, поэт из меня все-таки не выйдет, — опять хмыкнул Дан и ничего пояснять не стал.

И только тут умница ведунья сообразила, что речь вообще-то о её собственных глазах шла.

И вот как на такое отвечать? Одно слово — лорды.

— Пошляк! — буркнула лекарка.

И плотнее закуталась в его плащ — спряталась.

* * *

Тем временем гвалт в комнате перешёл на новый уровень. Арха и не подозревала, что живое существо, если оно не является быком в гоне, может иметь такую глотку. Уши от воплей начало покалывать, а барабанные перепонки резонировали, словно тамбурины, отражая звуки прямо под череп.

— Все это замечательно, — лекарка даже голос не понижала — смысла в этом не было никакого. — Но, все-таки, по какому поводу они так орут?

Вопрос был действительно своевременный. И не только из-за повышения уровня шума. «Счастливым зять» уже не морщился. Его благородная физиономия перекосилась так, будто Тхия паралич разбил.

— Да понимаешь, котёнок, матушки уговаривают Ю пойти к Тхия в жены. Мол Ро её... эм... обесчестил, и как честный мужчина, обязан жениться.

— А она? — в принципе, ответ на этот вопрос Арха и так знала, без посторонних подсказок.

— Ну, в данный момент твоя подруга доказывает, что Тхияш тут не при чем. И в красках расписывает, кто, как, когда и сколько раз её... раньше обесчестил.

Ведунья хихикнула, представляя, какие эпитеты и подробности Ю использует для убеждения своих «мамочек». Но те, вероятно, не относились к излишне впечатлительным особам. И убеждаться явно не собирались.

— Кстати, Дан. Я вот понять не могу. Особой власти женщин у грахов вроде нет. Право сильного и все такое. А по поводу кто чьей женой станет, мужчины молчат в тряпочку и только зубами скрипят. Это как?

— Интересный вопрос, — ведунья почувствовала, что рогатый опять улыбается. — Наверное, тут их можно с волками сравнить. Ты знаешь, что не волк выбирает самку, а как раз наоборот? Ну, он то сам, наверное, уверен, что выбор за ним. Но когда волчица присматривает себе будущего мужа, она сначала разгоняет всех соперниц, а только потом позволяет за собой «ухаживать». Вот и тут также. Только у грахов все это возведено в статус закона.

— То есть, мужчина даже отказаться не может? Ну, если его какая-нибудь выберет?

Архе, которой и до этого момента было нестерпимо жалко Тхия, захотелось всплакнуть над его горькой судьбой. В самом деле, всей этой свистопляски с женитьбой он не заслужил.

— В принципе, может, — Дан потёрся о макушку лекарки носом. — Но нанесёт смертельное оскорбление не только девушке, но и всему её роду. Знаешь, какие у них заварухи устраивались из-за подобных отказов? Но, с другой стороны, такое и случается нечасто. Наверное, и у грахов не так много женщин, желающих связывать себя с мужчиной, которому она неприятна. Одна твоя Ю на все побережье и нашлась, — рогатый помолчал и глубокомысленно добавил. — Хотя я бы не сказал, что она ему неприятна.

— Так чего же он кочевряжится? — буркнула лекарка, обидевшись за подругу.

— А он и не кочевряжится, как ты изящно выразилась. Ну, станет она его женой, хорошо. И что дальше? Никакого университета, осядет Ю здесь. А Тхия хорошо, если два раза в три месяца у своих жён появляется. И то только для того чтобы торжественно отобедать. А старшая его супружница твою граху сгнобит. Просто потому, что Ю место её сестры отобрала. Ну и кому такое счастье нужно?

Ведунья ахнула. Как-то с такой точки зрения она вопрос не рассматривала. А ведь хороший вопрос-то был, стоил внимания. Но вмешаться рогатый ей не позволил. Дёрнул рванувшую было вперёд Арху к себе, обняв крепче.

— Я тебя точно выдеру, — пообещал демон уже без всякой улыбки. — Может тогда дойдёт, что не стоит вмешиваться туда, куда не просят. Сами разберутся.

Ведунья открыла было рот, чтобы возразить. И медленно закрыла. Потом ей на ум пришёл новый аргумент. Но и он показался не слишком убедительным. Да и третья по счету мысль на самом деле не отличалась оригинальностью.

Но подобрать достойное обоснование своим действиям ей и не дали. Потому что галдящие грахи неожиданно замолчали и расступились в стороны. Хотя, казалось, что в тесной комнатке они занимали все доступное пространство. Но рядом со столом появилась... Ну, наверное ее стоило назвать женщиной. Хотя о подобных существах Архе

раньше слышать не доводилось.

Она была высока — вровень с местными великаншами. Но из любой северных мистрис запросто бы вышло три таких, как эта, невесть откуда появившаяся. Её тело, от макушки до пят — голых, между прочим — закутанное в серебристый мех казалось чрезмерно стройным. Если не сказать тощим.

И не смотря на то, что капюшон в виде волчьей головы затенял её лицо, ведунья разглядела неправильные, даже гротескные черты. Нос у женщины был странно уплощён и плавно перетекал в скулы, как у маски. Глаза слишком глубоко сидели в черепе, а нижняя челюсть наоборот выдвигалась вперёд. В общем, красавицей вновь прибывшую назвать было сложновато.

Она вытянула вперёд руку, указывая на Ю. Роскошная шкура, заменяющая ей плащ, запахнулась. Демонстрируя всем присутствующим тощее, даже костлявое тело с полным отсутствием и намёка на женские округлости. Зато с двумя рядами сосков.

Женщина заговорила и Арха, не понимая ни слова, заслушалась её голосом, как музыкой. Его нельзя было назвать мелодичным. Скорее уж магическим. В речи странной прищелицы было и волчье подвывание, и шорох листьев. И каким-то уж совсем невероятным образом в нем чувствовался кристальный холод воды во фьордах.

Из всей тирады прищелицы ведунья уловила только одно слово — «сешер». И то только потому, что оно походило на «сашар». Так бабушка называла рисунки, вырезанные на камнях, стоящих в лесу неподалёку от их деревни. Они были такими древними, что невозможно и разобрать, буквы это, картинки или бессмысленные линии. Но старая ведунья говорила, что это предсказания, переданные людям самой Матерью.

Зато гневное: «Но!» Ю не нуждалось ни в переводе, ни в знании языка грахов. Особенно когда девушка грохнула кулаком по столу, взметнув в воздух облако сажи. И повторила это самое «но» ещё пару раз. «Нет» на всех языках звучит почти одинаково.

На возмущения грахи женщина разразилась новой тирадой, теперь, почему-то, указывая на живот гигантши.

— Но... — снова выдала Ю, но как-то растерянно, медленно, будто заторможено, помотала головой из стороны в сторону и даже шагнула назад, наткнувшись на стол.

У Тхия вид был тоже неважнецкий. Арифед выпрямился, сжав руки в кулаки. И таращился на свою потенциальную жену так, словно она его булыжником по голове приголубила.

— О чем, Тьма вас всех побери, вы тут говорите? — рявкнул Дан так неожиданно, что Арха уши невольно прижала.

* * *

Если исходить из жизненного опыта ведуньи, за этим рявком должен был последовать новый виток общего гвалта. Но видимо грахи сильно отличались от всех известных лекарке демонов. Они молчали, словно воды в рот набрав.

— Она говорит, — хоть и после весьма приличной паузы, но Тхия все же решился подать голос, — что уважаемая Ю... Она... В общем...

У Архи рот сам собой приоткрылся. Девушка раньше не замечала за арифедом склонности к бляню. И на её памяти рыжий никогда во время разговора глаза в сторону не

отводил.

— Я сказала, что дитя моей госпожи носит ребёнка, отцом которого стал этот Ро, — величественно пояснила дама в плаще.

— Я слышал, что она сказала, — пророкотал хаш-эд, которому, кажется, знаменитая выдержка его расы отказала в очередной раз. И слишком демонстративно игнорируя странную женщину. — Я хотел бы знать, что это все значит?

Ведунья, ребра которой уже начали потрескивать от хватки демона, молча подивилась мужской логике. Что может значить фраза «носит ребёнка»? Естественно, если на руках никакого детёныша нет?

— А я тоже это слышал, — криво и очень неприятно усмехнулся Тхия. — Там, кажется, что-то было про то, что неважно, в каком времени это произносится. И кто, собственно, отец.

Теперь лекарке на Ю смотреть было больно. Великанша как будто даже в размерах уменьшилась, словно пытаюсь спрятаться.

— У тебя нет разума, чтобы увидеть тропу, даже освещённую полной луной, — странно оскалилась женщина. Верхняя губа, настолько тонкая, что её и заметить-то было непросто, сморщилась, обнажая удлинённые, влажно блеснувшие зубы. — В ней прорастает твоё семя. А, значит, сказанное Богиней исполнится.

— Да мне!.. — Дан запнулся, как будто подбирая подходящий эпитет, — ... плевать, что там сказала ваша Богиня.

— Не спеши, Истинный, — остановила его властным жестом прищелица, — не беги впереди добычи. Ты не веришь мне. Поверишь ли ты своей женщине? Ибо жрица Матери может узреть то, что скрыто от многих.

Все, находящиеся в комнате, как по команде повернулись и уставились на Арху. А лекарка не сразу и сообразила, что речь, вообще-то, о ней шла.

— Я не жрица, — только и смогла пискнуть ведунья, старательно пытаюсь вжаться спиной в Дана.

— Обманывая себя, ты не отличишь тени от камней, — дама в плаще отмахнулась от девушки как от комара. — Но истину тебе дано увидеть даже с закрытыми глазами. Скажи же нам, несёт эта женщина в своём чреве что-нибудь кроме пустоты или нет.

Архе очень хотелось сообщить этой женщине, которая лично ей нравилась все меньше и меньше, что во чреве своём кроме пустоты Ю несёт ещё как минимум кишечник. Но, глянув на граху, лекарка свою язвительность решила придержать.

— Мне её осмотреть надо, — непреклонно заявила ведунья.

Хмыканье рогатого было полно скепсиса примерно в той же мере, как и взгляд этой, в меховом плаще. Зато на лице Ю появился намёк на облегчение. Поэтому лекарка решительно высвободилась из рук демона, кивнув грахе на «спальню». Гигантша протопала в заднюю комнату с видом идущей на смерть.

— И не подсматривайте! — велела лекарка, тщательно задёргивая шкуру, закрывающую проем, лишённый двери.

А сейчас бы она не помешала. Потому что желающих подсмотреть в соседней комнате, может, и не нашлось бы. Зато подслушивающих была толпа.

Арха указала грахе подбородком на топчан, но сама осталась стоять у стены, сложив руки на груди. И тут же их опустила, сообразив, у кого она этот жест подхватила. Наверное, в её исполнении он выглядел как минимум глупо. Ведунья подумала и просто села на пол,

старательно подпихнув под попу край своего плаща, свешивающегося с лежанки.

— Рассказывай, — велела она шёпотом. — Что там ещё за предсказания такие важные?

И кто это вообще такая?

— Призрак, — мрачно буркнула Ю. — Призрак моей матери.

— Эта та оборотень, что вас на башне с Тхия застучала? — Арха едва удержалась, чтобы снова не сунуть нос в «столовую».

Соблазн глянуть на мифическое существо, воплоти явившееся раздавать указания, было велико. Но насмотреться на неё можно было и позже. А вот разобраться с тем, что происходит, стоило немедленно. Нет, вмешиваться она не собиралась. Просто лекарка имела полное право знать, во что её втянули на сей раз.

На её вопрос отвечать Ю не посчитала нужным.

— Ладно, что там за предсказание? — сжалилась над ней Арха.

— Да я сама сообразила, что все это к предсказанию можно пристроить, только когда она появилась, — граха сопнула носом, как будто собираясь разреветься. — Я, правда, не думала. И когда она на башне говорила, что, мол, я исполнила свой долг, решила, что Ри про замужество говорит и все такое. Ну, честно, я даже не вспоминала про эти сказки!

— Погоди-погоди, — ведунья положила ладонь на колено Ю. — Тхия тут нет и оправдываться ещё рано. Может и оправдываться не в чем будет. Ты давай, про предсказания.

— Да их вообще-то как бы два.

— Давай уж по одному.

* * *

Легенды тем и отличаются от правды, что их помнят в поколениях. Тогда как правду забывают почти сразу же. Но кто сказал, что древние предсказания не могут быть правдивыми? Вот и грахи вместе с Призраки верили, что их легенды — это истина.

На лесистых берегах холодных фьордов Призраки появились немногим позже, чем океанская вода затопила расщелины в скалах, а в землю упали первые семена лиственниц и елей. По миру тогда ступала только Жизнь, не было ни Тьмы, ни Света. И люди-волки были хозяевами этих мест.

А потом пришли грахи. Поначалу порождения Тьмы и рождённые Жизнью не смогли жить мирными соседями. Но, как часто бывает в древних сказаниях, судьба распорядилась по-своему. И демону с оборотнем пришлось сражаться бок о бок в битве. А потом грах спас Призрака, не дал истечь ему кровью. В благодарность же волк принёс клятву верности. Тоже сделали их дети и дети их детей.

Но мирная жизнь кончилась, когда появились Кровопийцы, а за ними пришли Истинные. Высшие демоны не пожелали терпеть рядом с собой существ иной природы. И как бы грахи не укрывали Призраков, оборотней почти истребили. Те немногие, кто выжил, скрылись в лесах. Но хаш-эды не дали им и шанса на выживание.

Каким ядом Перворождённые отравили воздух, землю и воду северных лесов, ни гиганты, ни оборотни не знали. Но у Призраков перестали появляться детёныши. За три столетия — ни одного волчонка. И покинуть родные земли волки не моли. Стоило пересечь невидимую границу, как тут же, словно из воздуха, являлись демоны. Надо ли говорить, что

пошады они не знали?

Но однажды было произнесено пророчество. Которое, как и всякое уважающее себя предсказание, было многословным, запутанным и многозначительным. Но одна его часть звучала абсолютно ясно и чётко. В пересказе с поэтически-пророческого бреда на имперский она звучала примерно следующим образом: «Когда Кровопийца возьмёт в жены женщину севера и она отяжелеет его сыном, тогда Истинный откроет тропу для Идущих под Луной. И они смогут уйти с проклятых земель. А дитя, родившееся от их связи, подарит Жизнь тем, кто её был лишён».

Вот такое вот двойное предсказание.

* * *

— Ну, я бы не назвала его ясным и чётким, — протянула Арха, стараясь придержать свой скепсис при себе. Все-таки, чужие верования — штука деликатная. — Например «подарит жизнь тем, кто её был лишён» может значить, что он мёртвых поднимет. Да и непонятно, чей ребёночек-то будет? Кровопийцы и женщины севера, Истинного и женщины севера, Кровопийцы и Истинного или всех троих сразу?

Ю так глянула на ведунью, что лекарка едва не подавилась.

— Ладно-ладно, молчу, — согласилась она, опасаясь за целостность своего хрупкого организма. — Но все равно как-то... У Тхия и до тебя две жены были. И никакие тропы не открылись.

— У них детей не родилось. Ро же усыновил детей брата, — мрачно отозвалась граха.

— Ну, у брата же родились, — веско возразила Арха.

— А у него в друзьях хаш-эды не ходили, — лишила её всякой надежды Ю.

— И что, ни разу, вот ни разочку, все условия не совпали? — граха отрицательно помотала головой. — М-да, дела. Это получается, что если Тхия тебя в жены возьмёт, то Дан какую-то там тропу обнаружит, и Призраки отсюда слинянут, чтобы пастись в вольных степях, плодиться и размножаться? Так?

Ю, которая, видимо, решила побить собственные рекорды молчаливости, только кивнула.

— Нет, ну мало нам проблем было! — возмутилась Арха. — Давайте сюда ещё древние пророчества приплетём. Мне интересно, как Дан будет эту самую тропу искать. А, главное, зачем это ему сдалось? Что-то мне кажется, что даже ради предсказания он себе на голову... кх-м!.. такие проблемы взваливать не будет. И так уже по уши.

Граха пожалала плечами.

— Ну что ты молчишь? — возмутилась лекарка.

— А что я могу сказать? — вдруг вызверилась Ю. — «Не знаю я ничего» тебя устроит?

Тут уж пришлось Архе плечами пожимать.

— Лучше скажи, — великанша понизила голос почти до шёпота, — ты правда можешь понять... ну... Того я или?.. Ты же ведьма.

— Ведунья, — поправила её лекарка грустно. — Я и без всяких проверок могу сказать, что ты точно того. На всю голову. И я не лучше.

Великанша посмотрела на неё исподлобья и снова уставилась в пол. Арха тяжело вздохнула. Она действительно не знала, что стоит сказать в такой ситуации. Новая Искра в

Ю была ещё крошечной, едва теплилась, едва успев зародиться. Ведунья-то её и почувствовала только сидя рядом с грахой. Пожалуй, в данном случае было бы уместно упомянуть, что Тхия — гигант.

— Ты только ему не говори, ладно? — попросила Ю.

Видимо, будущую мамашу спасителя погибающего народа весть не обрадовала. Собственно, лекарка её за это и не винила. И, естественно, никому и ничего говорить она и не собиралась. Конечно, Жизнь — священна. Но у каждой женщины должен быть выбор. Только она может решить, дарить эту жизнь или нет. И уж тем более, сообщать новость нежданному папаше немедленно, сделать сюрприз или вообще промолчать. Этой мудрости её не бабка, а жизнь в столице обучила.

— Что ты дальше делать собираешься? — поинтересовалась Арха у половиц.

— А у меня есть выбор? — усмехнулась Ю. — Ну, стану я его женой. Может и правда что-нибудь сбудется? Подождём, а там... Посмотрим в общем.

— А как же любовь?

— А что любовь? Или ты мне предлагаешь ради моей светлой любви всех Призраков тут вымирать оставить?

— Так может и не получится ничего! — всплеснула руками ведунья, как плакальщица на похоронах. — Ну, честное слово! Вот смотри, — она расставила в стороны руки, повернув их ладонями вверх, — Тут возможность — я подчёркиваю! — возможность, что предсказание сбудется, — левая её рука качнулась, чуть опустившись к полу. — А тут ты и Тхия, — правая опустилась гораздо ниже, — Вернёмся в столицу, подумаем и придумаем что-нибудь. Не бывает безвыходных ситуаций, серьёзно.

Граха снова посмотрела на неё исподлобья, помолчала и вдруг нажала на левую ладонь Архи так, что она легла на пол, глухо стукнув костяшками об доски.

— Тут возможность спасти тех, кого мой народ считает не домашними собачками, а братьями. Кровными братьями, понимаешь? Защитниками, наставниками, опекунами, советчиками и... братьями. Для меня Ру — четвертая мать. А, может, и первая. Это мой долг, вот и все.

— Опять долги! — буркнула Арха. — Как вы надоели мне со своими долгами...

Но дальше она спорить не стала. Нет, Ю она не понимала, совсем. Но и судить не бралась. Сама ведунья за Дана все что угодно готова была отдать. Вот только отдавать нечего. Как бы поступила она, встань выбор между ним и её семьёй? Или вот как граха говорила, братьями? Лекарка понятия не имела. Ей казалось, что выбор начинался и заканчивался Даном. Только сравнить не с чем было. Первая или четвертая мать? Арха и одной не знала. А бабушка слишком давно ушла от неё. И, может быть, даже успела вновь родиться. У людей не было кланов и родов. Была деревня. Из которой её выпихали, потому что она могла — тоже ведь только могла! — помещать спокойствию жителей.

И, честно говоря, ведунья была рада, что ей не приходится и не придётся сравнивать и выбирать. Пусть будет только он. Так проще и легче. Но вот на месте Ю она бы ни за какие коврижки оказаться не хотела.

— Ладно, пойдём, — лекарка поднялась, тщательно отряхнув подол, который вовсе и не запачкался. — Я скажу, что ничего не увидела. Молодая я ещё, сил немного, а кристалл разрядился.

— Спасибо, — кивнула граха.

На это Арха только фыркнула. По её мнению благодарить тут было не за что. Новый

виток дурдома под названием «Безумная неделя или женитьба арифедя» того не стоил. Кстати, она даже не спросила, чем закончилось посещение имперскими гвардейцами замка Тхия.

Нет, определённо, проблем было гораздо больше, чем их решений.

Глава пятнадцатая

Все знают, как делать детей.

Но мало кто понимает, что с ними делать потом.

Из наблюдений мистрис Шор

Арха искренне надеялась, что свадебный ритуал проведут здесь же, не сходя с места. И соответственно ей никуда самой тащиться не придётся. А можно будет вернуться на топчанчик, накрыться плащиком и спать дальше. Потому что... Ну а что ещё делать, когда не знаешь, как правильно поступить?

Ю она сочувствовала до слез. Да любое, даже совсем уж очерствелое сердце бы ёкнуло, глядя как граха твёрдо, но с лицом героя, идущего на верную смерть, заявила, что на женитьбу она согласна. В этот момент великанша была похожа на кого угодно, но только не на счастливую невесту. Скорее уж на приговорённую к пыткам, решившую плюнуть в лицо врагам и продемонстрировать им истинное мужество. Женственность, в смысле.

На Тхия вообще смотреть было больно. Особенно после того, как тёщи, услышав радостную новость, застрекотали-зарычали с таким энтузиазмом, что стены домика задрожали. И подхватив будущего мужа под белые рученьки, куда-то его, несопротивляющегося, поволокли. При этом ни одна из нежных маменек на Ю внимания не обратила. Видимо, гигантши считали, что девушка-то уж точно никуда не денется. А вот уверенности в том, что жених не сбежит, не было.

— Куда это они его? — осторожно поинтересовалась ведунья у Дана.

— Наставления давать, — невозмутимо ответил рогатый, как-то странно, словно спросить что-то хотел, поглядывая на лекарку.

— Какие наставления?

С точки зрения Архи, рыжий не нуждался ни в каких наставлениях. Скорее уж в утешении и выражении соболезнования.

— Как какие? Уважаемая совсем того... не понимает ничего, да? — рыжий Данаш очутился прямо под локтем ведуньи, словно из воздуха материализовался. Глазенки у демонёнка возбуждённо поблёскивали, а мордаха выражала полное удовлетворение происходящим. — Как жену любить и ублажать, понятно. Кто такому научит, если не старшие женщины?

— Ублажать? — подавилась Арха. — А Ю тоже... Наставлять какие-нибудь старшие мужья будут?

Ведунья судорожно начала вспоминать, видела ли она по дороге сюда какие-нибудь успокаивающие травки. Или нужно было озаботиться лубками, повязками и обезболивающим для «наставников»? К грахе в её теперешнем состоянии с подобными советами лучше было не соваться.

— А чего её-то наставлять? — искренне удивился сын Бога и веско, со знанием дела, добавил. — Бабское дело маленькое. Ложись на спину, ноги... Ай!

Чёрная шаверская лапа высунулась откуда-то со стороны, отвесила демонёнку такую затрещину, что мальчишку впечатало в бок Архи, и так же лениво, словно бы и не хотя, убралась обратно.

— Чего он шаверится-то?^[7] — захныкало мелкое божество, потирая затылок и пытаясь втиснуться между ведуньей и стеной. — Это ж тётка так говорит. Чай она-то знает! Нет, ну чего он дерётся? Уважаемая женщина моего отца, скажи, чтобы он не дрался.

— Шаверится? Это «бесится» что ли? — хмыкнула ведунья, не спеша исполнять просьбу.

Честно говоря, у неё у самой руки чесались дать хорошего подзатыльника. Только не Данашу, а неведомой умной тётке. Чтобы следила, что говорит и чьи уши это могут слышать.

Только потом до неё дошло, что эта самая «тётка» — младшая жена Тхия. Ныне «разведённая». Пожалуй, в данной ситуации она и не такое могла сказать.

— Ну, да... — протянул мальчишка и, поняв, что защиты от взрослых ему не ждать, втиснулся между Архой и Даном — подальше от всяких злых лордов. — Только как же про него говорить, будто он бесится? Он же не бес, а шавер. Так или нет?

— Лингвист! — фыркнул тот, который не бес.

Пока они занимались лингвистическими изысканиями, народ из избушки рассасывался. Вслед за тещами, уволокшими Тхия, куда-то пропала Ю, а следом, видимо, её отец, так ни слова и не сказавший. И последней в низкую дверь, напоследок угрожающе, как показалось ведунье, сверкнув глазами, вышла женщина Призрак.

— Ладно, пошли что ли? — куда-то в пустоту бросил Ирраш, поднимаясь.

И, доказывая, что у злых лордов руки не только тяжёлые, но и длинные, шавер сгрёб пискнувшего демонёнка за шиворот и, подпихивая его в спину, направил к выходу. Наверное, тоже решил дать парочку наставлений наедине. Лингвистических.

Лекарка, осознав, что тащиться куда-то все-таки придётся и, пожалуй, это даже лучшая альтернатива буравящему взгляду хаш-эда, дёрнулась было за ними. Но уйти ей никто не позволил. Дан, точно как Ирраш мальчишку, сграбастал девушку, возвращая её на место. Спасибо что за плечо сграбастал, а не за шиворот.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — вкрадчиво поинтересовался Его лордство.

— Нет, — стараясь не слишком откровенно коситься в сторону, честно-честно ответила ведунья.

— И что вы опять задумали?

— Мы ничего не задумали, — на этот раз ответ был действительно честным и абсолютно откровенным.

— Арха, мне нужно знать. Что. Тут. Происходит! — медленно, делая между словами значительные паузы и не стесняясь подпустить в голос угрозы, проговорил хаш-эд. — Тьма бы все это взяла!

Последнее было высказано с куда большей экспрессией. Кажется, история уже всем успела надоесть.

— А зачем тебе это знать? — со здоровой долей ехидства поинтересовалась ведунья. — Мы же в происходящее не вмешиваемся? Или это я не вмешиваюсь, а мессирам можно и даже нужно?

Дан уставился на неё, не спеша отвечать. Его зрачки превратились в две щёлочки. Демон сложил руки на груди, нависая над девушкой все своей громадой.

«Опять?! — завопил здравый смысл Архи. — Ну, сколько можно, а? Вам не надоело?».

В принципе, ведунья в кой-то веки была с ним полностью согласна. Эти ссоры утомили не меньше, чем вся суета. Но, в самом деле, лордские двойные стандарты надоели ещё

больше. Не вмешивайся? Хорошо, как скажете. Но почему она, лекарка, должна тут же все выкладывать, как на духу? Потому что у некоторых хаш-эдов паталогическая тяга к тотальному контролю, обострённая финтами его же «ещё не невесты»? Да пошли они все во Тьму!

Тихий смешок демона сбил воинственный настрой не хуже, чем дубина, приложенная по затылку. Ведунья просто растерялась, не понимая, что это такое происходит. Потому что лорд, вместо того чтобы начать метать громы и молнии, вдруг притянул её к себе, крепко обняв за плечи и зарывшись носом ей в макушку.

— Определённо, топазовый — это мой любимый цвет. Когда ты злишься, глазищи у тебя сверкают... Впрочем, мы уже уяснили, что романтические сравнения мне не даются. Сверкают они, в общем. Готов даже испугаться? Хочешь?

— Чего? — пробубнила ни Тьмы не соображающая Арха куда-то ему в подмышку.

— Чтобы я тебе испугался, — серьёзно пояснил Дан.

Ведунья помолчала, соображая, что бы такого умного ответить.

— Я не поняла, ты не злишься, что ли? — осторожно спросила она, в конце концов.

— Злюсь, — честно признался демон.

— А... Чего тогда?

— Времени мириться нет. Ждут нас.

Арха не знала, как там на счёт времени на примирение, а вот целоваться с Даном она вполне могла до бесконечности. И помешавшего такому увлекательному делу Ирраша, раздражённым коклюшным кашлем напомнившего, что их действительно ждут, готова была придушить собственноручно.

* * *

Избушка, в которую Ю привела их прятаться, действительно была местом тайным. Оказалось, что до ближайшего поселения клана Белой Совы, к которому принадлежали местные грахи, ещё топать и топать по едва заметной, прячущейся во мхе и опавшей хвое, тропке. Правда, это она раньше была незаметной. После того, как по ней прошла делегация великанов, тропа превратилась в полноценную дорогу.

Шавер, которому надоело подгонять парочку недовольными взглядами, досадливо сплюнул и умчался вперёд. Арха же с Даном никуда не торопились. На галантное предложение лорда опять послужить ездовой лошастью, ведунья гордо ответила отказом. Хотела было съязвить что-нибудь по поводу жеребца, но застеснялась. Правда, начавшие гореть скулы и кончики ушей выдали девушку с головой. Потому что демон усмехнулся и заявил, что ход её мыслей ему нравится.

А в целом мир был прекрасен. Солнышко светило и даже, в кой-то веке пригревало. Ветерок ненавязчиво игрался с волосами. Где-то звонко цвиркала синица. Мох мягко пружинил под сапогами.

Вот если бы только у всех все было бы столь же прекрасным.

— Ну, спрашивай уже, — в очередной раз проявил прозорливость Дан. — Только не «что спрашивать?», — передразнил он кого-то жутко писклявого.

— У меня не такой противный голос, — обиделась ведунья.

— Н-да, пародист из меня тоже не выйдет, — усмехнулся демон, предупредительно

отводя в сторону от Архи слишком низко нависшую ветку. — Ну, так что?

— Данащ, а ты слышал эту их легенду? В смысле, предсказание? Про тропу и все такое?

— Слышал, — как-то странно скривился рогатый, словно ему в рот что-то кислое попало.

— И что ты об этом думаешь?

Пожалуй, с незаинтересованностью в голосе ведунья переборщила. Даже ей самой показалось, что вышло все чересчур фальшиво.

— А что я должен думать?

Кажется, кто-то в этом лесу опять начал раздражаться.

— Ну, прежде всего, меня интересует, как так получилось, что у Призраков детёныши перестали рождаться. И почему оборотни за границы арифедских земель выходить не могут.

Арха решила, что безопаснее начать издалека, постепенно подбираясь к главному. Так как в данный момент времени на примирение тоже было немного. Правда, судя по выразительному взгляду демона, все её обходные манёвры разгадали ещё до того, как они начались.

— По поводу их бесплодия я тебе ничего не скажу, не интересовался. Намагичили чего-нибудь. А, может, это вообще эхо от отката, — не смотря на все свои взгляды Дан все же решил снизить до объяснений. — Как раз тогда, когда тут арифеды появились, наши жрецы в конец распоясались. Почувствовали, видимо, что их эксперименты с деторождением и нестарением скоро прикроют. И начали творить, что хотели, без оглядки на здравый смысл. Много тогда странного было.

— Какие эксперименты?

— Пожалуй, стоит сказать Тхия, чтобы он приналёг на историю. Студенты совсем ничего не знающие пошли, — опять усмехнулся Дан, но улыбка его тут же и вылиняла. — Хотя, может, и не стоит такое знать. Понимаешь, котёнок, проблема рождаемости у хаш-эдов — тема больная. Мало у кого из наших женщин бывает больше двух детей. Обычно вообще по одному. А то и не одного. Сама понимаешь, на выживаемости расы этой сказывается не очень хорошо. Ну, а если совсем честно, то мы просто вымираем. Но только это государственная тайна.

— Ни... ничего себе! — выдала несколько удивлённая ведунья.

Собственно, было с чего удивляться. Признание, что фактически правящая раса вымирает — такое услышишь не каждый день.

— Примерно так. Вот и начали экспериментировать. До появления арифедов с ифоведами доэкспериментировались. Хотя их-то ещё удачными можно назвать. Неудачных же оказалось в разы больше. Потому такие опыты и запретили. Вот я и думаю, что Призраков просто накрыло каким-нибудь эхом. Но утверждать не возьмусь. И помочь тут, прости, ничем не могу. Я не жрец.

— Угу, — кивнула Арха, пытаясь усвоить полученную информацию. — А что с пересечением границы?

— Ну, тут как раз все просто. Развесили сигналки — вот и все. Срабатывают на существо Жизни, и тут же появляется взвод зачистки. Ближайший гарнизон, по-моему, здесь совсем недалеко. Несколько часов пути. Через Тьму, конечно, они вообще прибывают мгновенно.

— А что такое сигналки? — спросила ведунья, почесав кончик носа.

Туман в её голове закрутился, принимая форму призрачной пока идеи. Но это только пока.

— Как тебе объяснить? — Дан скривился. Наверное, саму бы Арху так перекосило, спроси её, допустим, сапожник о разнице между артритом и артрозом. — Ну, считай, что это заклинания такие. Это, конечно, не совсем магия, а оперирование силой Тьмы, но... Короче, магия.

— Ага. А ты, значит, эти сигналки убрать можешь? — осторожно, очень осторожно, поинтересовалась лекарка.

Дан не отвечал долго. Даже шага прибавил, оставив девушку за спиной. Ей показалось, что он разозлился. Причём всерьёз. Поэтому она его и окликать не стала. Разозлённый демон в её планы точно не входил.

Остановился рогатый неожиданно. Он обернулся к Архе и, естественно, сложил руки на груди, всем своим хмурым видом демонстрируя категоричную непреклонность.

— Да — могу, — заявил он. — И — нет, делать я этого не буду ни при каких условиях. И ещё раз — нет. Никто, кроме хаш-эда, снять их не сможет. Вопрос закрыт.

— Почему? — ненавязчиво поинтересовалась лекарка.

Она тоже остановилась, заинтересовавшись шишкой, висящей прямо над головой лорда. И сложила руки, но только за спиной, под плащом. А ещё, на всякий случай, скрестила пальцы, чтобы Тьма не подслушала и в её планы не вмешалась.

— Арха, Призраков истребляли не потому, что мы такие злые, жестокие и кровожадные. И вообще существ Жизни выбиваем не из врождённой склонности к насилию, — говорил Дан негромко и медленно. Так как будто хотел, что бы лекарка его слова поняла с первого раза и запомнила до конца жизни. — А потому, что у них есть способы с нами справиться. Очень эффективные. А имеются и такие, против которых нам — демонам — и противопоставить нечего.

— Например? — спросила Арха у шишки.

— Это тебе знать необязательно. Просто усвой одну истину. Со Светом у нас силы примерно равны. А вот Жизнь может империю уничтожить. И тебя, между прочим, вместе с ней. Ты не где-то посерединке, а на абсолютно определённой стороне. Живёшь в империи, учишься в академии, будущие пациенты твои — демоны и бесы. И, кстати, в друзьях у тебя исключительно высшие демоны ходят.

— А любимый у меня вообще хаш-эд, — буркнула ведунья едва слышно.

На это Дан ничего отвечать не стал. Только кивнул едва заметно.

— Пойдём, — рогатый протянул руку, — нас скоро с факелами искать начнут.

* * *

Арха уже искрутилась на жёсткой скамейке, между прочим, весьма чувствительно натирающую некоторые особо мягкие места. Терпение её было на исходе. Женщины увели Ю с добрых полчаса назад. А ведунье незаметно улизнуть никак не удавалось. Казалось, что Дан с неё взгляда не сводит. И если рогатый отвлекался, то на вахту заступал шавер. Девушка уже хотела плюнуть на все, просто встать и нагло уйти.

Тем более что её присутствие тут было ничем не оправдано. Сначала лекарку отправили ко всем остальным женщинам. У которых, между прочим, на этом пиру была крайне завидная роль. Они подавали еду и напитки особо почётным гостям: жениху, естественно, Дану с Иррашем, отцу Ю и ещё каким-то пяти неопознанным Архой грахам.

Но ничего из затеи сделать из ведуньи официантку не вышло. Сначала она расплескала похлёбку, потом перевернула жбан с отвратительно воняющим пойлом, которое тут вместо вина пили. И под конец вывалила на старшую жену рыжего блюдо с селёдочными костями и требухой, которое со стола убирала. Но это случилось после того, как эта самая жена, понятно, совершенно случайно, отдала Ю ногу. Можно было смело считать, что просто Тьма шельму отметила и воздала ей по заслугам.

После этого Арху и отправили за стол. Правда, в самый его конец. Но, по крайней мере, местные деликатесы ей теперь приходилось видеть исключительно издалека. Но настроение это несколько не улучшало.

Но, наконец, удача и ей улыбнулась. Дану как раз поднесли очередной громадный рог с пойлом. И заставили его под очередной цветастый, длинный и невероятно заунывный тост выпить. А Ирраша отвлекли воины, решившие продемонстрировать гостю своё умение метать топоры. Видимо, местная брага обладала поистине мощным действием. Раз в горячие грахские головы пришла идея вызвать на поединок шавера.

Архе оставалось только мысленно пожелать им удачи и тихонечко выскользнуть из-за стола. А дальше по стеночке — и на выход. Вины лекарка за собой ни малейшей не чувствовала. Собственного, ничего плохого она и не замышляла. Просто хотела попытаться хоть как-то утешить Ю, которая все празднество просидела с абсолютно каменным лицом.

Проблема была в том, что ведунья и при свете-то дня страдающая географическим кретинизмом, в темноте, только слегка разбавленной жидким лунным молоком и мягким свечением воды в заливе, мгновенно заблудилась. Точнее, не заблудилась. На абсолютно ровной площадке с пятью домами-китами даже она, при всех её талантах, заплутать бы не смогла. Но вот в какой стороне разбили шатер для новобрачных, забыла. Пришлось обходить весь скальный лоб по периметру.

И, естественно, она опоздала. Когда лекарка нашла-таки этот самый шатёр, на пороге его появился Тхия. Оставалось только тяжело вздохнуть и убраться восвояси. Но...

Арха осталась стоять на месте. Да, понося себя последними словами, но осталась. Мысленно молясь Матери, повторяя бессмысленное: «Пожалуйста!». Она и сама не слишком понимала, о чем просит Богиню.

Слабым, но все-таки оправданием наглому подглядыванию могло служить то, что шкуру, которая должна была прикрывать вход, Тхия не опустил. Или то, что до его появления Ю явно ревела, уткнувшись лицом в колени. Но, в общем, ведунья осталась там, где стояла.

Как только арифед появился на пороге, новоиспечённая жена вскочила, пытаясь одновременно и незаметно вытереть зарёванное лицо, и поклониться. Понятно, что ни того, ни другого у неё толком не вышло.

— Недостойная женщина просит простить уважаемого мужа за то, что она... — затарабанила граха словно бы вызубренный текст.

— Прекрати, — негромко попросил рыжий. Действительно не приказал, а попросил, — Я сюда не супружеские обязанности исполнять пришёл. Давай просто поговорим, ладно? Мы только поговорим, а потом я уйду. Обещаю.

Ведунье показалось, что Ю даже в размерах уменьшилась. Но причина этого была ни в унижении или огорчении, а в огромном, просто гигантском облегчении. Девушка медленно села обратно на шкуры. Вот только смотрела она не на Тхия, а на собственные, сложенные на коленях, руки. Сам же арифед остался стоять у входа.

— Объясни мне, пожалуйста, зачем тебе это все нужно, — говорил рыжий негромко, но

очень настойчиво. — Но не надо про долг, обязанности и все остальное. Я хочу знать, зачем тебе это все нужно?

Граха молчала долго. Так долго, что Арха уже подумала — не ответит. Но девушка, все-таки, заговорила. Причём и голос её не дрожал, и слез в нем не было, и говорила она ровно. Но что-то в нем ощущалось такое... Словно Ю сама себя по живому резала. В общем, лекарка бы предпочла никогда такого больше от подруги не слышать.

— Я хочу, чтобы у меня хоть раз что-нибудь получилось. Чтобы... важное что-то, по-настоящему важное. Я не знаю, как это объяснить. У моего отца нет сыновей — только я. И ещё четыре девчонки. Но я-то старшая. И он на меня всегда смотрел так, как будто я его обманула. Я правда старалась, очень. Только вот против природы-то не попрёшь. Ну — да, среди девчонок самая сильная, лучшая охотница и все такое. А вот парни и сильнее и ловчее. Да ещё и... Нет, мне это все тоже по душе. Но иногда хотелось на посиделки сходить или рубашку красивую одеть. Только вот отца при всем этом так перекашивало! Я и в академию то поступила поэтому. Самой сильной стать не удалось — буду самой умной. Лекарей-то у нас тут нет. Ну, а там... В общем, вот так. Зачем я это все говорю? Забудьте, короче.

Теперь молчал Тхия. Тоже долго молчал.

— Тебе сказки твой Призрак рассказывал или ты книги читала? — спросил он совсем не то, что Арха от него ждала.

— Нет у меня Призрака, откуда? — видимо, и Ю вопрос показался странным, потому что она даже голову подняла. — Да и какие у нас сказки?

— Но книжки были?

Ведуные показалось, что великанша покраснела. Но головой граха точно кивнула, хоть и едва заметно.

— Две или три — вряд ли больше, — задумчиво, словно сам с собой рассуждая, протянул Тхия. — Книжки у вас тут ещё большая редкость, чем сказки. И ты их очень берегла. Прячала в укромном, только твоём месте. В пещере или шалаше? Нет, наверное, ты себе дом на дереве построила. И сбегала туда ото всех. Читать про смелых рыцарей, прекрасных дам и драконов?

— Откуда... — голос Ю сорвался. Девушке даже пришлось откашляться. — В смысле, откуда вы знаете?

— Да как тебе сказать? — Тхия, кажется, усмехнулся и смущённо потёр пальцем подбородок. — Понимаешь, маленьким арифедам, которые воспитываются вместе с хаш-эдами, ивторами и шаверами, тоже не слишком просто приходится. Особенно когда они вторые сыновья и от них ничего не ждут, кроме неприятностей и дополнительных расходов. Ладно, с этим более или менее понятно. Теперь второй вопрос. Руку дай.

— Зачем? — подозрительно спросила Ю и сжала ладони в кулаки.

— Руку, говорю, дай, женщина.

Арха не знала, как там у арифедов дела с силой обстояли, но совершенно точно двигались они с молниеносной быстротой. Лекарка действительно моргнуть не успела — она таращилась во все глаза, до моргания ли тут? — а рыжий очутился уже рядом с грахой, да ещё и на колени встать успел. Впрочем, с силой у него, видимо, тоже было все в порядке. Потому что сопротивление великанши он преодолел без большого труда.

А потом начались странности. Тхия вдруг поднёс пальцы девушки к своим губам. И, кажется, надкусил кожу. По крайней мере, Ю ахнула и подалась назад. Рыжий же, ничуть не смущённый, сидел с таким видом, словно винный букет оценивал. А потом сплюнул в

сторону чем-то темным.

— Я так понимаю, что вы с Архой собирались мне врать до последнего? — в голосе арифед не осталась и намёка ни на мягкую насмешку, ни на теплоту.

Холодным он был и очень-очень злым. Ю попыталась отобрать у него свою руку, но демон не дал. Ведунья не могла рассмотреть выражение лица лорда, но судя по реакции граха, приятного в нем было немного.

— У меня все тот же вопрос: почему? И будь добра ответить на него предельно откровенно.

Лекарка и сама не знала, что её на месте удержало. Потому что желание высказать рыжему все, что она о нем и его внезапно прорезавшихся лордских замашках думает, было почти нестерпимым. Да и идея опустить на рыжую голову что-нибудь тяжёлое казалась заманчивой. Но невероятным усилием воли ведунья осталась стоять там, где стояла.

Правда, Ю неплохо справлялась и без всякой группы поддержки. Видимо, её тоже замашки высших демонов порядком нервировали.

— Может потому, что я не желаю висеть у вас на шее, как камень какой-то?! И навязываться больше тоже не желаю. Хватит с меня! Что я, шлюха какая? Сколько можно задом крутить? Вы же наверняка скажете, что я это все специально подстроила! — зашипела граха разъярённой коброй, все-таки выдирая свою ладонь из пальцев Тхия. — И я хочу сама решать, как мне жить, понятно? Надоело! Все это надоело!

— А вот с этого места давай помедленнее, — попросил абсолютно спокойный арифед. — Нестыковка получается. По вашим законам мы и так женаты. И неважно, что я там думаю. Смысл от меня беременность скрывать? Даже если он и не мой, то все равно я его отцом считаться буду. И тебе не кажется, что между согласием стать моей женой и заявлением о самостоятельной жизни имеется нарушение логических связей?

— А мне плевать, что вам там кажется, господин ректор! — решительно заявила граха. — Только никаких нарушений тут нет. Пророчество либо сбудется до того, как вы в столицу отправитесь, либо не сбудется никогда. Потому что вряд ли вы и уважаемый лорд Дан ещё когда-нибудь тут вместе появитесь. Потерпеть день-два мне не сложно. А потом я все равно отсюда уйду. Империя большая, место я себе найду. И никогда бы вы ничего не узнали!

— Понятно, — протянул рыжий. — Одна, значит, с ребёнком — и в закат. Я сильная, я все смогу и никому навязываться не буду. И всем всё докажу. На лицо дурное влияние романов.

— Я сильная! — медведем взревела оскорблённая до глубины души Ю.

— Да я не спорю...

На Арху накатило странное чувство, будто она это все когда то уже видела. Или сама переживала, что ли? причём ведунья даже не была уверена, что именно ей показалось до боли знакомым — слова или вся ситуация.

— В смысле, это я не на поединок вас вызываю, — смутилась граха, запоздало сообразившая, что ляпнула она что-то не то, — но я правда со всем могу справиться самостоятельно. И мне честно надоело изображать собой камень, о который вы постоянно спотыкаетесь. В общем, так будет лучше.

— На этом месте мне полагается пожать тебе руку и пожелать удачи? — поинтересовался рыжий. — Хотя, нет. По канонам жанра я, получается, подлец. Значит, я должен предложить тебе денег. Ты, конечно, гордо откажешься. И мы расстанемся навек.

— Хватит надо мной издеваться! — снова выверилась Ю.

И даже встать попыталась. Но Арха на собственном опыте могла сказать, что если лордов что-то не устраивает, то они этому и не позволяют случиться. Вот и Тхия даже удерживать девушку не стал. Демон дождался, пока она почти выпрямится, а потом просто рубанул её ребром ладони под коленку. Правда, галантно придержал рухнувшую граху и помог усесться на место.

— У меня в мыслях не было над тобой издеваться, — продолжил рыжий, как будто ничего и не произошло. — Я роман сочиняю, разве не видно? Потом, значит, мой сын, который понятно, даже не будет догадываться, кто его отец, пойдёт мстить за мать, умершую в нищете и болезнях. И только перерезав мне горло, парень догадается, что я его отец. По фамильной родинке. Хотя, зачем нам родинки? По цвету волос. И...

— Ну, хватит... — почти простонала Ю, которую этот бред, кажется, допёк окончательно.

— Вот и я говорю — хватит, — согласился рыжий и перешёл с повествовательного тона на сугубо деловой. — Мы все дружно заканчиваем маяться дурью. Ты, понятно, здесь не остаёшься и в закаты не уходишь. А отправляешься с нами. По крайней мере, ещё полгода учиться ты сможешь. А дальше посмотрим. И да, кстати, я на тебе женюсь.

— Так мы уже... — пролепетала граха.

— Нет, мы только ещё, — заверил её Тхия. — Я не придворный и на мнение этой своры плевать. А в карьере нужны сложности. Иначе её делать неинтересно.

— Ну, это уже явный бред, — раздалось над ухом Архи.

Ведунья сама поразилась собственной ловкости. Она умудрилась одновременно подскочить на месте, развернуться и зажать себе рот обеими ладонями. Дан, стоявший за её спиной, мельком глянул на лекарку, и опять уставился на шатёр. При этом взгляд у него был задумчивый-задумчивый.

— Данаш, пожалуйста, не запрещай ему!.. — Арха молитвенно сложила руки, прижав их к груди. — Ну, пусть у них все хорошо будет. Не надо...

— Ты тоже романов перечитала? — лорд сграбастал девушку, пряча её под собственный плащ. — Решила сделать из меня Властителя Зла? Да даже и захоти я, как ему запретить? Я же не император. Кстати, непонятно, даст ли он согласие на этот брак. И на карьеру плевать не стоит. Просто сначала нужно все хорошенько обдумать. Но время, как я понимаю, ещё есть.

Ведунья, улыбаясь во весь рот, прижалась к своему демону.

Ну и пусть романы. Бывает, что романы хорошо заканчиваются.

Глава шестнадцатая

Казалось бы, куда ещё хуже? А! Вот сюда!

Из мемуаров неизвестного автора

Не смотря на все планы и общее горячее желание наконец-то оставить гостеприимный клан за спиной, с утра пришлось задержаться. Причиной промедления стали — кто бы мог подумать? — новоиспечённые тёщи Тхия. Воинственные грахи на прощание решили продемонстрировать зятю всю тяжесть северного характера. В том, что наглое нарушение традиций и отбытие Ю с родных северных берегов обратно в столицу вызовет волну возмущения, не сомневался никто. Но вот волна обернувшаяся настоящим цунами, удивила многих.

Грозные северные воительницы не только метали над рыжей головой лорда грома и молнии. Но и, кажется, собирались банально, истинно по-матерински, набить ему физиономию. Или, может, выдрать? Кто их, женщин, поймёт?

Так или иначе, но три великанши взяли свеженького мужа и ставшую вдруг послушной, пытающуюся спрятаться за его спиной Ю, в кольцо. Выражение гигантш эмоций по обыкновению было громким, насыщенным и напоминало камнепад. Но по мимо морального давление грахи все чаще поддёргивали рукава рубашек, словно собираясь тесто месить. Правда, Арха искренне сомневалась, что в замес попадёт именно тесто.

Надо отдать должное Тхия, выслушивал он женщин молча, без малейшего почтения, но внимательно. Правда, лицо его с каждой минутой каменело все сильнее. И это нельзя было назвать неудачным образом. Просто от природы аристократичные, но довольно мягкие черты рыжего, сначала напоминали восковую посмертную маску. Которая чуть позже превратилась в гипсовую. Затем метаморфоза пошла быстрее: керамика-песчаник-гранит. Пока облик демона не приобрёл сходство с лицом базальтовой статуи. Только цвет кожи на камень не походил. Скорее уж на мел — белый-белый.

— Мне это не нравится, — негромко, с каким-то странным не то шипением, не то прищептыванием, протянул Ирраш.

Ведунья покосилась на ушастого. Таких интонаций прежде от шавера ей слышать не приходилось. Но «котик» не только говорил, но ещё и выглядел странно. Вроде бы он и стоял как обычно, даже руки расслабленно висели вдоль тела. Ну, может голову желтоглазый слегка пригнул, как будто набычившись. А вот все равно чувствовалось, что он напряжён, как туго сжатая пружина. Один щелчок — и полетит-прыгнет вперёд.

— А чему тут нравится? — глухо рыкнул Дан. — Допекли.

— Может вмешаться?

— И он до Тьмы тебе будет благодарен. Для полного счастья ему как раз и не хватает потерять остатки репутации среди грахов. Стой где стоишь, — рогатый раздражённо провёл языком по зубам, подумал и глубокомысленно добавил. — Если уж совсем взбелениться, тогда...

Ирраш медленно, не сводя с Тхия вполне реально горящих глаз, кивнул. Уши у шавера были прижаты к черепу так плотно, что совсем скрылись под волосами, не топорща пряди как обычно.

Честно говоря, лекарке происходящее то же нравилось все меньше и меньше.

— Котёнок, — ласково, словно говоря с дитём малым, а то и вовсе с идиотом, попросил Дан, за плечо подтягивая ведунью себе за спину. — Если что-нибудь случится, ты присядь вон там, у стенки. И глазки закрой, ладно?

Ушастый насмешливо фыркнул.

— Дан, а что, собственно... — решила выяснить ситуацию ведунья.

— Глаза закрыть и уши заткнуть! — неожиданно перешёл на приказной тон рогатый. — Что не ясно?

— Все. Мне все неясно! — буркнула Арха, но шагок за шагом начала отходить к указанной стеночке.

Не то чтобы в ней вдруг проснулась покорность. Впрочем, и демон, раздающий команды, ведунью не слишком впечатлил. Но происходящее девушке тоже начало нервировать. Нет, никакого накала в воздухе не чувствовалось, ничего не искрило и молнии с ясного неба не падали. Да и Тхия выглядел хоть и напряжённым, но вполне обычным. Скорее уж обстановку накаляло поведение лордов. Поэтому лекарка и предпочла убраться подальше.

Но своё отступление к «стеночке» Арха только начала медленно. Не успела она сделать и трёх шагов, как к дому её буквально сдуло. Ведунья не была уверена, но, кажется, никаких внешних стимулов ей не потребовалось. Она самостоятельно, причём одним прыжком, преодолела расстояние в добрых три шага. При этом ещё не понимая толком, что случилось.

Просто девушке показалось, что сам воздух взорвался. Лопнул, как гигантский стеклянный пузырь, резанув осколками по барабанным перепонкам, врезаясь в мозг. Сначала был вой. Низкий, утробный, басовитый, заставивший вибрировать камни под ногами, он длился и длился. Словно у существа, его издававшего, лёгкие были размером с кузнечные меха. Но при этом вопль с каждым ударом бешено колотящегося сердца ведуньи становился все выше и выше. Пока почти не исчез совсем, высверливая череп сотней крошечных коловоротов.

Арха зажала готовые начать кровоточить уши, но визг на грани слышимости перекрыл рык. Наверное, с таким бешенством и яростью могла рычать львица, защищая своих детёнышей. Если бы она была размером с дом. Но оказалось, что какофония ещё только началась. Потому что вслед за рыком раздался рёв, по сравнению с которым все остальные звуки были не громче шёпота. Кажется, в гости к грахам пожаловала сама Тьма. Очень и очень злая Тьма.

Ведунья не хотела открывать глаза. Перспектива увидеть собственную смерть её совершенно не прельщала. Но веки поднялись сами собой. Да так больше и не опускались, заостенев. Тьмы на скалистом выступе с горбатыми спинами грахских домов не было. Наоборот, холодное, но яркое северное солнце с бесцеремонной ясностью освещало сцену. Которая больше всего напоминала бред душевно больного, наевшегося грибочков. Галлюциногенных.

Над повалившимися как деревья под порывом урагана грахами стояло нечто, отдалённо похожее на демона. Вот только крайне измождённого, буквально умирающего от истощения демона. Хотя, наверное, тело высотой в два метра прокормить было нелегко. Ну и крыльями летучей мыши вместо рук насколько знала Арха, ни одно из созданий Тьмы в своём нормальном облике не обладало.

В грудь этого чудовища, видимо стараясь опрокинуть его на землю, упиралось лапами

не менее чудовищное животное. Оно бы походило на кошку-переростка, если бы не полное отсутствие шерсти, чёрная, лоснящаяся под солнечными лучами кожа и передние клыки, торчавшие из-под морщащейся верхней губы на добрый локоть.

Третьим в компании этих выходцев из наркотического бреда был... демон. Самый обыкновенный демон. Такой, какими их маленькая Арха увидела в бабушкиной книге. Гора мускулов повыше скелета с крыльями, запакованная в глянцево отблёскивающую алую кожу. Вместо лица — морда все той же летучей мыши. Рога, которому бы обзавидовался любой горный баран. Распахнутые черные крылья. Причём каждый из этих кожистых парусов было длиной с три, а то и четыре роста самой ведуньи. И полный набор когтей с человеческое предплечье длиной. А вот копыт у него действительно не имелось — соврала книжка.

Арха, как будто заколдованная, наблюдала, как это чудовище заламывает скелетоподобного монстра. Казалось, при его мощи демону ничего не стоит хрупнуть крылорукому позвоночник, как тростинку. Но арифед — а на грани сознания мелькнуло понимание, что это именно арифед — вполне успешно сопротивлялся.

Хаш-эд снова взревел, упрямо мотнув рогатой башкой, перехватил крылья тощего нетопыря поудобнее, поворачиваясь к лекарке боком. Взгляд ведуньи сам собой скользнул ниже пресса демона, который больше всего походил на четырёхрядную кирпичную кладку, и упёрся...

Вот тут сознание Арху, наконец, и покинуло.

* * *

Первая, вынырнувшая из темноты как рыбка, мысль была вполне логичной: «Спать под дождём неудобно!». Но, не смотря на всю свою логичность, эта идея показалась крайне некомфортной. Потому что побуждала к действиям. По крайней мере, стоило хоть чем-нибудь накрыться. А в тело как будто свинца залили, словно в пустую форму. И двигаться не хотелось совершенно.

— Заканчивай претворяться. Я же вижу, что у тебя ресницы дрожат! — проворчали откуда-то извне недовольно.

Веки тоже превратились в свинцовые. И для того чтобы их поднять потребовались немалые усилия.

— А ты знаешь, что у тебя радужка не белая, а бледно-бледно серая? — задумчиво протянула Арха, тарашась на Ю.

— Ценное замечание, — согласилась граха и щедро брызнула в лицо лекарке пригоршню воды.

— Теперь-то зачем? — возмутилась ведунья.

Великанша пожалала плечами, потеряв к Архе всякий интерес и рассматривая что-то, чего лёжа девушка увидеть никак не могла. Пришлось садиться. Впрочем, зрелище стоило трудов. Тхия, вернувшийся к своему обычному облику, в неподражаемой ректорской манере воспитывал грахов.

Все великаны, что были на площадке, в данный момент с энтузиазмом отжимались. И впереди гигантов, неожиданно восплававших любовью к физическим упражнениям, трудились тёщи лорда. Сам же мессир Сарещ, как какой-нибудь Призрак закутанный до босых пяток в меховой плащ, прохаживался перед группой, что-то им втолковывая. А за

Воплощением Тьмы по пятам следовал, помахивая прутиком, сын Бога. Видимо, высматривая тех, кому вздумается отлынивать.

Судя по постной и надменной физиономии лорда, содержание этого «чего-то» было крайне занудно. И, наверное, грахи страдали не столько от негаданной разминки, сколько от арифедских нравоучений. Отжимания-то им давались без всякого труда. Впрочем, зная настойчивость ректора, приходилось верить, что он сумеет замордовать даже северных воителей.

— ... времена меняются. И каждое существо, почитающее себя прогрессивным, должно меняться вместе с ними. Демонам и бесам, страдающим косностью мышления нет места в новом, строящемся у нас на глазах мире. Конечно, мы обязаны держаться своих корней и чтить обычаи, завещанные предками. Но это не значит, что нельзя менять систему в целом. Нам нужно и должно ломать стереотипы, дабы... — донёсся вместе с ветром скучливый голос ректора.

К невероятному счастью Архи, обрывок лекции как донёсся до неё, так и унёсся прочь.

А чуть в стороне от дома, рядом с которым ведунья очнулась, каменным изваянием стояли хаш-эд с шавером.

«Мне кажется, табличка „Я и мой пёс“ у них под ногами смотрелась бы вполне органично!» — съязвил внутренний голос.

В принципе, ведунья не могла с ним не согласиться. Единственное, что слово «кот» больше соответствовало действительности. Но «пес» в данном случае подходило сильнее. Потому что Ирраш присел на корточки рядом со стоящим Даном. А поскольку оба тоже облачились в меха на голое тело, то и вид у них был соответствующий.

И если бы речь шла о ком-нибудь другом, то Арха бы поклялась, будто морда у шавера выглядела смущённой. Если не сказать сконфуженной. Но поскольку речь шла об Ирраше, то стоило просто сказать, что мина у него была странная. А вот рогатый олицетворял самого себя — до крайней степени мрачного лорда.

— Не-а, — покачала головой Арха, — даже не надейтесь.

— На что? — буркнуло Его лордство.

— С криками не побегу, визжать не собираюсь, в обмороки падать... — тут ведунье пришлось осечься, но правильная формулировка все равно была найдена, — ... больше падать не буду. Это я просто от неожиданности.

Ирраш досадливо сплюнул. Видимо, надежда в темной душе шавера все-таки теплилась. Зато в слова лекарки он поверил сразу, в отличие от хаш-эда. Арха тяжело вздохнула. Честно говоря, уговаривать упрямого лорда, что он ей нужен таким, какой есть, начинало надоедать.

— Дан, я вообще-то, в курсе, что у демонов истинный облик имеется. Хоть у меня по истинной анатомии, кажется, «неуд» наклёвывается. Но, в общем, в курсе я. Даже картинки видела. Конечно, вживую, да ещё при свете дня это... впечатляет, — лекарка уставилась на свои колени, перебирая длинный мех на плаще. Чего уж там говорить, впечатление было ещё то! — И страшно. До жути страшно. Но это ведь не ты на самом-то деле.

— Это я, — пытаюсь изобразить собой грозовую тучу, отрезал демон.

— Нет, ну, понятно, что ты. Только не совсем. Ну вот, к примеру, ты когда ешь, думаешь о том, что мясо превратится в... э-э-э... Ну, во что, в конце концов, превращается еда?

— Пример — блеск! — фыркнул Ирраш.

Снова сплюнул, поднялся и пошагал себе куда-то. Видимо, остатки надежды избавиться от ведуньи растерял, бедолага.

— Н-да, пример так себе, — самокритично призналась Арха. — Но, собственно, суть та же. У многих вещей есть разные стороны. И не всегда приятные. Но почему я должна трястись, зная, что вот ты и таким быть можешь?

Лекарка повела рукой, пытаясь изобразить, каким по её мнению может быть Дан. Получилось, что большим и круглым.

— Эти твои рога с крыльями мне чем-нибудь угрожают? — Демон отрицательно покачал головой. — Вот я про то и говорю. Знаешь, ну вот не могу я тебя связать с тем... красным. Два разных существа. И ты меня не убедишь, что вы — одно и то же. Нет, умом-то я понимаю, но... В общем, я как будто спектакль посмотрела. Местами даже увлекательный. Только из-за этого шарахаться я от тебя не начну. И, кстати, ты, все же, извращенец.

— Это ещё почему?

Кажется, слова Архи его убедили, но не до конца.

— Потому что тебе же должны нравиться вот такие же, рогато-когтистые. А у меня-то даже и ногтей толком нет.

Внезапно пришедшая в не слишком нормальную голову ведуньи мысль заставила её хихикнуть. Потом ещё раз. И, не выдержав, Арха расхохоталась в голос. Дан, видимо решивший, что девушка от ужаса все-таки свихнулась, мигом оказался перед ней на коленях. Поймал руки лекарки, которыми она лицо закрывала, отвёл в сторону, с тревогой пытаясь заглянуть Архе в глаза.

— Что с тобой? — искреннего беспокойства в его голосе было ещё больше, чем во взгляде. — Успокойся, сейчас все пройдет...

Сквозь выступившие от хохота слезы лекарка разглядела, что, откуда не возьмись, явился Ирраш. Кажется, шавер тоже решил, что ведунья сбрендила.

— Да ну вас! — сквозь судорожные всхлипы едва смогла выговорить ведунья. — Я просто представила... что Адаша... вот такая же! Ой, ма-ама!

Новый приступ хохота скрутил девушку в бараний рог. Но краем глаза она все же заметила, как Дан переглянулся с ушастым. При этом морды у обоих были встревоженные.

Но разве мужчине понять, в какой восторг девушку может привести мысль о том, что соперница похожа на рогатое перекаченное чучело? Да уж, наверное, в истинном облике Адашу красоткой никто бы не назвал!

* * *

Арха, изредка икая, наблюдала, как неутомимый ректор дрессирует не менее неутомимых грахов. Демоны ушли искать себе одежду, а Ю убрела в одной ей ведомом направлении. В общем, возвращение домой опять откладывалось. А ведь до границы-то ещё дойти надо было. И ведунью смутно беспокоила мысль о том, когда же они до неё доберутся? Выходить собирались с утра и, согласно планам, за пределами земель грахов компания должна была оказаться примерно около полуночи. Сейчас же солнце катилось к полудню. И пока ничто не намекало, что кто-то куда-то собирается двигаться в ближайшее время.

Впрочем, лекарку все устраивало. Конечно, оказаться наконец-то дома очень хотелось. А вот топать по лесу — нет. Да и сидеть, жмурясь на солнышко, было совсем не плохо. Если бы не проклятая икота, никак не желающая отвязываться...

Краем глаза Арха уловила, что рядом шевельнулось что-то большое и серое. И это «рядом» оказалось настолько близко, что ведунья шарахнулась в сторону, неловко заваливаясь на бок. Хорошо ещё, что не завопила.

Но шарахалась она зря. В тени стены стояла та самая мистрис Призрак. То ли Ру, то ли Ри, то ли ещё как-то. В общем, оборотень, принадлежащий матушке Ю. И на ведунью волчица вообще никакого внимания не обращала, смотрела только в ей известные дали.

— Здравствуйте, — пробормотала вежливая лекарка.

— Я здорова, — равнодушно отозвалась Призрак, — и вряд ли духи болезней одолеют меня в скором времени.

Вот и поговорили, называется.

— Вы извините, что с пророчеством не получилось, — пробормотала Арха, снова принимаясь оглаживать мех своего плаща.

Во-первых, просто так молчать было не слишком комфортно. А, во-вторых, лекарку действительно смущало, что они помочь не смогли. Нет, точку зрения Дана она понимала прекрасно. И, не без внутреннего сопротивления, но принимала. Только вот и Призраков было жалко. Хотя она и видела только вот эту женщину, да пару действительно волков.

— Почему не получилось, дочь Жизни? — все так же невозмутимо поинтересовалась оборотень.

— Ну, мы же уходим, а вы тут остаётесь...

— Тропа может повернуть в любой момент, — предельно понятно пояснила свою мысль Призрак. — А ты ещё ничего не сделала для исполнения пророчества.

«Ну, здрасти! — рявкнул здравый смысл. — Теперь ещё и ты лично во всем виновата. Не много ли?».

И опять Арха была с ним согласна. А это уже настораживало. Но, в самом деле, не много ли на неё одну? Что тут можно сделать? Рогатый весьма однозначно озвучил свою отношение ко всем пророчествам скопом. Да и Тхия не рвался ничего делать даже ради родни, как оказывается, любимой жены. Об Ирраше речь вообще не шла.

— Я, конечно, дочь Жизни... — начала ведунья сердито.

И осеклась. Пришедшая идея казалась простой и логичной, как все гениальное. Стоящая рядом призрак едва заметно кивнула, как будто подслушала мысли лекарки и полностью их одобрила.

— Погодите, у меня два вопроса есть, — осадила её одобрение Арха. — Во-первых, куда вы собираетесь идти, если выберетесь отсюда? И, во-вторых, когда тут Тхия... разбуянился, почему вы грахам на помощь не пришли?

— Ты смотришь в нужную сторону, жрица, — снова одобрила её оборотень. И это тоже настораживало. Обычно ход мыслей Архи в окружающих восторга не вызывал. — Нашим братьям ничто не угрожало. Сыновья Тьмы сами не допустили, чтобы случилось дурное. А до тех, кому не светит Луна, нам дела нет. И никогда не было.

— То есть, получается, что с хаш-эдами и арифедами вы никогда не воевали? — усомнилась лекарка.

— Разве у тебя нет ушей, чтобы слышать меня? Нам нет до них дела. Но если враг хочет уничтожить твоё логово и щенков, то защищаться ты будешь до последнего вздоха.

Ну, тут Архе даже возразить было нечего. Все логично. Война ещё не значит, будто до врага кому-то дело есть. Глотки рвать можно и без всякого личного интереса.

— Что же касается наших троп, то выбор невелик. На землях, где властвует Тьма, детям

Луны места нет. Впрочем, нет им места и там, где сияет Свет. Но мы пройдем по его владениям. И дальше, туда, где встаёт ночное светило. Пророчество гласит: в той стороне мы найдём убежище.

— Не много ли пророчеств? — себе под нос буркнула Арха.

На это Призрак ничего отвечать не стала. Она быстро глянула куда-то в сторону, шагнула назад и будто растворилась в тени. Только что была тут, а уже и нету. Зато к ведунье шагал облачённый по местной моде Дан. Да и Тхия, закончивший дрессировать притомившихся-таки грахов, тоже направился к дому. Шавера только видно не было. Но, судя по опыту ведуньи, ушастый мигом появился бы, как только начнётся скандал. А в том, что он начнётся, лекарка несколько не сомневалась.

Арха поднялась с нагретого местечка, решительно запахивая полы плаща. Рогатый, заметив её действия, остановился как вкопанный, не дойдя до девушки добрый десяток шагов.

— Нет! — заявил он непреклонно.

— Данаш, послушай...

— Даже не начинай! Мы все уже обсудили.

Демон сложил руки на груди, изображая собой неприступную крепостную стену.

— Уверен, что все? — нехорошо прищурилась лекарка.

Рогатый в ответ только головой кивнул.

— Ла-адно, — протянула ведунья и мило улыбнулась. — Тогда будем проверять на практике.

Лорд подумал. Опустил руки. Растрепал шевелюру. Недовольно покосился на Арху. И, все-таки, спросил.

— Что проверять?

— Да, понимаешь, я, конечно, жительница империи и наполовину демон. А поскольку жительница и съезжать никуда не собираюсь, то можно считать, что совсем демон. Вот только вторая моя половинка, которая по крови, от Жизни, — пояснила Арха, благовоспитанно сложив руки и поддевая носком сапога мох. — Вот тут я и подумала, сработают на неё твои сторожилки или как их там? В конце концов, если даже сработают, но ничего страшного ведь не произойдёт, правда? Ну, прискачут стражники, увидят хаш-эда, который что-то там забыл на землях грахов... Или юридически это тоже арифедские владения?

— Когда мы тут появились, ничего не сработало... — растерянно заметил Тхия.

— Они только на выход реагируют, — отозвался Дан, возвращаясь в своё обычное, то есть мрачное, состояние.

— Может, оставим её тут? — предложил появившийся как из-под земли Ирраш.

Ведунья не знала, откуда именно он припёрся, но была бы совсем не против отправить его обратно. Вариант снова закопать в землю её бы вполне устроил.

Рогатый насупившись глянул на своего верного котика и выругался — очень грязно. Потом пнул комок мха так, что он разлетелся фейерверком. И выругался ещё раз, гораздо грязнее.

А Арха даже щеку закусилась, чтобы не разулыбаться во весь рот. Конечно, Дан мог и вернуть эту хаш-эдскую сигнализацию на место. Но, наверное, Призраки сумеют проскользнуть через границу, пока он там магичит.

Конечно, все, что выглядит просто, в реальности даже близко таковым не оказывается.

Во-первых, Арха не догадывалась о численности Призраков, решивших покинуть родные места. Ю же несколько раз повторяла, что племя оборотней вымирает. Да и сама ведунья не спотыкалась на каждом шагу о волков.

Но как заявила Ри, вновь появившаяся, как только Дан перестал материться, клич по всем кланам кинули ещё вчера. И к сегодняшнему дню по лесам Белой Совы бродило не много ни мало, а примерно полторы тысячи готовых эмигрировать Призраков.

Между прочим, эту новость мистрис Оборотень подала как доказательство лояльности волков. Весьма непрозрачно намекнув, что Дети Луны могли бы и самостоятельно решить проблему. Уж как ни будь такое количество голов могло придумать аргументы, почему один хаш-эд должен им показать тропу.

На это Арха могла бы возразить, что до вчерашнего дня Призраки и не знали, что это за тропа такая. Но благоразумно промолчала. Рогатый, кажется, и так пребывал на грани истинного облика. А второе перевоплощение за день могло для всех закончиться плачевно.

Во-вторых, Ри все же намекнула, что над аргументацией необходимости помощи ближнему, Призраки, все-таки, задумаются, если демоны не проявят должного альтруизма. Чем взбесила уже Ирраша, который угрожал физически не переносил. Пришлось и шавера успокаивать.

А потом начались торги. Сошлись на том, что через границу волков Дан пропустит. Но к утру Тхия даст знать в гарнизон, что в окрестностях Призраки крутятся. И с проблемой преследования пусть оборотни сами разбираются.

На том и порешили.

Но выдвинулись в дорогу только после обеда. Впрочем, это шествие показалось бы странным в любое время суток. Оборотни предпочитали передвигаться в волчьем облике. И шли они не толпой, а мелькали серыми тенями то тут, то там. Но их было действительно много. От чего у ведуньи создавалось ощущение, что она движется в каком-то призрачном потоке.

Грахов тут тоже было немало. Многие гиганты решили проводить оборотней. И они тоже держались врозь. Точнее, каждый со своим Призраком. А рыжий Данащ, кажется, единственный ребёнок, имеющий собственного волка, просто ехал на нем верхом. Вот только не было в этом ни радости, ни баловства. Демоненок распластался по широкой, серебристой спине, обняв оборотня за шею. И что-то шептал ему на ухо. Архе показалось, что несколько раз мальчишка всхлипнул.

Вообще радости в этом исходе было мало. И никакого воодушевления от спасения расы не ощущалось. Совсем не светлая горечь расставания убивала всякую радость. Ведунье пришло в голову, что, наверное, это и есть истинная любовь, настоящая привязанность. Совсем не просто дать уйти тому, кого знаешь с рождения. Тому, с кем были неразлучны действительно и днём и ночью.

Просто ли отпустить, зная, что вам уже не встретиться? Отпустить просто потому, что так тому, другому, второй твоей половине, станет легче?

То, что Призраки уходили, было единственным правильным. Только вот что они прихватили вместе с собой? Наверное, сейчас на этот вопрос никто не мог дать ответа.

Возможно, через пять, десять или тридцать лет он и найдётся. Но тогда уже успеет вырасти новое поколение северных великанов, которые о Призраках только услышат от родителей.

Никакой границы Арха не увидела. Да она вообще мало что видела, потому что ночь наступила давным-давно. Просто Дан встал на месте, осторожно поставив ведунью на землю. И, ни слова не говоря, отошёл в сторону. Серый поток вокруг них тоже замер, притаился. Волчьи тени спрятались в чернильной мгле.

То, что дальше делал хаш-эд, лекарка уже видела. Примерно также он создал её цепочку зимой. Правда, в этот раз все далось ему менее мучительно. Но, в целом, выглядело это совсем обыденно. Никаких тебе эффектов, только короткая красноватая вспышка, которую вполне можно было списать на уставшие глаза. И эта обыденность казалось неуместной, неподходящей моменту. Хотелось большего.

Только вот рыжий Данаш, сползший со спины своего волка, но рук вокруг его шеи так и не расцепивший, зарыдал в голос, пряча лицо в длинной шерсти. А Призрак тихонько, словно уговаривая мальчишку, заскулил.

Тут уж и Арха не выдержала. Только постаралась потише хлюпать носом.

— У тебя нет повода лить слезы, дочь Жизни, — Ри появилась рядом как всегда неожиданно. Но в этот раз ведунья даже шархаться не стала. — Это не твоя печаль.

Лекарка в ответ только кивнула, даже не сообразив, что в темноте оборотень её кивка может и вовсе не рассмотреть.

— Да и нет в этом печали. Прощаться — отрицать разлуку. Ты же знаешь, мы приходим сюда вновь и вновь. И если тропам суждено встретиться, они обязательно пересекутся. Да и в этом мире ничто не предопределено.

— Это дети Жизни возвращаются, — гундосо протянула Арха, смаргивая слезы. — А грахи — существа Тьмы.

— Разве нам дано это знать? Все, что говорится, сказано живущими. А не Тьмой, Светом или Богиней, — ведунья вполне могла и ошибаться, но, вроде бы, волчица улыбнулась. — Тебе следует запомнить только одно. Предсказание ещё не значит неминуемость. Если ничего не делать самому, то ни одна высшая воля не поможет.

Лекарка снова кивнула. Не сказать, что изречённая оборотнем истина тянула на божественное откровение. Но запомнить её все же стоило.

— Мы не приемлем вынужденных долгов. Но тебя и твоего мужчину всегда с радостью примет любой Ходящий под Луной, — волчица легко коснулась плеча девушки. — Прощай, жрица.

— До свидания...

Арха все-таки не выдержала и всхлипнула.

— Возможно.

Серые тени ныряли в ночь, как в омут, пропадая и действительно не оставляя следа. Ю подошла к плачущему Данашу, с усилием отцепила его пальцы от шкуры оборотня и подхватила мальчишку на руки. Призрак, лизнув ладошку своего хозяина, с места прыгнул вперёд, растворившись во мраке — последним.

— Пойдём, нам тоже пора, — Дан обнял Арху, прижимая её к твёрдому, тёплому боку. — Тебя в академии уже с факелами наверняка ищут. А учитывая, что пропали вы вместе с ректором, историй будет рассказано...

— Это все неправильно! — ведунья ткнулась в грудь демона. — Так не должно быть! Не честно это...

Хаш-эд промолчал, ничего говорить не стал. И, наверное, за это стоило поблагодарить Тьму. Потому что ляпни рогатый что-нибудь вроде: «Жизнь вообще несправедлива!» — и лекарка его точно бы треснула.

*Не так сложно жить, храня чужие тайны до могилы.
Но очень неприятно, когда они тебя в могилу сводят.*

Из наблюдений императора Нахшона II

Арха была рада вернуться в стены родной альма-матер. Хотя Тхия ей и пообещал клятвенно, что от отработок и наказания за пропущенные занятия её никто не освободит. А на робкое замечание студентки, что пропускала она вместе с ректором, девушке ясно и чётко объяснили разницу между Тьмой и золотарём. В смысле: «Что позволено Тьме, то не позволено золотарю».

Сравнение с золотарём не понравилось, предстоящие трудности огорчали. И в целом лекарке было не до преподавателей и новых знаний. Любая студентка подтвердит, что гнойная хирургия и мысли о собственных чувствах, сочетаются плохо. Точнее не сочетаются вовсе. И что самое интересное, гнойная хирургия перед мыслями о собственной любви капитулирует сразу и безоговорочно.

А подумать было о чем. Как-то не так представляла себе Арха возвращение в столицу. Нет, ни о чем конкретном она не мечтала. Но ей казалось, что за всеми этими перипетиями арифедской женитьбы успело пройти не чуть больше недели, а как минимум несколько месяцев. И теперь все должно измениться. Кардинально так, чтобы с ног на голову.

Тем болезненнее было столкновение собственного лба со стеной, любезно подставленной реальностью. Дан галантно проводил девушку до порога собственной ведуньиной квартиры. И, целомудренно чмокнув Арху в лобик, кажется, собирался отбыть без объяснений и обещаний. Лекарку такое положение вещей, понятно, не устраивало.

— Данащ, подожди, — придержала Арха рогатого за рукав, — я хотела...

А вот что она там хотела, ведунья ещё не придумала. И, как назло, в голову ничего умного не приходило. Правда, лорду её объяснения оказались ни к чему. Он нахмурился и даже, вроде бы, вздохнул. Но переступил порог. Хотя и явно не для того, чтобы чаю попить или «помириться». Потому что демон прошёл к окну, пристроившись у подоконника. Ещё и руки на груди сложил. В общем, не любимый мужчина, а ожившее: «Не подходи, не трогай и ни на что не рассчитывай!».

— Арха, у нас не было времени поговорить...

У лекарки что-то нервно пискнуло в желудке и к горлу тошнота подступила. Как правило, от бесед, начинающихся с: «Нам надо поговорить...» ничего хорошего ждать не приходилось.

— Кстати, я так и не спросила, как прошёл обыск замка Тхия? Нет, я понимаю, что нормально. Но хотелось бы подробностей. И почему Ирраш с рыжим так быстро нас догнали? Там же, кажется, Скалс был, верно? По идее, они должны бы зависнуть, пока все вино в округе не кончится и...

— Арха, — не повышая голоса, остановил её Дан.

— Ну, что Арха?!

Ведунья зачем-то схватила с крючка кухонное полотенце, при этом подняв в воздух лёгкое, но довольно плотное облако пыли. Которое совсем непрозрачно намекало, что

кухонной утвари хозяйка гораздо дольше, чем неделю, не касалась.

Девушка тем же полотенцем разогнала пыль у себя перед носом и зачем-то скрутила его в жгут.

— Мне, между прочим, скоро исполнится двадцать два года, как я Арха. И дальше? Если ты сейчас заведёшь песню про то, что все теперь будет как раньше или, ещё лучше, что нам расстаться надо, то я...

— Может, ты мне хоть слово вставить дашь? — рогатый уставился на лекарку исподлобья.

Девушка швырнула полотенце в раковину и оперлась бедром о стол, тоже сложив руки на груди. Мол: «Я вся внимание!».

— Спасибо, — поблагодарил её вежливый хаш-эд. — Я не знаю, что ты подразумеваешь под «как раньше». Но, по-моему, как раньше больше уже точно не будет. И я прекрасно понимаю, что больше всего на свете в данный момент тебя волнуют наши... — рогатый замялся, подыскивая нужное слово. И ведь нашёл-таки, хотя Арха и поставила в памяти зарубку при случае расширить его словарный запас, — ...отношения. Но, прости, мне сейчас будет ни до этого.

— Ну, естественно! — лекарка не выдержала и все-таки фыркнула. Хотя и зареклась поднимать эту тему. — Тебе ещё нужно с твоей «почти не невестой» разобраться. Ой, прости, уже невестой.

— И это тоже.

Дан повернул голову, уставившись куда-то в стену. Твёрдый гольш желвака перекатился под острой скулой. И вот вроде бы ничего в нем особенно не изменилось, даже взглядом он теперь ведунью не буравил. Но девушке стало странно неуютно. И меньше всего на свете ей хотелось оказаться на месте Адаши. Умеют все-таки демоны жути нагнать, когда хотят.

— Прости... — пробормотала ведунья, вытаскивая несчастное полотенце из раковины и наматывая его себе на кулак. — Я не хотела... В общем, извини.

— Тебе в данном случае прощения просить вообще не за что, — абсолютно ровным, как будто он о погоде говорил, голосом сообщил хаш-эд. — Ты имеешь полное право быть недовольной. Вся эта ситуация тебе немало крови попортила.

«У меня проблема с ушами или он только что извинился?» — изумился внутренний голос лекарки и тут же притих, как будто сам себе рот зажал, ожидая новых откровений.

— Но дело тут не только в ней, — продолжил развивать свою мысль Дан, по-прежнему упорно пялясь в стену. — Проблем гораздо больше и они гораздо серьезнее. Начиная с положения Тхия, недельного отсутствия капитана городской стражи, моего исчезновения. И заканчивая приказом, который подписал император.

— А с ним что не так? — осторожно поинтересовалась ведунья, пытаясь мысленно взвесить ворох проблем, о которых она раньше, собственно, и не думала.

Действительно ведь, мелочи какие. Ну, забыла она, что Ирраш теперь капитан городской стражи, а Дан давно уже капитан императорских гвардейцев. Подумаешь, устроили себе офицеры отдых. Что тут такого?

Правда, наверное, у остальных была другая точка зрения на происходящее.

— То, что император с такой лёгкостью подписал указ, который мне большими неприятностями грозил, говорит только об одном. Я ему стал неуютен. И мне пока не понятно, что его могло разозлить.

Ну, да, конечно! Их драгоценная карьера! Что могло быть важнее? Но с другой стороны,

чем грозила опала аристократам, Арха понимала смутно. Вполне возможно, что речь не только о карьере шла.

— Нет, ты меня правда извини, — лекарка опять отправила полотенце в раковину. — Это не моего ума дело. Я вполне серьёзно говорю и без всяких обид. Ты просто знай, что я всегда тебя жду, ладно?

Дан, наконец-то, соизволил посмотреть в её сторону. И смотрел долго, как будто мысли прочесть пытался. Но девушка стояла спокойно и глаза не отводила. В конце концов, она действительно приняла его таким, какой он есть. Вместе со всеми его тараканами.

Демон отлип все-таки от подоконника, шагнул к Архе. Положил тяжёлую ладонь на её затылок, притянув голову девушки к своему плечу.

— А ты помни, что нужна мне, — едва слышно шепнул лорд. — Только ты и нужна. Всегда.

Потом быстренько, без всякого энтузиазма поцеловал ведунью и утопал.

Ну, что с него взять? Одно слово — рогатый.

* * *

Арха бы точно свихнулась, мечась в тишине пустой квартиры. Она никак не могла придумать, чем себя занять, чтобы дожить до утра. А, главное, как забить в буквальном смысле гудящую голову. Думать ей в данный момент хотелось меньше всего. Но мысли роились в голове, жаля, как осы. И, самое противное, связно-то думать то же не получалось. Так, какие-то отрывки, даже не связные друг с другом. Ну и ещё за спиной прилипшей тенью мотался страх. Тоже не чего-то конкретного, а абсолютно абстрактный, не оформившийся. Но от этого приятнее не становилось.

Спасибо Тьме, что Адину пришло в голову её навестить. Ведунья встретила гвардейца с куда большим энтузиазмом, чем родного. Не дав ему и слова сказать, втянула за рукав в комнату, заявив, что прямо сейчас, не сходя с места, они будут пить чай.

Лекарка на радостях развела такую бурную деятельность, что сначала устроила в плите целый костёр, начавший сыпать на пол искрами. Потом уронила чайник, разлив воду на полкухни. Ну, а когда она, щебеча, как истинная блондинка, расколотила чашку, Адин поймал её, силком усадил на табурет и приказал выкладывать все, как оно есть.

Ну, вот тут-то ведунья, наконец, и разревелась, утираясь все тем же пыльным полотенцем. Сквозь рыдания выложив действительно все. И что Дан её не любит, и что все плохо, а дальше будет только хуже. И что: «Вон у Тхия с Ю все здорово, а у меня...». Ну и, главное: «А вдруг он к Адаше вернётся?».

Адин не спеша убрав бардак и приготовив-таки чай, сыпанув в него каких-то травок из личных лекарских запасов, внимательно выслушал все её всхлипы и завывания. И только когда поток сознания затих, и девушка сгорбилась на табуретке несчастным вопросительным знаком, протяжно хлюпая носом, гвардеец вынес свой вердикт:

— Арха, а ты ведь главного так и не услышала...

— Чего я там не услышала? — буркнула лекарка, чувствуя себя самым обездоленным существом в мире.

— Дан сказал, что не хочет тебя терять. Насколько я его знаю, такое признание для него равносильно... — Адин помахал рукой, находя подходящее сравнение. Видимо, сделать это

было совсем непросто. — Ну, как, например, тебе выйти голой на площадь Императора. Что же касается остального... Мухи это, на которые не стоит обращать внимания. Всё у вас будет, но только в своё время. Или ты куда-то спешишь?

— Да нет, — призналась Арха, хоть и с невеликой охотой. — Честно говоря, я как-то об этом не думала.

— Вот и дальше не думай. Да ему время понять, что между вами вообще происходит. Это для тебя всё просто. Люблю, готова на все, он — сосредоточие моего мира. А Дан привык усложнять. Да и не верит он в существование такое зверя, как любовь. И любая привязанность для него означает слабость. Ничего, дойдёт. Главное, наберись терпения и не спеши.

— Дойдёт до него. Как до фонарного столба.

Лекарка опять всхлипнула, в очередной раз размазав по физиономии слезы пополам с грязью, которой щедро поделилось чистое по идеи полотенце.

— Или ты, как Тхия, задумалась о счастливой семейной жизни? — Адин, снова ставивший чайник на плиту, через плечо глянул на лекарку. — Если задумалась, то ещё раз настоятельно рекомендую тебе не думать.

— Это ещё почему? — окрысилась лекарка из чистого упрямства.

Не сказать, что подобные мысли ей в голову совсем не приходили. Приходили, конечно. Но и желание Дана осупружить особо острым не было. Как-то она не представляла себя женой лорда. Вот если бы вместе, в маленьком домике, каждый день. Она бы потихонечку пациентов принимала, а он... И вот на этом фантазии стопорились. Что бы рогатый делал? Сапоги шил? Сеном торговал? Солдатом в городской страже служил?

— Потому что этого не может быть. От слова «никогда»! — неожиданно резко, в совсем не свойственной ему манере, отрезал Адин.

Ногой подтянул к себе табуретку, сел, наклонившись к Архе. Взял её ладошку в свою, да ещё левой рукой сверху накрыл. И, помолчав, снова заговорил. Правда, на этот раз мягко, убеждающе.

— Ар, ты пойми, женитьба у высших лордов — это не то же самое, что у простых смертных. И даже не то же самое, что у обычных аристократов. Это политика, голая политика и только иногда экономика. Но ничего больше. Думаешь, почему на свадьбу надо высшее дозволение испрашивать? Любой такой союз — это усиление одной партии или ослабление другой. Игры возле трона, а то и на самом троне. Ты, конечно, не помнишь, но лет двести назад был казус, сменилась правящая династия. Просто потому, что у одного из аристократов оказалось больше прав на престол, чем у прямого наследника. Слишком много в нем кровей боковых линий было понамешено. А в итоге коктейль оказался более чистым, чем у кронпринца. Понимаешь?

— Пытаюсь, — буркнула ведунья.

— Смотри, какой расклад по Тхия. Если он пойдёт на мезальянс, то, естественно, будет отлучён от двора. Это как минимум и при условии, что император даст своё согласие на брак. Если же разрешение не будет получено, а император разозлится, то лорд Саррешь может и своего титула вместе с землями лишиться.

— Серьёзно?

— Вполне, — кивнул головой Адин. — Скорее всего, такого не случится. Не настолько Тхия высоко летает. Да и Дан что-нибудь придумает. Но я немножко о другом. Следи за мыслью. Если рыжий потеряет своё влияние, то ослабнет партия северных лордов. Зато

станут сильнее те, кто от купцов кормится. А они давно на эти территории зарятся. Уж больно там места для портов удобные. И вполне возможно, что министров вынудят-таки пересмотреть вопрос о неотторжимости арифедских земель в пользу трона. Тогда...

— Адин, я ни Тьмы не поняла, о чем ты сейчас говорил, — ведунья яростно помотала головой. — Но до меня дошло, что все может закончиться плохо. И то, что Дан на мне никогда не жениться, иначе все накроется Бездной, поняла тоже. Но я и не претендую. Честно.

— Ну и умница, — улыбнулся гвардеец. — А все остальное обязательно будет. Только наберись терпения.

Арха глубоко вздохнула, задержала на несколько секунд дыхание, и выпустила воздух.

— Уже, — сообщила лекарка не в меру мудрому Адину.

— Что уже? — не понял он.

— Терпения набралась, — улыбнулась лекарка.

Не верить ему у девушки причин не было. Да и до сих пор гвардеец плохих советов не давал. Ведунья не раз уже убеждалась, что в чужих чувствах белокурый красавчик разбирается отлично. Правда, это ему нисколько не мешало раз за разом попадать впросак с собственной любовью. Но, как говорится: «В чужом глаза соломинку видим, а в своём бревна не замечаем».

* * *

Успокоить-то Адин её успокоил, спасибо ему за это большое. Архе даже ночью уснуть удалось. Часа на два, но ведь удалось же. Правда, от мыслей-пчёл слова гвардейца не спасали. Только утром лекарка сообразила, что возможность возвращения Дана к золоторожке Ад никак комментировать не стал.

Да и о каком «возвращение» может идти речь? Он никуда и не уходил. У них с браками вон какие сложности. А эту свадьбу не только император лично, но ещё и матушка хаш-эда, по совместительству императрица, благословили. Так что, хочешь не хочешь, а с присутствием в этом мире Адаши приходилось смириться.

Только вот все эти не слишком весёлые думы никак не способствовали усвоению гнойной хирургии. И сейчас, вместо того, чтобы внимать профессору и разбираться в тонкостях повторного инфицирования, ведунья думала, кто прав: её собственная паника и неуверенность в себе или Адин? Хотелось бы, конечно, чтобы правым оказался он. Но здравый смысл поскуливал, требовал посмотреться в зеркало и уверял, что по сравнению с демонессой ведунья явно проигрывала.

— Хочешь загадку, Ада? — от тяжких раздумий отвлёк студентку Шхар, присевший на крышку её стола.

Оказывается, лекция давно закончилась, а ведунья даже не заметила, как профессор вышел из аудитории.

— Мне вот только твоих загадок для полного счастья не хватает, — проворчала Арха, собирая книги и как попало запихивая их в сумку. — И так голова лопается. Кстати, можно попросить тебя об одолжении? Не замечай меня, пожалуйста, дальше. У меня вообще на шаверов аллергия. А от родственников Ирраша отёк гортани развивается. Давай так. Ты с братиком сам разбираешься и меня в это не вмешиваешь? Договорились?

— То есть, в искренность моих намерений ты не веришь? — прищурил свои зелёные глаза Шхар. — А как тебе такая версия событий? Допустим, ты мне действительно понравилась. И я серьёзно собирался продолжить общение с тобой. Но столкнулся с, как ты его называешь, братиком. Он мне настылял и я разозлился. Готов принести свои извинения и продолжить с того, на чем мы закончили. Убедил?

— Нет, — отрезала лекарка и попыталась встать.

Как обычно её попытки к самостоятельности при общении с демонами закончились ничем. Шавер просто положил ей руку на плечо. И лапа его оказалась тяжёлой, как целая дюжина кирпичей. Ни о каком вставании речь уже не шла.

— Почему? — поинтересовался Шхар вкрадчиво.

— Собственно, мне дела нет, какая там версия справедлива. Но ничего с тобой я ни начинать, ни продолжать, ни собираюсь.

— Почему? — повторил «котик» ещё более вкрадчиво.

Промяукал просто.

— Потому что у меня... — лекарка пожевала губами, подбирая подходящее слово. «Парень» с Даном стыковались не слишком успешно. Впрочем, «мужчина» звучало ещё хуже. — Потому что я не одна, в общем.

— Надо же, какие новости! Помнится, совсем недавно ты утверждала обратное.

— Все течёт, все меняется, — огрызнулась Арха. — А теперь будь добр, выпусти меня. Я спешу.

Ситуация её начинала раздражать всерьёз. Не хватало ещё, чтобы их тут Тхия застучал. Тогда бы разговорами «по душам» девушку подчивали ещё пару дней.

— А я, все-таки, загадку задам, — сообщил шавер, разглядывая лекарку, чуть наклонив голову к плечу. — Дано. Мой братишка куда-то исчез на несколько дней. И ты тоже отсутствовала этот же срок. Вопрос: связаны ли между собой эти два события?

— А ты что, за Иррашем следишь? Надо будет ему сообщить при случае! — рывкнула ведунья и тут же, устыдившись, глубоко втянула воздух, пытаясь успокоиться. Психовать в любом случае не стоило. — И, кстати, твои наблюдения в корне неверны. Я пропала раньше, чем он.

— То есть, ты и не отрицаешь, что время вы проводили вместе? — прищур шавера стал уж совсем каким-то недобрым.

— Шхар, а актёрский талант у вас тоже наследственный? — ядовито поинтересовалась Арха. — Это ты что сейчас изображаешь? Ревность? Не прокатило с заинтересованностью и «... я не собираюсь с этим прекращать», решил измором взять? Только зачем? Я с бодаяниями за титул самого крутого шавера тебе ничем помочь не могу. Не настолько мы с Иррашем близки, как бы тебе хотелось.

— А это мы ещё посмотрим, сможешь или нет, — нехорошо осклабился он.

Но, слава Тьме, видимо убедившись, что девушку он допёк достаточно, решил удалиться. Спрыгнул с парты и отправился по своим делам.

Арха проводила его взглядом, борясь с горячим желанием остановить ушастого и хорошенько потрясти. Не понравились ей намёки шавера, очень не понравились. Он и раньше излишним дружелюбием не отличался, а сейчас лекарке в словах Шхара почудилась откровенная угроза. И девушке никак не удавалось уговорить себя, что подозрения её беспочвенны.

Да уж, что и говорить, неприятности в последнее время сыпались как из рога изобилия.

— Это же, кажется, брат уважаемого Ирраша? — поинтересовалась у ведуньи бесшумно подошедшая Ю.

Арха в ответ кивнула, забрасывая на плечо тяжёлую, словно бульжниками набитую, сумку.

— Не нравится он мне. Я бы на твоём месте держалась от него подальше.

— Какие все умные! — опять не выдержала лекарка. — Что ж ты раньше-то не подошла? Подруга, тоже мне. Вот выговаривать и учить все горазды. Нет бы помочь.

— А как я догадаться должна, что ты в помощи нуждаешься? Может, у вас с ним дела какие-нибудь. Ты в следующий раз хоть знак какой подай, — шипение ведуньи не оказало на граху ни малейшего впечатления. — Кстати, я его сегодня видела с девкой. Между прочим, мистрисс-то — высший класс.

— Какой ещё девкой? — раздраженно отозвалась Арха.

В данный момент её меньше всего на свете интересовали девки Шхара.

— Не знаю, я у неё имени не спрашивала, — пожала плечами гигантша. — Хаш-эдка какая-то, блондинистая и в штанах. Я думала, в столице аристократки такое и не носят. Я бы на них и внимания не обратила, не прячась они в переулке. Любовник он её что ли?

— Не носят...

Арха и сама бы не сказала откуда у неё взялась уверенность, что Шхар был с Адашей. Конечно, хаш-эдов в столице имелось не так много, но, все же, пальцев, чтобы их пересчитать, не хватало. И наверняка, не только одна золоторожка обладала светлыми волосами. Но ведунья готова была собственную жизнь прозакладывать, что речь шла о её «любимой» демонессе.

Узел тревоги, который поселился под рёбрами ещё вчера, затянулся сильнее.

* * *

Арха с Ю спокойно спускались по лестнице, направляясь к раздевалке. Девушки никуда не торопились, в отличие от толпы студентов, спешащих покинуть дружелюбные стены альма-матер. И заняться, наконец-то делом. Например, напиться в кабаке. Поскольку слова «напиться» и «кабак» с недавних пор вызывали у подруг абсолютно одинаковые судороги, то они горячку не пороли, держась поближе к перилам, пропуская страждущих мимо.

Когда именно река разноцветных мантий впереди закрутилась воронкой, Арха не уследила. Но только плотный поток студентов вдруг остановился и даже назад подался. Но отхлынуть так и не сумел, упёршись в стену тех, кто только начинал спускаться. Внизу кто-то отрывисто, коротко крикнул. Одновременно, словно сирены, завизжали сразу несколько девчонок. Среди мельтешения спин ведунья успела разглядеть чёрную профессорскую мантию, но преподавателя мгновенно оттеснили в сторону, прижав к перилам.

— Что там такое? — спросила лекарка у грахи, приподнимаясь на цыпочках, но видя впереди себя исключительно чужие головы.

Великанша в ответ лишь плечами пожала. Она возвышалась над толпой, словно сторожевая башня. И, наверное, весь холл был перед ней, как на ладони. Вот только народу собралось слишком много, чтобы что-то рассмотреть.

Арха хотела было спрятаться за спину подруги. Тоненький голос, наверное, пресловутый шаверский инстинкт, доставшийся от папочки, подсказывал ей, что так выйдет

безопаснее. Но тут поток снова пришёл в движение. Арху словно стремной подхватило, неся вперёд. Ю лекарка мгновенно потеряла — она осталась где-то позади. И уцепиться за перила не имелось ни малейшей возможности.

Оставалось только смотреть себе под ноги, чтобы не поскользнуться. Иначе ведунью тут же и затоптали бы. Студенты неслись вниз, как стадо напуганных коров, намертво зажав телами девушку.

Но, к невероятному счастью лекарки, лестница быстро закончилась. И Арху словно вдавило в кирпичную кладку — такой плотной показалась застывшая на месте толпа. Но разглядеть что-то кроме чужих лопаток, у ведуньи опять не было ни шанса. Да и из разговоров ничего путного она уяснить не сумела — уж слишком гомонили явно чем-то напуганные студюзы. Понятно, что случилось страшное. Но в чем это «страшное» заключалось — не ясно.

— Арха! — откуда-то из плотно спрессованной толпы, ввинчиваясь между студентами, как шуруп, показался Шхар. — Скорее!

Шавер схватил лекарку за руку и поволок в самую гущу собравшихся. Ведунью пихали, толкали, а столько нового о своём моральном облике девушка давно не узнавала. Но ушастого, кажется, это нисколько не смущало. Он пёр напролом с упорством граха.

Наконец, Арха резко, как пробка из бутылки, вылетела на пустой пяточок, окольцованный плотной стеной растерянных демонов.

Точнее, пяточок был не совсем пустой.

Сначала лекарка подумала, что кто-то пролил на затоптанный мрамор красную краску. Пришлось проморгаться, чтобы осознать — никакая это не краска была, а самая настоящая, да ещё и очень свежая кровь. И в этой глянцево отблёскивающей под светом магических фонарей луже, словно сломанная кукла, лежала девчонка. Бледная до синевы, со странно ввалившимися глазами. Из носа и уголка губ тянулись алые ниточки, но больше никаких ран ведунья не видела.

И как раз это можно было смело считать самой плохой новостью.

— С лестницы упала... Позовите кого-нибудь с лекарского... Её бы перенести... — шмелями гудели вокруг растревоженные голоса.

Кто-то шагнул к девчонке, но Арха не глядя отпихнула доброхота в сторону.

— Не трогайте её! — рывкнула ведунья, становясь на колени прямо в красное.

В данный момент чистота одежды интересовала лекарку меньше всего.

— Позвоночник... — неуверенно пробормотал Шхар, — может быть позвоночник сломан?..

— Без тебя знаю, — огрызнулась Арха. — Затылок разбит в кашу, позвоночник и Тьма знает что ещё...

Демонесса была пока жива, хотя ведунья сильно сомневалась, что это надолго. Но, не поняв, что именно и насколько тяжело травмировано лекарка даже первую помощь ей оказать не могла. Девушка рванула ворот мантии, сжимая заряженный под завязку кристалл. Выпустила его с ладони, закрыв глаза.

Все было плохо, очень плохо. Не только позвоночник — у девицы практически ничего целого не осталось. Но сердце, хоть и слишком часто, с перебоями, всё же билось. А это давало надежду.

Арха понимала, что сейчас прибегут преподаватели. Наверное, они смогли бы сделать что-то более толковое, помочь по-настоящему. Ведунье же осталось только вливать в

девчонку Жизнь, цедея по капельке. И мысленно молить Мать, дать демонессе шанс продержаться, дожждаться помощи...

Но вдруг её собственная реальность, в которой была только ведунья, девчонка и зеленоватые, чуть светящиеся нити, лопнула мыльным пузырьём. Кто-то схватил лекарку за шиворот, вздёрнул вверх, одновременно оттаскивая в сторону.

Девушка открыла глаза, ничего не понимая и не соображая. Рванула вперёд, пытаюсь поймать падающий кристалл. Но не смогла. До неё не сразу и дошло, почему это простое вроде бы действие не получилось. Оказывается, Архе просто заломили руки за спину, стянув их толстой, моментально расцарапавшей запястья, верёвкой.

Ведунья завертела головой, способная лишь ресницами хлопать. Только вот мир вдруг целиком окрасился алым. Вокруг все было красно от формы городской стражи. Чьи-то спины мелькали перед лекаркой, словно бесы хоровод водили.

— Пустите! — рявкнула Арха, безуспешно пытаюсь вырваться. — Пустите, она ещё живая!

Но её как будто никто не слышал. На миг среди круговерти алой формы лекарка увидела белое, как свежесыпавший снег, лицо Тхия. И рядом с ним Ю. Глаза грахи были почти круглыми то ли от удивления, то ли от ужаса. Но девушку снова схватили, поволокли. Арха даже ногами перебирать не успевала. И точно упала бы, не держи её кто-то за шиворот, как нашкодившего кутёнка.

Огромные, от пола до потолка, лаковые двери распахнулись навстречу как будто сами собой. Дневной свет хлынул из них белым потоком, слепя, заставляя жмуриться. В голове ведуньи мелькнула мысль, что, наверное, она увидит то же самое, когда умрёт: белый свет, а за ним Тьму.

И как будто по заказу, её персональная тьма наступила, ослепив ничуть не хуже сияния. Просто лекарку грубо, головой вперёд, зашвырнули в карету — без окон и даже без сидений. И всего с одной дверцей. Которая тут же и захлопнулась как крышка сундука.

Или гроба.

Жить нужно или с юмором. Или с психиатром.

Из наблюдений мистрис Шор

Запястья, с которых верёвки снять никто так и не удосужился, отекли и онемели — Арха их почти не чувствовала. Зато о плечах она не могла забыть ни на минуту. Боль вгрызалась даже не в мышцы, а в кости. Да ещё с таким усердием, что хотелось самой себе руки оторвать.

Ведунья потёрлась спиной о ледяные, грубые, как наждак, камни стены. Но это приносило облегчение совсем ненадолго.

Сначала девушка пыталась ходить по крохотной камере: три шага вдоль, три поперёк, а по диагонали получалось больше четырёх, но меньше пяти. Но когда за зарешеченным окошком, прорезанным под самым потолком, стемнело, а где-то снаружи зажгли магические фонари, стало так холодно, что ведунье было уже не до ходьбы. Она только и смогла, что сжаться в комок на тонком, воняющем плесенью тюфяке. Умом-то Арха понимала, что надо продолжать двигаться, но заставить себя не могла. Она не просто замёрзла — заледенела. Все, что находилось под невыносимо ноющими костями, превратилось в куски льда.

Так и просидев до рассвета, временами проваливаясь в какой-то полубред с кружащими кровавыми лужами на мраморе, красными мундирами и хохочущими демонами.

Утро облегчения не принесло, хотя и стало немного теплее. С кистями своими Арха мысленно распрощалась. Конечно, верёвки стягивали не слишком сильно, но больше чем десять часов с вывернутыми за спину руками благополучно закончиться просто не могли. Странно, но ни есть, ни пить не хотелось совершенно. И страха не было. Скорее, какое-то оупение, словно ведунья действительно превратилась в замёрзший студень. Вроде бы снаружи и корка, а внутри дрожащее желе.

Лекарке даже и в голову не пришло, что можно, наверное, кого-нибудь позвать. Или хотя бы ногой по двери треснуть, привлекая к себе внимание. Но Архе начало мерещиться, что она в этой камере не одну ночь, а уже несколько лет сидит. И сидеть так будет долго, наверное, вечность. Вполне возможно, что никакого мира за толстыми стенами и грубо сколоченной дверью уже и вовсе нет. Пропал, растворился. А, значит, и дёргаться смысла не имеет.

Поэтому скрежетнувший в замке ключ внимания ведунья не привлёк. В сторону открывшейся двери девушка и головы не повернула.

Только когда Арху подняли с тюфяка, она сообразила поднять голову и увидела над собой жёлтые и злые глаза Ирраша. Он, видимо, сам того не замечая, скалился. Но даже тогда через оупение страх к девушке так и не пробился. Лекарка просто отвернулась от ушастого.

— Арха, придётся потерпеть немножко. Потерпишь, ладно? Я знаю, ты сильная девочка...

Ведунья глянула на шавера через плечо, чтобы убедиться, что это действительно Ирраш. Тут он был, никуда не делся. Только с каким-то остервенением рвал верёвку на запястьях. Девушке показалось, что у неё начался настоящий бред. И это было совсем не смешно.

— Ирраш, а это вправду ты? — протянула лекарка и, за неимением возможности себя ущипнуть, прикусила губу.

Несмотря на то, что кожа явственно отдавала деревом, собственный укус Арха почувствовала.

— Я, я... Потерпи, сейчас больно будет.

— Не думала, что ты моё имя знаешь...

— Уж лучше бы не знал, — но даже это шавер сказал без всякой злобы.

Сначала предупреждение ушастого не оправдалось. Руки упали вдоль тела, как плети. Когда кисти хлестнули по бёдрам, стало неприятно. Но вот ниже плеч словно и не было ничего. Ирраш вдруг встал перед ведуньей на колени и начал массировать изувеченные конечности. Арха тупо следила за тем, что он делает. И так же тупо удивлялась тому, что вот эти тёмные сардельки — её пальцы.

А потом оказалась, что и на этот раз ушастый сказал правду. Стало больно, очень больно. Лекарка рванулась, пытаясь выдернуть свои руки из пальцев шавера, превратившиеся в настоящие пыточные клещи. Но ведунью он, конечно, никуда не отпустил. Только что-то сквозь зубы раздражённо прошипел. Кажется, Арха даже умоляла демона прекратить, но ушастый оказался непреклонен и всё уговаривал её потерпеть. Как будто от уговоров боль могла стать меньше!

Но все когда-нибудь заканчивается, прошло и это. Не сразу ведунья и поняла, что, оказывается, она сидит у Ирраша на коленях, а шавер нежно так пальцем вытирает у неё слезы с лица.

Кисти всё ещё ломило, но, по крайней мере, Арха их чувствовала и даже пальцами пошевелить смогла.

— Ирраш, поехали домой, а? Ну, пожалуйста... — проскулила лекарка.

Он как-то странно, судорожно вздохнул.

— Нет, маленькая. Домой пока нельзя. Тебя переводят в Сырую башню. Я действительно ничего пока сделать не могу. Это дело не в юрисдикции городской стражи.

— Какое дело? — ведунья ни слова из сказанного не поняла.

— Твоё дело, — с неведомым доселе терпением ответил шавер, — Тебя обвиняют в посягательстве на существование баронессы Нардаш.

— Каком посягательстве? — ощущение, что всё происходящее — это бред, вернулось и стало даже сильнее. — Кто такая баронесса... Как там?

— Не думай пока об этом. Завтра к тебе придёт адвокат. И я обязательно навещу. Тогда всё и обсудим.

Он, преодолев сопротивление ведуньи, заставил девушку положить голову ему на плечо. Думать, действительно, ни о чем не хотелось. От самого названия «Сырая башня» несло каким-то первобытным ужасом. В Грязных кварталах все были убеждены — оттуда выходят не для суда, а чтобы помереть на плахе. По мнению простых жителей столицы, судьи знали только один вид приговоров — смертную казнь. Зато видов этих казней в империи имелось превеликое множество.

Нет, думать об этом определённо не стоило. Поэтому мысли о сказанном шавером Арха попыталась спрятать за ворохом других, суетных, ненужных. Вот если бы...

— А Дан? Дан придёт? — встрепелась лекарка.

— Нет, девочка, Дану к тебе пока нельзя. Но ты одна не останешься, слышишь? И всё будет хорошо. Ты запомни только, что всё будет хорошо. Как бы страшно не было, постоянно

повторяй, что всё будет хорошо. Ты поняла?

Арха послушно кивнула, хотя ничего она не поняла. Только обидно стало, что её к Дану не пустят. Шавер заставил девушку встать и поднялся сам, кивнув кому-то за спиной ведуньи. Лекарка оглянулась. По бокам от неё стояли два солдата в зеленовато-болотной форме тюремщиков. И какой-то амбал в кожаном фартуке. В руках у него были кандалы.

Ведунья шарахнулась в сторону, но её твёрдо, хоть и не грубо, взяли с обеих сторон за локти. Сама не понимая, откуда накатил такой одуряющий ужас, Арха завизжала. Так громко, кажется, она не орала никогда. Но ни на кого этого особого эффекта не произвело. Жуткий бес, от которого невыносимо воняло потом и железом, шагнул к девушке, без особого труда застегнув кандалы. Они оказались не слишком тяжёлыми и изнутри подбитыми тканью. Но лекарке показалось, что они её к полу тянут.

Стражники настойчиво подталкивали упирающуюся из всех сил Арху к двери. Но силёнок, конечно, не хватало и на то, чтобы затормозить. Девушка всё пыталась обернуться к Иррашу, но даже толком его лица разглядеть не могла.

— Не отдавай меня им, пожалуйста! — уже у самых дверей завопила лекарка. — Я все сделаю! Не отдавай! Ну, пожалуйста!..

— Все будет хорошо. Ты думай о том, что все будет хорошо, — настойчиво, повысив голос и очень чётко выговаривая слова, отозвался шавер, но даже шагу в её сторону не сделал.

Архе казалось, что каменные стены вокруг неё качаются.

* * *

Дороги ведунья совсем не помнила. Да там, наверное, и запоминать нечего было. Арху опять впихнули в чёрную, ничем не украшенную, со сплошными, без окон, дверцами карету. Но в этом экипаже хоть сидения имелись. Правда неудобные и жёсткие. Впрочем, комфорт девушку интересовал меньше всего.

Оба тюремщика сели вместе с арестанткой, сжав с боков так, как будто задушить хотели. Но ведунью не столько теснота мучила, сколько оковы. Они постоянно позвякивали, сползали с запястий на кисти, царапая грубо обработанной кромкой кожу. Больше всего донимало именно унылое позвякивание. Архе казалось, что она от этого звука с ума сойдёт. Впрочем, и без кандалов сомнения в здравости её рассудка имелись.

Сколько они ехали, ведунья тоже не поняла. Недолго, наверное. Потому что тюрьма городской стражи от Сырой башни находилась совсем недалеко. Девушку почти силком выгрузили из экипажа и куда-то повели каменными коридорами, скудно освещёнными самыми натуральными, а не магическими, факелами. Перед Архой открывались бесчисленные двери, захлопываясь за спиной с тяжёлым глухим стуком. По стенам метались гротескные, словно вырвавшиеся из Тьмы, тени.

Наконец, ведунью оставили в покое, и даже кандалы сняли. То, что она осталась одна, лекарке удалось сообразить не сразу. Хотя соображала девушка вообще с запозданием.

«Ой, да соберись ты, в конце концов, размазня! — презрительно фыркнул голос разума. — Немедленно на дыбу тебя волочь никто не собирает. Во что превратилась... Смотреть противно. Тьфу на тебя!».

Лекарке показалось, что в этом рывке имеется своё рациональное зерно. Впрочем,

наверное, на то он и голос разума, чтобы говорить разумные вещи? Способность соображать не мешает в любом случае. Правда, рывкаться на саму себя обычно гораздо проще, чем начать действовать согласно собственным советам.

Чувствуя, что ещё немножко, и она просто грохнется в обморок от ужаса, невольно вжимая голову в плечи, Арха огляделась.

Сырая башня славилась на всю столицу своими казематами, которые во время приливов едва ли не на половину затапливала Черноводная. Поговаривали и о камерах, наполняющихся водой до потолка. Туда якобы сажали приговорённых к смертной казни, но нищих преступников. А поскольку бедняков всегда хватало, с помощью такого способа императорская казна наверняка существенно сэкономила на палачах.

Но ничего похожего на «стакан» Арха не увидела. Помещение оказалось таким же небольшим, как и то, в котором она предыдущую ночь провела. Зато тут имелась кровать с тюфяком и даже тоненькое, но, все-таки, одеяло. Ещё был стол, на котором стояли светильник и кувшин с водой, грубо сколоченный табурет и ощутимо воняющая бадья с крышкой. Но ни следа влаги на стенах или полу.

Ведунья не то села, не то рухнула на кровать. Очень хотелось заплакать, но слез не было. Ничего не было, кроме одуряющего, воняющего её собственным потом, страха. Оступение прошло и вместо него теперь в голове навязчиво, как прилипчивая песенка, крутилось одно и то же: «Ересь, ведовство и предумышленное убийство. Ересь, ведовство и предумышленное убийство...». И снова, и опять, и по новой. От этого припева деваться было некуда. Арха и сама не помнила, где она подцепила эту фразу. Ирраш же говорил только о покушении на жизнь. Но и отделаться от навязчивого припева не получалось.

Девушка всю ночь так и просидела, гоня в голове эту песенку.

Архитекторы, проектирующие тюрьму, окон в камерах не предусмотрели. Поэтому о наступлении утра лекарку оповестило появление тюремщицы — бесы просто невероятных размеров. Казалось, что она вся состоит из шаров: живот, на нем необъятная грудь, потом несколько подбородков и голова в грязном, заношенном чепце.

— Чего сидишь? Иль ждёшь, что я тебе жратву как ледьке какой подавать буду? — рывкнула бабища вместо приветствия.

— Извините, — пробормотала ведунья, невольно отодвигаясь в угол кровати, — я тут не знаю ничего...

— Первый раз, чёй? — чуть смягчилась жуткая баба. — Я и гляжу, сидишь, что твой мокрый котёнок. Ну, чегось глазищами сверкаешь? Слышь сюды. Вот тебе миска, вот черпало. Я прихожу, ты мне их даёшь, я в их жратву кидаю. Мой сама, коли охота. Тебе на дён кувшин воды положен. Этоть, значит, для мытья и питья, боле не дам. В вечеру я тебя отведу, бадейку гадительную свою сама вымоешь. А что сверх того надоть — плати.

— У меня денег нет, — ещё больше растерялась Арха, для уверенности проведя по поясу.

Естественно, никакого кошелька там не было. Хотя в академии он, кажется, ещё висел, для надёжности пристёгнутый цепочкой. Когда и куда кошелек подевался, ведунья понятия не имела.

— Че, попёрли? — протянула беса даже, кажется, с сочувствием и постучала себя грязным пальцем по лбу. — Так ты головой думай, а не задницей. В следующий-то раз за титьки кошель сувай. Они, вона, у тебя немалые. Чай схоронишь. Но коли ничаво нет, тады и ничаво не будет. Правда, я слыхала, как старшой сказал, что к тебе сигодни адвокат придёт.

Вели ему деньгав принести. За монетку-другую я и приберусь, и жратвы получшее принесу, и одёжу постираю. Поняла, чей, блаженная? Да приберись! А то сидишь неумыта-нечесана, что твоя шляха.

— Так у меня и расчёски нет, — пожалала плечами Арха.

— Вот ведь бестолочь-то, прости меня Тьма. На, и помню про доброту-то тетки Нарры.

Баба, порывшись в своих шарах, выудила не слишком чистый, потемневший от времени деревянный гребень и швырнула его на колени лекарки.

— И воды с мыльцем я щаса тебе припру. Чай с защитником-то твой полубовник явится? А ты тут сидишь, чучело чучелом. Он такой-то и помогать не всочет, хоть ты его как ублажай, — беса хохотнула, колыхнув всеми своими шарами и вдруг насупилась, погрозив пальцем. — Тока ты девка знай! С энтим у нас строго. В камерах никаких игришь мне не учинять! Я разврата не люблю. Поняла, что ли?

— Спасибо большое, мистрис Нарра, — отозвалась ведунья, для надёжности ещё и покивав головой.

За подарок она и впрямь тюремщице была благодарна.

— Ишь, ученая! — смягчилась беса. — Жри давай.

Арха болтала ложкой в вареве, которое не становилось аппетитнее, не смотря на то, что девушка почти двое суток ничего не ела. Невольно вспомнилась оленина и солёный сыр, от которого она нос воротила. Правильно говорят, что все познаётся в сравнении. Если бы знать заранее, что тебе Тьма приготовит...

«Это ты о чем сейчас, милочка? — съехидничал внутренний голос. — Мало тебя, что ли, предупреждали? Тот же Ирраш и, даже, Шай рывкал. И всё некоторым казалось, что ничего подобного с ней случиться не может! Допрыгалась со своим: „Я помогаю просто потому, что могу! Сиди теперь, святоша!“».

Ведунья тяжело вздохнула, мешая баланду. Собственно, девушка так до конца и не осознала, что с ней действительно произошло. Не оставляло Арху ощущение, будто она с минуты на минуту проснётся.

* * *

К вошедшему Иррашу лекарка кинулась так, как будто для неё шавер — самое дорогое, а местами даже родное, существо в мире. Впрочем, в тот момент, наверное, это действительно можно было считать за правду.

Странно, но ушастый ведунью не оттолкнул, не зарычал. А приобнял за плечи, отвёл обратно к кровати, усадил, но руки не убрал. Арха свернулась калачиком у него подмышкой, стараясь быть как можно компактнее. Ей казалось, что Ирраш — единственный реальный в этом затянувшемся кошмаре. Хотя, пожалуй, доброго шавера могло придумать только воспалённое воображение лекарки.

Однако он сидел с ней рядом — твёрдый, тёплый и какой-то очень надёжный.

Ирраш сунул в руки девушки листок бумаги, сложенный вчетверо.

— Потом прочитаешь, — велел он. — Познакомься, это метр Ллорэ, твой адвокат. Лучший в столице.

Арха подняла голову, глядя из-под руки ушастого на беса, деловито устраивающегося на табурете и раскладывающего перед собой какие-то бумаги. Адвокат оказался худым, если не

сказать тощим, и очень длинным. Вся его фигура живо напоминала ведунье до невозможности серьёзного и делового палочника^[8].

Бес сурово глянул на лекарку поверх круглых, без оправы, очков. И кивнул абсолютно лысой, смахивающей на яйцо, головой.

— Это очень хорошо. Я бы даже сказал, великолепно, — удовлетворённо констатировал он, сдвинув свои очки на самый кончик костистого носа.

— Что именно вас так восхитило, метр? — включив лорда на полную катушку, поинтересовался Ирраш.

— Хороша собой, молода и невинна. Будет легче убедить судей в её невиновности, так сказать, — деловито ответил адвокат так, словно никакой Архи тут и не присутствовало, — Точнее, в частичной невиновности. Подробности мы уже обсудили с лордом Харратом и лордом Карро. Теперь, я считаю, самое время набросать нашей подзащитной, так сказать, картину в целом. Вы знаете, мистрис, в чем вас обвиняют?

Лекарка кивнула, а потом помотала головой. Где-то на задворках сознания гнусавый голос опять затянул: «Ересь, ведовство и предумышленное убийство».

— Ну-с, посмотрим, — бес поправил очки, водрузив их на переносицу. — Итак, предварительное обвинение, которое собирается выдвинуть прокурор, включает в себя следующие пункты: почитание Жизни, еретические высказывания и действия, принесение жертв лже-Богине, ведовство, чаровство, нанесения вреда тем, кто считался её пациентами, так сказать... Тут всего четыре имени, но, думаю, будет больше. Соблазнение, разврат, склонение к греху...

— Которому? — перебил адвоката Ирраш.

— Не уточнено, — бес снова заглянул в свои бумаги, зашуршав ими, как опавшими листьями. — Попытка навести порчу на студентов и, собственно, посягательство на существовании баронессы Нардаш.

— Кого? — пискнула Арха.

Конечно, все обвинения были абсурдны. Но вот в том, что ведунья в жизни ни на кого не посягала и даже не собиралась, она была уверена полностью.

— Некой мистрис Сарой Нардаш, младшей дочери лорда Нардаша, — снова сверившись с записями, пояснил бес.

— А кто это?

Лекарка честно перерыла свою память до дна. Но ничего полезного в ней не обнаружила. Ни про невинную жертву, ни про её отца Арха ничего не знала, да и само имя слышала впервые.

— Девушка, которая позавчера упала с лестницы в университете.

— Но... — ведунья даже не сразу и сообразила, что на это сказать, — Я не покушалась! Я ей помочь хотела!

Конечно, в том, что её сцапали именно за использование кристалла на глазах изумлённой публики, ведунья несколько не сомневалась. Но вот то, что Архе в вину поставят попытку помочь — было неожиданностью.

— А вот об этом забудьте, мистрис, раз и навсегда, — бес решительно развернулся на табурете, сев лицом к лекарке. — Именно вы покушались и именно, так сказать, предумышленно. Послушайте меня внимательно. Все, кроме этого посягательства, попадает под юрисдикцию инквизиции. И у них судебный процесс проходит по своим, так сказать, правилам. Там вам ни на снисхождение, ни на, тем более, помилование рассчитывать

ничего. Сожгут.

Арха сухо всхлипнула, чувствуя, как мгновенно заledenели ладони. Ирраш обнял девушку сильнее, прижимая к себе.

— Но! — продолжал бес. — Уголовные преступления имеют приоритет над духовными. И нам, прежде всего, нужно, чтобы вас судил мирской суд. Тут есть шанс выйти, так сказать, подмоченными, но целыми.

— Но ведь покушение — это почти убийство... — просипела ведунья.

— Убийство убийству рознь, — отозвался Ирраш. — Ты её попыталась убить из ревности, в состоянии аффекта. Мистрис призналась тебе, что спала с твоим парнем. Ты девицу толкнула, и она упала с лестницы.

— Вот именно, — бес сунул в рот обе дужки очков и из-за этого говорил невнятно. — После приговора мы вас освидетельствуем как душевнобольную, помешавшуюся на романтической почве. И лорд Харрат возьмёт вас на поруки, так сказать, проявляя милосердие и участие в судьбе.

— Арха, лучше быть сумасшедшей, чем мёртвой, — жёстко напомнил Ирраш.

— Да я и не спорю. Честно, я сделаю все, как вы скажете, — ведунья заглянула шаверу в лицо, пытаясь быть как можно более убедительной. Она и вправду была готова на все. Лишь бы демоны её не бросили. — Но как же... кристалл?

— А кристалл вы, дорогая, купили у какой-то бабки, считая, что с помощью его сможете приворожить некоего, всем нам известного, так сказать, лорда. И у вас получилось.

Лекарка шумно выдохнула. Втягивать во всё это Дана ей хотелось меньше всего.

— Цепочка, — коротко напомнил Ирраш.

Ведунья невольно схватилась за шею, но там, конечно, никакой цепочки не оказалось. Девушка вообще не помнила, куда и когда подевался кристалл вместе с украшением. Просто Арха так привыкла к ним, что они казались неотторжимой частью её самой, как рука, например.

— Но! Поскольку, Истинные успешно сопротивляются ведовству, то роман с лордом Харратом был недолгим. И вы решили повторно использовать кристалл на вашем, так сказать, возлюбленном из университета, — деловито пояснил адвокат. — А когда вы склонились над пострадавшей, то амулет просто соскользнул у вас с шеи.

По мнению Архи, всё это было чистейшей воды бредом. Кристалл Жизни просто нереально спутать ни с каким любовным амулетом, даже если бы такой в природе и существовал. И любовные чары, как и любые другие, на Истинных навести было невозможно в принципе, на то они и дети Тьмы. Это если не упоминать о том, что чары — это сказки. И соскользнувший амулет, даже не учитывая того, что ведунья его потерять априори не могла, просто упал бы на пол, а не висел в воздухе.

Но, наверное, эти двое знали, что делать. Поэтому Арха только кивнула.

— А кто мой возлюбленный? Тот, который из студентов?

— Шхар, — ответил Ирраш. — Он всё подтвердит.

А вот это лекарке не понравилось. Гораздо больше, чем вся бредовая история с амулетом. Но девушка и сама не могла понять, что именно её насторожило. Скорее всего, это была банальная антипатия к молодому шаверу.

Адвокат мучил её долго. Приходила тюремщица, ворча, что всем заключённым полагается обедать в одно и то же время. И тут не кабак, чтобы кому-то отдельно подавать. Но Ирраш сунул ей в заскорузлую ладонь несколько монет и беса, повеселев, отбыла восвояси. А адвокат, который Архе уже больше палача напоминал, остался.

Как пояснил шавер, Дану удалось почти невозможное. Видимо, хаш-эд за сутки умудрился Тьму со Светом свести. Но предварительные слушанья были назначены уже на завтра. Это можно было смело считать невероятной удачей. Некоторые заключённые суда и по году ждали.

Поэтому бес заставлял ведунью отвечать на вопросы, которые мог задать прокурор, снова и снова. Сначала так, а потом эдак и, следом, наоборот, в другом порядке да другими словами. И вновь по кругу. В конце концов, лекарка выдавала ответы абсолютно машинально, не слишком и понимая, что она такое говорит. Но адвоката такой результат удовлетворил.

Правда, и этим дело не закончилось. Вызванной тюремщице вручили довольно увесистый кошель и сто тысяч наставлений о том, какое платье Архе следует купить, как её причесать и какую ленточку в волосы вплести. Наверное, бес действительно был просто дотошным профессионалом, а все эти мелочи имели важную роль. Но ведунья твёрдо решила, что адвокат у неё абсолютно чокнутый.

Ужин тюремщица приволокла вполне приличный, скорее всего, приобретённый в ближайшем трактире. И даже по собственной инициативе вынесла «гадительную» бадью. Напоследок пожелав Архе «сладких снов» и назвав её «доченькой».

Но от этой внезапно проснувшейся любви лекарка едва не визжала. Для того чтобы оставаться милой, вежливой и благодарной, приходилось прикладывать поистине титанические усилия. Больше всего на свете девушке хотелось остаться одной. Листок бумаги, переданный Иррашем и спрятанный под тощую подушку, притягивал как магнит. Желание прочитать, что там написано, с каждой прошедшей минутой становилось всё более болезненно-острым.

Но, наконец, её оставили в покое. Арха с ногами забралась на кровать, подвинув принесённую бесой свечу к краю стола, и развернула листок у себя на коленях. Она никогда не видела ни буквы, написанной Даном. Но и секунды не сомневалось, что письмо именно от хаш-эда. У него и должен быть такой почерк: резкий, твёрдый, чуть угловатый, без всяких завитушек.

«Наверное, мне сразу стоит попросить прощения за это письмо. Просто никогда раньше я никаких посланий ни девушкам, ни женщинам, ни даже старушкам и девочкам не составлял. Помнится, когда-то меня чему-то подобному учили, но с тех пор слишком много времени прошло. Так что, я прошу оценить мои усилия и мой подвиг во имя Прекрасной Топазовой Дамы. Это был намёк на твои глаза, если я выразился не слишком понятно. Но мы уже выяснили, что с аллегориями у меня туго. Так что не казни за корявость слога».

Арха опустила лист, уставившись в стену. Сердце у неё билось так, как будто собиралось продолбить дыру в рёбрах. А ещё так и тянуло разулыбаться во весь рот. Как Дан это письмо писал, она представляла очень ярко, как будто сама это видела.

Вот, рогатый сидит, сгорбившись над столом и опираясь на локоть. Левая рука, конечно, запущена всей пятерней в шевелюру. Время от времени он страдальчески морщится, подбирая слова. Может, даже перо раздражённо швыряет и комкает ни в чем неповинную бумагу.

Да, пожалуй, стоило признать, что это письмо досталось ему куда мучительнее, чем создание цепочки.

Арха погладила листок, как будто она живой была. И растянулась на кровати, перевернувшись на живот и подперев письмо подушкой.

«Кстати, скажу по величайшему секрету, меня ещё учили и стихи слагать. Но, надеюсь, ты будешь милосердной и такой жертвы не потребуешь. Но достаточно одного твоего слова — я попробую одолеть и эту вершину. Только если твоя душа потребует моих стихов, умоляю, закажи сразу серенаду, ладно? Тогда в качестве аккомпаниатора я захвачу Ирраша (он, между прочим, недурно когда-то играл на клавесине^[9]). Не в одиночестве же мне страдать!»

Ведунья уткнулась в одеяло, не в силах справиться с несколько неуместным хихиканьем. Но уж слишком реалистично она представляла, как на тюремном дворе появляются Ирраш с Даном, волоча на себе клавесин. И шавера, с вдохновлённым лицом, освещённым лунным светом, исполняющего что-то до невозможности романтическое. Картина, стоящая того, чтобы её увидеть!

«Сейчас я жалею только об одном. Точнее, о многом. Но все это сожаление можно вместить в одну фразу: „Я — идиот!“. Потерять почти полгода, шесть месяцев без тебя — это расточительство, которое нельзя оправдать ничем. Знаю, что у нас ещё много времени впереди. Но каждая минута, которую я мог бы провести с тобой, но не сделал этого, верх глупости.

Я жалею, что не сказал тебе раньше, как ты мне нужна. И чего мне стоит быть без тебя. И ещё раз готов признать, что я полный дурак. Прятался за своей гордыней, как за забором, боясь признаться, насколько ты для меня важна. Прости, маленькая моя.

И не думай ни о чем плохом. Просто не смей подпускать к себе всякую дрянь! Знаю, что тебе плохо и страшно. Но ты выбрала меня. А я всегда добиваюсь того, чего хочу. Возможностей убедиться в этом у тебя имелось немало. Сейчас же у меня только одно желание. Ты должна, обязана быть со мной рядом, всегда. Так оно и будет».

И ничего больше, даже подписи.

Арха прижала к себе листок обеими ладонями, словно это была его рука. И, действительно, у неё было ощущение, что демон только что сидел рядом. Будто девушка не читала его слова, а слышала, как он говорит тихо, шепчет на ухо.

Странно, но мир перестал казаться бредовым сном, став устойчивым и вполне реальным. Правда, и страх ощущался острее, материализовался, превратившись в тяжёлый холодный булыжник, ворочающийся где-то за грудиной. Но теперь ведунья могла отодвинуть его в сторону. Он оставался с ней, но ужас больше не переполнял реальность до краёв. Теперь было место и сознанию, и способности мыслить связно. И, как ни странно, счастью.

Девушка свернула лист, легла, сунув бумагу под щеку. Свечу гасить не стала, оставляя её догорать. Но глаза закрыла. Она забыла, что может чувствовать Дана — страх даже это заставил забыть. Но теперь хаш-эд вернулся. Тёплая красноватая искра где-то в темноте. Как костёр, горящий далеко, очень далеко. Но до него нужно просто дойти.

Глава девятнадцатая

Если тебе не везёт в жизни, главное, не волноваться. Ты же не бессмертный.

Из наблюдений неизвестного палача

Адвокат в очередной раз недовольно покосился на свою подзащитную. Арха устыдилась и села ровно, чинно сложив руки на коленях. Но хватило её всего на пару минут. И дело не только в каменной скамье с вытертой задами бесчисленных подсудимых выемкой посередине и оттого похожей на стульчак.

Ёрзать и вертеться ведунью зрители заставляли. Зал суда был полон так, что всем страждущим зрелищ лавок не хватило. И многим приходилось сидеть на ступенях амфитеатра, а то и просто подпирать стены. Собственно, такая популярность именно этого судебного процесса была вполне понятна. Любовные драмы народ любил всегда. А тут тебе и знатный лорд, и студент, и коварная соблазнительница, да ещё и невинная жертва в финале! Измены, ревность, страсти — полный набор.

Понятно, на Арху все присутствующие пялились. Некоторые даже не стеснялись в неё пальцем тыкать. И уж никого, конечно, не смущало обсуждение личности, внешности, биографии и достоинств подсудимой вслух. К невероятному счастью лекарки, голоса зрителей слились в гул, как будто в зал выпустили рой пчёл. Поэтому отдельных комментариев разобрать было невозможно.

Но всеобщее внимание заставляло нервничать. Спина девушки сгибалась сама собой, сворачивая тело в комок. И голова по собственной воле пригибалась к коленям. А пальцы так и норовили сцепиться в замок, да ещё и суставами хрустели. Сама же Арха хотела выглядеть спокойной и полной внутреннего достоинства. Вот и приходилось поминутно выпрямлять позвоночник, задирает подбородок и благонаравно складывать руки.

В итоге ведунья дёргалась и егзила, как будто под попой у неё не каменная скамья была, а корзинка с гвоздями.

— Ну, долго они там? — не выдержала лекарка.

— Иногда судьи и по нескольку дней заседают. Совещаются, так сказать, — невозмутимо отозвался адвокат.

Вот беса, затутого в узкий серый сюртук и от того как никогда напоминающего высушенного насекомого, ничто не нервировало. Он спокойно перебирал свои бумажки. И единственное, что защитнику не нравилось — это недостойное поведение девушки.

— Но ведь они просто решают, в чем я виновата, а в чем нет, да?

— Если вы перефразируете вопрос ещё десять раз, мой ответ от этого не изменится, — нудно отозвался «палочник». — Да, сейчас определяется, какие из обвинений, выдвинутые прокурором, будут рассматриваться судьями.

— Почему же тогда так долго-то... — протянула лекарка, старательно отводя глаза от зала.

— Это ещё не долго, — успокоил её бес. — Вот если до вечера тут просидим, тогда будет долго.

Ведунья судорожно вздохнула и опять сцепила пальцы. Не смотря на все заверения

адвоката и внушения Ирраша, нервы Архи не просто в струны вытянулись, но и узлом завязались. А это ещё её саму не допрашивали. Но лекарке вполне хватило и наблюдения за допросами Дана и Шхара. Почему судьи решили сегодня вызывать именно их, осталось загадкой даже для прокурора, который пытался протестовать. Правда, без особого проку.

Впрочем, по утверждению того же адвоката, дела сложились в её — Архи — пользу. Скорее всего, бес был прав. Но вот спокойствия это не добавляло.

Лекарка едва истерику не закатила, глядя на то, как Дан на вопросы отвечает. Хаш-эд «давал лорда» на полную катушку и в сторону ведуньи ни разу даже не посмотрел. Ирраш — тот, зимний, времён их знакомства — мог быть доволен. Если судить по сказанному Его лордством на суде, то все подозрения ушастого подтвердились. Да что там! Шавер и сам, наверное, не подозревал, насколько Арха расчётливая стерва и интриганка.

Ну, а когда судьи лорда Харрата отпустили, Дан ушёл, ни разу на девушку даже и не посмотрев. Ирраш предупреждал ведунью, что так оно и будет. Но у сердца, в отличие от мозгов, имелся свой взгляд на вещи. Оно провалилось куда-то за ребра и там сжалось в комок, тихо поскуливая.

Шхар же наоборот от ведуньи глаз не отводил. Взгляд его буквально пылал страстью и обожанием. Он даже признался, что сам во всем виноват и изъявил готовность понести любое наказание. Лекарку он выгораживал с таким пылом, что сама девушка едва ему не поверила. Она никогда бы не подумала, что в шавере может скрываться актёрский талант. Ей ушастые всегда казались прямыми, как палки.

Арху только царапнуло, что Шхар, описывая свои чувства, слишком часто употреблял слова «безумный», «сумасшедший», «околдованный», «как заговорённый» и тому подобное. Нет, конечно, во внезапно возникшей «бешеной страсти» ничего плохого не было. Наверное. Только вот судьи на это реагировали странно. По всей видимости, они не являлись поклонниками сильных эпитетов.

— Встать, суд идёт! — писклявым, но преисполненным чувства важности возложенной на него миссии, голосом пропищал секретарь, до этого момента спокойно посапывающий за своим столом.

Арха вскочила на ноги едва ли не первой. Правда, её прыть судей не вдохновила. Четверо заседателей в одинаковых мантиях и париках, которые делали их неотличимыми друг от друга, ещё добрых пять минут устраивались за своим столом, как курицы на насесте. При этом ещё и переговариваясь между собой, словно за два часа совещания наговориться не успели.

Наконец тот, что сидел слева, важно постучал молотком по столу, призывая к тишине. На зрителей это особого впечатления не произвело, но гул стал потише. Судья грозно обвёл орлиным взором зал. Но, видимо, поняв, что большего ему добиться не удастся, начал нудно зачитывать с листа.

Арха его слышала с провалами, словно слух ведуньи временами отключался. А, может, это перегруженный мозг воспринимал только куски сказанного. «Суд... предварительно рассмотрев... мистрис Арха аруш Каррен... учтя показание свидетелей... обратив внимание на показания, данные лордом Шхаром самэр Нашкас арш Карро... приняв во внимание справку, данную экспертом от инквизиции... Постановил передать дело подсудимой на рассмотрение в отдел расследований еретической греховности».

А вот последнее предложение прогрохотало, как набат. И, наверное, этот гонг и обрушил потолок. По крайней мере, ведунье казалось, что на неё упала каменная балка. Или

само небо? Арха и не поняла, как снова оказалась на скамье. Она шарила взглядом по взорвавшемуся звуками залу, но не могла ни на чем остановиться. В голове по-прежнему гудел гонг.

— Сторону обвинения не ознакомили со справкой эксперта! — голосил, размахивая пачкой бумаг адвокат.

Но его голос тонул в гуле, как в трясине.

— Неправильно! Её не должны передавать инквизиции! — орал Шхар, почему-то балансирующий на спинке лавки свидетелей. — Она обещала!

Но и его вопль засосало.

Мимо ведуньи метнулась тень. Кажется, это был Ирраш. Наверное, он. Кто ещё в зале мог носить ярко-алый мундир с золотыми эполетами? Но и шавер куда-то канул.

В ушах лекарки продолжало монотонно, на одной бесконечно тянущейся ноте, гудеть.

* * *

Второй суд так и не состоялся.

Арху просто ещё раз перевезли — уже в новую тюрьму. Впрочем, она совершенно ничем не отличалась от старой. Разве что здесь вместо добродушной бесы-тюремщицы за ней приглядывала монашка, не сказавшая за две недели ни слова. Вообще ни одного. Она не отвечала на вопросы, не реагировала на оскорбления. Мольбы и рыдания она тоже игнорировала, весьма ловко выдёргивала свой подол из скрюченных пальцев и бесшумно исчезала за дверью.

Да, до слез, буханья на колени и истеричного валяния по полу ведунья тоже, в конце концов, дошла. Тишина, молчание, четыре стены, отсутствие Ирраша и адвоката, невозможность чувствовать Дана — все это и по отдельности способно свести с ума. А уж вместе...

Хаш-эда она больше не ощущала, никак. Как только за ней захлопнулась дверь камеры — словно отрезало. Умом Арха понимала, что сработала инквизиторская защита: амулет, заклинание, а то и вовсе завеса от самой Тьмы. Говорили, что в арсенале «следователей еретической греховности» и не такие штуки имелись. Но то умом.

Лекарка не помнила, когда и без того слабый голосок здравого смысла умолк совсем. Но сначала постучалось вроде робкое, но настойчивое беспокойство. А вдруг с Даном что-то случилось? Вдруг его тоже арестовали? Или он вообще погиб на дуэли, например?

Буквально с каждым часом — не пережитым, а просто прожитым, перетерпленным — мыслей оставалось все меньше, а беспокойства все больше. Оно расплзалось медленно, словно чернильная лужа. И будто смывало на своём пути все чувства и эмоции. Следом за ним пришли догадка, а потом и уверенность, что демоны ведунью просто бросили-таки.

Вот тогда-то и наступила апатия, скрутившая не хуже смирительной рубашки. Накрывшая с головой тяжёлой, душной периной равнодушия. С постели Арха слезала только для посещения бадьи. Да и то терпела до последнего. А потом снова лежать, таращась в каменный потолок. И считать секунды, падающие на мозг тяжёлой, тягучей капелью: кап!.. пауза... кап!.. пауза... ка-ап.

А потом все изменилось — резко и мгновенно. Скрежет засовов и скрип открываемой двери ведунья давно не слышала. Не слышала — и все. Не интересно ей было это слышать.

Зато камера, внезапно даже не заполнившаяся, а переполнившаяся фигурами в черных рясах с закрытыми капюшонами лицами, заставила любопытство шевельнуться. Ровно настолько, чтобы приподняться на локте.

Рясы раздвинулись, и вперёд вышел осанистый, переполненный собственным достоинством господин. На жирных плечах его болталась алая мантия, отороченная побитым молью и изрядно засаленным беличьим мехом. «Обвинитель...» — протащила в голове вялая догадка. И Арха улеглась обратно, уставившись в потолок.

Бес важно откашлялся и затянул гнусавым, в нос, голосом: «Отдел расследований еретической греховности, рассмотрев дело мистрис Аруш Каррен, плод незарегистрированной, а оттого незаконной связи шавера и человека, постановил, что обвинения, вынесенные обвинителем, а, конкретно...»

Арха терпеливо дослушала всю ахиною, пропетую на одном дыхании и почти без пауз, до конца.

— У вас проблемы с миндалинами. От того и частые простуды. Советую вам беречься от сквозняков и держать ноги в тепле, — помолчав и убедившись, что господин закончил, глубокомысленно сообщила потолку ведунья.

Обвинитель снова откашлялся. Неловко свернул пергамент, украшенный целой гроздью печатей. Потом снова приоткрыл его, как будто надеясь, что там окажется подсказка, что бы такое ему сказать. Видимо, подсказки не нашлось.

— Вы поняли смысл только что зачитанного мною? — поинтересовался толстячок осторожно.

Видимо, бес опасался, что Арха сошла-таки с ума. Наверное, в казематах инквизиции подобных заключённых было немало. И проблем они доставляли изрядно — возись с душевно больными-то.

Ведунья обвинителю сочувствовала. Почти. Но всё же кивнула.

— Вы точно уяснили суть обвинения и вынесенного приговора? — уточнил бес.

— Да. Меня признали виновной в еретичестве. И завтра в полдень сожгут на площади Справедливости, — по-прежнему обращаясь к потолку, отозвалась лекарка.

Обвинитель опять конфузливо откашлялся, переступив с ноги на ногу.

— Просьбы, пожелания, прощения с вашей стороны последуют?

— Передайте судьям, что я благодарна. Серьёзно, спасибо, что обошлись без пыток. Да и приговор мягкий. А то я боли очень боюсь, — призналась девушка.

— Э-э-э... Это всё? — уточнил бес.

Отвечать Арха не стала. Смысла не видела.

Когда камера опустела, она тоже не заметила. Впрочем, её это не слишком и волновало. Для лекарки гораздо важнее было минуты считать: кап!.. кап!.. ка-ап...

В следующий раз ведунью побеспокоили, когда капель набралось немало — целый прудик. Может, и озеро. На этот раз её посетителями оказались две монашки, но не в черных, а красных рясах и в красных же ушастых чепцах, туго перетянутых под подбородками. Правда, разговорчивостью и они не отличались.

Молча подняли лекарку с постели, вытряхнули из платья и грязной нижней рубашки. Деловито обтёрли влажными губками и расчесали волосы, заплетя косу. Это Архе даже понравилось, хотя она и ощущала себя куклой. Зато кожа словно дышать начала. Даже внутренности стали не такими тяжёлыми — не бульжники, а всего лишь пласты слежавшегося льда.

А вот длинная, до пят, рубаха из грубого, сероватого льна не понравилась вовсе. Она жутко кололась, и тело немедленно начало чесаться. Так она и пошла, почёсываясь, словно завшивевшая нищенка. Ступать босыми ногами по ледяным камням было тоже не слишком приятно. Но, с другой стороны, угроза простуды для Архи актуальной не казалась.

За дверью лекарку ждали четверо стражников. Все так же, не говоря ни слова, охрана окружила девушку: два беса впереди, монашки в красном по бокам, и двое солдат за спиной. Таким порядком и двинулись по тёмному коридору с низким, сводчатым потолком. Ведунья не протестовала. Под давящей тяжестью апатии девушке было хорошо и уютно.

Поплутав по переходам, разделённым толстыми основательными решётками, процессия выбралась во дворик. И тут, как не странно, новоиспечённую еретичку уже ждали. Два отряда стражи — пешие и конные. По мнению лекарки, их было многовато. Сразу даже и не поймёшь, сколько именно.

А ещё, посередине крохотного, свободного от солдат пяточка, стояла деревянная клетка на двух здоровых, едва ли не в рост девушки, колёсах. И маленький мышастый ослик, впряжённый в оглобли. Уши животины поникли так грустно, что Архе его жалко стало. Действительно, потягай такую-то тяжесть.

Стражник подтолкнул ведунью в спину — не грубо, но настойчиво. И даже галантно помог забраться в клетку. И все это в той же проклятой Тьмой тишине, которая ведунье начала надоедать, как комар, звенящий над ухом. Ведь даже уздечка не звякнет, лошадь не всхрапнёт, хотя их тут не меньше десятка стояло.

Монах — или это, все же, была монахиня? Лекарка со спины не разглядела — потянул ослика за верёвку. Тележка неровно, подпрыгивая на булыжниках, тронулась. Арха покачнулась, едва не упав. Пришлось цепляться за плохо оструганные, занозистые прутья.

Ворота, покрытые ржавыми потёками настолько, будто они тут со времени сотворения мира стояли, с натугой открылись.

И тишина кончилась.

* * *

Народ по обеим сторонам дороги стоял так плотно, что за ними не только мостовой — стен домов было не видно. И все это море голов колыхалось, будто вода под ветром. Цепочкам бесов в форме городской стражи, едва сил хватало удерживать эту бурлящую, лезущую, как тесто из бадьи, массу. А порой и не хватало этих самых сил. Тогда ряд сцепленных между собой алебардами стражников прогибался. Солдаты едва не падали. Но каким-то чудом им удавалось снова встать ровно. И ущелье дороги, прямое, стиснутое высокими стенами зданий с обеих сторон, затопленное по бокам живым прибоем, оставалось пустым до самого перекрёстка далеко-далеко впереди.

Арха замерла, как кролик перед змеей. Нет, ошарашило её не количество народа, пришедшего поглазеть на ведунью. Дикий шум, резко сменивший давящую тишину, ударил по сознанию словно дубиной. Гомон голосов сливался в ровный, оглушающий гул. Над которым взлетали отдельные, животные взвизги. От этого гвалта резонировало под черепом, болью отдаваясь в ушах.

В прутья клетки, прямо перед лицом лекарки, с мерзким чавком ударило тёмное. Арха отшатнулась, не сразу сообразив, что это всего лишь половинка гнилого капустного кочана.

Ведунья переступила босыми ногами по занозистому полу, который проваливался под ней, как трясина лишь для видимости прикрытая мхом. Мир качался, как будто плывя на гребне шума. Крыши домов то сходились, оставляя между собой щель неба шириной с волосок, то разваливались в разные стороны.

Взгляд зацепился за фигурку, шмыгнувшую под алебардами стражников. Почему-то она показалась Архе мышонком, проворно спешащим вдоль кухонной стены. А, может, это солдат, рванувший следом, напоминал кота? Но мыш он так и не сцапал — слишком шустрой жертва оказалась. И погнаться за ней он не мог, не рискнул цепь разорвать...

Ведунья шарахнулась, больно ударившись лопатками о решётку, когда толпу от неё закрыло белое и плоское, как блин лицо с раззявленным провалом чёрного рта. Кажется, это ямина шевелилась, выплёвывая слова. Но звук, перекрываемый рёвом толпы, нарастал мучительно медленно. Архе пришлось напрячься, чтобы разобрать: «Тетя Арха, я Ируш! Ируш я! Помните меня или обратно забыли? Тётя Арха!...».

— Я помню... — застывшие до деревяности губы шевелились неохотно.

И самой лекарке казалось, что голос свой она слышит как будто со стороны.

— Ну, наконец-то! — девчонка улыбнулась, демонстрируя дырку вместо передних зубов. — Тётя Арха, Дан! Дана помните? Ну, того, с рогами который...

Но дальше девушка бесёнка не слышала. Впрочем, как и рёва толпы. Её как будто выдернули из собственного тела — грубо и жёстко. Так, что голова закружилась. И Арха очутилась в каменных переходах. Сначала девушке показалось, что она вернулась в тюрьму. Но взгляд цеплялся за детали: магические светильники в тонких плафонах, отполированный до полной гладкости пол, ровные стены...

А перед ней, близко-близко, словно она у демона на плечах весела, была спина Дана.

— Слава Тьме! — выдохнул лорд, оборачиваясь к ней через плечо. — Я думал, никогда не достучусь. Побудь пока со мной, маленькая, ладно? Конечно, не видеть бы тебе этого дерь... Но лучше побудь со мной.

— Дан, я...

Арха растерянно огляделась. Стены коридора не были материальными. За ними, как за мутным стеклом, виднелась все та же улица, цепочка стражников и толпы народа. И гул слышался, но совсем отдалённо, приглушённо. Как будто во сне, когда одна картинка накладывается на другую. Но стоило ведунье обернуться, как улица начала наплывать, становясь все плотнее, реальнее.

— Оставайся со мной, слышишь, котёнок, просто оставайся со мной! — мягко, но настойчиво потребовал Дан. — Возьми меня за плечо и держись. Не надо тебе там быть.

— Но я там...

— Там только тело, а ты со мной. Тут и оставайся. Сейчас мы разберёмся, и все закончится, обещаю. Всё уже закончилось. Немножко потерпеть осталось.

Только тут Арха заметила, что Дан, вообще-то, двигается — идёт куда-то. А она висит у него за плечом бестелесным призраком. Ведунья даже руки своей не видела. Хотя чувствовала ладонью и лёгкое покалывание бархата камзола, и твёрдые до каменности мышцы под ним. Наплевав на все объяснения скопом, лекарка просто ткнулась лбом в это самое плечо. Лишь бы не видеть ни полупрозрачных стен, ни улицы за ними. Гвалт толпы стал ещё тише.

— Вот так, умница. Извиниться бы стоило, за то, что я позволил всему этому так далеко зайти. Просто Шхара прятали слишком хорошо. Ирраш его только сегодня ночью нашёл и...

В общем, не извиняться надо, а все исправлять. И мы исправим, клянусь. Потерпи.

— Я терплю, — заверила ведунья, сухо всхлипнув. — Я честно терплю. А ты меня, правда, не бросишь?

— Даже думать об этом не смей, поняла? — рявкнул демон.

Мышцы его задрожали, начали набухать, как будто их воздухом накачивали.

— Дан, кончай шавериться! Рогами потолок прошибёшь!

Арха обернулась. Голос Шая был куда веселее, чем его собственная физиономия. Впрочем, у всех четверых демонов, вышагивающих следом за хаш-эдом, выражение лиц можно было назвать каким угодно, но только не весёлым. Вздумай кто назначить приз за самую мрачную и угрожающую мину — и с выбором победителя у него возникли бы серьёзные сложности.

Впрочем, пальма первенства по заслугам могла принадлежать Иррашу. Физиономию шавера стянуло, верхняя губа морщилась, демонстрируя полный набор зубов. Кажется, он даже рычал. Впрочем, рот Тхия тоже был приоткрыт. Вытянувшиеся клыки внутрь уже не помещались — не сразу и поверишь, что арифеды ими не пользовались. А вот глаза Адина из лазоревых превратились в ярко-вишнёвые — без белка и зрачка, сплошная краснота. Да и Шай, наверное, сам того не замечая, то и дело облизывал губы раздвоенным языком. А когти на его пальцах, сжатых на рукояти короткого меча, то втягивались в подушечки, как у кота, то высовывались на всю свою немалую длину.

«Шаверился» тут явно не один Дан.

Пожалуй, Архе стоило бы испугаться. Вот только в данный момент демоны пугали её меньше всего.

Рогатый остановился перед низкой, окованной натёртыми до блеска медными полосами, дверью, обернувшись к гвардейцам. Ну и ведунья вместе с ним.

— Ждите меня здесь, — тоном, не подразумевающим споров, заявил он. — Помешать нам никто не должен. Это приказ капитана императорской гвардии. Любая попытка проникновения за эту дверь приравнивается к покушению на особу императора. Все понятно?

— Дан, я не думаю... — начал Адин.

— Ты меня плохо расслышал? — голос Дана съехал на утробный рык. — Я сказал, это приказ.

— И ты, как обычно, за все будешь отвечать в одиночку? — фыркнул Шай и продемонстрировал не слишком приличный, но универсальный жест. При этом ещё и облизнулся совсем уж похабно. — А это видел?

Хаш-эду явно было что ответить — Адин не дал.

— Время, — негромко напомнил красавчик.

— Короче, вы меня слышали, — рявкнул напоследок рогатый.

И, не утруждая себя вежливым стуком, открыл дверь.

* * *

Помещение было странным. Больше всего оно походило на объединённую в одну лабораторию, библиотеку и личный кабинет. Вдоль одной стены верстаки с перегонным кубом, спиртовой горелкой, ретортами, чашами и пробирками. В углу — маленький горн с

торчащими в сторону мехами. И полки, плотно уставленные банками и пузырьками с притёртыми крышками. Пожалуй, такому оснащению позавидовал бы любой фармацевт или алхимик. Только вот обитый медью стол, вроде тех, которых в анатомических театрах использовали, в картину не вписывался.

Зато в противоположном углу все было мило, уютно и продуманно комфортно. Книжные шкафы, забитые фолиантами так, что дверцы не закрывались, кресло с высокой спинкой и скамеечкой для ног, массивный письменный стол. Камина не хватало. Впрочем, горн вполне мог его заменить.

Женщина-хаш-эд, стоявшая с книгой в руках возле стеллажа, обернулась на звук открывшейся двери.

Тьма, она действительно была красива. Но не девической прелестью, а вполне зрелой, уверенной в себе красотой взрослой женщины. И ещё в её лице было что-то такое, заставляющее немедленно склониться в поклоне и дожидаться приказаний.

Но Дан раскланиваться не стал. Просто встал у входа, довольно небрежно опершись спиной о стену. Причём Архе, за этой самой спиной и висящей, это ни малейшего неудобства не доставило.

— Нашли? — то ли спросила, то ли просто констатировала факт демонесса, захлопывая том.

— Ты же все так и рассчитала, чтобы мы нашли Шхара только сегодня, — голос у рогатого был спокойный-спокойный, как будто эти двое погоду обсуждали.

— Естественно, — усмехнулась красавица.

Она обошла стол и уселась в кресло. Изящно облокотилась, пристроив подбородок на пальцы с длинными, окрашенными алым, коготками. Женщина явно приготовилась к обстоятельному разговору.

— Я слушаю твои условия, — подал голос Дан.

— Вот так сразу? А поговорить? Раскрыть мои злодейские замыслы? — демонесса усмехнулась как-то очень знакомо.

— Прости, но меня время поджимает, Ишала.

— Предпочту, чтобы ты называл меня «матушкой». «Мамочка», по-моему, звучит слишком слащаво.

Арха едва собственной слюной не подавилась. Матушка? Вот эта красавица — мать Дана, по совместительству императрица? А, заодно, та стерва, которая Жизнь из своего сына сосёт? Как-то ведунья её себе по-другому представляла. Как именно, девушка и сама бы сказать не могла, но по-другому. Может быть, чем-то средним между мумией и скрюченной старухой?

— Впрочем, обойдёмся без родственных сюсюканий. Мы же с тобой демоны дела, верно? Да ты присаживайся, не стой столбом. Поговорить нам, все-таки, придётся, — она властно указала на кресло. — И, конечно, длительность, как и финал этого разговора, зависит от твоей покладистости. Естественно, если ты будешь хорошим мальчиком, то с твоей полукровкой ничего плохого не случится. Успеешь прискакать спасающим рыцарем. Не стерва же я, в самом деле, у сына игрушки отбирать?

Дан поколебался, но, все же, сел. Сложив руки на груди, понятно. Впрочем, Архе все происходящее тоже не нравилось.

— Вина, чая? Нет, не желаешь? — матушка рогатого ведунье нравилась ещё меньше, чем ситуация. — Ладно, к делу, так к делу. Я, все-таки, раскрою свой злодейский план. Для

того, мой дорогой сынок, чтобы ты со своими друзьями уяснил одну крайне простую истину. Не надо вставать на пути у тех, кто вас снесёт и не заметит.

— Можно поконкретнее?

Язвительности в тоне Дана могло быть и поменьше.

— Можно и поконкретнее, — не стала ломаться «матушка». — В ваши горячие и юные головы с какого-то перепуга пришла мысль, что мы с моим дорогим супругом на троне засиделись. Нет, я не утверждаю, что вы готовили заговор. Но вот в дела начали вмешиваться чересчур рьяно. А Адаш и вовсе всерьёз возомнил себя наследником. Знаешь, меня такой расклад совершенно не устраивает.

— А я-то думал, с чего это его император войсками командовать послал, — усмехнулся демон.

— Всё верно ты думаешь, — кивнула рогатой головой красавица. — У нас с моим дорогим мужем новая весна любви расцветает. И Нахшон по-прежнему прислушивается к советам своей горячо обожаемой и мудрой супруги. Рано вы меня со счетов списали, сосунки, ра-но.

— А ты не боишься, что я твои маленькие секреты раскрою? — вкрадчиво поинтересовался Дан, чуть наклонившись вперёд.

— Слабо, сынок. Даже, я бы сказала, жалко, — усмехнулась рогатая. — Допустим, ты заявишь, что твоя собственная мать — ведьма. И все мгновенно в это поверят? Зная, что ты с ведуньей как с писанной торбой носишься? Данаш, ты же такую бурную деятельность по её спасению развёл, что об этом только ленивый не судачит. Очнись, мальчик мой.

— Красиво, — оценил лорд, откидываясь на спинку кресла.

— Кто бы спорил. Вообще, люблю изящество и многофункциональность, — эта демонесса явно излишком скромности не страдала. — Как с этой шаверкой. Во-первых, козырь против твоих чересчур обширных знаний. Впрочем, это как раз во-вторых. А, во-первых, она богатый повод для шантажа. Но до этого момента мы ещё не дошли. Ты должен меня спросить, зачем мне нужно было организовывать спектакль с нападением на моего драгоценного супруга, дискредитировать тебя и устраивать комедию с обыском у Сареша.

Дан молчал, явно не собираясь ничего спрашивать.

— Не подыграешь, нет? — огорчилась красавица. — Актерствовать в одиночку не слишком комфортно. И, кстати, кто-то собирался быть послушным мальчиком. Ну, ладно, я мама добрая. Все это затеяно только для того, мой дражайший отпрыск, чтобы ты уяснил: я за ниточки дёргаю. Я, а не ты. И если ты это не воспримешь как единственно возможную истину, то будущее твоё станет очень печальным.

— А словами сказать нельзя было?

— А ты бы мне поверил? Ты же упрямый, как баран. Впрочем, земли Сареша мне пригодятся. Понимаешь, деньги — дело такое. Всегда нужны. Особенно когда такой махиной, как империя, управляешь. А купцам нужны гавани. Я им — гавани, они мне деньги. Кстати, спасибо, что территорию от оборотней освободили. Одну головную боль за меня решили. Да, ты ему там сообщи при случае, что разрешение на брак император дал. А в качестве свадебного подарка лишил твоего арифедата титула и имущества. И, прости, назад отыграть не получится. Мир да любовь молодожёнам.

— Ты не стерва, — процедил Дан сквозь зубы, — ты сука!

— Логично, — безмятежно отозвалась демонесса, — раз ты щенок, то я — сука. Кстати, дискредитировав тебя как капитана гвардии, я ещё и несколько рокировок провела. Извини,

что воспользовалась тобой без твоего ведома. Но ты же никогда не был против, верно?

— Теперь буду, не сомневайся.

— Ни минуты не сомневаюсь, — лучезарно улыбнулась императрица. — Но в этом плане ты мне больше и не нужен. А вот чуть позже пригодишься. Только — тс-с-с! — это пока секрет. Даже не проси, дальнейших своих планов я тебе не раскрою.

— Чтоб ты... — хаш-эд осекся, как будто фразой подавился. — Что ты от меня хочешь?

— Совсем немного. Чтобы ты делся куда-нибудь подальше. Месяцев шесть-восемь меня вполне устроят. Этого времени мне хватит, чтобы исправить все, что вы наворотили. А, заодно, укрепить собственные позиции. Ну, и напомнить остальным, кто тут правит. Потом можешь возвращаться, я не против.

Дан не колебался. Совсем. Даже на секунду не задумался. Встал, требовательно протянув руку.

— Что? — изумлённо приподняла брови демонесса.

— Приказ о помиловании.

— Так император должен сначала высочайшее прошение составить, а потом у верховного жреца подписать.

Лорд не шелохнулся.

— Какой ты нудный, — вздохнула рогатая, наклонилась, открывая ящик и, один за другим, вложила в ладонь сына два свитка. — Это помилование твоей полукровке. А это приказ о назначении тебя капитаном роты полка господина Ханшара. В распоряжение ты должен прибыть не позднее среды. Сегодня, кстати, понедельник.

— Последний вопрос, — Дан убрал свитки в карман камзола, но при этом смотрел он на мать. — За что ты меня так ненавидишь?

— За то, что ты сын своего отца.

Кукольно-гладкое лицо красавицы перекосилось, сморщившись в обезьянью рожицу. Но это длилось всего миг. Арха даже и не сказала бы — примерещилось ей или нет.

Отвечать императрице Дан не стал. Просто коротко кивнул, демонстрируя, что принял ответ к сведенью, и направился к двери.

— Да, совсем из головы вылетело, — «вспомнила» демонесса, когда лорд уже дверь открывал. — Помолвку-то с тобой Адаша расторгла. Такая хорошая девочка. Невероятно покладистая и понятливая. Можешь передать ей, что я довольна. Думаю, она тебя уже ждёт. Я заботливо предоставила вам шанс нежно попрощаться.

Рогатый снова кивнул и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, словно боялся расколотить её в щепки.

А в коридоре тоже было не скучно. У стены, прижавшись спиной к камню, как наколотая на булавку бабочка, стояла все та же Адаша в окружении четырёх Очень Злых Демонов. Адин даже не постеснялся приставить острие меча к её горлу.

Дан не то чтобы метнулся вперёд. Кажется, он просто переместился. Только что стоял у двери — и уже схватил золоторожку за горло, приподняв её над полом. Такого животного ужаса, какой плескался в глазах демонессы, Архе видеть ещё не доводилось.

— Помнится, я тебе должен, — прорычал рогатый. На самом деле прорычал — понять, что он говорит, удавалось с трудом. — Самое время требовать возвращение долга.

— Жизнь, — прохрипела Адаша, вцепившись в запястья демона, — жизнь... верни.

Хаш-эд отпустил её не сразу и с явной неохотой. Девушка рухнула на колени, прижимая ладони к помятому горлу и надсадно кашляя.

— Тьма свидетель, долг уплачен, — скрежетнул Дан, отступая на шаг. — Но лучше тебе самой повеситься.

— Вы мне все должны... Все просили спасти эту тварь...

Не смотря на душаций кашель, говорила золоторожка быстро. Припекло видимо.

— А ты, конечно, никому не отказала, — хмыкнул Шай и длинно, совсем не по-лордски сплюнул сквозь зубы. — Безотказная ты наша.

— Пойдём, — процедил Дан. — Время.

— Дан, ты не понимаешь... Я не могла ничего сделать! — Адаша уцепилась за его штанину, как утопающий за ветку. — Как отказать? Она же... А я... Я не могла!

— Убери руку, — стылмым голосом посоветовал хаш-эд. — И не попадайся мне на глаза.

В этот момент Арху дёрнуло, словно за шиворот, и мгновенно затянуло в чёрный водоворот.

*Дети мои, если вы боитесь потерять что-то — потеряйте.
И больше не бойтесь.*

Из проповедей странника Бэhora

Арха ударилась в собственное тело с разгона, как будто плашмя грудью в стену влетела. Даже дыхание перехватило. Зрение сузилось, словно она в тоннель смотрела. И на другом его конце высилась каменная трибуна посреди громадной квадратной площади. А на этом постаменте — сложенные срубом бревна и вязанки хвороста. Да ещё столб с безвольно повисшими кандалами, тёмным пальцем тычущий в небо...

Но не успела ведунья и моргнуть, как площадь от неё загородили. Деревянная решётка, в которую она вцепилась обеими руками, взорвалась, разлетелась даже не на прутья — на щепки. Лекарку подхватило, подняло в воздух. Демон стиснул девушку, прижимая, словно хотел втиснуть её в себя, спрятать внутри. Глаза цвета свернувшейся крови отгородили от Архи мир.

— Всё, — выдохнул он в волосы девушки, — всё закончилось.

В следующий миг площадь пропала, словно её тряпкой стёрли. Хаш-эд стоял в маленькой спальне с выскобленными добела простыми деревянными полами. И кроватью, накрытой лоскутным стёганым покрывалом. Пахло в комнате, как и прежде — лимонной натиркой и свежей сдобой. А в окно с частым переплётом ромбиками скреблась голая ветка с единственным, скрученным в жгутик листком.

Последний раз, когда Арха видела это окно и эту ветку, листья на ней были окрашены богатым осенним золотом.

Вот как раз после этой мысли ведунью и затрясло, как в жёсткой лихорадке.

— А где твоя кормилица? — лекарка едва сумела это выговорить сквозь выбивающие чечётку зубы.

— Здесь никого нет. И не будет.

Дан уложил девушку на кровать. Опёрся кулаками в подушку у висков ведуньи, нависнув темной громадиной. И молча смотрел на неё. Определить по каменной физиономии, о чем он думает было невозможно. Впрочем, как и всегда.

А Архе больше всего хотелось залезть под одеяло и согреться, наконец. Хотя, сначала можно и вымыться. Ведунье казалось, что от неё воняет, как от навозной кучи. Особенно от волос. И эта вонь была повсюду. Заплетённая монашками коса распустилась и грива, которой лекарка так гордилась, лезла в нос, как сгнившим мехом укрывала плечи.

Девушка попыталась одной рукой собрать шевелюру. Получилось неловко, а смрад только сильнее стал.

Дан, наконец, перестал изображать собой каменное изваяние. По-прежнему молча демон завернул ведунью в покрывало, как младенца, и просто вышел из комнаты. Не сказать, что лекарку это сильно расстроило. Эмоций, как и мыслей, в ней вообще осталось маловато. Ведунья даже сообразить не могла: реально происходящее или это ей всё только мерещится.

Сколько отсутствовал хаш-эд, Арха понятия не имела. Но он вернулся. Вытряхнул лекарку из кокона и просто разорвал на ней рубашку — от ворота и до самого подола. А

лохмотья швырнул в камин. Кстати, когда он его успел разжечь, ведунья тоже не поняла.

Толстая ткань поддавалась огню неохотно. Сначала она задымилась, потемнела, как бумага. И только потом маленькие, робкие ещё язычки огня лизнули комок, подсветив грубое переплетение изнутри. И вот тут с Архой что-то случилось. Она взвыла, дёрнулась, вырываясь из рук демона. Сухие, без слез рыдания забили горло, как ватой.

А потом ведунья поняла, что сидит в ванне, полной очень горячей воды и очень пушистой мыльной пены, которая почти невыносимо пахла розами. И этот тяжёлый маслянистый аромат забивал всё — даже тюремную вонь. А ещё над ней что-то щёлкало. И от этого щёлканья голова становилась лёгкой и как будто бы пустела.

— Что ты делаешь? — прокашляла Арха.

Абсолютно безумный и бессмысленный вой рвался из груди, распирает ребра.

Демон не ответил.

За спиной ведуньи звякнуло, потом полилось. Хаш-эд, едва прикасаясь к ней, вымыл лекарки голову, ставшую, кажется, раза в два меньше. Потом встал рядом с ванной на колени и жёсткой, почти как тёрка, мочалкой начал буквально сдирать с девушки кожу. Это было по-настоящему больно. Но становилось легче. Сумасшествие затихало, съеживалось.

Дан поднял Арху на ноги, окатил чистой водой и бережно промокнул раздражённую, облегчённо зудящую кожу. Вынул лекарку из ванны, поставив перед зеркалом. Потянулся через плечо ведуньи, протирая ладонью запотевшую поверхность.

— Посмотри! — приказал он.

Арха упрямо замотала головой, уставившись в пол.

— Посмотри! — повторил демон, без труда подняв её подбородок.

В зеркале отражалось... странное. Наверное, это все же была сама ведунья. Вот только шевелюра её куда-то подевалась, оставив вместо себя шапку намокших темных кудряшек. Глаза выглядели ещё больше, чем обычно. К сожалению, уши тоже. Но все вместе смотрелось довольно миленько. Но не будь ведунья уверена, что смотрится в зеркало, она не дала бы девчонке напротив себя больше 16 лет.

А за спиной этой малознакомой девицы стоял хаш-эд в насквозь мокрой, с закатанными до локтя рукавами, белой рубашке. И чёрная фигурка шаверки на его фоне смотрелась совсем хрупкой. Демон обнял ведунью за плечи, как будто укутал руками.

— Вот это реальность! — сказал он тихо. — А все остальное тебе приснилось. Поняла?

Арха отрицательно помотала головой.

— Сейчас объясним.

Он снова подхватил девушку на руки и...

И объяснил. Долго, старательно, подробно и очень убедительно. Пока силы не кончились, а перед глазами бархатным занавесом не заколыхалась Тьма. Но и тогда он не остановился, доказывая, что у них совсем другая, отличная от всех, реальность — одна на двоих. Доказывая до лавы, выжигающей вены. До жара, плавящего мышцы, кости в податливую глину. До искр в темноте.

Ведунья горела, сгорала, выгорала до пепла. Рассыпалась прахом во мраке и жила. С каждым судорожным вздохом — жила. С каждым стоном — жила. С каждым спазмом она жила, жила, жила!

И везде, кругом и внутри был он — Дан. Настойчивыми руками, требовательными губами, лихорадочным шёпотом, запахом сандала и лимонной воды. И большим горячим телом, которое вновь и вновь поджигало костёр.

А потом ничего кроме тьмы не осталось. Наверное, вес мир сгорел в этом пожаре, как бумажный городок. Оставив в мягкой ласковой бездне лишь её и его. Живых.

* * *

Идея, показавшаяся сначала такой заманчивой, упорно превращалась в кошмар. То, что задумывалось как гренки, просто обуглилось и мирно скончалось, пустив к потолку вонючий дымок. А пытаясь спасти горелые хлебные трупы, Арха схватилась за сковородку, которую тут же, естественно, и брякнула на пол. И только полоща обожжённую до волдыря ладонь в холодной воде, ведунья вспомнила, что гренки, кажется, жарят с добавлением масла.

С омлетом дело пошло чуть поживее. Ну, в самом деле, не считать же уроном всего-то одно яйцо, которое она расколотила не о край миски, а об стол? Правда, ещё и скорлупа в яичную жижуху попала. Но ведь многие любят блюда с хрустящей корочкой! И не принципиально, что хрустит вовсе не корочка. Главное, что хруст присутствует.

Конечно, омлет вышел не идеальный. Подозрительно жидкий, и с подозрительными хлопьями, плавающими на поверхности. Наверное, не стоило в сковороду воду подливать. Но, наученная горьким опытом с гренками, Арха решила не рисковать.

Зато чай получился что надо. И бутерброды с мёдом, украшенные веточками мяты, да ещё и ягодами малины из обнаруженного в кладовки варенья. Можно было бы ещё хлеб и конфитюром намазать. Но, во-первых, варенье изначально только дно банки покрывало. А, во-вторых, все, что имелось в наличии — кроме ягод, пущенных на угощение — Арха слопала. Она и проснулась-то голодная, как стая волков. А уж из-за переживаний, сопровождающих приготовление завтрака, желудок и вовсе взвыл дурниной.

— Чем это тут пахнет? — подозрительно принюхиваясь, поинтересовался Дан.

Ведунья может и не хотела, а залюбовалась им, стоящим на пороге кухни в расстёгнутой на гладкой груди рубахе. И с отблесками утреннего солнца на рогах.

Правда, любуясь, плиту она собой загородила.

— По плану, ты должен был проснуться позднее, — сообщила Арха.

— Н-да? — озадаченный демон поскреб ногтем затылок и ткнул большим пальцем куда-то себе за спину. — Мне пойти ещё поспать?

Кстати, с нечёсаными и мокрыми на кончиках после умывания волосами, лекарка любила его ещё больше. Оказывается, и такое возможно.

— Ладно уж, оставайся, — великодушно позволила Арха, — завтракать будем.

И попыталась незаметно заглянуть себе за спину — свежим критическим взглядом оценить приготовленный омлет. Критики блюдо явно не выдерживало.

Дан не менее критично разглядывал приготовленные бутерброды. И губы его при этом двигались очень странно. Как будто демон изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться.

— Ну, что не так? — насупилась ведунья.

— Все в порядке, — заверил её рогатый. — Просто у меня с детства аллергия на четыре вещи: омаров, мяту, малину и мёд. Вот я и думаю, где омары?

Он искоса глянул на Арху, потеряв костяшкой пальца кончик носа.

— Ты специально, да? — протянула разочарованная в лучших своих ожиданиях лекарка.

— Я? — изумился хаш-эд и, не выдержав, все-таки заржал. Как конь. — Я — да. Я

специально.

Посмеиваясь, он подхватил девушку под мышки, приподнял, звонко чмокнув её в нос, и усадил на табуретку. И сам присел рядом на корточки, заглядывая ей в лицо снизу вверх.

— Ты представить себе не можешь, какое ты чудо! — заверил он ведунью негромко.

Она хотела было ответить что-нибудь такое же растроганно-нежное, но вредный хаш-эд уже вскочил и направился к плите. И, естественно, уставился на сковородку.

— Это что? — поинтересовался демон, демонстрируя Архе её же творение.

Как будто она сама не могла догадаться, что он имеет в виду.

— Омлет, — призналась лекарка, надувшись.

— Кажется, в дальнейшем готовить придётся мне.

— А ты умеешь? — не без здоровой дозы яда поинтересовалась Арха.

— И даже на костре, — заверил её вредный рогатый, походя выбросив плоды почти часовых мучений и едва не по пояс скрывшись в кладовке.

Но ведунье было уже не до его кулинарных способностей. Слово «дальше», догнавшее её с запозданием, заставило сердце девушки испуганно ёкнуть. Хотя, вполне возможно, ёкнуло не сердце, а желудок. Так или иначе, ощущение показалось не слишком приятным.

— Дан, а что мы дальше делать будем? — спросила девушка, как будто бы не слишком и интересуясь ответом.

— Завтракать.

Арха едва сдержалась, чтобы не выдать нечто эдакое.

— Это-то понятно. Я имею в виду, в глобальном смысле. Тебе же в это... Как его? В расположение надо?

— Угу, — согласился вредный демон.

— А мне куда? — вызверилась ведунья, с голодухи не обладающая избытком терпения. — Обрато в свою квартиру? И дожидаться, пока ты обо мне изволишь вспомнить?

— А тебе — со мной, — сообщил хаш-эд, выныривая из кладовки с охапкой банок, пакетов и пучков трав. И — да, с корзиной, в которой ещё осталось с десятков яиц. — Тебе теперь всегда исключительно со мной. И это не обсуждается.

— На войну? — скептически уточнила Арха.

— На войну, во Тьму, к бесу на Кулички, — согласился Дан. — Естественно, войсками командовать я тебя не пушу. А то ты не только до Света довоюешь, но попутно всех с ума сведёшь. Но дело найду, будь уверена. И постоянно у меня под присмотром будешь.

Больше всего ведунье хотелось подойти к демону, деловито раскладывающему свою добычу на кухонном столе, и обнять его. А, может, и поцеловать. Или повиснуть на шее. Да пусть так и носит, кулончиком.

Только вот ещё один вопрос остался не до конца ясным.

— А... что с Адашей? — осторожно спросила лекарка.

— А что с ней? — вот теперь у хаш-эда тон стал совсем-совсем незаинтересованным.

— А у вас с ней... всё?

— Это у нас с тобой всё, — ответил рогатый, не соизволив даже обернуться. — А с ней у нас ничего нет, не было и, спасибо Тьме, не будет. Котёнок, я тебе сейчас один раз объясню. И не поднимай эту тему больше, ладно? Она до сих пор ещё живая только потому, что я ей должен был. За то, что она в гоне за Тхия вместо тебя участвовала. Что показательно, о том же, независимо друг от друга и, не сказав ни слова мне, её попросили

Ирраш, Тхия, Адин и Шай. Мы полные кретины, а она — молодец. В итоге, мы оказались в должниках. Она потребовала вернуть долг — её жизнь. Убить ни один из нас её не может. На этом всё.

— Понятно, — протянула Арха, во все глаза таращась на спину демона.

В общем-то, она и сама всё это поняла. Можно было обойтись и без подробных объяснений. И, по крайней мере, с точки зрения лекарки, данная тема совсем не стоила превращения ветчины в мелкий фарш. Но, наверное, говорить об этом, как и намекать демону на то, что такая активная работа ножом её пугает, сейчас не следовало.

— Данаш, а можно ещё один вопрос? — попросила Арха и быстро добавила. — Это не про... неё.

— Тогда хоть десять, — пожав плечами, разрешил рогатый.

— А как же твои дела? Карьера и всё такое? Получается, что ты всё из-за меня потерял?

— Нашла о чем волноваться, — демон глянул на ведунью через плечо, мельком улыбнувшись. — Сделал я карьеру один раз, сделаю и другой. Умнее буду. Вскипяти-ка чайник, остыл он. Сейчас быстренько поедим и надо выдвигаться. Дел, как всегда, по горло, а времени нет.

Арха кивнула, послушно выполняя указания. Про то, что будет с оставшейся Великолепной Четвёркой, она спрашивать не рискнула.

* * *

Как Дан не ворчал, а пришлось лекарке натягивать штаны — другой одежды в домике старой бесы для неё не нашлось. И сейчас девушку этот факт искренне радовал. Потому что в платье бы она точно заледенела, дожидаясь, пока рогатый Урагана оседлает. Холодный и сырой осенний ветер забирался даже под тяжёлый плащ, заставляя толпы мурашек маршировать по спине стройными рядами.

И когда рогатый, наконец, показался из-за угла дома, ведунья продрогла уже основательно.

— Замёрзла? Сейчас поедим, — заверил её демон.

И замер, уставившись Архе за спину. Ведунья недоумённо оглянулась... и оказалась прижатой носом к немалой женской груди. Так ещё и плечи девушки стиснули так, что лекарка невольно пискнула.

— Ну, ты зараза! — прогудела откуда-то сверху граха. — Ну, ты и... зараза! Убить тебя мало!

— Не надо, — придушенно просипела Арха, изо всех сил пытаясь обнять великаншу.

И чувствуя, как разом подступившие слезы щиплют нос. Обе девицы всхлипнули одновременно, как по команде отстранились и снова припали друг к другу, словно давно потерянные и неожиданно нашедшиеся родственники.

— Это что? — холодно поинтересовался Дан, явно имея в виду не активно шмыгающих подруг.

— Прощение о назначении меня лейтенантом в твою роту, — спокойно ответил Тхия. — Майор Ханшар его уже подписал. Так что, я... В смысле, мы отправляемся с тобой.

— С ума сошёл?

Судя по тону, хаш-эд действительно сомневался в сохранности рассудка рыжего. По

всей видимости, армия все же не была местом, в которое отправляются по доброй воле.

— А что ты мне предлагаешь? — не менее холодно поинтересовался арифед. — Звание лорда я потерял, в императорской гвардии служить не могу. Может, мне писарем устроиться?

Хлюпанье носом не помешало Архе заметить, что про университет и своё ректорство Тхия ничего не сказал. Вероятно, неожиданная тяга демона к службе была продиктована не только меркантильными соображениями.

— А университет?

Его лордство был не менее наблюдателен, чем ведунья.

— Сам подал прошение об отставке, — пожал плечами рыжий. — У меня глубокая душевная травма. Возможно, даже депрессия. Естественно, я не могу в таком состоянии исполнять свои служебные обязанности.

Дан молчал долго, исподлобья сверля арифедом взглядом. Рыжий был безмятежен, как майский полдень.

— Ну, а её-то ты куда тащишь? — кивнул в сторону Ю рогатый.

— Моя невеста — воин. Не смотря ни на что. И сама может решать, где, когда и с кем быть, — отрезал Тхия.

— Это — воин? — уточнил Дан, указав в сторону все ещё всхлипывающей грахи свёрнутой в трубку бумагой, которую ему Тхия всучил.

В ответ бывший лорд Сареш только решительно кивнул. А Дан, кажется, едва удержался, чтобы за голову не схватиться.

Впрочем, выдержки его хватило ненадолго. Ровно секунд на тридцать. То есть, до появления на дорожке, ведущей к калитке, Ирраша. Правда, за голову хвататься хаш-эд не стал, но ладонью по лбу все-таки хлопнул.

— У тебя тоже душевная травма, несовместимая с выполнением служебных обязанностей? — с любезностью, граничащей с издёвкой, поинтересовался рогатый.

— А ты думаешь, меня бы на посту капитана стражи оставили? — не менее любезно ответил шавер.

— И, естественно, другого применения своим талантам ты найти не мог?

— Естественно, — кивнул ушастый.

Арха готова была расцеловать чёрную морду. Но сдержалась, решив, что её могут понять не так.

А вот с Адином она сдерживаться не стала. Просто повисла у него на шее, от полноты чувств дрыгая ногами. Красавчик под таким напором даже покачнулся, но и сам удержался в вертикальном положении, да ещё и лекарку поддержал, чмокнув её в щеку. Дану же ивтор только приветственно ручкой помахал.

— Вы сговорились?! — бешеным быком проревел доведённый белого каления хаш-эд.

— Вообще-то нет, — заверил его Шай, опираясь локтями о калитку и пристраивая подбородок на сложенные ладони. — А следовало бы. Я так понимаю, что мы по одному тут являлись, как идиоты?

Архе очень хотелось спросить, почему как? И желание поинтересоваться у Дана, уверен ли он до сих пор, что эти «почему как» его поддерживают исключительно ради карьеры и дальнейших блестящих перспектив, было почти непреодолимым. Но она промолчала.

— Дан, — Шай поднял руку, останавливая готового разразиться гневной речью демона. — В некоторых ситуациях самое умное, что ты можешь сделать — это расслабиться

и получать удовольствие. Так вот, настоятельно рекомендую тебе расслабиться.

Рогатый обвёл мрачным взглядом стоящую перед ним толпу и остановился на Архе. Ведунья, выглядывающая из-под мышки Адина, закивала, полностью поддерживая предложение блондина. Хаш-эд тяжело вздохнул и махнул рукой.

— А, идите вы во Тьму!

— Мы тебя тоже очень любим, — заверил его Шай.

И с этим ведунья тоже была согласна безоговорочно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Справочник существ Света и Тьмы

Выдержки из справочника «Свет и светлые существа», выпущенного Императорским университетом г. Ахар (Империя Хаширана)

Арелимы или Истинные (Первые)

Считается, что именно они являются истинными порождениями Света и первыми вышли из него, став прародителями остальных видов арэлеев (самоназвание светлых). На данный момент Ар. являются верхушкой аристократической знати и военной элиты Империи Света (Арэйской Империи). Им же принадлежат наиболее крупные земельные владения. По традиции, Высшие Троны занимают также представители родов Истинных (на данный момент рода Хаалон, Саленель и Раакон).

Считается, что Ар., в принципе, бессмертны. Их можно убить с помощью оружия или специфических ядов. Кроме того, в последнее время они все больше подвержены различным заболеваниям. Но если исключить внешнее воздействие, то Истинные могут прожить сколь угодно долго.

Но рассказы об их вечной молодости — миф. Поскольку даже Ар. изначально являются порождением Жизни, их тела проживают положенный срок (обычно около 250–300 лет). Затем жизнь их постепенно покидает и остаётся только то, что дано Светом — истинная форма и разум. Как правило, телесная оболочка со временем стареет и уничтожается самим хозяином, т. к. согласно сложившимся устоям светлых старость и физические недуги в целом считается признаками слабости.

В этой особенности и заключается главная демографическая проблема данной расы. Их самцы сохраняют фертильность в течение первых 150–200 лет. Самки способны к деторождению примерно в течение такого же периода. Но за всю жизнь вынашивают одного, максимум двоих детёнышей. Многоплодные беременности среди Истинных — огромная редкость.

Ар. отличаются физической силой, ловкостью, они непревзойдённые бойцы и фехтовальщики. Кроме того, большинство из них обладают так называемым даром Света — магическими способностями, для которых не требуются заклинания, обряды, амулеты и другая атрибутика для аккумуляции и фокусирования силы. Они не зависят от стихии, а оперируют напрямую со Светом. Но сила «дара Света» индивидуальна, у одних она выражена сильнее, чем у других.

Характерной чертой Ар. является вспыльчивость, нетерпимость, индивидуализм и крайний эгоцентризм. Но в их среде считается дурным тоном демонстрировать свои эмоции. Поэтому повсеместно бытует мнение, что Истинные крайне выдержаны и не способны испытывать какие-либо чувства.

Внешние отличия. Самым ярким внешним отличием Ар. являются крылья, которые они могут материализовать в так называемой промежуточной форме (средняя между обычной и истиной). Они различаются по размеру и окраске перьев. Кроме того, у большинства Истинных глаза не имеют видимого различия между радужкой и белком, а всё глазное яблоко окрашено оттенками синего или голубого. Как правило, Ар. отличаются

невысоким ростом, достаточно тонким костяком, но прекрасно и пропорционально развитой, мускулатурой.

Истинный облик. В истинном облике тело Ар. увеличивается в объёмах примерно в два раза (крылья увеличиваются пропорционально). Внешность их разглядеть сложно, так как источаемая ими аура начинает пылать навроде огненной и её белое сияние нестерпимо даже для демонических глаз.

Ишимы или Вторые

Именно Иш. являются реальными потомками арелимов. Данный вид появился вследствие связей Истинных с представителями других рас. Наиболее вероятно, что второй линией, породившей Иш., были либо офанимы, либо малахимы. Но сейчас все большую популярность приобретает теория, согласно которой данный вид порождён арелимами и людьми, хотя сами Истинные такую возможность отрицают.

Многие семьи Иш. являются побочными линиями, а то и младшими ветвями высших родов арелимов. Однако эта раса считается второй по уровню политического и экономического влияния в империи. Больше всего Иш. привлекают высшие чиновничьи должности и посты. Но поскольку именно в армии быстрее и проще сделать карьеру, то в последнее время молодые иш. Все чаще стремятся занять военные посты.

Физически эта раса одарена немногим хуже, чем их прародители. Кроме того, они часто отличаются внешней привлекательностью. А вот магические способности у них проявляются крайне редко. И по имеющимся данным ни один Иш. не обладает «даром Света».

Не унаследовал от предков данный вид и «бессмертия». Хотя их продолжительность жизни весьма велика — до 400 лет. Половой зрелости Иш. достигают к 20–25 годам.

Эмоциональные черты эти светлые также в полной мере унаследовали от своих предков. И всячески стараются копировать их поведение и психо-эмоциональные характеристики.

Внешние отличия. Как и у Истинных, у Иш. в промежуточной тоже присутствуют крылья. Но они гораздо слабее и меньше. Иш. неспособны к полноценному полёту — только планированию наподобие летучей мыши. Глазное яблоко имеет однородную окраску, часто совсем неестественных цветов, например, чисто фиолетовый или изумрудный.

Истинный облик. Форма, данная Светом, у Иш. мало отличается от облика арелимов. Различия заключаются лишь в меньших размерах и более низкой интенсивности свечения.

Выдержки из справочника «Тьма и тёмные существа», выпущенного Императорским университетом г. Солинар (Империи Света)

Хаш-эды или Истинные (Первые)

Считается, что именно они являются истинными порождениями Тьмы и первыми вышли из неё, став прародителями остальных видов демонов. На данный момент X-эд.

являются верхушкой аристократической знати и военной элиты Империи Тьмы (Хашранской Империи). Им же принадлежат наиболее крупные земельные владения. По традиции, императорский трон также занимают представители родов Истинных (на данный момент род Итварон).

Считается, что Х-эд., в принципе, бессмертны. Их можно убить с помощью оружия или специфических ядов. Кроме того, в последнее время они все больше подвержены различным заболеваниям. Но если исключить внешнее воздействие, то Истинные могут прожить сколь угодно долго.

Но рассказы об их вечной молодости — миф. Поскольку даже Х-эд. изначально являются порождением Жизни, их тела проживают положенный срок (обычно около 250–300 лет). Затем жизнь их постепенно покидает и остаётся только то, что дано Тьмой — разум и телесная оболочка, не способная к регенерации. Именно поэтому некоторые представители этого вида похожи на мумий.

В этой особенности и заключается главная демографическая проблема данной расы. Их самцы сохраняют фертильность в течение первых 150–200 лет. Самки способны к деторождению примерно в течение такого же периода. Но за всю жизнь вынашивают одного, максимум двоих детёнышей. Многоплодные беременности среди Истинных — огромная редкость.

Х-эд. отличаются физической силой, ловкостью, они непревзойдённые бойцы и фехтовальщики. Кроме того, большинство из них обладают так называемым «даром Тьмы» — магическими способностями, для которых не требуются заклинания, обряды, амулеты и другая атрибутика для аккумуляции и фокусирования силы. Они не зависят от стихии, а оперируют напрямую с Тьмой. Но сила «дара Тьмы» индивидуальна, у одних она выражена сильнее, чем у других.

Характерной чертой Х-эд. является вспыльчивость, нетерпимость, индивидуализм и крайний эгоцентризм. Но в их среде считается дурным тоном демонстрировать свои эмоции. Поэтому повсеместно бытует мнение, что Истинные крайне выдержаны и не способны испытывать какие-либо чувства.

Внешние отличия. Самым ярким внешним отличием Х-эд. являются рога. Они различаются по цвету, форме и размеру. Кроме того, у большинства Истинных радужка глаза окрашена оттенками алого или оранжевого цвета. Нередко и белок имеет такую же розоватую или красноватую окраску. Как правило, Х-эд. отличаются высоким ростом и атлетическим телосложением.

Истинный облик. В истинном облике тело Х-эд. увеличивается в объёмах примерно в два раза. Появляются крылья, с помощью которых они могут парить или перепархивать на небольшое расстояние. Когти (как на руках, так и на ногах) так же увеличиваются. Рога могут изменить свою форму, становясь полноценным оружием. Лицо деформируется, делаясь похожим на морду летучей мыши.

Исторы или Вторые

Именно Ивт. являются реальными потомками хаш-эдов. Данный вид появился вследствие связей Истинных с представителями других рас. Наиболее вероятно, что второй линией, породившей Ивт., были либо арифеды, либо ифоветы. Но сейчас все большую

популярность приобретает теория, согласно которой данный вид порождён хаш-эдами и людьми, хотя сами Истинные такую возможность отрицают.

Как бы то ни было, но многие рода Ивт. считаются побочными линиями родов хаш-эдов. В некоторых гербах до сих пор сохранилась «bend sinister» — лента, указывающая, что начало роду дал бастард. Однако эта раса считается второй по уровню политического и экономического влияния в империи. Больше всего Ивт. привлекают высшие чиновничьи должности и посты, в армию они идут неохотно.

Физически эта раса одарена немногим хуже, чем их прародители. Кроме того, они часто отличаются внешней привлекательностью. А вот магические способности у них проявляются крайне редко. И по имеющимся данным ни один Ивт. не обладает «даром Тьмы».

Не унаследовал от предков данный вид и «бессмертия». Хотя их продолжительность жизни весьма велика — до 400 лет. Половой зрелости Ивт. достигают к 20–25 годам. Интересный факт: по внутренним (негласным) законам этой расы, самец становится совершеннолетним только к 50 годам.

Эмоциональные черты эти демоны также в полной мере унаследовали от своих предков. И всячески стараются копировать их поведение и психо-эмоциональные характеристики.

Внешние отличия. Как и у Истинных, у Ивт. тоже присутствуют рога. Точнее, небольшие сферические рожки на лобной части черепа. Помимо этого, радужка этих демонов часто окрашена в самые невероятные цвета, например, чисто фиолетовый или изумрудный.

Истинный облик. Форма, данная Тьмой, у Ивт. мало отличима от облика хаш-эдов. Различия заключаются лишь в меньших размерах и отсутствие рогов, как полноценного оружия.

Арифеды

Ар. считают первой, относительно удачной, попыткой Истинных обмануть собственную природу, подаренную им Тьмой. С помощью этой расы хаш-эды хотели обойти такую свою особенность, как конечность Жизни в себе. Вследствие евгенических опытов и селекции, они вывели эту, Равновесием проклятую, породу. За что и поплатились.

Учёные мужи по сию пору спорят, считать ли этих созданий живыми. Они рождаются и способны к размножению. Но существование их длится только до тех пор, пока они поглощают энергию Жизни извне, так как своей собственной у них нет. При этом питаться они предпочитают либо детьми Богини, например, людьми. Либо порождениями Света. Кровь темных для них является ядом.

Получают так необходимую им энергию Ар. посредством кровососания. Поскольку эти создания начисто лишены какой бы то ни было магической силы, так необходимую им Жизнь они способны выделить только естественным путём, вычлняя её из кровяных составляющих в процессе переваривания. Эта особенность и обеспечивает им неограниченный (теоретически) срок существования.

В силу исторически сложившейся ситуации, Ар. лишены серьёзного влияния в Империи. Вхожест в высшие аристократические слои они восстановили относительно недавно — всего примерно 200 лет назад. И с тех пор мечтают вернуть своё былое

могущество. Но хаш-эды, опасаясь повторения прошлых ошибок, тщательно контролируют собственное чудовищное порождение.

Внешние отличия. Ар., как никто из демонов, схожи обликом с человеком (возможно, что такая похожесть и не случайна). Они бледнокожи. У них легко заметить знаки родового вырождения: тонкий костяк, удлинённые черты лица, яркие наследуемые признаки (родимые пятна, дополнительные пальцы на конечность, многососковость и т. д.), что говорит о вырождении расы в целом. Клыки на верхней и нижней челюсти удлинены и заострены. Но, не смотря на распространённые мифы, для кровососания ар. их не используют.

Истинный облик. Эти демоны в своём истинном обличье отличаются крайней худобой. При виде их можно подумать, что мышц они вовсе не имеют — лишь костяк, покрытый иссушенными кожными покровами. Но, не смотря на это, их физическая сила удваивается. В темной форме они обретают крылья, удобные для планирования и, даже, способны взлететь. Морда плоская, череп схож по своему строению с собачьим. Клыки Ар., наравне с когтями, являются куда более страшным оружием, чем схожие атрибуты хаш-эдов.

Ифоветы

Еще одни искусственно созданные Истинными существа. В экспериментах с выведением данной породы, хаш-эды пытались решить собственную демографическую проблему. Вследствие попытки обмануть и Тьму, и Жизнь, появились эти похабные, развращённые сверх всякой меры демоны.

Продолжительность жизни данного вида схожа с ивторами — до 350–400 лет. Что косвенно свидетельствует об их сродстве. Иф. крайне плодовиты и обычно имеют потомство не менее чем в 5 детёнышей.

Они хитры и умны, поэтому среди Иф. даже почтенных и старинных родов, немало купцов и иных дельцов. Они имеют немалое влияние в экономической жизни Империи. А вот политическая карьера их привлекает редко. Но молодые демоны отличаются легкомысленностью, часто немотивированно агрессивны и озабочены только развратом всяческого вида и форм. Поэтому в элитных армейских подразделениях юных Иф. немало.

Несмотря на всю свою внешнюю распущенность, Иф. крайне закрытая и таинственная раса. Об укладе их жизни внутри родов известно крайне мало. Считается, что они предпочитают проживать большими родовыми общинами.

Многие молодые особи данного вида в возрасте 25–35 лет покидают род, для того чтобы сделать карьеру в армии или при дворе (самки). Но, как правило, остепенившись, они возвращаются, дабы заняться более серьёзными и приличествующими взрослым демонам делами.

Внешние отличия. Иф. имеют крайне привлекательный облик. Бытует мнение, что их организм способен вырабатывать особые вещества, влияющие на половую возбудимость. Причём, данные вещества воздействуют вне зависимости от вида, расы или пола. Поэтому, развращённость данных демонов опасна для всех живых существ. Кроме того, кончик их языка раздвоен, а суставы и сочленения костяка крайне подвижны. Об особенностях строения половых органов см. в «Анатомический атлас демонов».

Истинный облик. Иф. те немногие демоны, которые в тёмном обличии не

увеличиваются, а уменьшаются в размерах. Их можно с чистой совестью отнести к классу рукокрылых. Но ноги почти не подвергаются изменениям. Иф. орудуют ими как дополнительными, полноценными, хватательными конечностями. Эти демоны становятся похожи на летучих лис, с довольно опасными клыками. Иф. в истинной форме крайне быстры и проворны.

Шаверы или Боевые коты хаш-эдов

Ш. не являются демонами в полном смысле этого слова. Изначально они были животными, обитающие во Тьме. Ш. не имели разума, но надо заметить, что и сейчас многие учёные мужи заявляют, что за полноценный разум мы принимаем псевдоразумность, как у хорошо выдрессированных собак. Так или иначе, но до их приручения Ш. считались наиболее опасными хищниками в Бездне.

Этого качества они не утратили и по сей день. Они сильны, ловки, подвижны и крайне агрессивны. При этом зачастую, Ш. расчётливы, являются прекрасными тактиками и стратегами. Поэтому неудивителен тот факт, что Ш. склонны к карьере в армии и нередко занимают там ведущие посты. Но, по случайности или нет, рядом с успешным Ш. всегда оказывается предприимчивый хаш-эд.

Ш. живут большими родовыми общинами. Их внутренний уклад наиболее патриархален. И не редко нарушает действующие законы Империи. Так, например, у данного вида демонов распространено многожёнство (что подтверждает их «животный» менталитет) и рабовладение.

Продолжительность жизни Ш. невелика — 200–250 лет. При этом самки живут примерно в половину меньше, чем самцы. Бытует мнение, что Ш. сами уничтожают женских особей, не способных к деторождению. Но документального подтверждения данная теория не нашла. Котят (так Ш. сами называют своих детёнышей) у самца бывает до 10 и более. Но до половой зрелости не доживает и половина.

Но одного у Ш. не отнять. Они крайне преданы Империи. И, не смотря на то, что амбиции отдельных представителей этой расы весьма велики, Ш. непреложно соблюдают два наложенных на них хаш-эдами ограничения. В своих майоратах они не строят укреплений и не набирают собственных армий.

Внешние отличия. Как и все существа, порождённые Тьмой, Ш. имеют очень характерные отличительные признаки. Они темнокожи — оттенки варьируются от глубокого чёрного до коричневого. Глаза большие, миндалевидные, жёлтого или жёлто-зелёного оттенков. Строение зубов имеет сходство с кошачьими.

Истинное обличье. В темной форме Ш. напоминают котов, лишённых шерсти. Они сильны, быстры и очень проворны. Их когти являются поистине смертельным оружием. Крайне опасны!

Грахи

Истинное происхождение грахов покрыто завесой тайны. Одно время считалось, что они и не демоны вовсе, а порождения Жизни. Но ряд проведённых учёными мужьями

опытов доказал: подобные суждения ошибочны. Как и мнение, что Гр. — потомки арифедов. Скорее всего, эти демоны являются плодов мерзких экспериментов хаш-эдов и получены Гр. Были путём скрещивания Истинных и детей Жизни (например, обратной).

Гр. расселены исключительно по северо-западному побережью империи. Предпочитают проживать небольшими семейными общинами, которые называют «родами», присовокупляя к названию тотемное животное (хотя языческих верований официально и не придерживаются). Ведут крайне патриархальный и примитивный (общинно-родовой) уклад жизни. У данного вида демонов также распространено многожёнство, что объясняется суровыми условиями выживания и заботе о потомстве.

Продолжительность жизни Гр. невелика — 150–200 лет.

Данная раса весьма обособлена, не признает законов Империи (хотя Гр. стараются и не нарушать их). Тесно общаются исключительно с арифедами, даже заключают с ними династические союзы.

Внешние отличия. Гр. отличаются очень высоким ростом и габаритными фигурами. У них мощный костяк и очень развитая мускулатура. Кожные покровы имеют характерную бледность, а волосы и радужка глаз крайне светлая, почти белая. У мужчин черты грубые и резкие, женщины обладают более приятной внешностью.

Истинное обличье. В темной форме Гр. внешне практически не меняются. Только увеличиваются в объёмах примерно в 1,5 раза. А сила их умножается многократно.

Мельхольмы

М., как и шаверы, не являются демонами в полном смысле этого слова. Изначально они были животными, обитающими во Тьме. Хаш-эды вытащили этих мерзких существ, надеясь, что они послужат пищей для арифедов. Т. к. в Бездне М. были мелкими хищниками, добычей для более крупных агрессоров (тех же шаверов). Эксперимент не удался, и М. постепенно эволюционировали.

В иерархии Темной Империи стоят несколько выше бесов только потому, что у них есть истинный облик. Поскольку они не отличаются ни чрезмерным умом, ни силой, М. обычно занимают не слишком почётные должности, становясь офицерами низшего звена или чиновниками средней руки. Но многие из них вовсе на государственной службе не состоят, предпочитая проживать в своих поместьях, ведя размеренную жизнь земельных рантье.

Но не стоит недооценивать их опасность! М. внешним обликом схожи с ишаимами и обывателю непросто отличить одного от другого. Несколько столетий назад они предприняли попытку «тихой экспансии» и фактически заселили территории Зеленодола и устья р. Тихой (р. Лаера). После того как Высший Трон раскрыл их гнусную натуру, в этих районах открылся новый фронт войны с Тьмой.

М., не смотря на свою демоническую сущность и незначительность, можно назвать наиболее цивилизованными из темных. Они чтят законы, стремятся дать своим детям достойное образование, отличаются крайне гибким мышлением и склонны блюсти нормы морали (следствие временной ассимиляции с арэляями).

Имеют среднюю продолжительность жизни — примерно 350–400 лет. Плодовиты, но осмотрительны. После образования пары (брака) не заводят более 3–4 детёнышей. Как правило, пары их устойчивы и партнёры остаются вместе до момента ухода во Тьму.

Внешние отличия. Как уже было сказано, облик М. очень схож с ишаимами. Самой характерной чертой являются глаза без видимого отличия белка от радужки. Глазное яблоко имеет однородную окраску, но не синего или голубого, а тёмного (темно-карего, темно-орехового, темно-вишнёвого) цветов. Кроме того, они несколько смуглее и их кожа имеет оливковый оттенок.

Истинное обличие. В темной форме Ш. напоминают очень крупных крыс, лишённых хвостов. Они достаточно сильны, быстры и проворны. Их когти наносят болезненные, трудно заживляемые рваные раны. Слюна содержит токсины со слабым паралитическим действием.

Тахары или Каменные воины

Ещё одно порождение Тьмы. Учёные мужи до сих пор спорят, являются ли Т. живыми существами, либо же их нужно считать физическими объектами, «псевдооживленцами», подобие жизни в которые вдохнули с помощью так называемого «дара Тьмы» хаш-эды.

О Т. известно крайне мало. Они немногочисленны и их встречали только в личной охране лиц, приближенных к императору. Женских особей не видел никто и никогда. Все сообщения о встречах с ними впоследствии оказывались фальшивкой.

Внешне они производят впечатление хотя и невероятно сильных, но неповоротливых и тугодумных созданий. Но, по некоторым данным, это впечатление обманчиво.

Внешние отличия. Т. отличаются непомерно габаритными фигурами с ярко выраженной мускулатурой. Черты их лиц грубы: низкий лоб, широкие скулы, глубоко посаженные глаза.

Истинный облик: неизвестен. Нет подтверждения тому, что Т. им вообще обладают.

Бесы

Бесы — это отдельная раса темных созданий, насчитывающая более 1000 видов. Они отличаются не только внешним обликом и физическим строением, но и укладом жизни. А, порой, даже языком.

Первые Б. вышли из Тьмы вместе с хаш-эдами. С тех пор разнообразие видов этих существ увеличилось за счёт смешанных, в том числе и с демонами, связей. На данный момент население империи на 2/3 состоит именно из Б. Таким образом, они являются основными жителями государства. И их стоит рассматривать как отдельных существ, а не в контексте с остальными демонами.

notes

Анафилактический шок или анафилаксия (от др. — греч. *ἀνά*- «против-» и *φύλαξις* «защита») — аллергическая реакция немедленного типа.

Случай описан в первой книге данной серии.

Адюльтер — супружеская измена.

Толокнянка или «медвежьи уши» — диурéтическое (мочегонное) средство.

Галью́нная фи́гура (носовая фигура) — украшение на носу парусного судна.

Мамка (жарг.) — сводница, содержательница борделя, сутенёрша.

Шаверится — авторство термина принадлежит Ирине Полонской.

Пáлочник, или листови́дка — насекомое, своим внешним видом напоминающее сучок или сухую веточку.

Клавесин (от фр. *clavecin*; итал. *cembalo*, *clavicembalo*; англ. *harpsichord*) — клавишный струнный музыкальный инструмент, напоминающий пианино.